ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(г. Вильнюс)

О. А. Даниленко

ЯЗЫК КОНФЛИКТА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ:
от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2007 г.

УДК 316.48
ББК 60.5
Д18

Рекомендовано к изданию решением
Ученого совета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина
(протокол № 6 от 26 мая 2006 г.)

Рецензенты:
Лозовой В.А., зав. кафедрой культурологии Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого, доктор философских наук, профессор;
Попова И.М., профессор кафедры социологии института социальных наук ОНУ им. И.И. Мечникова, доктор философских наук;
Хижняк Л.М., профессор кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, доктор социологических наук

Даниленко, О. А.
Д18 Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 404 с.

ISBN 978-9955-9878-5-7.

В книге представлены основные результаты разработки лингвоконфликтологической концепции и возможности ее реализации при социологическом измерении конфликтного потенциала социокультурных идентичностей в Украине. Лингвоконфликтологический подход к исследованию проблемы идентичности позволяет рассматривать в качестве ключевого понятия «язык конфликта», который выступает в двух аспектах: как средство коммуникации и как средство интерпретации.

Осуществление лингвоконфликтологической экспертизы в рамках социологического исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья» позволило сформировать на основе углубленных проблемно-ориентированных интервью коллекцию кейсов, в которых через лингвистические характеристики языка конфликта (а порой и языка согласия) фиксируются идентичности. В монографии представлены основные элементы программы социологического исследования и некоторые из результатов, связанные с изучением языка конфликта как средства интерпретации. Кроме того, представлены карты метаязыка конфликтов студентов вузов Харькова и Львова.

УДК 316.48
ББК 60.5

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-9878-5-7

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Социальные изменения всегда ведут к пересмотру истории: изменение оценок, акцентирование внимания на тех или иных событиях, введение новых «персонажей», превращение героев в антигероев и наоборот, переименования и др. Все эти механизмы известны еще с древности. И можно сказать, что все определяется властью и идеологией. И точка. Но только ли идеологией? Может, все-таки многоточие?..

С одной стороны, социальные институты общества (в частности, институт образования, средства массовой информации и др.) конструируют историю, являясь преимущественно ретрансляторами легитимного дискурса, детерминированного доминирующей идеологией. С другой стороны, на уровне повседневных практик фиксируется пересечение различных дискурсов, поскольку накладывает отпечаток и устная история, ретранслируемая посредством института семьи, и другие источники формирования представлений о тех или иных событиях, которые могут содержать иную оценочную позицию по отношению к ключевым историческим фактам (или мифам о них?). «Конструирование» новой истории является фактором, существенно влияющим на конструирование новых идентичностей. Насколько сильно это влияние и как взаимодействуют образовательный и повседневный дискурсы – предстоит ответить в ходе исследования. В условиях Пограничья это приобретает особое значение, так как в официальном дискурсе на смену истории СССР пришли истории отдельных государств (России, Украины, Беларуси, Молдовы и др.), которые существенно отличаются от прежней истории и друг от друга.

Поиск ответов на эти вопросы осуществляется через разработку лингвоконфликтологической концепции, центральным понятием которой является «язык

конфликта». Посредством выявления характеристик языка конфликта в трансформирующемся обществе определяется конфликтный потенциал формирования новых идентичностей в Украине. Каким образом это осуществляется, какие методологические принципы лежат в основе исследования и как они операционализируются на уровне методов и методик социологического измерения? Поиск ответов на эти вопросы и результаты этого поиска, а также вариант лингвоконфликтологического измерения процесса формирования новых идентичностей в условиях Пограничья представлены в монографии «Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей».

Характеристики языка конфликта не рассматриваются в современной социологической литературе в качестве специального предмета изучения, однако ряд предпосылок для изучения проблемы языка конфликта содержится в различных областях социогуманитарного знания: в лингвистике и социолингвистике [1, 2, 3], лингвокультурологии [4, 5, 6], в этнографии и этнологии [7], а также в когитологии [8] психологии [9] и семиосоциопсихологии [10, 11], в ряде исследований в русле качественной социологии [12, 13].

Анализ работ в области прикладной конфликтологии показывает, что в описаниях технологий управления социальными конфликтами проблема языка конфликта присутствует лишь косвенно, преимущественно при освоении переговоров как средства решения конфликтов и, как правило, применительно лишь к межличностным коммуникациям, без рассмотрения возможности их включения в социальные технологии.

Своеобразие проявления конфликтности в трансформирующемся обществе [14], особая роль «повседневных идеологий» в переходном обществе [15], специфические языковые изменения, связанные с посткоммунистическими преобразованиями [16], кризис идентичностей и методологические проблемы измерения идентичностей (фиксируемые в работах [17, 18] и др.), а также взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций [19], ценностных ориентаций общества и различных текстов (фиксируемая, в частности, посредством контент-анализа средств массовой коммуникации [20]) подчеркивают необходимость социологического изучения языка конфликта в условиях социальных преобразований.

Ключевой проблемой является поиск таких методов, методик и техник получения текстовой информации и практик ее конфликтологической интерпретации, которые позволят зафиксировать в этих текстах и живую ткань повседневности, и влияние различных институциональных структур. Анализ научной литературы показывает, что если на уровне влияния социальных институтов имеются социологические исследования, созвучные проблематике «языка конфликта» (например, влияние средств массовой информации и анализ «языка вражды» [21]), то на уровне анализа повседневных практик с точки зрения специфики языка конфликтных процессов эта проблема является практически не исследованной социологами.

В центре внимания – процессы в современной Украине и характеристики языка конфликта в условиях современных социальных изменений. Украина рассматривается как Пограничье. С одной стороны – как часть пограничья Центрально-Восточной Европы, т.е. «прежде всего, западная часть бывшего СССР, которая находится в зоне притяжения как европейского, так и постсоветского (евразийского) пространства [22], что определяет противоречивость происходящих трансформационных процессов. Концептуализация понятия Пограничья, которая принята и в этой книге, представлена, в частности, в работах [22, 23], где Пограничье рассматривается как пространство особого цивилизационного, политического, экономического и культурного взаимодействия. С другой стороны, Пограничье в широком смысле – это пространство, в котором трансформируются культурные образцы, нормы поведения, система ценностей, повседневные практики в связи с происходящими посткоммунистическими преобразованиями, и в этом смысле восприятие Пограничья во многом связано с преодолением «коммунистической травмы» и «посткоммунистической травмы» [24, 25].

Как измерить конфликтный потенциал социальных трансформаций в современной Украине? Как определить векторы социальных изменений? Эти вопросы являются сегодня актуальными, и в современной научной литературе предлагаются различные способы их решения. Обращение к «языку конфликта» трансформирующегося общества – один из таких вариантов. В монографии определяются перспективы применения этого понятия как ключевого конструкта лингвоконфликтологической концепции.

Первый раздел книги посвящен обоснованию необходимости исследования языка конфликта и актуальности разработки лингвоконфликтологического метода для решения ряда методологических проблем социологического измерения конфликтов в русле качественной социологии. Обозначаются перспективы разработки лингвоконфликтологической концепции, позволяющей решить ряд методологических проблем социологического измерения, предлагаются варианты лингвоконфликтологической интерпретации проблемы конфликта, проблемы идентичностей и проблемы социальных изменений. Обосновывается особое значение при исследовании механизмов формирования идентичностей системы «конструирование истории» – «конфликт интерпретаций» – «конструирование идентичностей».

Язык конфликта – метафора или исследовательский код? Почему важно обратиться к исследованию языка конфликта? Можно ли через изменения языка конфликта зафиксировать тенденции социальных изменений? Как в языке конфликта маркируются «свои» и «несвои», как выражается мобилизационный конфликтный или солидаризирующий потенциал, готовность объединяться и сотрудничать с одними или же отмежеваться и конфликтовать с другими индивидами, социальными группами, общностями? Как это проявляется на уровне социальных институтов общества, а как – на уровне правил и практик повседневного поведения? Все эти, а также многие другие вопросы рассматриваются во **втором разделе** книги. Выявляются характеристики языка конфликта в трансформирующемся обществе, предлагаются варианты операционализации лигвоконфликтологической концепции на уровне методов, методик и технологий конфликтологической экспертизы, описываются основные сущностные элементы лингвоконфликтологической модели комплексной конфликтологической экспертизы в исследовании «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья».

Третий и **четвертый разделы** монографии посвящены интерпретации эмпирических данных, полученных в результате проведения комплексного лингвоконфликтологического исследования, которое является вариантом преломления лингвоконфликтологической концепции к измерению конфликтного потенциала идентичностей в условиях Пограничья.

Исследование, которое лежит в основе написания третьего и четвертого разделов, является авторским, в нем реализуются основные принципы разработанной лингвоконфликтологической концепции. Сравнение результатов контент-анализа учебников истории СССР, России, Украины, Беларуси и результатов лингвоконфликтологической интерпретации материалов углубленных проблемно-ориентированных интервью, проведенных в рамках исследования в Харькове, Львове, Киеве и в Крыму в период с октября 2005 по март 2006 г., стало основой формирования представлений о характеристиках языка конфликта как средства интерпретации. В текстах интервью отображаются как особенности восприятия легитимного дискурса на уровне повседневных практик, так и различные сюжеты, фиксирующие особенности формирования и конструирования идентичностей под влиянием пересечения различных дискурсов, порождающих конфликт интерпретаций и определяющих формирование и влияющие на трансформацию иерархии ценностей. Это и сюжеты, связанные с восприятием событий истории в различных учебниках в различное время, и сюжеты устной истории, и варианты «опривычивания» легитимного дискурса, а порой и сопротивления ему.

Выбор темы не был случайным. Несколько сюжетов моей личной биографии также непосредственно связаны с проблематикой исследования, как и сюжеты, отображенные в кейсах, коллекцию которых удалось сформировать благодаря проведению комплексного лингвоконфликтологического исследования. Первый сюжет: мой дедушка рассказывал о том, как в годы его детства, в 1930-е гг., когда почти каждый день «герои» превращались в «антигероев» и «врагов народа», его учительница, приходя на урок, говорила, какую страницу учебника с каким портретом нужно вырвать из книги. Это поразило меня. Кроме того, дедушка собирал учебники разных лет и проявлял большой интерес и к моим школьным учебникам 1980-х гг., предваряя их просмотр фразой: «Ну, что на этот раз врут?» «Вот, – говорит, – смотри, фотография: как все радостно в колхоз записываются, в очередь. А на самом деле никто идти туда не хотел». И в разгар «классического» периода застоя у меня зародилось сомнение в объективности официальной истории, интерес к истории не исчез, но уже тогда возникло желание сравнивать различные источники информации.

Второй сюжет (это, в общем-то, даже и не совсем сюжет, скорее особенности биографии). Во время учебы в Харьковском авиационном ин-

ституте я изучала историю КПСС, а потом, буквально два года спустя (это был уже 1991-й, произошел «развал Союза») – уже совсем другую историю в Харьковском университете – с видением многообразия палитры мнений, взглядов; то есть я принадлежу как раз к поколению, которое, условно говоря, застало и «Историю СССР», и «Историю Украины». Как переплелись восприятия различных дискурсов? Чем мое поколение, заставшее в период обучения в школе и в вузе разлом империи и невольно вовлеченное в ситуацию «конфликта интерпретаций», отличается от поколения, выросшего исключительно на «советском» дискурсе, а также от поколения современных студентов, изучающих «Историю Украины», которая кардинально отличается по целому ряду вопросов от «Истории СССР» (российская «История Отечества» и «История Беларуси» изменились гораздо менее радикально)? Все это определило интерес к выявлению поколенческих характеристик сочетания различных дискурсов, особенностей взаимодействия мировоззрений представителей различных поколений.

Интерес к проблематике воплотился в проведении исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к новым идентичностям в условиях Пограничья». В рамках исследования были проведены интервью с представителями различных социокультурных поколений: современными студентами, осваивающими дискурс «независимой Украины»; представителями поколения, заставшего и «историю СССР», и «историю Украины»; поколения, воспитанного в неизменном «советском» дискурсе; и представителями старшего поколения, являющегося носителем устной истории о событиях, вызывающих полемику по поводу их интерпретации, в том числе о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн. И в ходе проведения исследования появился третий сюжет – внутренние трансформации уже в процессе проведения социологического исследования в Харькове и Львове.

Зачем обращаться к лингвоконфликтологии, лингвосоциологии, исследованию характеристик языка конфликта в трансформирующемся обществе?

Исследование идентичностей осуществляется через формирование коллекции кейсов, в которых запечатлены «живые голоса», «человеческие миры», сочетающие в себе ценностные интерпретации в пересечении индивидуальных и социальных ценностных характеристик, сюжеты устной истории и восприятие легитимного дискурса. Лингвоконфликтологический анализ этих кейсов помогает выявить характеристики языка

конфликта. Это позволяет уйти от навязывания ценностной рамки восприятия, от давления всевозможных конструирующих рамок различных концепций, теорий, историй.

Разработка лингвоконфликтологической концепции, выявляющей неосознанные идентичности посредством лингвоконфликтологического метода, а также применение лингвоконфликтологической концепции к исследованию особенностей формирования идентичностей в условиях Пограничья, определение конфликтного потенциала в соотношении «конструирование истории – конструирование идентичностей» – основные цели этой книги. Они реализуются через обоснование роли языка конфликта как исследовательского кода на уровне методологии и разработки лингвоконфликтологической концепции, а также через выявление характеристик языка в трансформирующемся обществе.

Как влияет представление об общем или разделенном прошлом на формирование представлений об общем или разделенном будущем?

В третьем и четвертом разделах анализируются особенности конструирования идентичностей и выявляется, как влияют различные поля притяжения на процесс формирования идентичностей в современной Украине. Эмпирическая база – материалы 96 интервью с экспертами и представителями поколений, результаты социологического наблюдения в Харькове и Львове. Особое внимание уделяется поколению современных студентов. Была построена карта метаязыка конфликта студентов вузов Харькова и Львова на основе лингвоконфликтологического подхода.

Сегодня много говорят о расколе и разломе Украины. Реально этого раскола не существует – такова основная гипотеза исследования. Можно предположить, что он конструируется на уровне институциональном, но отсутствует на уровне повседневности. Есть социокультурные различия, есть различные поля тяготения, но это не линия разлома. Так ли это? Что объединяет, что поддерживает единство и целостность? И как найти консенсус, компромисс между различными представлениями о событиях истории, различными идеями и интересами? Каков конфликтный потенциал формирования идентичностей и как перевести его в плоскость созидательной конфликтности? В чем истоки формирования солидарности? Поиск ответов на эти вопросы осуществляется через обращение к устной истории, повседневным практикам, биографиям и личностным интерпретациям событий прошлого и восприятия будущего в нарративных интервью. «Живые голоса» львовян и харьковчан, их высказывания,

интерпретации событий истории и рефлексия по поводу идентичностей представлены в коллекции кейсов[1].

В монографии ставятся различные задачи, которые могут быть решены с позиций лингвоконфликтологического подхода. Некоторые из них решены в монографии, некоторые же проблемы лишь выявлены и актуализированы, чтобы определять дальнейшие перспективы разработки и реализации лингвоконфликтологического метода. Эта книга – первая из двух книг, запланированных в ходе исследовательской работы над проблемой языка конфликта. В ней разработаны и описаны основные элементы лингвоконфликтологической концепции, обозначены возможности практического применения лингвоконфликтологического подхода к исследованию, сформирована коллекция кейсов, в которой представлены нарративы, содержащие характеристики языка конфликта. В перспективе планируется расширение коллекции кейсов, дальнейшая интерпретация полученного материала с применением различных лингвоконфликтологических практик, «выделение» из нарративов типовых и уникальных характеристик языка конфликта, их типологизация и систематизация, углубленное изучение символов, образов, метафор, пересечение которых формирует конфликтный потенциал – созидательный или разрушительный.

Хотелось бы выразить сердечную благодарность всем, кто помогал и помогает мне в том, чтобы следовать выбранному пути, в научных поисках и в моей жизни, в реализации задуманного: моей семье, моим учителям и друзьям.

Литература

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
2. Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26–42.
3. Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Социолингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб.: Гуманитарная академия. 2004. 336 с.
4. Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
5. Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5.
6. Шаклеин В. М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации / В. М. Шуклеин // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 1. С. 73–88.

1. Прим. - украинско-русский перевод фрагментов текстов интервью и текстов учебников истории М.Л. Бессарабовой, О.А.Даниленко, О.Б.Демкива.

7. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Языки русской культуры, 1998. 816 с.
8. Язык и моделирование социальных взаимодействий. М., 1987.
9. Трет'яченко В. В., Букаєва Т. В. Лінгвістична модель конфлікту // Теоретичні і прикладні проблеми психології та педагогіки. 2001. № 2. С. 155–160.
10. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
11. В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией / отв. ред. Т. М. Дридзе, Л. Н. Цой. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2001. № 3. 176 с.
12. Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.
13. Биографический метод / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семеновой. М.: Ин-т социологии РАН, 1994. С. 11–41.
14. Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования / под ред. Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 344 с.
15. Попова И. М. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. – Киев: Ин-т социологии НАНУ, 2000. 219 с.
16. Fehr H. Öffentlicher Sprachwandel und Eliten-Konkurrenz. Zur Rolle politischer Semantik in den Dekommunisierungskampagnen post-kommunistischer Gesellschaften (Tschechische Republik, Polen und Ostdeutschland) // Eliten, politische Kultur und Privatisirung in Ostdeutschland, Tschechien und Mittelosteuropa / I. Srubar (Hg.). Konstanz: UVK. 1998. 361 s.
17. Соціокультурні ідентичності та практики / під ред. А. Ручки. – Київ: Інститут соціології НАН України, 2002. 315 с.
18. Ядов В. А. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002): Мастер-класс профессора В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2004. 326 с.
19. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / пер. с англ. М.: Лабири, 1994. 213 с.
20. Костенко Н., Іванов В. Досвід контент-аналізу: моделі та практики. Київ: Центр вільної преси. 2003. 200 с.
21. Кожевникова Г. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее: мониторинг прессы. М.: «Сова», 2004. 103 с.
22. Бобков И., Терешкович П. Вместо предисловия // Перекрестки. 2004. № 1–2. С. 5–9.
23. Усманова А. Концептуализируя Пограничье: от культурной антропологии к семиотике культуры // Перекрестки. 2004. № 1–2. С. 209–234.
24. Штомпка. П. Культурная травма в посткоммунистическом обществ // Социологические исследования. 2001. № 1.
25. Штомпка. П. Культурная травма в посткоммунистическом обществ // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

ЧАСТЬ 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

Постановка проблемы. Поиск возможностей взаимного измерения конфликтов и социальных трансформаций в лингвосоциологическом аспекте обусловлен как тенденциями развития современного социологического знания и связанными с этим возможностями решения вопросов об адекватности социологического измерения, так и характеристиками развития современного общества как информационного, определяющими особое значение потоков информации, воплощенных в различных текстах, конструирующих социальное пространство, влияющих на восприятие социальных изменений, интерпретирующих эти изменения.

В этом разделе представлены три плоскости теоретико-методологического обоснования лингвоконфликтологической концепции. Во-первых, это возможности взаимного решения методологических проблем конфликтологии и социологии социальных изменений в лингвоконфликтологическом аспекте; во-вторых, особенности исследования идентичностей через слово, текст, нарратив; в-третьих, разработка новых интерпретативных практик анализа конфликта через текст в рамках качественной социологии.

Ряд теоретико-методологических проблем, определяющих актуальность разработки лингвоконфликтологической концепции, можно представить следующим образом.

Социологическое измерение социальных трансформаций как методологическая проблема современной социологии. Как отследить изменения в существующих социальных институтах и особенности создания новых институциональных структур? Как выявить факторы, способствующие повышению уровня социальной напряженности? Как зафиксировать «индивидуальное», «личностное» при исследовании трансформаций? Как взаимосвязаны институциональная и повседневная плоскость социальных изменений? Эти и другие вопросы находятся в поле зрения социологов, изучающих современное общество и происходящие в нем трансформации, вызывая дискуссии по поводу наиболее эффективных и адекватных подходов и методов социологического исследования. Ключевым вопросом при этом является следующий: каким образом ситуация современных трансформаций как «культурной травмы» определяет трансформации коллективных идентичностей? [1, 2]. В качестве одного из вариантов выявления особенностей трансформации социальных институтов, а также взаимосвязи изменения институтов, повседневных практик восприятия этих изменений и повышения уровня социальной напряженности может быть предложен анализ характеристик языка конфликта в современном обществе.

Проблемы измерения идентичностей и их «конструирования»; проблематичность введения понятия «идентичность». Исследование идентичностей характеризуется целым рядом методологических трудностей социологического измерения. С одной стороны, в научной литературе обсуждается проблематичность использования самого понятия «идентичность» в научную практику в связи с тем, что этим формируется определенный научный дискурс, конструирующий специфические, интересные, но несуществующие проблемы, и «мягкий» конструктивизм позволяет распространяться мнимым «идентичностям» [3]. С другой стороны, осуществляется поиск эффективных методик социологического исследования, которые позволяют отобразить картину меняющихся идентичностей, решаются методологические проблемы исследования процесса формирования новых идентичностей (В. А. Ядов [4], А. А. Ручка [5], С. А. Макеев, С. М. Оксамитная, Е. В. Швачко [6, 7] и др.), в том числе с точки зрения региональных особенностей идентичностей в Украине (Н. Й. Черныш [8], И. Ф. Кононов [9], Е. И. Головаха, Н. В. Панина [10, 11], Н. А. Победа, О. А. Филиппова [12] и др.), выявить ключевые факторы «конструирования идентичностей» (напри-

мер, этнических [13]), изучить негативные идентичности и особенности конструирования образа врага [14] и др. Выявляются и анализируются также социальные технологии, влияющие на процесс формирования и трансформацию идентичностей (применительно к Украине это реализуется, в частности, в работе [15]). Как один из вариантов решения комплекса проблем, связанных с конструированием социокультурных идентичностей, может выступить анализ взаимосвязи характеристик языка конфликта в трансформирующемся обществе и социокультурных идентичностей.

Проблемы разработки интерпретативных практик исследования конфликтности в качественной социологии. Качественная социология является мощным методологическим фундаментом, позволяющим исследовать проблему социальных конфликтов с учетом ситуативных проявлений конфликтности на уровне повседневности. Поиск дополнительных возможностей интерпретации текстового материала в качественной социологии может быть реализован через использование конфликта как познавательного средства.

Поле обозначенных проблем представляет собой основные плоскости теоретико-методологического обоснования лингвоконфликтологической концепции и определяет цели данного раздела:

1. Обозначить способы взаимного исследования конфликтов и социальных трансформаций как на уровне теории и методологии, так и на уровне методов социологического измерения.

2. Выявить типовые характеристики конфликтов в трансформирующемся обществе.

3. Определить роль качественных методов в исследовании социальных конфликтов.

4. Обозначить проблемное поле исследования идентичностей в условиях Пограничья и перспективы решения методологических проблем в лингвоконфликтологическом аспекте.

1.1. Методологические проблемы анализа конфликтов в трансформирующемся обществе: в поисках адекватного метода

Типовые характеристики конфликтов и методологические проблемы современной конфликтологии

Множество конфликтов, характеризующих любое общество в период стремительных социальных изменений, а также влияние способов разрешения и последствий этих конфликтов на развитие социума, определяют актуальность конфликтологической экспертизы трансформационных процессов при выявлении векторов социальных трансформаций. Как взаимосвязаны социология конфликта и социология социальных изменений? Существуют ли конфликты, типичные для определенных периодов трансформации, или можно говорить лишь о специфических характеристиках всего многообразия социальных конфликтов? Какие принципы классификации необходимо выбрать из множества предлагаемых классификационных подходов для эффективного и непротиворечивого разграничения сфер развертывания конфликтов и сфер реализации социальных преобразований? Эти и другие методологические проблемы высвечиваются при взаимном рассмотрении конфликтов и социальных трансформаций на уровне теории и методологии.

В современной конфликтологической литературе отображено множество методологических подходов к анализу конфликтов, а также к классификации конфликтных взаимодействий. Не случайно вопросы об интеграции конфликтологического знания и основных принципах ее осуществления являются в современной конфликтологии наиболее важными и дискуссионными - от их решения зависят и объективность экспертизы конфликтных ситуаций, и своевременный подбор оптимальных средств их разрешения, и успешность прогнозирования тенденций проявления конфликтности в обществе.

В рамках данной монографии конфликт рассматривается, прежде всего, как социальное межсубъектное взаимодействие, которое предполагает наличие как минимум двух субъектов, являющихся носителями определенной системы ценностей, установок, потребностей, имеющих свои интересы и пр. Конфликт выступает как борьба за реализацию своих «субъектных атрибутов» (целей, интересов, потребностей и

др.) по отношению к определенным объектам (как материальным, так и нематериальным). При этом конфликт представляет собой ситуацию неопределенности и всегда предполагает ситуацию выбора из альтернативных моделей поведения.

Целесообразно рассматривать конфликты как неизбежные и необходимые атрибуты социальной системы, выявляя их позитивные и негативные функции (в созвучии ключевым идеям о функциях социального конфликта, отображенным в работах Л. Козера, в частности [16]).

С точки зрения учета лингвистического компонента в возникновении, развитии и урегулировании конфликтов представляются особенно важными динамическая модель конфликта, раскрывающая возможности его межпредметного изучения (основные характеристики модели изложены в работах А. Ф. Проценко, в частности [17]), а также социологическое определение социального конфликта, данное В. Н. Шаленко [18] (конфликт рассматривается как специфическая форма социального взаимодействия). В этих работах четко разграничивается конфликт и другие формы конфронтации, являющиеся предпосылками для возникновения конфликтов или его следствиями. Это разграничение является очень важным для разработки лингвоконфликтологической концепции, поскольку лингвоконфликтологический метод ориентирован на выявление посредством анализа различных текстов всей совокупности лингвистических характеристик, связанных с целым рядом факторов, сопряженных с конфликтом. Разработать лингвоконфликтологические индикаторы враждебности, конкуренции, соперничества, состязательности и собственно конфликта, разграничить различные формы лингвистического воплощения социальных противоборств, их созидательный и деструктивный потенциал – перспективная задача лингвоконфликтологического подхода, возможности решения которой будут лишь обозначены в этой книге.

При попытке осмыслить современные социальные изменения в конфликтологическом аспекте препятствием оказывается одна из ключевых проблем современной конфликтологии как науки – отсутствие единой системы классификации социальных конфликтов. Привлекая конфликтологический материал (которого в современной научной литературе огромное количество) к определению векторов социальных изменений через выявление трансформаций типовых характеристик конфликтов в современном обществе, мы сталкиваемся с рядом сложностей в интер-

претации этого материала: каждый из авторов проводит исследование в своей системе методологических координат, что затрудняет создание единой и адекватной картины всего поля конфликтности на постсоветском (посткоммунистическом) пространстве.

Следует заметить, что термин «социальные трансформации» интерпретируется в данной работе в соответствии с концептуализацией этого понятия в работах П. Штомпки [1], [2], [19], Т. И. Заславской (анализ механизмов трансформации) [20], В. А. Ядова [21], Е. И. Головахи [22]. Методологическим фундаментом исследования проблемы языка конфликта в трансформирующемся обществе являются также подходы к исследованию социальных трансформаций, отображенные в научных трудах Харьковской социологической школы: Е. А. Якубы [23], В. С. Бакирова [24], О. Д. Куценко [25], И. Д. Ковалевой, Л. Г. Сокурянской [26] и др. Социальная трансформация выступает как «процесс, связанный с относительно быстрым (более или менее плавным либо скачкообразным) изменением системных свойств общества как ответ на исчерпание либо угрозу исчерпания ресурсов конкретной формы развития» [25, с. 20]. Важными компонентами определения «социальной трансформации» являются такие характеристики, как «существенное изменение политической, экономической и культурной подсистем общества и их институциональной поддержки» [25, с. 20], которые дополняются «адаптацией, реконфигурацией, перестановкой уже существующих институциональных форм» [25, с. 20], а также «естественноисторический процесс, который подчиняется логике саморазвития и в который, по образному выражению П. Штомпки, «вмешиваются политические решения» [25, с. 20–21]. Процесс трансформации – «это сложное переплетение стихийных и сознательных процессов. Это действия не только элитных групп и носителей инновационной деятельности, но и стихийные процессы массового поведения» [23]. Представляется важным рассмотрение стихийных и сознательных процессов во взаимодействии институциональной и повседневной плоскости, что и определяет при проведении исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья» особый интерес к проявлению характеристик языка конфликта в трансформирующемся обществе в пересечении образовательного дискурса (являющегося отображением социальных изменений на уровне легитимного дискурса) и

повседневных практик его «опривычивания», провоцирующих или сглаживающих проявления конфликтности.

При исследовании особенностей конфликтов в условиях социальных трансформаций особое значение приобретают теории конфликта, в которых предлагаются интегративные классификации конфликтов. Среди теорий, обобщающих множество различных классификаций и типологий конфликта, хотелось бы выделить предложенные Е. И. Степановым принципы разграничения конфликтов, так как в этих принципах содержатся предпосылки для интегрирования различных подходов к классификации. Е. И. Степанов отмечает, что в самом общем виде всю совокупность конфликтов можно было бы разделить на национально-этнические, социально-экономические и политико-правовые [27, с. 54], «не закрывая возможности применения других способов типологизации», из которых в отечественной и зарубежной литературе наиболее часто встречаются: а) по субъектам (внутриличностные, межличностные, внутригрупповые, межгрупповые); б) по видам причин (объективные условия и обстоятельства, субъективные факторы идеологического и психологического характера); в) по особенностям противоречий, лежащих в их основании; г) по последствиям и т. д. [27, с. 55]. Однако эта схема классификации, как и другие интегративные схемы, далеко не всегда срабатывает при проведении анализа особенностей конфликтов в современном обществе, поскольку все многообразие трансформационных процессов, пересечение различных подходов и классификаций оказываются не в полной мере соотносимы друг с другом. В частности, в современных конфликтологических исследованиях этнополитические конфликты выделяются в отдельную группу (см., например, [28]), а также подчеркивается, что именно этот тип конфликта может рассматриваться как специфический конфликт трансформирующегося общества (или «конфликт модернизации») [28, с. 201] и является наиболее распространенным на современном постсоветском пространстве. Это показывает, что не все типы конфликтов (в том числе значимые при анализе современных трансформационных процессов) однозначно вписываются в предлагаемую обобщенную классификацию.

Одним из вариантов решения проблемы выявления типовых характеристик конфликтов в условиях трансформаций является построение специального типологического ряда, позволяющего классифицировать конфликты отдельно в каждой из сфер их развертывания. Так, например,

современные этнополитические конфликты разделяют на следующие группы: территориальные конфликты; конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение; конфликты, связанные с восстановлением прав депортированных народов; конфликты, в основе которых - притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства; конфликты, источниками которых являются последствия произвольных территориальных изменений; конфликты, возникающие в результате столкновения экономических интересов; конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера, и др. [28, с. 206–207]. Однако не связанные едиными принципами классификации по различным сферам жизнедеятельности общества такие схемы исследования все же не дают возможности создания единой картины, а с учетом того, что кроме возможности пойти по пути выделения различных сфер, другие пойдут по пути разграничения институтов, третьи - по субъектам конфликта, четвертые – по предмету и т. д., добавление еще одной классификации хотя и позволит систематизировать определенный сектор информации, но не решит проблемы в целом. А если к этому добавить, что внутри классификаций различными авторами выбираются различные методологические схемы анализа конфликта - от марксизма до постмодернизма и неоинституционализма, становится очевидным, что возможности сравнения результатов различных исследований минимальны.

Какие же методологические принципы анализа конфликтов позволяют наиболее полно учесть их специфику в современном трансформирующемся обществе, а также в мировом сообществе, рассматривающемся как информационное? Существуют ли такие основания классификации конфликтов, которые позволят охватить все разнообразие конфликтных взаимодействий и одновременно упорядочить разрозненность представлений о современных социальных конфликтах, возникающую при множественности зачастую не связанных друг с другом классификаций, используемых исследователями при анализе конфликтов в современном мировом сообществе и в СНГ?

Несмотря на то, что адекватность классической теории конфликта современным процессам подвергается сомнению и исследователи все чаще отдают предпочтение неоинституциональным интерпретациям конфликтных процессов, обратимся к классическому наследию, рассмотрев, каким образом решаются вопросы классификации конфликтов

в классической теории конфликта, и выявив возможности социолингвистической интерпретации конфликта. Как известно, классическими теориями конфликта считаются традиционные концепции «субъекта конфликтов», в которых фиксируется отказ от попыток «решения» конфликта, сопровождающийся принятием тезиса о его «регулировании» [29, с. 18].

Особый интерес с точки зрения теории социальных изменений представляет работа Р. Дарендорфа «Элементы теории конфликта» [30], так как в ней рассматриваются изменения форм социальных конфликтов под влиянием меняющихся социальных условий, а также различные типы конфликтов в современном обществе и их характеристики, прежде всего «интенсивность и насильственность», которые Р. Дарендорф считает наиболее важными. Проанализируем эту работу в следующих направлениях: 1) какая классификация (или классификации) применяется автором; 2) какие типы конфликтов и их характеристики выделяются и каким способом; 3) в чем перспективность социолингвистической интерпретации идей Р. Дарендорфа.

При анализе форм конфликтов в условиях социальных изменений ученый, по-видимому, не считает необходимым использование единой классификации, учитывая разнообразие проявлений социальных конфликтов. В одном ряду он называет различные типы и виды конфликтов. Так, например, он упоминает «структурный» конфликт при анализе «квази-групп», затем при характеристике перехода квази-групп в организации групп интересов подчеркивает, что «организация» не означает одно и то же в случае «классового конфликта», «конфликта ролей» или конфликта в области международных отношений; далее, описывая процесс кристаллизации и ее условия, он указывает в одном ряду классовые конфликты, конфликты по поводу пропорционального представительства и конфликты, связанные с меньшинствами, подчеркивая, что при изучении условий кристализации международные и ролевые конфликты должны изучаться отдельно [30, с. 142]; далее упоминаются конфликты индустриальные [30, с. 143], явный конфликт и как форма его выражения - революционные или квазиреволюционные взрывы [30, с. 144]. Приводя примеры конфликтов при отсутствии возможности их манифестирования, Р. Дарендорф называет следующие: «конфликты как из области международных отношений (партизанские войны), так и конфликты внутри общества (индустриальные конфликты до легального признания про-

фсоюзов)» [30, с. 144]. Как видим, применяются различные принципы классификации и указываются в одном ряду различные виды конфликтов. Ответы же на интересующие его вопросы изменений форм конфликтов и причин этих изменений он ищет через выявление «переменных и факторов вариабельности социальных конфликтов» [30, с. 143], при этом в качестве переменных рассматриваются насильственность и интенсивность. Р. Дарендорф отмечает, что в таком случае «постановка вопроса теории изменяется на более продуктивную: при каких условиях социальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта? На чем, таким образом, основывается вариабельность социальных конфликтов применительно к выделенным здесь переменным?». Р. Дарендорф подчеркивает, что целью работы является «не определение строгих и основательных ответов на эти вопросы; мы обозначим лишь некоторые области значимых факторов, дальнейшее изучение которых представляет собой нерешенную задачу социологии конфликта» [30, с. 143].

В качестве одной из характерных особенностей социальных конфликтов в современном обществе Р. Дарендорф называет снижение интенсивности индустриальных конфликтов. Это связано, по его мнению, с такими факторами и условиями, как возможность манифестирования конфликтов, вертикальная и горизонтальная мобильность и напластование или разделение различных социальных структур и областей (при разделении областей снижается цена поражения и, как следствие, интенсивность). Кроме того, Р. Дарендорф указывает на возрастающее значение регулирования конфликтов и установления «правил игры».

С одной стороны, достаточно велик соблазн последовать примеру классика социологии и использовать различные классификации конфликтов в ходе описания реальной ситуации в современном обществе, а не предпринимать тщетные поиски единого классифицирующего признака или совокупности признаков, которые помогут упорядочить и даже в определенной мере интегрировать различные классификации, тем более, что множественность классификаций продиктована множественностью характеристик конфликтов, их разнообразием. Однако Р. Дарендорф, по его словам, обозначает «лишь некоторые области значимых факторов, дальнейшее изучение которых представляет собой нерешенную задачу социологии конфликта» [30, с. 142–143], но не ста-

вит перед собой цели ее решить – в таком случае действительно можно обойтись без единой классификации; при изучении типовых характеристик конфликтов в трансформирующемся обществе и в современном мировом сообществе нужны единые критерии и признаки, которые позволят сформировать целостное представление о проявлениях конфликтов в различных сферах жизнедеятельности общества.

С другой стороны, при поиске типовых характеристик вообще может быть снята проблема классификации (интересуют не определенные типы конфликтов, а характеристики, которые присущи конфликтам вне зависимости от того, к какому типу они относятся). Примером выявления ключевых характеристик различных типов конфликтов является конкретизация «концептуального анализа социальных конфликтов» применительно к переходному периоду развития общества в монографии «Конфликты в современной России» [27]. Остается лишь решить проблему взаимосвязи макро- и микроуровней социального взаимодействия, соотношения индивидуального и социального. Именно в социолингвистической плоскости располагается один из вариантов решения этой вечной проблемы социологии, которая фигурирует с самого зарождения и институционализации социологического знания и которая столь же актуальна для конфликтологии как межпредметной области знания. И если даже эту проблему не удастся решить в рамках лингвоконфликтологической концепции, то, возможно, удастся приблизиться к ее решению.

Структурный анализ конфликтных взаимодействий позволяет посмотреть на социальные изменения через «переменные и факторы вариабельности социальных конфликтов». Это создает предпосылки для структурно-лингвистического анализа социальных конфликтов и проведения исследования конфликтов через язык и ценностно-ориентированные суждения, а также посредством анализа воплощения изменений языка конфликта в различных текстах в двух аспектах: как средства коммуникации и как средства интерпретации.

Именно структурно-лингвистический анализ позволяет найти особые грани взаимосвязи макро- и микроуровней социальных взаимодействий. И не только в плане разработки конфликтной теории стратификации Р. Коллинза (который попытался добавить в макротеории микроуровень анализа через обращение к феноменологии и этнометодологии, рассматривая конфликт через стратификацию и организацию

и подчеркивая, что стратификация и организация основываются на повседневных взаимодействиях [31]), но и через выявление особенностей языковых характеристик, их универсальности или своеобразия на каждом из уровней социальных взаимодействий. Ценностные ориентации личности, в меньшей степени подверженные изменениям, чем ценностные ориентации общества, создают структурную устойчивость, которая может быть обнаружена посредством ценностно-ориентированных суждений в повседневной речи. Ценностная изменчивость, связанная с изменением ценностных ориентаций общества как внешнего контура социальных изменений, может быть выявлена посредством исследования различных «легитимных» текстов, которые отображают ценностный стержень идеологии современной им эпохи. Именно здесь кроются познавательные возможности определения векторов социальных трансформаций через выявление конфликтов различных интерпретаций.

Таким образом, различные классификации могут быть интегрированы на основании ценностных критериев (предпосылки для осуществления ценностной интеграции подробно раскрыты в работе [32]), и при установлении взаимосвязи ценностных и речевых ориентаций это раскрывает возможности для измерения типовых характеристик конфликтов в трансформирующемся обществе через лингвистические проявления конфликтности, т. е. через характеристики языка конфликта. При анализе конфликтов в трансформирующемся обществе целесообразно обращаться не к типологическим рядам конфликтов, а выявлять типовые характеристики конфликтов. При таком рассмотрении структурные характеристики конфликтов могут рассматриваться во взаимосвязи со структурными характеристиками социальных преобразований.

От типовых конфликтов – к типовым характеристикам конфликтов

В конфликтологических исследованиях фиксируется, прежде всего, ряд характеристик конфликта на различных уровнях социального взаимодействия и в различных сферах их развертывания, а также отмечается доминирование определенных типов конфликтов в той или иной сфере жизнедеятельности общества. При этом различие классификаций, применяемых исследователями современных социальных конфликтов, затрудняет возможность сравнения выявленных особенностей и интегрирования конфликтологического знания при поиске ответа на вопрос,

какие особенности конфликтов характеризуют их облик и тенденции изменения в условиях социальных трансформаций. Путь решения этой проблемы - рассматривать не преобладающие типы конфликтов, а их характерные особенности, которые могут быть выявлены и интегрированы на основе системно-структурного подхода при обращении к данным, в основе которых лежат различные классификации.

Какие характеристики конфликтов в условиях социальных изменений можно выявить на основе анализа современной конфликтологической литературы?

Ряд особенностей конфликтов фиксируется применительно к различным сферам их развертывания. Так, например, при изучении конфликтов в системе международных отношений отмечаются изменения в характере противостояния, а также в способах реализации переговорного процесса при урегулировании конфликта. Увеличивается значение процесса переговоров в решении социальных конфликтов в системе международных отношений, переговоры становятся «наступательным, а не оборонительным инструментом в международных отношениях», при этом складывается подход к разрешению конфликтов, ориентированный на неофициальные переговорные процедуры и др. (подробно эти тенденции анализируются в работах М. М. Лебедевой [33]). Роль неформальных практик взаимодействия возрастает и в системе организационных отношений, что определяет активное включение неформальных процедур в технологии решения организационных конфликтов. Все это актуализирует влияние повседневных практик решения конфликта на легитимизацию институциональных изменений, что характерно для конфликтов на различных уровнях социального взаимодействия, и определяет необходимость обращения к анализу институциональных разговоров, их роли во взаимосвязи социальных институтов и повседневных практик.

Еще одна существенная характеристика проявления конфликтности в условиях современных социальных изменений может быть интерпретирована как рассогласование между институциональной плоскостью реализации социальных изменений и повседневными практиками ее «опривычивания». В монографии «Конфликты в современной России» [27], где характеристики конфликтов переходного периода являются специальным предметом исследования, это рассогласование становится заметным при рассмотрении перехода от доминирования тоталитар-

ного типа организации социального пространства к демократическому. Так, например, при анализе конфликтологических проблем построения гражданского общества выделяются «квазигражданские структуры и институты», которые, «обладая формальными признаками элементов гражданского общества, выполняют в обществе противоположные функции», в том числе «внедряют в сознание людей идеи нетерпимости, агрессивности, неуважительного отношения к законам и нормам человеческого общежития» [27, с. 113–114]. В работе «Конфликты в современной России» проводится всесторонний анализ конфликтных процессов через рассмотрение перехода «от тоталитарных стереотипов к демократической культуре» [27, с. 82–114]. Различные характеристики конфликта определяются в зависимости от его актуализации в сфере государства или в сфере гражданского общества. При этом выявляются изменения в структурных характеристиках, базисных типах отношений участников, в технологиях разрешения и др. Развивая эту модель, предлагаю рассмотреть развертывание такого конфликта в плоскости соотношения «повседневные практики» и «институциональные изменения», выявляя конкретные проявления рассогласования с характеристиками языка конфликта (результаты эмпирического исследования представлены в разделах 3 и 4).

Одной из характерных особенностей социальных конфликтов как в современном мировом сообществе, так и в постсоветском обществе, рассматривающемся как трансформирующееся, является то, что личностные, эмоциональные факторы конфликтного взаимодействия приобретают особое значение, возрастает роль иррационального в динамике конфликта. Это связано с целым рядом причин, среди которых наиболее важными представляются следующие. Все большее влияние на развитие конфликтов оказывают «трудноучитываемые культурные факторы в быстрых социальных изменениях», в их числе - доверие, лояльность и солидарность (П. Штомпка) [34]. Кризис системы ценностей выступает в качестве фактора иррационализации социальной действительности (А. Г. Здравомыслов) [35], происходит мифологизация сознания и символизация конфликтных взаимодействий. Причины, определяющие акцентуацию иррациональных факторов в динамике конфликтов, имеют как социокультурные основания, так и тактико-стратегические, но и те, и другие актуализируют роль личности и ценностных ориентаций личности в развитии и разрешении социальных конфликтов.

Особая роль нематериальных ресурсов в различных видах конфликтов, в том числе в экономическом, связана с упомянутыми выше мифологизацией сознания и символизацией конфликтных взаимодействий. В качестве нематериального ресурса особое значение приобретает символический капитал, и конструирование истории и конструирование идентичностей могут рассматриваться как раз в числе проявлений нематериальных ресурсов в конфликтной ситуации, вовлечение которых может определить развитие и исход конфликта при целенаправленном управлении потоками информации.

В современной конфликтологической литературе в качестве одной из главных особенностей современных социальных конфликтов отмечается «тенденция их деинституционализации» [36, с. 53]. Деинституционализация конфликта представляет собой «процесс разрушения организационных структур, гарантирующих соблюдение всеми участниками конфликта существующих в данный момент норм его протекания и урегулирования, а также процесс неприятия и игнорирования как данных норм, так и организаций, обеспечивающих их соблюдение сторонами конфликта» [36, с. 55].

Деинституционализация влияет на исходы конфликтов - все чаще траектории развития конфликтов ведут к парадоксальным исходам: «Проблемные поля часто имеют тенденцию накладываться и влиять друг на друга способами, полного смысла которых мы не понимаем» (Й. Фергюсон). Язык конфликта может рассматриваться как один из механизмов легитимизации парадоксальных исходов конфликтов.

Важными характеристиками конфликтов постсоветского пространства являются кризис идентичностей и парадоксальные идентичности, что связано с осмыслением индивидами, составляющими различного рода сообщества своего прошлого и будущего, нового переживания индивидуальной истории и истории государства в ситуации культурной травмы. Так, например, выявляя характерные особенности конфликтов в Украине, России, Беларуси и других странах СНГ в соответствии с основными источниками и причинами социальных конфликтов, Е. М. Бабосов отмечает кризис идентичности, связанный с осознанием принадлежности личности к определенной «этнической, субкультурной, религиозной или иной социальной общности», а также с осознанием «расхождения отдельных индивидов, их групп и объединений в политических, религиозных, нравственных ценностях, целях, идеалах, в оценках историче-

ских и современных событий, тенденций общественно-экономических и политических изменений», в том числе связанных с тем, что «сталкиваются в противоборствах качественно различные представления о путях реформирования экономики, политики, культуры, предлагаются различные пути выхода из кризиса» [37, с. 432]. В этом случае выделяются именно характеристики конфликтов, а не их типы. Проявления кризиса идентичностей в процессе современных социальных преобразований можно проследить также в «гражданской самоидентификации» и в «травматическом преодолении имперского и великодержавного синдрома» [38, с. 372].

В качестве характерной особенности социума, переживающего преобразования, связанные с переходом к информационной цивилизации, отмечаются следующие закономерности: «В информационном, в значительной степени обусловленном «постмодерном» обществе на первых его фазах господствует диссенсус, но он, вероятно, постепенно будет вытесняться практиками переубеждения, формирования устойчивого мнения о предпочтительности для него той линии поведения, которую определяет и требует от него общество, трансформирующаяся «жизненная среда», культурные императивы и конкретные обстоятельства» [39]. Эти и другие особенности развития информационного общества определяют возрастающую роль слова, текста в возникновении, развитии и решении конфликтов.

Р. Дарендорф, анализируя соотношения «морали», «революции» и «гражданского общества» после 1989 г. [40], когда «стены падают» и ряд бескровных революций изменяет облик Восточной и Центральной Европы, «на первый план вышли давние национальные и религиозные спайки...» [40, с. 22], выдвигает несколько полемичных тезисов (в противовес поиску «разумной идентичности» Ю. Хабермасом) о взаимодействии лигатур («речь идет о связях, более глубоких, чем социальные отношения, устанавливаемые договором») с «институтами открытых обществ, регулирующими конфликты и позволяющими осуществлять перемены, не прибегая к насилию» [40, с. 34–35]. Учитывая особую роль договора и различных его форм для поддержания равновесия социальных систем, «лигатуры» приобретают особое значение в условиях стремительных социальных изменений и непосредственно связаны с характеристиками языка конфликта.

В каждой из представленных выше особенностей конфликтов в трансформирующемся обществе (в пересечении посткоммунистических трансформаций и изменений, связанных с переходом к информационной цивилизации) проявляется особая роль лингвосценарных характеристик конфликта. Это подтверждает не только анализ современной конфликтологической литературы, но и множество ситуаций, иллюстрирующих роль слова, текста в возникновении, развитии и решении конфликтов. «Карикатурный скандал», связанный с публикацией карикатур на пророка Мухаммеда в датской газете «Jullands-Posten», и варианты его интерпретации как факторы, влияющие на возникновение и обострение конфликтной ситуации, – яркий пример. Кроме того, достаточно типичной является ситуация, когда слово, сказанное тем или иным политиком в силу особенностей его мировоззрения, оказывается воспринято на счет партии (то же самое можно сказать и в отношении представителей определенных этносов или государств). И вот уже невозможно достичь консенсуса, компромисса – возникает непримиримость позиций.

Анализ истории и развития конфликтной ситуации в бывшей Югославии позволяет заметить, какую роль в выборе сценариев развития играет слово, текст, потоки информации, механизмы манипуляции (слово, создающее определенный контекст восприятия бомбардировок, введения войск и др., – все эти механизмы наглядно представлены в художественном фильме «Wag The Dog»). Возрастающая роль личностных факторов, роль слова, текста (в широком смысле) в возникновении, развитии и решении конфликтов – это прослеживается и в историческом контексте, но в условиях перехода к информационной цивилизации приобретает особое значение в силу соединения механизмов ценностного воздействия с новыми информационными технологиями. Это подчеркивает необходимость разработки лингвоконфликтологической концепции, в центре внимания которой – характеристики языка конфликта и лингвосценарные характеристики конфликтов.

Каждая из выделенных на основе анализа современной социологической и конфликтологической литературы типовых характеристик конфликта в трансформирующемся обществе имеет свои особенности взаимосвязи с характеристиками языка конфликта.

Наглядно это может представлено в виде исследовательских гипотез о взаимосвязи характеристик конфликта в трансформирующемся обществе с характеристиками языка конфликта (табл. 1. 1).

Таблица 1.1.

Характеристики конфликтов и языка конфликта
в трансформирующемся обществе

Характеристики конфликтов в трансформирующемся обществе	**Взаимосвязь с характеристиками языка конфликта**
Влияние повседневных практик решения конфликта на легитимизацию институциональных изменений	Язык конфликта как тактико-стратегическое средство легитимизации изменений на уровне социальных институтов общества
Рассогласование между институциональной плоскостью реализации социальных изменений и повседневными практиками ее «опривычивания»	Конфликт интерпретаций, отображенный в различных оценочных характеристиках, присутствующих в языке конфликта
Личностные, эмоциональные факторы конфликтного взаимодействия приобретают особое значение, актуализируется роль иррационального в динамике конфликта	Язык конфликта отображает личностные, иррациональные факторы конфликта благодаря различным образам, символам, метафорам и т. д.
Особая роль нематериальных ресурсов в различных видах конфликтов, в том числе в экономическом	Использование языка конфликта в процессе конструирования истории влияет на возникновение, развитие и решение конфликтов
Деинституционализация конфликта	Язык конфликта как средство коммуникации детерминирован определенной системой ценностей, следовательно, при отсутствии институциональных механизмов регулирования конфликтов язык может быть использован как элемент внеинституционального их урегулирования, задавая «ценностные контуры» решения конфликта через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций

Парадоксальные исходы	Роль языка конфликта как средства интерпретации в процессе «легитимизации» парадоксальных исходов проявляется в том, что тот или иной парадоксальный исход конфликта может быть легитимизирован посредством «внедрения» в общественное сознание (например, с помощью СМИ) определенных оценок, в которых ключевыми структурными элементами являются характеристики языка конфликта (механизмы аналогичны «деинституционализации конфликта» – см. выше – «ценностные контуры» восприятия конфликтной ситуации передаются посредством характеристик языка конфликта)
Кризис идентичностей и парадоксальные идентичности	Язык конфликта может быть использован как индикатор измерения идентичностей
Возрастающая роль слова, текста в возникновении, развитии и решении конфликтов в условиях перехода к информационной цивилизации	Язык конфликта как средство управления конфликтом, как средство лингвистического конструирования социальных конфликтов
«Лигатуры» приобретают особое значение в условиях стремительных социальных изменений	Выявление в языке конфликта общечеловеческих ценностей, дающих возможность выработки договора и реализации различных его форм для поддержания равновесия социальных систем

Здесь представлены лишь некоторые основные взаимосвязи типовых характеристик конфликтов в трансформирующемся обществе с характеристиками языка конфликта. Этот список может быть продолжен.

В качестве центральной характеристики конфликтов в трансформирующемся обществе предлагается рассматривать кризис идентичностей, так как все остальные характеристики или вытекают из него, или определяют его возникновение; в связи с этим дальнейший методологический поиск и эмпирическое исследование будут представлены именно в этой плоскости.

Как выявить особенности языка конфликта в единстве с выделенными типовыми характеристиками конфликта в условиях трансформирующегося общества? Через обращение к качественным методам

социологии, поскольку именно благодаря качественным методам могут быть зафиксированы характеристики языка конфликта. Анализ личностных характеристик, индивидуальных смыслов, различных образов конфликта и лингвистического их воплощения также может быть осуществлен в поле качественной социологии. В связи с этим необходимо рассмотреть возможности лингвоконфликтологической интерпретации качественных методов социологического исследования.

Таким образом, лингвоконфликтологические принципы анализа социокоммуникативных процессов в трансформирующемся обществе позволяют решить ряд методологических проблем и выявить дополнительные возможности социологического измерения трансформационных процессов через характеристики конфликтных взаимодействий, которые определяют базовые структурные составляющие современных социальных преобразований.

Исследовательские возможности лингвоконфликтологического подхода связаны с измерением конфликтного потенциала формирования и трансформации идентичностей посредством характеристик языка конфликта.

1.2. Качественные методы социологии и лингвоконфликтологические практики интерпретации текстовой информации

Роль качественных методов в исследовании социальных конфликтов и проблемы идентичностей

Обращение к качественным методам при исследовании конфликтов в трансформирующемся обществе обусловлено целым рядом причин. Во-первых, характеристиками конфликта в трансформирующемся обществе – особое значение приобретают личностные, иррациональные факторы конфликтов, которые могут быть исследованы посредством обращения к качественным методам социологии. Во-вторых, такие методы позволяют рассмотреть проблему идентичностей как многомерный процесс самоидентификации под влиянием различных эпизодов личной и коллективной биографии (см., например, работы [41], [42], [43] и др.), выявить, каким образом различные эпизоды жизненной биогра-

фии складываются в многомерную картину идентичностей в единстве индивидуального и социального.

Как известно, в качественной социологии выделяются следующие виды исследования как различные исследовательские тактики, в рамках которых качественные методы рассматриваются в соответствии с характером исследовательской практики: этнографическое, кейс-стади, обоснованная теория, устная история, история жизни [44], в некоторых работах добавляется также история семьи (например, [45]). Каждая из этих тактик дает различные возможности исследовательской интерпретации проблемы социальных конфликтов, требует при исследовании конфликтности сосредоточения на том или ином источнике информации и методе анализа.

Разграничение различных исследовательских тактик достаточно условно. Как правило, в исследовательском процессе несколько из них могут быть гармонично слиты воедино. Так, например, «анализ человеческих документов» в исследованиях Н. Н. Козловой представляет собой обращение и к устной истории, и к анализу кейсов. В единстве этих тактик осуществляется анализ повседневности, проступающих в ней норм и ценностей социального мира [43], [46].

Погружение в индивидуальные практики интерпретации, в жизненные миры и особенности восприятия прошлого и будущего, индивидуальные переживания социальных изменений и смены идеологий, отображенные в устной истории, сюжетах индивидуальных биографий, позволяет выявить особенности восприятия посткоммунистических трансформаций не на уровне социальных институтов, а на уровне повседневных практик, выявить особенности восприятия повседневной «советскости» и «постсоветсткости», изменившихся правил и практик, типовых и уникальных переживаний социальных трансформаций на уровне повседневности. «Казалось бы, на первый план вновь выходит история описательная, отличная от изучения больших социальных структур, долговременных социальных процессов, глобальных закономерностей, «сериальных» данных истории ментальностей. Действительно, исследовательский интерес сдвигается от присущего всем к индивидуальному. Осуществляется реконструкция индивидуальных стратегий людей и их биографий. Новая история однако отнюдь не похожа на прежнюю, в которой историк выступал в роли всезнающего рассказчика (= трансцендентального субъекта)» [46]. Целесообразно ввести

в это исследовательское поле понятие «язык конфликта». Осмысление советской и постсоветской повседневности, включение воспоминаний о советском прошлом в механизмы формирования идентичностей – все это получает дополнительные возможности осмысления через обращение к языку конфликта, поскольку в нем и его трансформациях фиксируются правила и практики, их изменения, механизмы «опривычивания».

Для исследования языка конфликта в трансформирующемся обществе в контексте конструирования истории особенно важна взаимосвязь биографического метода и тактики устной истории, так как здесь проявляется взаимосвязь различных уровней формирования идентичностей. «Ближайшая к социально-научному биографическому методу oral history в исторической науке делит с ним интерес к «субъективным» свидетельствам (а также многие методические шаги), но различается горизонтом доминантных вопросов, который – при всем интересе к биографиям и микросоциальным структурам – остается историей коллектива» [47, с. 13]. При выборе тактики «устная история» (oral history), «описывающей субъективный опыт переживания исторических событий» [45], можно описать субъективный опыт переживания социально значимого. Кроме того, используя эту тактику, можно проследить историю становления различных движений и организаций, являющихся субъектами интересующего нас конфликта, и, сравнив полученные эмпирические данные с информацией из других источников, составить более полное представление о субъектах конфликта в их динамике. Устная история позволяет также использовать уникальный опыт личностного переживания определенных событий истории для выявления специфических характеристик конфликта: например, определение характеристик языка конфликта предтоталитарных обществ, анализ коммуникативных практик, отображающих типовые стратегии конфликтного поведения в период революционных преобразований. Диапазон анализа при этом крайне широк: от революции 1917 г. (конфликты которой могут анализироваться через воспоминания и дневники современников) до «бархатных революций» в современной Восточной Европе: поиск аналогий, типовых, повторяющихся и уникальных проявлений конфликтности, анализ различных вариантов реагирования на конфликт и т. д.

Особое значение при этом приобретают проблемы соотношения «императивов памяти» и конфликта историй, «изменения доминантного образца толкований», а также проблема «коммуникативной памяти»

разрабатываемые Е. Ю. Мещеркиной [42]. Эти проблемы имеют особое значение при реализации лингвоконфликтологического метода и исследовании языка конфликта как средства интерпретации в контексте конструирования истории. Конфликт, выраженный (вербализированный) или замаскированный (кроющийся за фигурами умолчания) в тексте биографического интервью является и индикатором идентичностей, и индикатором ценностных ориентаций, что актуализирует значение разработки лингвоконфликтологических практик интерпретации текстовой информации.

Сочетание кейс-стади (case study) и тактики восхождения к теории (grounded theory) раскрывает дополнительные возможности исследования конфликтов в трансформирующемся обществе. Тактика восхождения к теории «состоит в рассмотрении конкретной жизненной ситуации как формы проявления определенного феномена, который подлежит теоретизированию - обобщенному абстрактному представлению в виде теоретического утверждения или гипотез относительно данного феномена, наблюдаемого в реальной практике» [45, с. 97]. Эта тактика методически близка кейс-стади, некоторые исследователи даже называют ее «теоретизирование случая» или «построение теории случая» [48]. Применение этой тактики позволяет не только создать банк информации, включающий в себя описание уникальных и типовых проявлений конфликтности в определенных социальных ситуациях (что может быть сделано и в рамках кейс-стади), но и обобщить, систематизировать эти проявления, доработать на основании полученного эмпирического материала существующие динамические модели конфликта: например, найти способы включения нового знания об иррациональных проявлениях конфликтности в имеющиеся теоретические конструкции, разработать новые модели конфликта, обобщающие особенности различных коммуникативных стратегий, варианты их трансформации под воздействием социальных изменений и др.

Взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций, проявляющаяся во взаимосвязи номинаций и различных образов конфликта, выстраиваемых в ходе нарративного интервью, является важной проблемой, выявление и решение которой сопряжено с разработкой лингвоконфликтологической концепции.

Анализ материалов качественных исследований, а также личных исследовательских наблюдений «социологов-качественников» по поводу

особенностей сбора социологической информации и связанных с этим комментариев исследовательского процесса (в частности, [41]–[45]) позволяет заметить, что конфликт не только получает возможность дополнительного изучения при применении качественной стратегии, но и сам может рассматриваться как познавательное средство, расширяя возможности качественных исследований различных явлений и процессов социальной жизни. Так, например, при проведении биографических интервью фиксируется ряд особенностей поведения информантов, в том числе речевого поведения, которые мы можем рассматривать как знаки скрытых конфликтов: возникновение «фигур умолчания» в нарративных интервью, уход от темы, отказ (явный или косвенный) от комментирования определенных ситуаций, явное предпочтение местоимений именам собственным и существительным при назывании некоторых из участников событий, описанных в интервью (например, один из респондентов в ходе интервью, рассказывая о школе, учителей называл исключительно при помощи местоимения «они» и избегал иных номинаций [49]), специфика лексики по отношению к различным участникам жизненных событий и т. д. Интерпретация всех этих проявлений, которые условно можно назвать «знаками конфликтности», является практически нерешенной задачей в поле качественной социологии.

«Знаки конфликтности», косвенно проявляющиеся в процессе сбора социологической информации, могут получить дополнительную возможность интерпретации благодаря привлечению именно конфликтологического знания. При этом характер реагирования на конфликтную ситуацию позволяет лучше понять ценностный мир, а рассмотрение особенностей нарратива о конфликте позволяет выявить связь конфликта с социальными трансформациями. Для обобщения этих моментов целесообразно использовать тактику «восхождение к теории» - и здесь вновь проявляется перспективность совместного решения методологических проблем измерения в русле конфликтологии и качественной социологии.

Обращение к качественной стратегии социологического исследования позволяет решить ключевые методологические проблемы социологического измерения конфликтности в социуме. Личностные, иррациональные факторы могут фиксироваться благодаря ориентации на микропроцессы, уникальный опыт переживания социальной ситуации. Характеристики, связанные с управлением конфликтом, как и образы конфликтной ситуации, получают возможность измерения благодаря

пониманию и интерпретации глубинных смыслов конфликтного поведения - как с точки зрения повседневного опыта субъектов конфликта, так и с точки зрения различных институциональных практик. При этом необходимо рассматривать конфликт как систему структурных коммуникаций, учитывая характеристики межличностной коммуникации в коммуникативных системах более «высокого порядка». Именно в таком случае микропроцессы и связанные с ними личностные, уникальные смыслы и интерпретации, которые являются приоритетными в научном поле качественной стратегии, оказываются включенными в исследовательские модели конфликтов не только микроуровня, но и макро- и мегауровня.

Понятие «язык конфликта» является ключевым при разработке лингвоконфликтологической концепции, поскольку это позволяет, благодаря характеристикам языка конфликта, измерять конфликтность на пересечении институциональной и повседневной плоскостей.

Контент-анализ, интент-анализ, дискурс-анализ, конверсационный анализ: лингвоконфликтологическая интерпретация

Среди практик интерпретации текстовой информации, которые фигурируют в качественной социологии, особое значение при исследовании конфликтной проблематики имеют следующие: дискурс-анализ (Т. А. Ван Дейк [52], [53], Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен [54] Р. Водак, Т. Ван Ливин [55] и др.), конверсационный анализ (С. Хетер, Д. Францик [56], Д. Ранцев-Сикора [57]) и контент-анализ (от классической модели Лассуэла – к современным модификациям: например, Р. Хогенраад [58], В. И. Шалак [59], Н. Костенко, В. Иванов [60]). При этом в центре внимания современных исследований с применением дискурс-анализа находятся, прежде всего, тексты «конструируемые» (с целью определенного манипулятивного воздействия) и конструирующие (социальную реальность), а также тексты, являющиеся носителями легитимного дискурса (например, политические тексты и их репрезентация в СМИ). Иную грань представляют собой работы, в которых проводится анализ дискурса (как речи, погруженной в жизнь) – в таком случае выступают в единстве институциональная и повседневная плоскости.

Среди методологических проблем применения к исследованию конфликта различных практик интерпретации текстовой информации можно выделить следующие.

Во-первых, недостаточно четко определено соотношение дискурс-анализа (как метода) и анализа дискурса («как совокупности сообщений, имеющихся в общественном обороте»).

Во-вторых, контент-анализ в качественной социологии, как правило, относят к числу количественных методов, сводя его к подсчету смысловых единиц при определении количественных характеристик текста. Тем самым не учитывается исследовательский потенциал его качественно-количественной модификации. Именно эта модификация является особенно важной при исследовании проблемы социальных конфликтов. Разработка различных вариантов качественно-количественного контент-анализа, в которой учитывается специфика измерения конфликтности, является одной из задач, которая решается в рамках лингвоконфликтологической концепции. При измерении конфликтов должны учитываться не только количество, но и степень интенсивности воздействия текстовых структур, являющихся носителями потенциальной конфликтности.

В-третьих, проблема интегративного подхода при использовании различных методов текстовой информации. Методы анализа, используемые в различных областях социогуманитарного знания (например, семантический и другие методы) при введении их в поле конфликтологического анализа раскрывают новые возможности исследования конфликтов через текст, что имеет особое значение в условиях информационного общества.

Особое внимание хотелось бы обратить на структурно-семиотический метод московско-тартуской школы [61], морфологический анализ В. Я. Проппа [62], [63], а также интент-анализ [64]. Названные подходы представляют особый интерес с точки зрения решения проблемы квантификации при измерении нерациональных, эмоциональных характеристик конфликтного взаимодействия. Эта проблема является одной из важнейших в современной конфликтологии, поскольку именно невозможность квантификации иррациональных факторов развития конфликта – основная причина неточных прогнозов развития конфликтов, а следовательно, основное препятствие их эффективного разрешения. С учетом таких характеристик конфликтов в современном трансформирующемся обществе, как влияние иррациональных факторов на развитие конфликтов, возрастающее значение нематериальных ресурсов и парадоксальные исходы конфликтов, необходимость реше-

ния проблемы квантификации иррациональных, экзистенциальных, личностных характеристик конфликта еще более актуализируется. Представляется, что один из вариантов решения этой проблемы кроется в разработке и эмпирической операционализации лингвоконфликтологического метода, в рамках которого различные практики интерпретации текстовой информации адаптируются к исследованию конфликта в единстве его рациональных и иррациональных проявлений.

Таким образом, необходима разработка концептуального подхода, интегрирующего различные методики и технологии в рамках комплексной конфликтологической экспертизы конфликтов через тексты, являющиеся носителями определенного конфликтного или гармоничного потенциала. В основе интеграции - системно-структурный подход к анализу конфликтных взаимодействий и взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций. Особенностью реализации комплексной лингвоконфликтологической экспертизы, интегрирующей различные практики интерпретации текстовой информации, является исследование в единстве институциональной и повседневной плоскостей проявления конфликтности (в том числе связанной с практиками «опривычивания» на уровне повседневности легитимного дискурса или с практиками сопротивления этому дискурсу). В этом отличие лингвоконфликтологического подхода от современных исследований, например, «языка вражды» [65], в котором доминирует исследование средств массовой информации и других средств институционального влияния, вне выявления «обратной связи» с повседневностью.

Особое значение для разработки лингвоконфликтологической концепции имеет методологический потенциал исследований, в которых рассматриваются повседневные практики во взаимодействии с влиянием институциональных изменений (В. Воронков, О. Карпенко и др. [66], Н. Н. Козлова [46], Е. Ю. Мещеркина [42], И. М. Попова [67], Ш. Фицпатрик [68], Е. Р. Ярская-Смирнова [69]).

При измерении идентичностей особое значение приобретают варианты интерпретации текстов, учитывающие взаимосвязь грамматических форм с ценностными ориентациями, потенциал конструирования реальности посредством социальной грамматики. С этой точки зрения особое значение имеет грамматический метод О. Розенштока-Хюсси (1888–1973), идеи которого до сих пор не включены в поле социологической интерпретации. Рассмотрим возможности применения грам-

матического метода в качественной социологии и конфликтологии – в технологиях исследования и решения социальных конфликтов.

Грамматический метод Ойгена Розенштока-Хюсси, или грамматические конструкты лингвоконфликтологического метода

Обращение к концепции социального мыслителя Ойгена Розенштока-Хюсси представляется особенно актуальным в связи с тем, что он рассматривает язык и социальные процессы в непосредственной взаимосвязи, утверждая и доказывая, что «речь лечит общество от болезней дисгармонии и распада во времени и в пространстве» [70, с. 19], считая, что «язык, логика и литература определяют судьбу общества и выражают все политические перемены; они воплощаются в действительности и определяют действительность» [70, с. 12]. Кроме того, важным методологическим вопросом в рамках качественной социологии (как показал анализ особенностей применения качественных методов к исследованию социальных конфликтов) является расшифровка особенностей грамматических и лексических характеристик как форм передачи конфликтного, равнодушного или солидарного отношения. В определенной мере это перекликается с психоаналитическими практиками интерпретации, но не сводится к ним, так как главным является социокультурный контекст развертывания событий в пространственном и временном континууме. В большей мере, чем психоанализ, ключи к расшифровке существующих грамматических форм дает грамматический метод О. Розенштока-Хюсси при адаптации его к технологиям исследования и разрешения современных социальных конфликтов.

Заметим, что идеи О. Розенштока-Хюсси долгое время не получали распространения в философии и социологии. В предисловии к первому американскому изданию его книги «Речь и действительность» (1969) К. Гарднер отмечает, что эта работа считается «ключом к остальным работам Розенштока-Хюсси», так как содержит обоснование и описание открытого им грамматического метода. К. Гарднер пытается также найти ответ на вопрос, почему О. Розеншток-Хюсси - «мыслитель редкий по силе воздействия, но мало кому известный», и пишет следующее: «Отчасти это объясняется внешними причинами: основные труды Розенштока-Хюсси издавались только в Германии. Однако главная причина в другом: то, что он утверждает, настолько ново, что не воспринимается аудиторией. Университетские теологи, философы и социологи старательно не

замечают его. Он подрывает основы основ самого их существования, так как по сути дела все, что он пишет и преподает - это штурм академических схем» [70, с. 5]. Осмысление его концепции необходимо не только с позиции современных общественных наук, но и в истории их развития.

Исследователи творчества О. Розенштока-Хюсси, как правило, относят его к «плеяде философов-диалогистов» (он оказал значительное влияние на творчество Ф. Розенцвейга, предвосхитил основные идеи М. Бубера); идеи Розенштока-Хюсси интерпретируют как предпосылки возникновения философии языка, его идеи рассматриваются в качестве важнейшего источника герменевтического и неоструктуралистского «поворота к языку» в академической науке Запада 1960-х гг. [71]. Вместе с тем, в своих работах ученый анализирует целый ряд социальных проблем, выявляет закономерности развития общества и их проявления в языке, рассматривает становление социальных институтов (образование, наука, политика и др.). Первое обоснование его грамматического метода было дано в работе «Социология» в 1925 г., а в 1956–1958 гг. вышло уже расширенное издание этой работы в двух томах, поэтому идеи О. Розенштока-Хюсси целесообразно рассматривать и в историко-социологическом контексте. Этот мыслитель и сегодня еще недостаточно известен, его имя не удалось найти в новейших философских и социологических словарях, поэтому особенно важно обратить внимание на современность звучания основных его идей.

Именно потому, что книга «Речь и действительность» является ключом ко всем другим работам О. Розенштока-Хюсси, и обратимся к ней для анализа методологических принципов его концепции и основных элементов грамматического метода, интерпретируя основные идеи с позиции современной конфликтологии.

Сущность и значение грамматического метода

О. Розеншток-Хюсси считает, что разработанный им грамматический метод не только позволяет решить ряд важных философских проблем, но и глубже понять сущность многих социальных явлений и процессов, а также сделать общество гармоничней. «Грамматический метод - это путь, на котором человек осознает свое место в истории (позади), мире (вовне), обществе (внутри) и судьбе (впереди). Грамматический метод дополняет и развивает, таким образом, саму речь, ибо, хоть речь и задала человеку направление и на века сориентировала его в том, что касается

его места во вселенной, сегодня требуется дополнительное осознание этой направляющей и ориентирующей силы. Грамматика - это самосознание языка, точно так же как логика есть самосознание мышления. Знание грамматики наделяет человека способностью противостоять искушениям примитивной логики и ее необдуманному применению в целях познания своего места во вселенной» [70, с. 21]. В этом определении отображается наличие в грамматическом методе О. Розенштока-Хюсси как философско-методологического аспекта обоснования, связанного с проблемой пространства и времени, так и социологического измерения, высвечивающегося через применение грамматического метода к анализу конкретных проявлений социальной жизни и использование этого метода для отслеживания социальных изменений через язык, грамматику, литературу. В целом в работах ученого философский аспект реализуется преимущественно на уровне методологии, социологический - на уровне метода. Это составляет одну из основных сложностей интерпретации его идей применительно к технологиям разрешения социальных конфликтов.

Концепция О. Розенштока-Хюсси имеет преимущество, которого лишены многие современные конфликтологические концепции, - это тесная взаимосвязь методологии и метода исследования и операционализация, последовательная и всесторонняя, методологических принципов на уровне метода. Грамматический метод О. Розенштока-Хюсси буквально слит воедино с методологией познания, но именно это преимущество и является основным препятствием в социологической интерпретации его метода и адаптации его к современным социальным процессам, поскольку методологическая основа метода философская и автор реализует познание через проблемы пространства и времени, образующих, по его мнению, «крест реальности» (позади, впереди, внутри и вовне). Речь помогает человеку преодолеть «напряжение этого четырехугольника»; метод является, с точки зрения О. Розенштока-Хюсси, универсальным, и настоящее отсутствует («прошлое отрезано от будущего моментом, острым, как лезвие бритвы»). Как же в таком случае интерпретировать применительно к исследованию современного общества грамматический метод - в определенном смысле вневременной и внепространственный? При этом ряд идей, содержащихся в трудах ученого, относится непосредственно к анализу общества, создают предпосылки для исследования его гармоничности или конфликтности через язык,

а некоторые наблюдения автора, замечания, касающиеся конкретных социальных процессов, фиксируют их взаимосвязь с языком, включенность в них языка как одного из определяющих факторов «заболевания» и «лечения» общества от «болезней дисгармонии». Именно эти идеи имеют особое значение для разработки технологий управления конфликтами. Но как взять на вооружение интересующие социологические идеи, не потеряв целостности грамматического метода, выстроенного в единстве с соответствующей методологией? Попробуем решить эту задачу следующим образом. Не пытаясь отделить социологический пласт научных поисков О. Розенштока-Хюсси от философского, определим, какие из его воззрений и элементов грамматического метода сопряжены с исследованием конфликтности в социуме и какие проблемы технологий разрешения конфликтов могут быть выявлены и сняты благодаря использованию эвристического потенциала грамматического метода.

Языковые причины и языковые последствия войны, революции, кризиса и упадка

При разработке социокоммуникативных технологий интерес представляют идеи О. Розенштока-Хюсси, связанные с поиском языковых причин и последствий войны, революции, кризиса и упадка, которые он называет «четырьмя общественными бедствиями» или «четырьмя общественными болезнями». Они, по его мнению, «так или иначе вредят языку. Зачем им это нужно? По той простой причине, что язык есть оружие борьбы с этими четырьмя болезнями, которые раскалывают общество на части, прорывая какой-нибудь из его временных или пространственных фронтов. Человеческая речь есть защита этих четырех фронтов» [70, с. 17].

Изменения языка в период упадка О. Розеншток-Хюсси представляет следующим образом: «Когда цивилизация изъедена гнилью, у старых людей не хватает энтузиазма, чтобы преподать молодым веру. И тут - отсутствие речи. Дело, строго говоря, не в том, что молодежь не желает разговаривать со стариками. Дело в том, что слова, которыми обмениваются родители и дети в эпоху упадка, достигают слуха молодых людей лишенными силы убеждения. Что-то случилось с содержанием языка. Он, похоже, стал простым сотрясением воздуха, мертвой формулой, окаменелым ритуалом»[70, с. 16]. Характеризуя язык революций, О. Розеншток-Хюсси отмечает: «Во времена революций и язык, и традиции прошлого

обесцениваются как вышедшая из употребления валюта. Нормы прежнего языка и другие классические ценности подвергаются осмеянию. Создается новый язык» [70, с. 17]. Он также подчеркивает взаимосвязь изменений языковых и социальных: «Разрушение немецкого языка, происходившее между 1933 и 1939 годами, - одно из самых стремительных и разрушительных событий всех времен в области сознания и речи. И те, кто видел это своими глазами и слышал собственными ушами, уже не могут отделить собственно распад языка и духовный крах от социальной катастрофы» [70, с. 12]. Анализируются и роль языка при переходе от войны к миру и значение языка в установлении мира. В этих и других рассуждениях ученого об изменениях языка в период войны, кризиса, революции и упадка можно выделить прежде всего два взаимосвязанных момента, которые имеют прикладное значение при анализе социальных конфликтов. Во-первых, выявляется взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций и проводится конкретизация этих взаимосвязей через обращение к грамматике и различным формам языка (подчеркивается, что грамматические формы выдают наши самые глубинные биографические решения), что создает предпосылки для косвенного выявления ценностных ориентаций через выбор определенных грамматических форм, а также анализа тенденций развития общества. Во-вторых, прослеживается языковое воздействие на ценности и социальные отношения, рассматривается миротворческая миссия языка, что позволяет выявить дополнительные возможности воздействия слова, текста на ситуацию конфликта.

О. Розеншток-Хюсси рассматривает, каким образом язык устанавливает отношения посредством грамматических актов, анализируя воплощение этого в различных грамматических формах (спряжениях и наклонениях глаголов, применении множественного и единственного числа, настоящего, будущего или прошедшего времени глаголов и т. п.). Он иллюстрирует принципы грамматического метода через обращение к конкретным примерам. Приведем некоторые из них, которые представляются наиболее характерными.

«Скажу ли я сегодня «Европа была великой цивилизацией» или «Европа есть великая цивилизация», я тем самым решаю вопрос жизни и смерти Европы. Я либо ставлю на ней крест, либо обещаю ей большое будущее. Равным образом, скажу ли я «Все мы должны жить в мире на земле» или «Этим диктаторам лучше бы не шуметь», - из этого следует,

включаю я или исключаю, проводя линию между собой и, соответственно, другими людьми, признаваемыми мною за «мы», по сю сторону, или какими-то отвратительными личностями - где-то за пределами мироздания. И это последнее суждение касательно положения в обществе распространяется ныне по всему земному шару говорящим социальным универсумом» [70, с. 22]. В этом фрагменте О. Розеншток-Хюсси выходит в определенной мере на грамматическое измерение идентичностей, а также показывает, как проявляются ценностные ориентации через речевые ориентации. Оба эти момента важны при разработке современных социальных технологий, так как создают предпосылки измерения потенциальной конфликтности по ряду косвенных показателей.

Грамматические практики интерпретации текстовой информации и качественная социология

Обосновывая «социальную ценность грамматики», О. Розеншток-Хюсси обращается к спряжению глаголов в латыни, иллюстрируя свои воззрения через обращение к глаголу «любить»: « ...Сила эмфазы, которую несет в себе «я люблю», «мы любим» или «ты любишь», как раз и составляет специфическую ценность этих высказываний (sentences). Присущая им эмфаза делает их отличными от предложений типа «он любит». Предложение «он любит» совершенно оправдано, если оно соответствует истине. Предложение «я люблю» является оправданным лишь в том случае, если оно представляет собой поступок веры (an act of faith) и лишено бесстыдства. Предложение «ты любишь» оправдано тогда, когда оно способно помочь, а не оскорбить. Высказывание «мы любим» оправдано, если оно основывается на опыте совместной жизни, а не на абстрактной догме... Эмфаза - это сила тона. А сила тона отражает степень нашей причастности к тому, что говорится» [70, с. 118]. Это высказывание О. Розенштока-Хюсси отображает общие принципы анализа коммуникативных актов через речь с учетом личностных особенностей, а также фиксирует проблему приемлемости или неприемлемости определенных грамматических форм в конкретной ситуации; неприемлемое применение - потенциальная конфликтность. Особенно интересно рассмотреть это соотношение через обращение к этикетным предписаниям в отношении речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях. С точки зрения технологий разрешения конфликтов это рас-

крывает возможности для предупреждения конфликтов или их провоцирования посредством выбора определенных грамматических форм.

Применяя грамматический метод к анализу общества, О. Розеншток-Хюсси фиксирует употребление определенных грамматических форм и их доминирование в речи как отображение ориентации на объективное («язык имен») или субъективное («язык местоимений» - «наше» и «мое»), новое («язык императивов») или прошлое («язык прилагательных»), внутреннее, подчеркивающее единство («язык местоимений» - «мы», «я», «наше», «мое», «твое» и т. д., служебные слова «и», «не», «несмотря на» и т. д., наклонения: желательное, сослагательное) или внешнее, подчеркивающее свободу каждого собеседника (имена, числительные, речь в изъявительном наклонении), поступательное или возвратное [70, с. 139–140]. Он выявляет также целый ряд языковых особенностей проявления социальных отношений через употребление множественного или единственного числа и рассматривает их замещение как одно из проявлений власти языка и общества в грамматических актах (многочисленные недоразумения, связанные и с грамматикой, и с речью, и с психологией, и с обществом, коренятся в хитроумном замещении «воспоминания плюс забвение» гордым образом именуемым «память» [70, с. 67]), а также анализирует влияние грамматики на развитие социальных институтов науки и образования и др.

Представленные О. Розенштоком-Хюсси особенности языковых проявлений социальных отношений могут быть учтены при проведении качественно-количественного контент-анализа потенциальной конфликтности, а также при социологическом измерении доминирующих в определенных текстах стратегических ориентаций конфликтного поведения. Кроме того, грамматические характеристики могут быть использованы как лингвистические индикаторы идентичностей, что создает предпосылки для рассмотрения элементов грамматического метода в качестве грамматических конструктов лингвоконфликтологической концепции и для использования закономерностей социальной грамматики при осуществлении лингвоконфликтологического измерения идентичностей.

Качественная социология и перспективы разработки лингвоконфликтологической концепции

Познавательные возможности конфликта проявляются как на этапе сбора информации в качественном исследовании, так и на этапе ее интерпретации (причем в гораздо большей мере). Лингвоконфликтологический подход к анализу коммуникативных процессов раскрывает новые интерпретационные поля, позволяет выявить дополнительные скрытые смыслы, факторы формирования индивидуальных стратегий, понять мотивы тех или иных поступков, выявить конфликтологические истоки кризиса идентичности и т. д. Характеристики конфликта, скрывающиеся в тексте, служат показателем внутренних и внешних, индивидуальных и социальных трансформаций. Важным моментом при этом является определение различных образов конфликта, кроющихся в различных текстах, трансформация образа конфликта в одном тексте, отображающая динамику ценностного восприятия социальной и индивидуальной жизни.

Анализ различных методов и методик качественного социологического исследования показывает, что при изучении конфликтности необходима разработка специальной интерпретативной практики, которая, с одной стороны, адаптирована именно к исследованию социальных конфликтов, с другой – интегрирует подходы к исследованию конфликтного потенциала в различных текстах. Кроме того, извечный вопрос социологии о соотношении макро- и микроуровней социального взаимодействия в русле качественной социологии приобретает особое звучание: как связаны изменения макро- и микроуровней, как взаимосвязаны изменения повседневных практик и социальных институтов? Именно в лингвоконфликтологической интерпретации социальных изменений и в обращении к понятию язык конфликта раскрываются новые перспективы решения этой методологической проблемы. Все это определяет необходимость и создает предпосылки разработки лингвоконфликтологического подхода к исследованию социокоммуникативных процессов.

Таким образом, с одной стороны, качественные методы раскрывают дополнительные возможности исследования конфликтности, с другой - конфликтологическое знание и практики конфликтологической интерпретации, применяемые в социологическом исследовании, расширяют возможности получения социологической информации с применением качественных методов, повышают надежность полученных результатов.

1.3. Конфликт идентичностей в условиях Пограничья: формирование идентичностей и конструирование истории

Проблема идентичностей и их конструирования является крайне актуальной в связи с социокультурными трансформациями, происходящими на постсоветском пространстве, в связи с конфликтными и интеграционными процессами в Восточной и Западной Европе, с разрушительными и созидательными конфликтами в рамках мирового сообщества, подверженного всем «искушениям глобализации» и влиянию «посткоммунистического» наследия. Все это переплетено с процессами трансформации идентичностей и формирования новых идентичностей. При этом особую роль играет язык конфликта, включенный в механизмы формирования идентичностей и легитимизации социальных изменений (как на уровне повседневных практик, так и на уровне социальных институтов).

Как впечаталось в сознание то, что раньше многие из нас жили в едином государстве с названием Советский Союз, конечно, не прошло бесследно, и резкие социальные изменения во многом послужили причиной «культурной травмы» [1], [2]. Однако следует заметить, что там, где уже в советское время были предпосылки для формирования «альтернативного» дискурса на уровне повседневных практик (например, мечта о независимом государстве), – один вариант трансформации идентичностей, там, где все было связано едиными нитями родственных связей или профессиональных идентичностей, – иной вариант их трансформации. В этом кроется понимание конфликтного потенциала, который зачастую искусственно подогревается и используется в качестве средства манипуляции политиками. И при этом есть нити ценностного единства, поддерживающие целостность общества как социальной системы. На чем основывается эта целостность и как определяют идентичности?

В поисках ответа на вопросы о соотношении кризиса идентичностей и мнимых идентичностей, о причинах конфликта идентичностей в условиях Пограничья обратимся к анализу основных методологических подходов к исследованию проблемы идентичностей и роли ценностей в процессе формирования идентичностей, обозначим методологические проблемы измерения идентичностей, а также возможности лингвоконфликтологического подхода при решении методологических проблем измерения идентичностей в условиях Пограничья.

Методологические проблемы исследования идентичностей: перспективы лингвоконфликтологической интерпретации

Понятие, структура и механизмы формирования идентичностей характеризуются множественностью подходов к интерпретации так же, как и понятие, структура и динамика возникновения, развития и решения конфликтов. В этом многообразие межпредметных поисков в конфликтологии созвучно межпредметным исследованиям идентичностей. Как же быть в ситуации этой двойной неопределенности в системе понятий? Попробуем решить эти проблемы в единстве, выявляя конфликтный потенциал в формировании идентичностей. Именно рассмотрев их в единстве, можно особенно ярко увидеть, какие подходы к пониманию идентичностей имеют принципиальное значение при исследовании проблемы социальных конфликтов.

Множественность интерпретаций понятия и механизмов формирования идентичностей рассматривается в целом ряде публикаций как отечественных, так и зарубежных ученых – социологов, психологов, культурологов, философов. Сегодня в некоторых концепциях понятие идентичности является центральным, они подчеркивают особую роль этого понятия в решении методологических проблем исследования личности.

Хотелось бы обратить внимание на работу Р. Брубейкера и Ф. Купера [3], в которой обосновывается целесообразность отказа от употребления термина «идентичность» в научном анализе, поскольку «концептуализация всех соотношений и связей, всех форм принадлежности, всех инстанций общности, привязанности и сплоченности, всех аспектов самопонимания и самоопределения в идиоме «идентичности» заключает нас в рамки прямых, негибких и ограниченных понятий» [3, с. 62]. Стоит ли отказываться от термина «идентичность» в пользу других терминов для реализации более объективного научного анализа или необходимо осуществлять поиск новых инструментов измерения идентичности, позволяющих избавиться от влияния множества субъективных напластований? Вопрос этот представляет серьезную методологическую проблему и пока остается нерешенным.

Анализ различных методологических подходов к осмыслению сущностных характеристик и структуры идентичностей позволил выявить ряд проблем, являющихся предметом методологических дискуссий,

имеющих принципиальное значение для разработки лингвоконфликтологической концепции.

1. Разграничение личностного и социального уровней идентичностей: насколько это оправдано на уровне теории и во что это выливается при реализации социологического измерения?

2. Взаимосвязь и взаимодействие различных видов идентичностей: как упорядочить восприятие механизмов конструирования идентичностей в поле этой многообразной мозаики идентичностей?

3. Какова роль ценностей в формировании и изучении идентичностей, в том числе предпочтений исследователя, невольно накладывающего свою ценностную рамку интерпретации на процесс изучения идентичностей и представления полученных результатов?

4. Введение понятия идентичностей – путь выхода из «методологического тупика» при исследовании проблем личности [72] или новый конструкт, который формирует новые проблемы в реальности, создает дополнительные предпосылки для манипулирования общественным сознанием, моделирования социальных изменений, в особенности в сочетании «национальная идентичность» [73]?

Именно эти методологические проблемы, которые приобретают особое значение при исследовании особенностей конструирования истории в условиях Пограничья, предлагаю рассмотреть в лингвоконфликтологическом аспекте.

С позиций разработки лингвоконфликтологического подхода особое значение имеют подходы, в которых рассматриваются в единстве личностный и социальный, индивидуальный и групповой уровни идентичности: так как основой лингвоконфликтологического подхода является рассмотрение конфликтов как системы многоуровневых структурных коммуникаций, а конфликтные ситуации являются важными элементами формирования идентичностей, то это ценностно-структурное единство представляется логичным перенести и в плоскость рассмотрения идентичностей.

Противопоставление различных уровней идентичностей не дает целостного представления о процессе их формирования. Существуют различные виды и уровни идентичности, не все из них осознаны, но в поле влияния различных видов и вариантов проявления идентичности, при доминировании той или иной составляющей или при относительно равноправном их существовании человек говорит и, говоря, «осознает

свое положение в истории и в мире» (О. Розеншток-Хюсси) [70]. Это актуализирует значение лингвистической составляющей в формировании и измерении идентичностей, и не только в плане роли языка как элемента культуры в процессе социализации, влияния на эти механизмы ситуации двуязычия или диглоссии. В некоторых из концепций изучаются лингвистические стратегии формирования и реализации идентичностей при выборе различных коммуникативных моделей. Например, предлагается модель, в которой, «варьируя четыре типа предикации и связывая их с различными референтами, говорящий может выразить в речи различные прагматические интенции» [74]. Эта модель используется, в частности, при исследовании особенностей лингвистических различий между восточными и западными немцами. В этой работе, несомненно, представляющей большой интерес с точки зрения лингвоконфликтологического подхода, исследуется роль лингвистических стратегий в процессе установления социальной идентификации, при этом идентичность рассматривается как объяснение межперсональной и межгрупповой дифференциации, т. е. на первый план выходит процесс коммуникации. При разработке лингвоконфликтологической концепции роль лингвистических стратегий анализируется не только в процессе коммуникации, но и в процессе интерпретации. Эти два процесса представлены в единстве, а акцент на коммуникативных или интерпретативных механизмах делается в зависимости от предмета исследования.

Особого внимания заслуживает анализ особенностей становления понятия «социальная идентичность», представленный в работе С. А. Баклушинского и Е. П. Белинской, в которой обосновывается, что именно введение понятия идентичностей позволило преодолеть тупик, возникающий при абсолютизации любой из двух логик анализа личности, утвердившихся в середине XX в.: структурно-функциональной, для которой характерно позитивистское решение проблемы человека в целом (традиция, рассматривающая личность как объективно фиксируемую совокупность тех или иных элементов, позволяющих типологизировать различные личности и сравнивать их друг с другом), и феноменологической, в рамках которой «личность предстает как принципиально уникальная, неповторимая, экзистенциальная сущность... в силу этого – объективно неделимая на какие бы то ни было составные части и – на методическом уровне – несравнимая и нетипологизируемая» [60, с. 118]. Абсолютизация любой из этих двух логик приводила к

методологическим проблемам адекватного измерения идентичностей: в первом случае не учитывались уникальность личности, ее экзистенциальная сущность, во втором случае возникали трудности эмпирической операционализации. Введение термина «идентичность» способствовало выходу из этого тупика, чем авторы и объясняют столь большой интерес к проблематике идентичностей. Это имеет особое значение при исследовании идентичностей через понятие языка конфликта, так как лингвоконфликтологический подход к исследованию сочетает в себе возможности выявления как типовых характеристик языка конфликта, так и феноменологической интерпретации уникальных проявлений индивидуального через погружение в «жизненный мир».

Для обоснования такой возможности обратимся к основным положениям теории идентичностей, и прежде всего к работам Э. Эриксона, проводя их лингвоконфликтологическую интерпретацию. Как известно, введение в научный оборот понятия «идентичность» связывают с именем Э. Эриксона и его работой «Детство и общество» (1950) [75]. Структуру идентичности ученый представил тремя уровнями анализа: индивидном (результат осознания человеком своей собственной временной протяженности), личностном (ощущение человеком своей собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, создающего тождественность самому себе) и социальном («личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными и групповыми стандартами и тем самым помогает процессу «Я»-категоризации»). Соглашаясь с рассмотрением этих компонентов в единстве, хотелось бы отметить, что временная протяженность оказывается действенной на всех уровнях: личностном, выливающемся в соотнесение своей биографии с историей семьи, а на уровне социальном – в виде соотнесения своей личной биографии с историей больших социальных групп и общностей (нации, этноса, государства).

Момент, который представляется спорным в концепции Э. Эриксона, – это особая роль «осознания» идентичностей. Идентичности не всегда осознаны. Человек может ощущать их, являться их носителем, но не осознавать своей идентичности, пока не попадет в определенную конфликтную ситуацию, или пока не столкнется с конфликтом интерпретаций, что, возможно, заставит его предаться внутренней рефлексии и приведет к определенному осознанию своей идентичности. В чем же в таком случае проявляются неосознанные идентичности? Почему

мы можем говорить о том, что они существуют? Потому что они могут проявляться в поведении человека (в том числе в речевом поведении), являются детерминантами определенного реагирования (речевого, но и не только) на ту или иную ситуацию. Это означает соединение двух методологических положений: первое – «ценности создают идентичность» [75], являются ее стрежневым элементом, определяют идентичность, второе – ценностные и речевые ориентации взаимосвязаны, что позволяет измерить идентичности, в том числе и неосознанные, но реально существующие через анализ лингвистических характеристик текста в ценностном аспекте (при осуществлении анализа становится принципиально важным соединение семантического и структурно-морфологического подходов). А учитывая, что идентичности наиболее ярко проявляются в конфликтной ситуации, именно в этой ситуации наиболее ярко можно проследить взаимосвязь между ценностными и речевыми ориентациями – это создает предпосылки для разработки лингвоконфликтологического метода.

Методологические предпосылки для реализации лингвоконфликтологического измерения идентичностей содержатся в работах В. А. Ядова [4], [76]), в которых многогранно анализируются возможности эмпической фиксации различных уровней проявления идентичностей в их единстве, а также в работах Н. Н. Козловой, где отмечается, что «язык подчиняет индивида своим структурам (схемам классификации), позволяющим различать объекты, он формирует высказывания действия и высказывания существования, разделяет мир на зоны (интимность/удаленность) через выбор личного местоимения принуждает высказать свое отношение к другому (Я и ты). Отношение, пусть даже самое что ни на есть трудно выразимое – все же находит выражение с помощью социокультурных структур, оформленных лингвистически [46, с. 15–16].

Историко-философские предпосылки этих идей находим у Л. Витгенштейна, М. Фуко и О. Розенштока-Хюсси.

Даже если человек не осознает своих идентичностей, они являются неосознанными регуляторами поведения, так как ценности «встроены» в идентичности и являются детерминантами поведения человека. Наиболее ярко эти детерминанты проявляются в ситуации конфликта, в особенности если ситуация сопряжена с проблемой нравственного выбора. Попадая в такую ситуацию, человек уже более отчетливо осознает, кто для него «свой», а кто «чужой», таким образом, становятся явными идентичности,

которые до этого были, возможно, скрыты. Кроме того, конфликт является отправной точкой для трансформации идентичностей, что отмечается в целом ряде работ психологов, социальных психологов и социологов. Ключевой момент в процессе формирования идентичностей – ценностная интерпретация конфликтной ситуации. При проведении исследования стимулирование ответа на вопрос, связанный с конфликтом интерпретаций, моделирует попадание в ситуацию выбора, поэтому здесь наиболее ярко проявляются лингвистические маркеры идентичностей. Это создает предпосылки для лингвоконфликтологического измерения идентичностей в условиях трансформирующегося общества.

В целом ряде исследований противопоставляются понятия «индивидуальная идентичность» и «групповая идентичность», анализируется соотношение этих компонентов в структуре идентичностей. Ряд научных исследований подчеркивает нецелесообразность разграничения индивидуальных и групповых идентичностей, необходимость исследования их в единстве (в частности, в традициях символического интеракционизма и др.).

Среди множества подходов к определению понятия идентичностей особое значение приобретает анализ идентичностей в контексте социокультурного подхода, так как идентичность при этом предстает как многомерное, сложное социокультурное образование, в котором присутствуют, взаимодействуют и отличаются его личностные, культурные и социальные компоненты (см.: [5, с. 11]).

Почему именно многомерная модель идентичности важна при реализации лингвоконфликтологического подхода к исследованию? Многомерность моделей конфликтов созвучна многомерности моделей идентичности, и как модели конфликта могут быть интегрированы в ценностном аспекте благодаря особой роли ценностей в возникновении, развитии и решении конфликтов посредством системно-структурного подхода к анализу, так и многомерность моделей идентичностей может быть интегрирована в ценностном аспекте, поскольку именно ценности являются стержнем идентичностей. Кроме того, конфликт – один из ключевых моментов, задействованных в механизмах формирования идентичностей. Взаимосвязь речевых и ценностных ориентаций, «встроенных» в идентичности, позволяет перейти к рассмотрению характеристик языка конфликта. Познавательные возможности лингвоконфликтологического подхода кроются в рассмотрении социокультурных

моделей конфликта, выявлении в них характеристик языка конфликта и исследовании этих характеристик как маркеров идентичностей.

Таким образом, в центре внимания – социокультурные идентичности, рассматривающиеся как многомерное пересечение различных видов идентичностей, составляющих систему взаимодействий «личность – культура – общество», формирующихся, изменяющихся под воздействием социальных трансформаций этой системы и воплощенных в языке конфликта, являющегося одним из индикаторов этих трансформаций.

Взаимосвязь конструирования истории и конструирования идентичностей в условиях Пограничья

«Кризис идентичностей», «культурная травма», «конструирование идентичностей» – целый ряд научных исследований, посвященных современным трансформационным процессам и изменения идентичностей, осуществляется именно в этой системе понятий (например, в работах П. Штомпки [1], [2], В. А. Ядова [21], [76] и др.). С точки зрения лингвоконфликтологического подхода особое значение приобретает дополнение этого ряда понятий риккеровским «конфликт интерпретаций», так как в механизмы социальных изменений включен язык – через различные формы и способы вербализации социальных изменений, их соотношение с восприятием прошлого (истории) и будущего (видение предстоящих социальных изменений), а затем – через интерпретации этих вербализированных структур при прочтении и опривычивании.

Обращение к анализу системы «кризис идентичностей – конфликт интерпретаций – конструирование идентичностей» позволяет включить язык конфликта в понимание и измерение процессов идентификации личности не только как средство коммуникации, но и как средство интерпретации. Причем не только в смысле взаимосвязи языка как средства коммуникации с процессами идентификации (например, роль материнского языка в ситуации диглоссии или тезаурус как маркер принадлежности к определенным субкультурам, фактор принятия или непринятия в рамках этих субкультур), но и в том смысле, что идентичности подсознательно или осознанно, прямо или косвенно высвечиваются в языке.

Прежде чем перейти к анализу особенностей исследования идентичностей в условиях Пограничья, следует обозначить следующие характеристики трансформации идентичностей, связанные как с мировыми

социокультурными процессами, так и с постсоветскими трансформациями: во-первых, связанный с изменениями в системе ценностей кризис самоидентификации, который фиксируется исследователями на уровне мировых социокультурных процессов (Х. Абельс, К. Камиллери, Й. Фергюсон, Т. Франк и др.) и трансформационных процессов на «постсоветском пространстве» (В. А. Ядов, С. А. Макеев, И. М. Попова и др.); во-вторых, культурная травма и преодоление посттравматического синдрома (П. Штомпка); в-третьих, уже упомянутая при рассмотрении типовых характеристик конфликтов мифологизация сознания и символизация конфликтных взаимодействий и др. Все это актуализирует рассмотрение взаимосвязанной системы «конструирование истории – конфликт интерпретаций – формирование идентичностей» через выявление типовых и уникальных характеристик языка конфликта в трансформирующемся обществе.

Современные исследования идентичностей Пограничья фиксируют, что Украина, Беларусь и Молдова находятся в поле притяжения двух полюсов, в зоне влияния двух социокультурных полей – России (не только современной, но и России как носителя исторического прошлого – советского, имперского) и Евросоюза (не только в современном его восприятии, но и в связи с векторами моделирования будущего мирового сообщества, Центральной и Восточной Европы). Это отображается в особенностях интерпретативных практик прошлого, настоящего и будущего и воплощается в языке конфликта как средстве интерпретации. Поэтому язык конфликта имеет особое значение в измерении идентичностей, позволяя выявить особенности включения языковых процессов в трансформацию и формирование новых идентичностей через восприятие истории на уровне индивидуальных повседневных практик интерпретации, а также конструирование новой истории на уровне социальных институтов общества.

Проблема изучения формирующихся идентичностей в контексте идей Пограничья находит свое выражение в целом ряде публикаций, причем анализ показывает, что авторами оценивается влияние совокупности социокультурных и других факторов на формирование идентичностей. Применительно к Украине наиболее показательными являются осмысления идентичностей в работах Я. Грицака [77], Т. Журженко [78] и М. Рябчука [79] как отображающие различные видения процессов формирования и трансформации идентичностей.

Анализируя ситуацию в Украине, Я. Грицак отмечает: «Вероятно, что мы имеем здесь дело с кризисом массовых идентичностей, не закрепленных ни институционально, ни в повседневных практиках, которые выявились как следствие краха политической модернизации в Российской империи и Советском Союзе» [77]. И если с тезисом об институциональной незакрепленности можно согласиться, то по поводу повседневных практик возразим: если кризис идентичностей есть, то он непременно отпечатается на уровне повседневности, поскольку ценности как стержень идентичностей определяют правила и практики повседневного поведения. Как раз обращение к повседневности и дает нам возможность увидеть ситуацию формирующихся идентичностей.

Именно на уровне повседневности, фиксируя «опривычивание» различных дискурсов и варианты их ретрансляции, можно выявить механизмы формирования и конструирования идентичностей. Но важно при этом рассмотреть и характеристики предлагаемых для «опривычивания» дискурсов.

Следует заметить, что каждая из моделей исследования идентичностей содержит определенную ценностную рамку восприятия, предлагаемую автором, определяющую интерпретации социальной реальности и выводы, к которым приходит ученый. Особенно ярко это проявляется в способах интерпретации исторического материала – как в подборе, так и в интерпретации фактов, а также в метафорах, образах, символах, применяемых в текстах. Эти тексты также могут быть подвергнуты анализу в целях выявления характеристик языка конфликта, хотя на «чистоту эксперимента» будут влиять особенности научного жанра, затрудняющие выявление этих характеристик в чистом виде. Приведу наиболее яркие фрагменты текстов, подчеркивающие полярность вариантов восприятия Украины как Пограничья и прорывающиеся в тексте индивидуальные характеристики идентичностей, несущие определенный конфликтный потенциал. Несколько забегая вперед, замечу, что каждый из этих текстов перекликается с текстами интервью, которые были проведены при исследовании характеристик языка конфликта во взаимосвязи конструирования истории и конструирования идентичностей, поэтому целесообразно сопоставить ключевые оценочные суждения и связанные с ними характеристики языка конфликта (в тексте они будут выделены жирным шрифтом) с некоторыми из результатов исследования, лежащего в основе написания данной монографии, в ходе которого была

проведена серия углубленных проблемно-ориентированных интервью с представителями различных поколений Харькова и Львова.

КЕЙС 1

Фрагменты текста М. Рябчука «Западники поневоле: парадоксы украинского нативизма» [79]

«Украина как часть «второго» мира не является единственным исключением. Во-первых, она ощутила на себе полную, **так называемую «социалистическую» модернизацию** – выборочную, непоследовательную и в целом двузначную по своей природе. Во-вторых, **как колония Польши и России, стран никак не передовых и не западных, Украина, по сути, непосредственно не сталкивалась с западным империализмом и не имела оснований идентифицировать модерность с экспансией и доминированием Запада** (даже в Галиции, которая в XIX столетии входила в состав Австро-Венгрии, реальными «панами-эксплуататорами» были поляки, в то время как имперские бюрократы из далекой Вены воспринимались как потенциальные защитники). И, в-третьих, **как восточноевропейская «окраина»** Украина ощущала на себе в разное время и в разных регионах различные, временами целиком противоположные культурные влияния. Все это делает пример Украины чрезвычайно специфическим и, с теоретической точки зрения, весьма интересным» [79, с. 36].

Комментарий. Фраза «**так называемую «социалистическую» модернизацию**» имеет негативную коннотацию. Выражения, подобные этому высказыванию («так называемый советский» и др.), достаточно часто встречаются в интервью львовян.

«**Украинцы парадоксальным образом построили или, точнее сказать, внесли значительную лепту в создание империи, которая отплатила им в результате отрицанием самого факта их существования и энергичным противостоянием каким-либо формам национального возрождения**. Следовательно, этот парадокс не так уж сложно понять, приняв во внимание, что украинцы XVII–XVIII вв. еще не имели современной национальной идентичности: во-первых, они были православными, во-вторых, – царскими подданными и членами определенного положения, и лишь в-третьих, – «здешними», а значит, специфической региональной разновидностью «русско-православной» или «православно-славянской» народности (с определенной местной автономией и исторически легитимированными правами)» [79, с. 38].

Комментарий. В этом фрагменте отображено восприятие Российской империи как колонизатора. Содержащиеся в тексте оценочные суждения перекликаются с отображенным в текстах интервью отрицательным отношением львовян к дискурсу «единства славянских народов» (при рассказе о событиях Переяславской Рады 1654 г.), с иронией по поводу «неудобства» этого дискурса, в котором «я теряю свою идентичность», а также с объяснениями такого при ответе на вопрос о выборе геополитического вектора «Россия или Евросоюз»: «...С Россией уже один раз обожглись...», «Лезть в большую дружбу – мы уже знаем, что такое дружба с Россией, знаем, что такое дружба с Польшей, Австрией, Германией» и др.

«...Украинские славянофилы имели намного больше оснований проклинать Петра I, чем российские славянофилы. Для россиян он был тем, кто уничтожил идеализируемый устой жизни старой Московии, разрушил определенные патриархальные ценности, но придал значимость империи, которой все россияне так или иначе гордились. Для украинцев же Петр был исключительно разрушителем – тираном, который лишил их прав и вольностей, самобытности, прошлого и будущего. Культурный по своему характеру конфликт заменялся политическим. Если российские славянофилы обвиняли царя-»модернизатора», украинцы зашли в своей неприязни значительно дальше: для них он был захватчиком, колонизатором, символом российского деспотизма – в прошлом и настоящем» [79, с. 43].

Комментарий. Анализ интервью, посвященных интерпретациям событий истории, показал, что для львовян достаточно типичным является отношение к Петру I как к «антигерою», что не характерно для харьковчан (исключение – студенты-харьковчане, которые фигуру Петра I также оценивали неоднозначно, а порой и негативно, что созвучно современным учебниками истории).

«Разделенные между Россией и Европой, украинцы не имели другого выхода, как искать поддержку у «врагов своих врагов». Центробежное движение от России с необходимостью означало центростремительное движение в сторону Запада» [79, с. 50].

Комментарий. Этот фрагмент перекликается с описанием событий 1654 г. (Переяславской Рады) в интервью львовян, а также в определенной мере с описанием этих событий в современных украинских учебниках истории (подробней об этом – в разделе 3).

У харьковчан высказывание иного плана, преимущественно созвучные дискурсу о «воссоединении двух братских народов».

«В Украине существуют, очевидно, три фактора, которые сдерживают развитие местного антизападного нативизма. Во-первых, это **полумифическая полуреальная российская угроза**; во-вторых, **полумифическая полуреальная историческая принадлежность Украины к Европе** и, в-третьих, полностью реальная культурно-языковая расщепленность украинского сообщества, которая делает само понятие «нативизм» **существенно иным для его украинской, креольско-малороссийской и советско-российской частей.** В то же время необходимо помнить, что культурно-цивилизационное противоречие между нативизмом и западничеством является частью значительно более глубокого, основного противоречия между традицией и модерностью, между существованием «в себе и для себя» и существованием «в мире и для мира». Это противоречие имеет диалектический характер, его невозможно решить раз и навсегда хотя бы потому, что человек всегда чувствует тоску по «утраченному раю» целостного бытия в «природном» домодерном мире. Такое противоречие можно лишь сглаживать и смягчать, а для этого **украинцам и другим постколониальным народам** следует четко представлять себе преимущества и достижения модерности, а не только ее хорошо известные недостатки» [79, с. 54].

Комментарий. Дискурс об украинцах как об угнетенных Россией и Российской империей в данном случае доходит до крайнего выражения – в виде высказывания «**украинцам и другим постколониальным народам**». Это высказывание встречается в некоторых интервью львовян, но совершенно нетипично для интервью харьковчан.

Таким образом, на одном из вариантов конструирования истории и связанных с этим стереотипных (для носителей этого варианта конструирования истории) суждениях основывается концепция конструирования «двух Украин» как противоположностей. Это может рассматривается как вариант лингвистического конструирования конфликтов. Жесткий выбор схемы интерпретации, отображающей идентичности автора, становится основой для конструирования новых стереотипов. Озвучивание таких концепций в СМИ – путь к конструированию раскола на уровне легитимного дискурса. И если не погрузиться в анализ повседневности, можно заключить, что этот раскол существует. В этом проявляется деструктивная роль лингвистических механизмов конструирования конфликтов. Это приводит к «фабрикации идентичностей» [73], к «политике идентичности» [3].

КЕЙС 2

Фрагменты текста Т. Журженко «Миф о двух Украинах. Комментарий к статье М. Рябчука «Две Украины» [78]

«Концепция «двух Украин» не является всего лишь персональной позицией М. Рябчука. Она представляет часть более широкого дискурса, который охватывает украинское государство с момента возникновения и является во многом парадигматическим для его (само)восприятия. Дискурс «двух Украин», несомненно, отражает ситуацию идеологического, культурного, языкового раскола внутри формирующейся украинской нации и широко распространенный (хотя зачастую неартикулированный) скептицизм относительно оправданности существования Украины в рамках ее постсоветских границ» [78, с. 108].

«Формирование нации и строительство нового государства предполагают возникновение определенной символической географии: базовой территории, воображаемой как «колыбель» нации, особой роли столицы, национальных границ, отделяющих «нас» от «них». Эта география включает также символическую иерархию регионов страны: некоторые из них выступают в роли более «зрелых», другие неизбежно являются «отсталыми» с точки зрения национального самосознания.

Это рассуждение применимо и к Украине, которая в течение последнего десятилетия оказалась драматически поляризованной вдоль символической оси Восток – Запад. В новой географии страны **Западная Украина, бывшая периферия советской империи, предстала в качестве национального «ядра»: базы массового демократического движения, символа антикоммунистического сопротивления и носителя европейских культурных ценностей. Одновременно русскоговорящая Восточная Украина, бывшая «индустриальным сердцем» СССР, питавшая административный и интеллектуальный потенциал советской системы и, как следствие, в значительной мере идентифицирующая себя с этой системой – оказалась маргинализованной на новой символической карте нации**» [78, с. 110].

Статья Т. Журженко [78], помимо постановки научных проблем, интересна тем, что ее фрагменты перекликаются с фрагментами интервью харьковчан, научный текст отображает типовые характеристики идентичностей. Абстрагируясь от того, что говорят (что тоже, конечно, интересно с научной точки зрения), обратим внимание на то, как говорят. И здесь видны лингвистические маркеры идентичностей – в номинациях, выборе сравнений, построении контраргументации. Можно было бы отнестись к материалам этих статей лишь как к дискуссии двух ученых,

но два момента заставляют воспринимать это иначе – как идентичности, запечатленные в языке конфликта научных текстов. Мы видим, во-первых, совпадение с текстами интервью львовян и харьковчан соответственно в первом и втором фрагменте научного текста, и, во-вторых, проявляющееся в тексте доминирование ценностной рамки ученого, во многом обусловленного идентичностями автора текста в восприятии образа прошлого, настоящего и будущего Украины.

Анализ различных текстов, связанных с особенностью формирования идентичностей представлен, в частности, в работе О. Гнатюк «Прощання з імперією: українські дискусії про ідентичність» [80], в которой польская исследовательница анализирует дебаты украинских интеллектуалов вокруг национальной и культурной идентичности. Представленный материал наглядно иллюстрирует, как ценностная рамка восприятия определяет подачу материала и выводы, связанные с формированием идентичностей в Украине.

Ситуация, когда описание идентичностей основывается на интерпретациях различных сюжетов из истории Украины, которые тоже являются конструктами, а также строится на основе теоретических концепций, которые передают свою ценностную рамку, является достаточно типичной для современных исследований идентичностей в Украине (и не только в Украине). Речь в данном случает не идет об исследованиях, основанных на количественных данных. Количественные исследования являются гораздо менее «заангажированными» идентичностями автора, дают важные для оценки тенденций формирования идентичностей количественные данные, но здесь другая проблема: количественные исследования не могут в полной мере зафиксировать картину взаимодействия институциональной и повседневной плоскости в процессе формирования идентичностей. Извечная проблема соотношения позитивистского и феноменологического подходов!

В качестве одного из вариантов решения обозначенного комплекса проблем измерения идентичностей в данной монографии предлагается использовать лингвоконфликтологический подход к исследованию и измерению идентичностей через обращение к характеристикам языка конфликта в трансформирующемся обществе. Это может быть реализовано через формирование коллекции кейсов (кейс в данном случае рассматривается как ситуация интерпретации), состоящей из фрагментов текстов, содержащих характеристики языка конфликта, полученных по-

средством лингвоконфликтологического анализа текстов углубленных проблемно-ориентированных интервью. В определенной мере это позволяет через обращение к «живым голосам» рассматривать пересечение различных дискурсов на уровне индивидуального сознания, перейти от научных схем к многогранности индивидуальных интерпретаций, не налагая свою ценностную рамку восприятия, чтобы зафиксировать пересечение институциональной и повседневной плоскостей и одновременно сохранить ценностную нейтральность в интерпретации. Тем самым осуществляется попытка объективного, «ценностно-нейтрального» (в созвучии с подходом М. Вебера) осмысления ситуации формирования и трансформации идентичностей в Украине. И это было предпринято посредством сбора и интерпретации материала, полученного в рамках проведения исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья»: через обращение к качественным методам и вычленение на основе структурно-морфологического подхода характеристик языка конфликта в различных текстах.

Выявление характеристик языка конфликта посредством анализа различных текстов и наблюдения повседневных практик, в которых язык конфликта проявляется в различных вариантах речевых тактик коммуникации и интерпретации, позволяет многомерно осмыслить проблему идентичности. Формируется коллекция кейсов, дается их структурно-морфологическая интерпретация, что позволяет выявить типовые характеристики языка конфликта в трансформирующемся обществе. Это не исключает возможности того, что далее интерпретатором становится сам читатель, погружаясь в миры и смыслы, вступая в диалог, полемизируя. В результате – динамичная картина идентичностей, представленная в характеристиках языка конфликта – устойчивых и изменчивых, типовых и уникальных, отображающих стереотипы и разрушающих их, смыслообразующих и парадоксальных.

Таким образом, при анализе трансформации идентичностей в условиях Пограничья особое значение приобретает взаимосвязь систем «конфликт идентичностей – конфликт интерпретаций» и «конструирование истории – конструирование идентичностей», так как это соотношение отображает взаимосвязь осмысления исторического прошлого с формированием конфликтного потенциала в настоящем и будущем.

Необходима разработка исследовательской процедуры, позволяющей зафиксировать особенности идентичностей через лингвистические характеристики, что будет предпринято во втором разделе, при описании практик лингвоконфликтологической интерпретации текстовой информации и обосновании лингвоконфликтологической процедуры измерения идентичностей в соотношении «формирование идентичностей – конструирование истории». Эмпирические результаты исследования представлены в третьем и четвертом разделах, где предлагаются сформированные коллекции кейсов по ряду направлений, содержащие лингвоконфликтологические маркеры идентичностей; в перспективе планируется дальнейшая развернутая лингвоконфликтологическая интерпретация сформированных коллекций.

Выводы

Особенности конфликтных взаимодействий в информационном обществе, их интенсивность, многоуровневость, взаимозависимость и особая роль средств массовой коммуникации в реализации этих взаимодействий – все это актуализирует проблемы исследования конфликтов как многоуровневых социокоммуникативных процессов и изучения языка конфликта как средства коммуникации и как средства интерпретации.

Лингвоконфликтологические принципы анализа социокоммуникативных процессов в трансформирующемся обществе позволяют решить ряд методологических проблем социологического измерения трансформационных процессов через характеристики конфликтных взаимодействий, которые определяют базовые структурные составляющие современных социальных преобразований, что создает теоретико-методологические предпосылки и определяет необходимость разработки лингвоконфликтологической концепции, перспективы осуществления лингвоконфликтологического анализа социокоммуникативных процессов в трансформирующемся обществе.

Конфликтологические характеристики трансформационных процессов могут рассматриваться как морфология социальных преобразований, и одним из эффективных способов выявления этих морфологических характеристик является анализ изменений в описаниях конфликтов в различные исторические эпохи и отображение этого в текстах. При этом характеристики языка конфликта могут рассматриваться как индикаторы идентичностей.

Таким образом, целесообразность обращения к исследованию языка конфликта в трансформирующемся обществе связана, во-первых, с возможностью разработки новых практик интерпретации текстовой информации в рамках качественной социологии, использующих конфликт как познавательное средство, а также интегрирования различных методов анализа текстов в рамках лингвоконфликтологического подхода; во-вторых, с решением методологических проблем измерения идентичностей в условиях Пограничья; в-третьих, с новыми вариантами измерения конфликтного потенциала трансформационных процессов посредством анализа языка конфликта в трансформирующемся обществе.

Литература к разделу 1

1. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социол. исслед. - 2001. - № 1. - С. 3-12.
2. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социол. исслед. - 2001. - № 2. - С. 3-12.
3. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. - 2002. - N 3. – С. 61-115.
4. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999-2002): Мастер-класс профессора В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 326 с.
5. Соціокультурні ідентичності та практики / Під ред. А.Ручки. – К., Інститут соціології НАН України, 2002. – 315 с.
6. Макеев С.А. Социальная мобильность и идентичности в структурной перспективе // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна, 1999. – С. 9-14.
7. Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В.. Социальные идентификации и идентичности.- Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1996. – 185 с.
8. Черниш Н.Й., Маланчук О. Поколінські моделі особистісних ідентичностей: регіональні виміри // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна, 2003. – С. 254-260.
9. Кононов І.Ф. Донбас: етнічні характеристики регіону // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2003. – N 2. – С. 72-98.
10. Головаха Є.І., Паніна Н.В. Тенденції розвитку українського суспільства (1994-1997 р.р.): Соціологічні показники (таблиці, ілюстрації, коментар). – К.: Ін-т соціології НАН України 1998. – 131 с.
11. Панина Н. Українське суспільство 1994-2005: соціологічний моніторинг. – Інститут соціології НАН України. – Київ. – ТОВ «Видавництво Софія», 2005. – 160 с.
12. Победа Н.А., Филиппова О.А. Социальные институты и конструирование идентичности // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – Харьків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна, 2002. – С. 228-233.
13. Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. – Спб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 302 с.
14. Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005.
15. Тарасенко В.І., Іваненко О.О. Проблема соціальної ідентифікації українського суспільства (соціотехнологічна парадигма). – К.: Інститут соціології НАН України, 2004. – 576 с.
16. Козер Л.А. Функции социального конфликта. - М.: Идея-Пресс, 2000. - 205 с.

17. Жежерун В.Т., Проценко О.Ф., Рибалка В.Г. Соціокультурний сенс конфлікту у військових колективах. - Харків: Харківськ. військ. ун-т, 1996. - 154 с.
18. Шаленко В.Н. Социология. Учебник для вузов. - М.: Проспект, 2003. – 224 с.
19. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. В.А.Ядова. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 415 с.
20. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальній механизм трансформации: Учеб. Пособие. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
21. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. - 1994. – N 1 – С. 35-52.
22. Головаха Е.И. Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине / Ин-т социологии, НАН Украины. – Киев , 1996.- 143 с.
23. Якуба Е.А. Проблемы социологического анализа изменений социальной структуры общества в Украине / Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации. – Харьков: Основа. – 1997. – С.67-83.
24. Бакиров В.С. Шляхи системної трансформації українського суспільства: підсумки та перспективи // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна – «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2002. – N 543. – С. 37-44.
25. Куценко О.Д. Фазы и пути системных трансформаций: подобия и различия в бывших странах государственного капитализма / Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / Под ред. О.Д. Куценко; со-редактор С.С. Бабенко. – Харьков: Изд. Центр Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, 2004. – 418 с.
26. Сокурянская Л.Г. Феномены социокультурной трансформации в Украине и ситуация постмодерна // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна – «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2002. – N 543. – С. 45-51.
27. Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е.И. Степанова. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 344 с.
28. Мацнев А.А. Современные этнополитические конфликты // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С. 197-209.
29. Дмитриев А.В. Исследовательская парадигма социального конфликта // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов) . – М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С.18 - 24.
30. Дарендорф Р. Элементы теории конфликта // Социол. исслед. - 1994. - № 5. - С.142-147.
31. Ритцер Дж. Современные социологические теории. - СПб.: Питер, 2002. - 688 с.
32. Даниленко О.А. Социологическое измерение конфликта. – Харьков – Изд-во ХНУ им. В.Н. Каразина, 2003. – 242 с.
33. Лебедева М.М. // Международные отношения: социологические подходы / Рук. авт. кол. проф. Цыганков. - М.: Гардарика, 1998. - 352 с.

34. Штомпка П. Трудноучитываемые культурные факторы в быстрых социальных изменениях. Доверие, лояльность, солидарность // Социология: РЖ. – 1999. - № 2. - С.78 - 85.
35. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учеб. пособие для студ. ВУЗов. - М.: Аспект Пресс, 1995. - 317 с.
36. Танчер В.В., Казаков В.С. Проблема деинституционализации социальных конфликтов в контексте глобализации // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. - М.: ЛЕНАНД, 2005. – 664 с.
37. Бабосов Е.М. Конфликтология: Учеб. пособие для студ. ВУЗов. - Минск: ТетраСистемс, 2000. - 464 с.
38. Ядов В.А. Что же можно ожидать в недалеком будущем? // Куда пришла Россия?... Итоги социетальной трансформации. - М.: МВШСЭН, 2003. - С. 371-373.
39. Танчер В.В., Казаков В.С. Технологии регуляции конфликта: исторический характер, примеры консенсуса // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С.52-58.
40. Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. - М.: Библиотека Московской школы политических исследований. – 1998.
41. Судьбы людей: Россия XX век: биография семей как объект социологического исследования. – Институт социологии РАН, 1996. – 426 с.
42. Мещеркина Е.Ю. Устная история и биография: женский взгляд // Устная история и биография: женский взгляд / Ред. и сост. Мещеркина Е.Ю., М.: Невский Простор. – 2004. – С.13-37.
43. Козлова Н. Н., Садомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения. - М.: Гнозис, 1996. – 256 с.
44. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: Учеб. пособие / А.С.Готлиб. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Флинта: МПСИ, 2005. - 384 с.
45. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. - М.: Добросвет, 1998. - 292 с.
46. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социол. исслед. – 2004. - № 1. – С.14-26.
47. Фукс-Хайнритц В. Биографический метод // Биографический метод / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной , В.В.Семеновой. - М., Ин-т социологии РАН, 1994. – С.11-41.
48. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 256 с.
49. Мещеркина Е.Ю. Качественные методы в гендерной социологии // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. - М.: Academia, 2002. - С.169-187.
50. Квале С. Исследовательское интервью. - М.: Смысл, 2003. - 301 с.
51. Скокова Л. Біографічні дослідження в соціології: традиція і сучасний досвід. – К.: Ін-т соціології НАН України, 2004. – 204 с.

52. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
53. Calsamiglia H., Van Dijk T.A. Popularization Discourse and Knowledge about the Genome, 2004 15: p. 369-389.
54. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. - 336 с.
55. Van Leeuwen T., Wodak R. Legitimizing immigration control: a discourse-historical analysis //Discourse & Society N 1, 1999.
56. Hester S., Francis D. Ethnomethodology, conversation analysis, and institutional talk // Text. - Berlin; N.Y., 2000. - Vol.20, N 3, P.391-413.
57. Ранцев-Сикора Д. Конфликт в польском экологическом дискурсе: попытка конверсационного анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – N 2. – С. 70-85.
58. Хогенраад Р. Прогнозирование развития конфликтов при помощи компьютерного контент-анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. - М.: 2004. – N 19 – С.158-175.
59. Шалак В.И. Контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы/ Российская акад. наук; Ин-т философии. – М.: Омега-Л, 2004. – 272 с.
60. Костенко Н., Іванов В. Досвід контент-аналізу: моделі та практики: Монографія. - К.: Центр вільної преси, - 2003. - 200 с.
61. Чередниченко И. Структурно-семиотический метод тартуской школы. – СПб.: Золотой век, 2001. – 200 с.
62. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - СПб: Изд-во СПб ГУ, 1996. - 364 с.
63. Пропп В.Я. Морфология сказки. - М.: Наука, 1969. - 168 с.
64. Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н.Ушаковой и Н.Д.Павловой. – Институт психологии РАН. – 2001.
65. Кожевникова Г. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее: мониторинг прессы. - М.: РОО «Центр «Сова», 2004. - 103 с.
66. Расизм в языке социальных наук / Под. ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова и др. – СПб.: Алетейя, 2002. – 224 с.
67. Попова И.М. Повседневные идеологии Как они живут, меняются и исчезают. – Киев: Институт социологии НАНУ, 2000. – 219 с.
68. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик / : Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 336с.
69. Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности / Е. Ярская-Смирнова; Сарат. гос. техн. ун-т, 1997. – Саратов: СГТУ, 1997.
70. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность : Пер. с англ. - М.: Лабиринт, 1994. - 213 с.
71. Махлин В.Л. Социодицея Ойгена Розенштока-Хюсси / О. Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. - М., Лабиринт, 1994. - 213 с.

72. Баклушинский С.А., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» // Идентичность: Хрестоматия /Сост. Л.Б. Шнейдер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК. – 2003. – С. 69-101.
73. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – N 3. – С.43-53.
74. Пионтковски У. Лингвистические стратегии в социальном взаимодействии // Идентичность: Хрестоматия /Сост. Л.Б.Шнейдер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК. - 2003. – С.168-170.
75. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996.
76. Социальная идентификация личности / Отв. ред. В.А. Ядов. - М., 1993.
77. Грицак Я. И мы в Европе? // Перекрестки. - N 1-2. – 2004. – С. 109-123.
78. Журженко Т. Миф о двух Украинах: комментарий к статье М.Рябчука «Две Украины» // Перекрестки. - 2005. - № 1-2. – С. 108-117.
79. Рябчук М. Западники поневоле: парадоксы украинского нативизма // Перекрестки. - 2004. - N 1-2. – С. 33-60.
80. Гнатюк О. Прощання з імперією: Українські дискусії про ідентичність. – К.: Критика, 2005. – 528 с.

РАЗДЕЛ 2.

ЯЗЫК КОНФЛИКТА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОД: ОТ МЕТОДОЛОГИИ – К МЕТОДИКАМ И ТЕХНОЛОГИЯМ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Постановка проблемы. Язык конфликта: метафора или исследовательский код? Какую роль играет язык конфликта в нашей жизни, в возникновении и трансформации социальных институтов, в исследовательской практике социологов (в особенности, при осуществлении социологических исследований в русле «качественной социологии»)? В каких формах проявляется язык конфликта и как влияет на выбор векторов социальных изменений и на легитимизацию этих изменений?

Необходима разработка лингвосоциологических моделей конфликта, учитывающих особенности языка конфликта применительно к различным социальным группам и общностям, а также к определенным социальным ситуациям («ситуация» трактуется в данном случае с позиции интерпретативной социологии [1], лингвосоциология рассматривается в традиции исследований Р. Белла [2], Л. Б. Никольского [3], Р. Гроссе, А. Нойберта, разграничивающих социолингвистику и социологию языка). Именно через анализ ситуаций мы можем раскрыть характеристики языка конфликта и их социальный смысл на уровне повседневных практик коммуникации.

Образ врага как механизм социокультурной интеграции [4], язык вражды [5], особенности конструирования негативных идентичностей [6], язык сопротивления в условиях тоталитарных обществ [7], особенности языка этнической мобилизации [8], лингвистические

проблемы толерантности – при изучении этих проблем не вводится понятие «язык конфликта», которое само по себе несет познавательную нагрузку и является одним из исследовательских кодов, позволяющим по-новому увидеть особую роль языка коммуникативных процессов в динамической модели конфликта на стыке институциональной и повседневной граней интерпретации социальной реальности. Именно в контексте лингвосоциологии, учитывающей роль языка в становлении и развитии социальных институтов, может быть решена проблема исследования языка конфликта во взаимосвязи макро- и микроуровней социального взаимодействия.

Ситуация конфликта, с одной стороны, обостряет восприятие, вызывает интерес к событию, позволяет ввести его в поток информации СМИ и одновременно акцентировать на нем внимание. В этом ключ к легитимизации институциональных изменений посредством языка конфликта и его проявлений на различных уровнях социального взаимодействия. С другой стороны, конфликтная ситуация всегда является поводом для «взламывания» повседневных практик – перехода от одних «опривыченных» практик к другим. И в этом познавательное значение понятия языка конфликта и его практическое значение для осуществления социологического измерения тенденций социальных изменений.

Цели раздела 2:

1. Обосновать основные методологические принципы лингвоконфликтологического подхода к исследованию социокоммуникативных процессов; определить соотношение лингвосоциологии, социолингвистики и лингвоконфликтологии, а также доказать познавательное и практическое значения понятия «язык конфликта».

2. Операционализировать лингвоконфликтологическую концепцию применительно к исследованию особенностей конструирования истории и формирования новых идентичностей в условиях Пограничья.

3. Раскрыть сущность лингвоконфликтологических практик интерпретации текстовой информации при анализе языка конфликта в трансформирующемся обществе.

2.1. Сущность и основные элементы лингвоконфликтологической концепции

Методологические конструкты лингвоконфликтологического метода

Язык конфликта понимается как определенная семиотическая система, обладающая свойством маркировать и передавать определенный уровень конфликтного потенциала, который может быть оценен по шкале «конфликт–согласие». Язык конфликта имеет определенные нормы, непосредственно связанные с нормами и ценностями той социальной системы, применительно к которой рассматривается язык конфликта. Взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций позволяет выявлять лингвистические характеристики языка конфликта через аксиоконфликтные индикаторы [9], позволяющие выявлять потенциальную деструктивную конфликтость через соотнесение с ценностными характеристиками.

В основе разработки аксиоконфликтных индикаторов – аксиология конфликта, которая выступает как ценностно-интегрированная стратегия гармонизации социальных отношений. Аксиология конфликта реализуется как на уровне методологии, так и на уровне социологических методов и методик исследования конфликтности, а также в технологиях решения конфликтов на различных уровнях социального взаимодействия. На уровне методологии это реализуется следующим образом.

Аксиология конфликта позволяет интегрировать различные подходы к анализу конфликтов с позиций ценностной морфологии коммуникативных процессов, что помогает решить проблему соотношения макро- и микротеорий в социологии, выработать интегративные ценностные параметры классификации конфликтов и методик их разрешения. Конфликтологическая интерпретация идей Т. Парсонса (с точки зрения аксиологии конфликта в его трудах интерес представляет, прежде всего, не функциональная методология, а системно-структурный метод анализа) не только дает ориентиры проведения структурного анализа конфликта, но и позволяет понять экзистенциальную роль этики личности в сохранении и выживании социальных систем [9]. Однако теоретические построения Т. Парсонса, являясь макротеорией, не могут учитывать в полной мере нерациональные факторы, влияющие на ха-

рактер социального взаимодействия. Микросоциология И. Гофмана, социология повседневности А. Щюца дополняют макросоциологическую теорию Т. Парсонса с учетом особенностей межличностной коммуникации. Объединение этих подходов можно реализовать в ценностном аспекте и перейти от ценностей личности, определяющих характер межличностных коммуникаций и способы реализации определенных образцов поведения, их символическое наполнение и интерпретацию (согласно И. Гофману), к ценностям общества, отображенных в типовых переменных действия. Эта методологическая схема может быть реализована на уровне методики социологического исследования через обращение к лингвистическим характеристикам языка конфликта, присущим определенным социальным системам.

Помимо того, что язык конфликта характеризуется как система знаков, сигнализирующих об уровне конфликтности, язык конфликта может рассматриваться также как набор специфических лексических единиц. При этом необходима систематизация множества взаимосвязанных лексических единиц этой системы, выделение в ней подсистем.

Исследуя коммуникативные процессы в трансформирующемся обществе, целесообразно рассматривать систему «язык конфликта - язык согласия». Внутри этой системы оказывается целый ряд лексических подсистем, не только отображающих два противоположных полюса (язык агрессии, язык сопротивления, язык революции или язык консенсуса, язык компромисса, язык солидарности и т. д.), но и характеристики, сопряженные с конфликтом и возможностью его решения (язык доверия (недоверия), язык толерантности (нетерпимости) и т. д). По наличию определенных лексических единиц, доминирующих в поле того или иного социального конфликта, можно диагностировать, например, уровень доверия, готовность к компромиссу и др., а также измерить остроту конфликтной ситуации, выявить тенденции дальнейшего развития конфликта, готовность к его завершению. Кроме того, исследуя язык конфликта как систему знаков, передающих определенный уровень социальной напряженности или согласия, можно выявить важнейшие характеристики различных социальных институтов, прогнозировать возможные тенденции их изменения.

Значения, стоящие за определенными лексическими системами, единицами и знаками языка социальных конфликтов, целесообразно объединить в определенные смысловые блоки, а их, в свою очередь, – в

систему, которая может быть ранжирована по шкале «конфликт - согласие», а также – по ценностной шкале. В таком случае мы получаем возможность, соотнося язык конфликта с аксиоконфликтными характеристиками социальных систем, прогнозировать тенденции социальных изменений через исследование характеристик языка конфликта.

Метод, позволяющий исследовать язык конфликтов, – лингвоконфликтологический. Ключевой методологический принцип лингвоконфликтологического подхода – рассмотрение конфликтов как системы структурных коммуникаций через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций, что определяет модель исследования конфликтов и особенности ее реализации в лингвистическом аспекте (рис. 2.1).

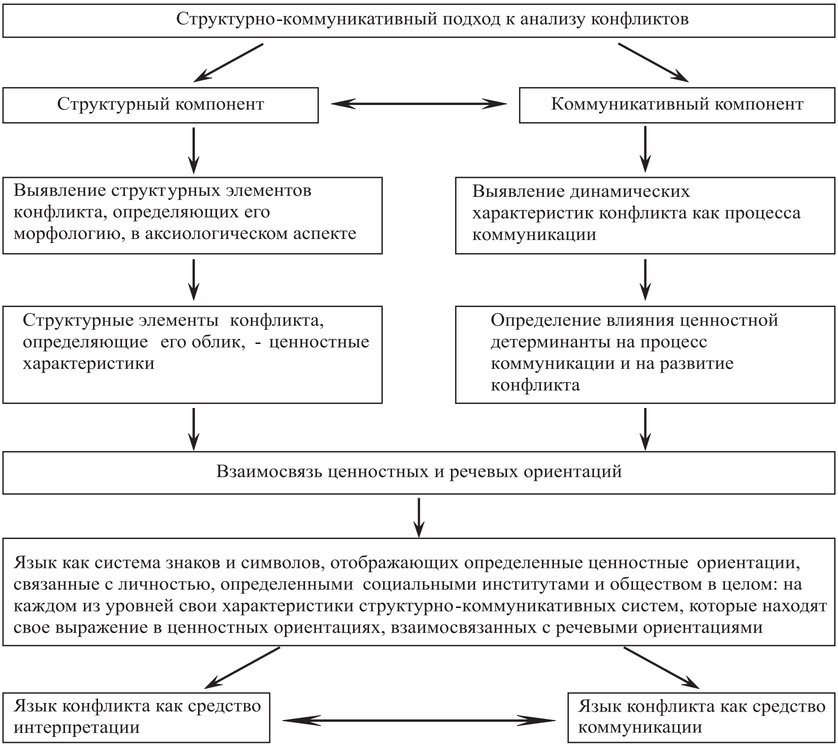

Рис. 2.1. **Структурно-коммуникативный подход к анализу конфликтов и его реализация в лингвоконфликтологической перспективе**

В основе структурно-коммуникативного подхода к анализу конфликтов – аксиология конфликта [9], которая позволяет выявить структурные характеристики коммуникативных процессов в ценностном аспекте. Выявив морфологию конфликта, можно перейти к установлению взаимосвязи ценностных и речевых ориентаций, а затем – к анализу языка конфликта как средства коммуникации в конфликтной ситуации и как средства интерпретации событий конфликтов (как современных, так и отображенных в истории развития общества).

Почему лингвосоциология, а не социолингвистика? или Соотношение социолингвистики, лингвосоциологии и лингвоконфликтологии

Как соотносятся социолингвистика и лингвосоциология и каковы методологические предпосылки их разграничения? Бурная дискуссия 60 – 70 годов XX века в зарубежной и отечественной лингвистике и социолингвистике по ключевым методологическим проблемам несколько утихла, обозначив один из важнейших этапов институционализации этой науки – разграничение лингвистики и социолингвистики. При этом единства в понимании предмета, методологии и проблемного поля исследований так и не наблюдается (как в шестидесятые годы, так и на современном этапе развития научного знания). Целый ряд проблем остался нерешен, а во многом и возник именно исходя из попытки гармоничного синтеза лингвистических и социологических категорий и подходов. Исследование языка социальных конфликтов актуализирует необходимость решения ряда проблем методологического характера через разграничение социолингвистики и социологии языка.

Для выделения лингвосоциологии имеются также объективные предпосылки, связанные с особенностями становления социолингвистики и особенностями ее методологического «отпочкования» от лингвистики.

Во-первых, возникшая изначально как социальная лингвистика [10], социолингвистика, как показывает анализ целого ряда работ в этой области, по своим методологическим ориентирам остается ближе к лингвистике, чем к социологии. Это влияет не только на то, что именно выделяется в качестве предмета исследования, но и на особенности рассмотрения свойств и качеств одного и того же предмета с различных методологических позиций.

Во-вторых, в процессе становления социолингвистики целый ряд идей социологов, связанных с исследованием взаимосвязи языка и общества в рамках социологической традиции (Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Тарда, А. Щюца, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля и др.), остался в тени. Именно в русле лингвосоциологии может быть актуализирован целый пласт историко-социологического материала, позволяющий создать многомерную картину социокоммуникативных процессов. Особое значение при этом приобретает лингвоконфликтологическая интерпретация ключевых идей и понятий социологии повседневности и этнометодологии, поскольку это позволяет, с одной стороны, обогатить понятийный аппарат конфликтологии понятиями и категориями, описывающими нерациональные проявления конфликтности (например, «сценические разговоры» И. Гофмана, «чужак» А. Щюца и др.), с другой – позволяет выявить роль конфликтов в возникновении новых типизаций, создании «рамок интерпретации» и т.д.

В-третьих, уже в 60-е годы XX столетия, в процессе становления социолингвистики некоторые исследователи аргументированно обосновывали необходимость разграничения собственно социолингвистики и социологии языка, или лингвосоциологии (в частности, Р. Белл, Р. Гроссе, А. Нойберт и др. в западной социолингвистике, Л.Б. Никольский в советской социолингвистике). Так, например, с точки зрения Л.Б. Никольского различие между социолингвистикой и лингвосоциологией «заключается в том, что первая изучает отражение в языке тех или иных социальных явлений и процессов, тогда как вторая рассматривает язык как один из активных социальных факторов, влияющих на общественные процессы». Социолингвистика при этом рассматривается как часть лингвистики, а лингвосоциология – как часть социологии. При этом А.Д. Швейцер критикует подход Л.Г. Никольского с позиции следующих аргументов: «...тем самым вновь воздвигается междисциплинарный барьер, препятствующий интеграции лингвистических и социологических исследований вокруг проблем, находящихся на стыке этих дисциплин» [11]. «Если бы речь шла о дифференциации предмета единой дисциплины или единого междисциплинарного направления, то концепция Л.Б. Никольского была бы, на наш взгляд, вполне приемлемой», чем подчеркивает важность гармоничного синтеза лингвистики и социологии на этапе становления социолингвистики. В дальнейшем именно подход А.Д. Швейцера на долгие годы стал доминирующим как в социологии,

так и в социолингвистике, оказавшись закрепленным на уровне признанной научной парадигмы. Ряд проблем остался нерешен именно в силу продекларированного слияния социолингвистики и лингвосоциологии, которое реально не произошло на методологическом уровне.

Прежде всего, крайне широко оказался очерчен предмет социолингвистики (от исследования языковой ситуации и языковой политики до анализа особенностей речевого поведения различных социальных групп). Реально же современные социолингвистические исследования связаны, в первую очередь, с анализом языковой ситуации в обществе, посвящены анализу проблем билингвизма и диглоссии. При этом в тени оказались проблемы влияния языковых структур, языковых процессов на функционирование социальных институтов, институционализацию новых социальных практик как макро-, так и микроуровней, а также взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций в контексте этих проблем.

Следует заметить также, что в современной социолингвистике при анализе языковых явлений и языковых процессов упор делается, прежде всего, на роль общества: «влияние различных социальных факторов на взаимодействие различных языков, систему отдельного языка и его функционирование» [10, с.692]. Лингвосоциология восполняет этот пробел, так как предметом ее исследования (как области социологии) является, прежде всего, лингвистическое конструирование социального пространства. Это может быть сделано именно на основе социологической методологии с учетом проблематики современной социологии знания (П. Бергер и Т. Лукман) [12]. При этом целесообразным и оправданным представляется взаимодействие лингвосоциологии с социолингвистикой, в особенности, с когитологией и семантикой.

Все это заставляет говорить о том, что если на определенном этапе институционализации социолингвистики была необходима интеграция социологического и лингвистического знания, то сегодня необходима дифференциация социолингвистики и лингвосоциологии, что позволяет сделать более эффективным взаимодополнение методологического потенциала лингвистики и социологии. Аналогичные тенденции можно наблюдать и в отношении других наук: возникает лингвокультурология, семиосоциопсихология и др. В этом ряду можно рассматривать и лингвосоциологию, и лингвоконфликтологию.

В основе лингвосоциологии (включающей в себя социологию языка и социологию речи) – социологическая методология и, прежде всего,

синтез социологических методов познания А. Щюца и Т. Парсонса. Подход Парсонса в большей мере отображает стратегию исследования языка конфликта и способов его взаимодействия с социальными институтами. Подход А. Щюца – социологическое исследование особенностей речевых стратегий, влияющих на гармоничный или конфликтный потенциал коммуникативных процессов.

Важной задачей лингвосоциологии является определение лингвистических механизмов конструирования социального пространства, позволяющих перейти от конфликта и разобщенности к формированию доверия, толерантности, лояльности, солидарности. Это определяет связь лингвосоциологии и лингвоконфликтологии.

Предметом исследования лингвоконфликтологии являются, прежде всего, особенности лингвистического конструирования конфликтов, проявляющиеся в провоцировании конфликтов, протестного поведения, формировании определенного образа врага, изменении ценностных интерпретаций социально значимых событий и т.д. Все это может быть исследовано именно с позиций лингвоконфликтологического метода.

Предметом лингвосоциологии являются особенности моделирования социальных взаимодействий посредством определенных лингвистических конструктов, при этом подход к исследованию является собственно социологическим. Лингвосоциология является одной из специальных социологических теорий, основывающейся на методологическом фундаменте социологии, в отличие от социолингвистики, в которой происходит «органическое соединение категорий социологии и социолингвистики», сочетаются методы сбора эмпирической информации этих наук, однако социолингвистика остается по своей методологии лингвистикой, которая, хотя и учитывает влияние социальных факторов, но анализирует их, прежде всего, с позиций языкознания.

Язык конфликта нуждается в комплексном исследовании с позиций лингвоконфликтологии, лингвосоциологии и социолингвистики.

Особого внимания требует исследование особенностей языка социальных конфликтов и его роли в процессе становления и развития социальных институтов общества, с одной стороны, и границ приемлемого социального поведения и отображения этого в повседневных практиках – с другой. Так, например, механизмы формирования новых идентичностей кроются не только в институциональных изменениях, связанных с макропроцессами, но и в изменениях повседневных прак-

тик взаимодействия. Посредством анализа языка конфликта мы можем выявить согласованность или рассогласование институциональной и повседневной плоскостей социальных взаимодействий. При этом лингвоконфликтологический подход реализуется в рамках лингвосоциологии как области социологического знания, и порой выходя за границы лингвосоциологии, переходит в область конфликтологии как междисциплинарной области.

Идентичность. Повседневные практики и институционализация в контексте лингвосоциологии: роль языка конфликта

Проблема идентичности и ее конструирования является крайне актуальной в связи с социокультурными трансформациями, происходящими на постсоветском пространстве. При этом все острее стоит проблема исследования роли негативных идентичностей в этом процессе, так как именно они зачастую выступают важным фактором солидаризации. А привычный и с древности известный мобилизационный потенциал «образа врага» продолжает использоваться в качестве действенной силы, способствующей внутригрупповой сплоченности. Так, например, исследование особенностей формирования советской идентичности наглядно показывает, что одним из ключевых факторов являются «враги», в связи с чем «все семантическое пространство тоталитарной пропаганды задано развертыванием двух ключевых метафор: «развертывание нового общества» и «фронт»»[13]. Но то, как в итоге происходит формирование идентичностей, определяется не столько заданностью извне идеологией и различными социальными институтами определенного дискурса, сколько степенью его принятия и опривычивания на уровне повседневных практик.

Механизмы формирования новых идентичностей кроются не только в институциональных изменениях, связанных с макропроцессами, но и в изменениях повседневных практик взаимодействия. Что фиксируют повседневные практики и как от их типизации происходит переход к институциональным изменениям? Эти вопросы предлагаю рассмотреть в контексте лингвосоциологии, поскольку то, как мы называем, переименовываем, то, какие текстовые конструкты мы используем при конструировании различных нарративов, – все это содержит в скрытом виде и правила, и практики, и способы маркирования и самопрезента-

ции определенных идентичностей, и скрытое отношение «свой-чужой», и механизмы формирования позитивных и негативных идентичностей. Читая повседневность как текст в ее «беспроблемности», «опривыченности», выявляя «поломки повседневности», можно выявить не только лингвистические механизмы формирования новых идентичностей, но и определить, как через язык конфликта определенные социальные изменения легитимируются сначала на уровне повседневности, а затем – в социальных институтах.

Типизация, легитимация и институционализация: правила и повседневные практики. Роль языка конфликта

"Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» [14], – утверждает ведущий представитель неоинституционализма Д. Норт. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» – находим мы в принципах конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана [12]. Балансируя между этими двумя определениями, двумя видениями институциональных механизмов, мы видим два встречных процесса институционализации – макро- и микроуровней. При этом с точки зрения исследования повседневных практик особый интерес представляют размышления П.Бергера и Т.Лукмана о взаимности институциональных типизаций и типичности не только действий, но и деятелей в институтах. «Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия» [12, с.92]. Разграничение «своих» и «чужих», с одной стороны, проявляется в процессе типизации, с другой стороны, определяет восприятие этих типизаций.

Важным моментом институционализации является легитимация, которая рассматривается П.Бергером и Т.Лукманом с точки зрения происхождения смысловых универсумов, концептуальных механизмов поддержания универсума и социальной организации поддержания универсумов [12]. Легитимация оправдывает социальный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам. Легитимация «объясняет» институциональный порядок, придавая когнитивную обо-

снованность объективным значениям, то есть легитимация, по П. Бергеру и Т. Лукману, включает не только «ценности», но и «знания». В этом аспекте наиболее ярко проявляется значение когитологии, рассматривающей роль языка в моделировании социальных взаимодействий.

Важным механизмом лингвосоциологического анализа повседневных практик является типизация, структуру которой А. Щюц описывает следующим образом: «Каждый шаг моего истолкования мира повседневности основан на запасе прошлого опыта, как моего личного непосредственного опыта, так и подобного опыта других людей, который передан мне соплеменниками, прежде всего, учителями, родителями. Весь непосредственный и переданный мне другими людьми опыт превращается в определенное единство в форме моего запаса знания, которое помогает мне на каждом шагу в моей интерпретации мира. Весь мой опыт в мире повседневности опирается на него, так что предметы и события в жизненном мире с самого начала выступают в своей типичности» [15]. Язык конфликта при этом выступает в качестве важнейших коммуникативных и интерпретативных элементов типизации. Первый проявляется преимущественно в непосредственной коммуникации, то есть осваивается через повседневную речь, второй – через тексты, опосредующие передачу опыта.

Обращение к анализу языка конфликта связано с тем, что именно в конфликтно-экстремальной ситуации наиболее ярко проявляется взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций. Именно в ситуации конфликта наиболее рельефно передается ценностная рамка восприятия, конструируются интерпретативные схемы, которые в дальнейшем оказываются наиболее существенным элементом в процессе идентификации и самоидентификации через типизации: ценностная рамка восприятия распространяется на другие схожие ситуации. Схематично концептуальная модель исследования, отображающая взаимосвязь микро- и макропроцессов институционализации в контексте лингвосоциологии, может быть представлена следующим образом (Рис. 2.2).

Рис. 2.2. **Институционализация изменений идентичностей: от микро- к макропроцессам**

Анализ ситуаций в исследовании повседневных практик

Язык повседневности содержит в себе объяснения, которые являются обычными для данного общества, или «практическими объяснениями», по Г. Гарфинкелю [16]. Чужак, попадающий в определенную ситуацию, не зная этих правил, невольно «взламывает повседневность» и, тем самым, невольно провоцирует конфликты.

Правила, проявляющиеся в повседневных практиках, способы их «считывания» в повседневности, их нарушения и границы допустимости таких нарушений можно выявить посредством анализа различных ситуаций.

Следующие фрагменты текстов могут рассматриваться как кейсы (случаи), которые подобраны и представлены, во-первых, для того, чтобы показать, как через анализ ситуаций можно выявить различные характеристики языка конфликта, во-вторых, в них представлены ситуации, в которых язык конфликта предстает в различных формах его проявления, что создает предпосылки для типологизации и классификации характеристик языка конфликта, но исходя не только из теоретической модели (в основе которой лежит системно-структурный подход и тезис о взаимосвязи ценностных и речевых ориентаций), а прежде всего – из анализа повседневных практик, запечатленных в различных текстах. В-третьих, кейсы подобраны таким образом, чтобы проиллюстрировать ключевые теоретико-методологические конструкты лингвоконфликтологического метода.

КЕЙС 1

Роль конфликта в «считывании» и освоении правил и практик на уровне повседневности

«...Англичанин попросил Сантьяго, который хорошо говорил по-арабски, навести справки об Алхимике. И юноша обратился к женщине, пришедшей к колодцу, чтобы наполнить водой бурдюк.

– Добрый день, госпожа. Не знаете ли, где бы нам найти Алхимика? – спросил он.

Женщина ответила, что никогда не слышала о таком, и поспешила уйти. Правда, перед этим предупредила Сантьяго, что он должен уважать обычай и не обращаться к замужним женщинам, одетым в черное.

Разочарованию англичанина не было предела. Проделать такой путь – и все впустую! Юноша тоже был огорчен за него – ведь и его спутник искал свой Путь...

– Я раньше никогда не слышал об алхимиках, - сказал он. – А то бы постарался тебе помочь.

Глаза англичанина сверкнули.

Ну конечно! – вскричал он. – Здесь никто не знает о том, что он Алхимик! Надо спрашивать о человеке, который может вылечить любой недуг!

К колодцу подошли несколько женщин в черном, но Сантьяго, как ни просил его англичанин, не стал задавать им вопросы. Но вот наконец появился и мужчина.

– Вы не знаете здесь человека, который лечит все болезни? – спросил юноша.

– Все болезни лечит только Аллах, отвечал тот, испуганно оглядев чужеземцев. – Вы ищете колдунов?

Он пробормотал несколько сур из Корана и пошел своей дорогой...»

(П. Коэльо «Алхимик» [17, с. 129–130])

Особенности выстраивания речевых стратегий могут маркировать принадлежность к определенной культуре и субкультуре, позволяют отличить «своего» от «чужого». Кроме того, не зная правил речевого общения, заложенных в той или иной культуре, «чужак» может невольно спровоцировать конфликтную ситуацию.

КЕЙС 2

К вопросу о текстовых механизмах смены идентичностей, реализуемых через повседневные практики (Р. Чалдини «Психология влияния»[18])

«Во время Корейской войны многие пленные американские солдаты оказались в лагерях для военнопленных (POW), созданных китайскими коммунистами.

...Как показало исследование программы лагерей для военнопленных, китайцы широко использовали давление обязательств и стремление к последовательности с целью добиться покорности со стороны узников. Конечно, главной задачей китайцев было заставить американцев сотрудничать в какой бы то ни было форме. Этих заключенных натренировали не сообщать врагу ничего, кроме имени, звания и порядкового номера. Если исключить физическую расправу, как могли китайцы добыть у этих людей военную информацию? Превратить их в союзников, заставить публично осуждать свою страну? Китайцы решили придерживаться мудрого правила: «Начинай с малого и действуй постепенно».

Пленных часто просили делать антиамериканские и прокоммунистические заявления в настолько мягкой форме, что эти заявления казались не имеющими значения («Соединенные Штаты не совершенны», «В социалистических странах нет безработицы»). Однако, подчиняясь этим минимальным требованиям, пленные американские солдаты подталкивали

самих себя к выполнению более существенных требований. Человека, который только что согласился с тем, что Соединенные Штаты не совершенны, можно спросить, почему, по его мнению, это так. После этого его можно попросить познакомить с этим списком других пленных. Позднее этому человеку можно предложить написать очерк на данную тему.

Китайцы затем могли использовать имя и очерк такого солдата в антиамериканских радиопрограммах, которые транслировали не только на весь лагерь, но и на другие лагеря для военнопленных в Северной Корее, а также на захваченные американцами южнокорейские территории. Внезапно ни в чем не повинный солдат оказывался «коллаборационистом», оказывающим помощь врагу. Зная, что он написал злополучный очерк без особого принуждения, человек менял представление о самом себе, чтобы следовать ярлыку «коллаборационист», что часто выливалось в более тесное сотрудничество с врагом» [18, с. 76–77].

При встраивании этих механизмов психологии влияния в процесс конструирования истории происходит их использование в качестве механизмов формирования и изменения идентичностей. С позиций лингвоконфликтологического подхода это может быть интерпретировано как использование языка конфликта в качестве средства интерпретации в механизмах лингвистического конструирования.

Выявляя особенности конструирования истории, выдвинем гипотезу: при освоении легитимного дискурса в процессе изучения истории в школе, вузе срабатывают аналогичные механизмы лингвистического влияния, которые существенно влияют на формирование идентичностей. При этом конфликт интерпретаций используется как один из механизмов лингвистического провоцирования конфликтов и лингвистического моделирования социальных изменений. Эта гипотеза будет проверена при проведении социологического исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья».

КЕЙС 3

Ситуация исследовательская: социологический инструментарий и самоназвания крымских татар

Проводится социологическое исследование, связанное с изучением идентичностей крымских татар. В бланке интервью в формулировках во-

проса встречается понятие «этническое меньшинство», например: «Что препятствует другим представителям этнического меньшинства в достижении высоких статусных позиций?» или «Ваш уровень владения языком этнического меньшинства?». Перед проведением интервью представитель меджлиса, ознакомившись с инструментарием, дает следующие комментарии: «Крымские татары являются коренным народом Крыма, поэтому просьба формулировки «этническое меньшинство» на крымских татар не распространять. К этническим меньшинствам относятся представители тех национальных групп, у которых есть национальное образование за пределами государства Украины. Например, несмотря на значительное число проживающих здесь русских, они являются этническим меньшинством в Украине. Это принципиальный момент. »

Кроме того, в меджлисе нам разъясняют, как соотносятся названия «татары» и «крымские татары»: «Как Вы знаете, есть русские татары, в Поволжье которые... Скажем, это... когда Россия вводила свои войска и завоевывала определенные территории, всех, говорящих на непонятном языке... значительную часть тюрков называла татарами... Так у нас были азербайджанцы – каспийские татары... Астраханские татары, казанские татары, сибирские татары, уфимские татары, крымские татары. Хотя у каждого народа есть самоназвание. Каспийские стали азербайджанцами, скажем, в Сибири тоже они делятся, там – сакарские, лиутские и др. Уфинские татары стали называться, как и раньше назывались – башкорты, казанские татары - идет дискуссия, то ли они булгары, то ли татары. То есть то же самое у нас. Самоназвание – крымолы, крымцы. И во многих старых, скажем, изданиях, говорили «крымцы идут», «крымцы пришли», с крымцами какие-то отношения, т. е. это тоже такой момент, ну, скажем так, согласились на сегодняшний день с тем названием, которое больше в мире известно - это крымские татары».

«...История Крыма – она уникальна в принципе, вот такая территория маленькая, на которой произошло влияние многих этносов, многих народов, Вы знаете, войны проходили: и половцы, и скифы, и печенеги, и тавры, и хазары, т. е. в этом маленьком горниле слияние очень многих народов, в том числе и германского, и тюркского, и того коренного населения, которое проживало, оно постоянно смешивалось, и в результате вот этого смешения получился тот народ, который я представляю, крымские татары».

Эта ситуация ярко иллюстрирует, во-первых, возможности лингвистического конструирования, и даже, скорее, лингвистического провоцирования, конфликтов, во-вторых, роль восприятия истории народа в формировании идентичностей, в репрезентации идентичностей, в-третьих, возможности исследования идентичностей через нарративы.

КЕЙС 4

Язык и социальные изменения в текстах О. Розенштока-Хюсси

«...Ницше с мелькающими в его голове мыслями: «Что есть любовь? Что есть звезда? Что есть счастье?», который камня на камне не оставляет от будущего, так как в будущее он может вступить, лишь воодушевив следующее поколение, а как раз от этого он отказывается. «Упадок» означает неспособность дожить до будущего – телом, сознанием или душой. Упадок старшего поколения обрекает младшее поколение на варварство. Упадок родителей лишает детей наследства.

...Психоанализ, Ницше, восстание масс – это и многое другое научило нас тому, что борьба за существование – это борьба внутри социального тела, непрестанная битва, в которой успехи чередуются с катастрофами. Разрушение немецкого языка, происходившее между 1933 и 1939-м годами – я убежден в этом – одно из самых стремительных и разрушительных событий всех времен в области сознания и речи. И те, кто видел это своими глазами и слышал это собственными ушами, уже не могут отделить собственно распад языка и духовный крах от социальной катастрофы. Язык, логика и литература определяют судьбу общества и выражают все политические перемены. Они воплощают действительность и изменяют действительность» [19, с. 12].

Этот фрагмент иллюстрирует, какую роль играет язык в конструировании социальных изменений через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций, определяя деструкцией в языке кризисные тенденции социальных изменений.

Язык конфликта как тактическое средство реализации власти языка в повседневности

В различных языковых структурах и текстовых конструктах содержится представление другого как «своего» или «чужого», и, зачастую сами того не осознавая, мы «опривычиваем» тот или иной объект как «свой» или «чужой». Это проявляется как в повседневной речи, так и в каждодневном «опривычивании» «внешних» текстов, являющихся носителями определенной идеологии. В дальнейшем срабатывают механизмы психологии влияния и «неосознанное опривычивание» приводит к неосознанной трансформации идентичностей. И в этом – власть текста, власть языка, «власть, разлитая во всем», которая структурирует и

переструктурирует наш макро- и микромир. В связи с этим приобретают новое звучание слова философа О. Розенштока-Хюсси «Скажу ли я: «Европа была великой цивилизацией» или «Европа есть великая цивилизация» я тем самым либо поставлю на ней крест, либо обещаю ей большое будущее» [19].

Язык конфликта в этом процессе является важным фактором акцентуации внимания на определенном способе презентации (события, этноса, истории и др.), внесения, благодаря этому, новых номинаций, смыслов и значений, их легитимации.

2.2. Конфликтологический и нарратив-конфликтологический контент-анализ

Социальные конфликты находят свое выражение в различных текстах, а порой и сам конфликт выступает как событийно связный текст, совпадая с ним по ряду структурных характеристик [9]. При изменении социальных условий, трансформации ценностей и норм общества меняются интерпретации конфликтных ситуаций. При этом в изменении интерпретаций конфликтов отображаются социальные изменения. Разработка специального метода анализа конфликтов через текст – ***лингвоконфликтологического метода*** – раскрывает новые возможности познания трансформаций, в том числе через исследование нарративов о конфликте.

Характер и направленность социальных трансформаций можно определить посредством изучения нарративов о конфликтах, сопряженных с глобальными преобразованиями общества. Нарратив в данном случае понимается как «последовательность взаимосвязанных социальных действий, представленных в повествовательной форме, которые генерируют появление специфического события» [20, с. 91]. Остановимся подробней на анализе нарративов о конфликте в контексте социальных изменений.

Где отображены эти нарративы? В средствах массовой информации, учебниках истории, научных трудах социологов, философов, историков, политологов, в документах исторической хроники и т. д. Все это может стать массивом для выявления нарративов о конфликте и их анализа.

Для изучения процесса социальных трансформаций в лингвоконфликтологическом аспекте целесообразно проведение качественного

контент-анализа. Исследовательскую тактику его реализации можно обозначить как ***нарратив-конфликтологический контент-анализ***, в процессе реализации которого выявляются и изучаются различные рассказы о конфликте, характеризующие определенный источник, затем эти нарративы сравниваются, отслеживаются их изменения, рассматривающиеся как отображение настоящих и предпосылки будущих социальных изменений. Принцип анализа конфликтов как системы многоуровневых структурных коммуникаций последовательно реализуется и в этом случае.

Особенности качественных методов анализа социальных конфликтов проявляются преимущественно не на этапе сбора информации (сочетание различных способов получения информации о конфликте является не только желательным, но и необходимым), а на этапе ее интерпретации – на этом этапе требуется специальный инструмент анализа конфликтности. Учитывая, что «в качественной социологии практически все методы сбора информации (и наблюдение, и глубинные интервью) приводят к появлению текстовой информации, подлежащей непосредственному анализу как письменный документ» [21, с. 108], особое значение приобретают социологические методы анализа текстов. Информация о конфликте в результате проведения качественного исследования также предстает перед нами в виде различных текстов, что актуализирует поиск новых возможностей конфликтологического анализа текстовой информации.

Необходима разработка специальной конфликтологической интерпретативной практики, которая может быть реализована как метод анализа текстов, позволяющий выявить скрытые и явные конфликтные интересы, ценности, цели, определить эмоциональные характеристики субъектов конфликта и их влияние на его развитие, зафиксировать сигналы готовности к завершению конфликтов, способы их провоцирования и т. д. В качестве такой интерпретативной практики качественного исследования предлагаю рассматривать лингвоконфликтологический метод, одной из основных составляющих которого является конфликтологический контент-анализ.

Конфликтологический контент-анализ как качественный метод социологии: постановка проблемы

Почему важно определить, рассматривать контент-анализ преимущественно как качественный или как количественный метод, в том числе при исследовании проблемы социальных конфликтов? Во-первых, это влияет на особенности построения исследовательской процедуры (в социологической науке и исследовательской практике существует множество различных модификаций контент-анализа). Во-вторых, это определяет, будет ли включен контент-анализ как полноправный метод работы с текстовой информацией в стратегии и тактики качественной социологии (если выбирается его качественная модификация) или в качественной социологии ему будет определена незначительная роль вспомогательного метода – именно так происходит, если акцентируется внимание на количественной составляющей и его процедура сводится фактически лишь к количественному подсчету определенных смысловых единиц. Учитывая, что «узкоколичественное» понимание контент-анализа является достаточно распространенным в современных социологических исследованиях, в связи с чем дискурсивные, нарративные и другие практики работы с текстом далеко не всегда обоснованно вытесняют контент-аналитическую процедуру, представляется важным показать значение конфликтологического контент-анализа именно как качественного метода социологии.

Анализ социологической литературы позволяет заметить определенную противоречивость в определениях контент-анализа и различие методологических принципов, лежащих в основе различных модификаций исследовательских процедур. В связи с этим рассмотрим основные модели и модификации контент-анализа.

Контент-анализ (от англ. content – содержание) понимается как «метод качественного содержательного анализа источников» [22, с. 137] (такая интерпретация характерна прежде всего для культурологических исследований). Другой вариант определения – «качественно-количественный метод изучения документов, характеризующийся объективностью выводов и строгостью процедуры и состоящий в квантификационной обработке текста с дальнейшей интерпретацией результатов» [23, с. 217]. Этот подход к исследованию находит свое наиболее последовательное воплощение в модели анализа средств массовой

коммуникации [24], представляя собой перспективное сочетание качественной и количественной составляющих. В большинстве же прикладных социологических исследований контент-анализ используется преимущественно в количественном его аспекте, основанном на подсчете исследователем смысловых единиц: например, в работе [25] представлен достаточно типичный пример количественного контент-анализа: в ней анализируется частота публикаций на экологические темы в различных газетах и упоминания ключевых слов экологической направленности, на основании этого определяется «экологичность» газеты. Именно такие исследования можно назвать «узкоколичественными», хотя такой подход может быть направлен на решение некоторых конкретных прикладных задач, он отличается от классической модели количественного контент-анализа, предложенной Г. Лассуэллом (которая, хотя и является количественной, раскрывает перспективы качественного анализа текста).

При проведении контент-анализа ключевым моментом является разработка единиц и категорий исследования. Особенности выделяемых исследователями параметров контент-анализа текстов рассматриваются, в частности, В. Ф. Ивановым: «Западные исследователи еще со времен Г. Лассуэлла брали в качестве основной единицы анализа символ. Сам Г. Лассуэлл в качестве основной единицы измерения брал символ идеологический и политический. Первый он считал техническим термином для слов, фиксирующих ценности отношения тех, кто их употребляет, в отличие от знаков, являющихся словами, указывающими на объекты, внешние относительно пользователя ими» [23, с. 222]. В качестве менее строгого элемента содержания выделяются единицы контекста, что связано с особенностями восприятия единиц анализа. Выделяются также единицы подсчета, фиксирующие число элементов текста, нахождение которых является целью исследования [23, с. 222]. Такой вариант количественного контент-анализа раскрывает перспективы дальнейшей качественной интерпретации текста. Пример этого – работа К. Юнга «Диагностика диктаторов», в которой он, ссылаясь на «лассуэлловский» подсчет количества упоминаний различных производных от глагола «бить» в отрывке публичной речи Сталина из сборника «Вопросы ленинизма» (произнесенной в 1931 г. по поводу ускорения темпов промышленного и сельскохозяйственного производства), проводит дальнейшую психоаналитическую интерпретацию символов этого текста: «Выражаясь в терминах Лассуэлла, навязчивая идея Сталина о битье как в пря-

мом, так и в переносном смысле является ярким примером перенесения личных мотивов с объектов семьи на объекты общества» [26, с. 501] – и далее следует глубинная качественная интерпретация текста с позиций психоанализа с выявлением предпосылок формирования конфликта в сознании и способов сублимации этих конфликтов диктатором в реальных конфликтных ситуациях и способах их решения.

Следует заметить, что при осуществлении конфликтологического анализа текста «качество» символа, его «нагруженность» конфликтным подтекстом (которую можно выявить лишь во взаимосвязи и соотнесении с другими элементами текста и социокультурным контекстом) имеет большее значение, чем количество определенных явных конфликтных символов и знаков в тексте. Порой одного конфликтного символа и сопряженных с ним знаков конфликтности бывает достаточно для фиксации предпосылок проявления деструктивной конфликтности. Несмотря на это, нельзя оставить без внимания еще одну количественную модификацию контент-анализа, связанную с возможностями компьютерного анализа текста и его прогностическими возможностями.

Количественный контент-анализ: конфликтологическая интерпретация

Компьютерный контент-анализ является разновидностью количественного контент-анализа, причем некоторые исследовательские практики адаптированы непосредственно к проблеме конфликта. В частности, в работе Р. Хогенраада «Прогнозирование развития конфликтов с помощью компьютерного контент-анализа» [27] предлагается «метод, основанный на изучении разрыва между двумя мотивами: потребностью в доминировании и потребностью в аффилиации, присутствующими в текстах, которые отражают анализируемую ситуацию» [27, с. 158]. Индикаторы этих мотивов рассчитываются с помощью «компьютерного мотивационного словаря», динамика разрыва между мотивами рассматривается как показатель потенциального обострения конфликтной ситуации или примирения. Преимуществом применения компьютерного контент-анализа является возможность обработки больших объемов текстовой информации. Недостатками этого метода, наиболее существенными при изучении конфликтности, являются рационализация процедуры анализа, а также невозможность рассмотреть текст в целостном его восприятии как с точки зрения создаваемого впечатления, так

и с точки зрения его образов, скрытых смыслов, метафор как способа передачи конфликтного потенциала – от «конфликтных интонаций» до «конфликтных ценностей». Компьютерный контент-анализ можно рассматривать лишь как вспомогательный инструмент, например, для выдвижения определенных гипотез относительно возможного возникновения конфликтов или тенденций развития конфликтных ситуаций. Проверка же этих гипотез может осуществляться лишь при проведении качественного контент-анализа, поскольку именно он раскрывает перед нами богатство и многообразие ценностных интерпретаций конфликтно-экстремальных ситуаций, позволяет эмпирически фиксировать образы конфликта, выявлять скрытые смыслы конфликтного поведения и т. д.

Проведение количественного контент-анализа порой дает неожиданный результат: интересующий нас субъект либо вообще не упоминается в источнике информации, либо упоминается, но крайне редко. То, что интересующий нас субъект не упоминается, позволяет лишь предположить, что это может быть фигура умолчания. Если, например, источник информации – официальная газета той или иной структуры власти, то можно предположить, что за этим умолчанием стоит определенная позиция, и, возможно, скрывается социальный конфликт. Осуществление комплексной лингвоконфликтологической экспертизы позволяет достоверно определить, действительно ли мы имеем в данном случае дело с фигурой умолчания, а также выявить, скрывается ли за этим потенциал развития деструктивных конфликтов. Основной принцип ее осуществления – анализ текстов, несущих в себе конфликтный потенциал и отображающих различные образы социальных конфликтов. Это могут быть тексты нарративных интервью, наблюдения повседневности и др.

Как известно, фигура умолчания может быть показателем конфликтного отношения, причем за ней обычно кроются деструктивные конфликты, которые либо основываются на несовместимости ценностей, либо на неделимом ресурсе, либо это свидетельствует об отсутствии попыток конструктивного диалога. При осуществлении традиционного контент-анализа необходимо обращать особое внимание на наличие или отсутствие таких фигур умолчания, чтобы затем на основе лингвоконфликтологического подхода осуществить комплексную экспертизу ситуации. Лингвоконфликтологический метод позволяет выявить конфликтный потенциал или потенциальную готовность к интеграции

различных социальных групп, во-первых, через анализ неосознанной лингвистической маркировки «мы» и «они» в различного рода неформализованных текстах, повседневных разговорах и нарративных интервью; во-вторых, через выявление различных образов конфликтов и сопоставление их структурных характеристик, отображающих взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций. Эти характеристики наиболее отчетливо проявляются в языке конфликта.

Качественный контент-анализ: конфликтологическая интерпретация и морфологический подход

Как уже отмечалось, при проведении конфликтологического контент-анализа справиться с решением проблемы квантификации помогает обращение к морфологическому подходу, в частности к методологии анализа волшебной сказки, предложенной и всесторонне обоснованной В. Я. Проппом («Морфология сказки» [30], «Исторические корни волшебной сказки» [31] и «Русская сказка» [32]), Прежде всего следует отметить аналогию структурной модели волшебной сказки, выявленной В. Я. Проппом, и динамической модели конфликта [9]. В связи с этим морфологические элементы конфликта могут быть воссозданы подобно тому, как В. Я. Пропп выделяет морфологические элементы сказки в ценностном аспекте. Кроме того, подход к анализу текстов, реализованный ученым, содержит «ключи» и «коды» для расшифровки иррациональных пластов текстового материала, и это может быть использовано при анализе иррационального в конфликте.

Морфологический подход позволяет выявить повторяющиеся структурные элементы. Это отображает формальный подход к тексту (в отличие от количественного подсчета смысловых единиц в традиционной и наиболее распространенной схеме количественного контент-анализа). При осуществлении конфликтологического контент-анализа в качестве ключевых структурных элементов необходимо рассматривать конфликтные структуры в тексте, которые, хотя и фиксируются количественно, но наибольшее значение имеют как носители определенных качественных характеристик. Поэтому уровень конфликтности текста будет определяться не только и даже не столько количеством конфликтных структур, сколько их интенсивностью, а деструктивный или позитивный потенциал конфликтности будет определяться посредством соотнесения ценностных ориентаций, заложенных в тексте со шкалой

гармоничных ценностей. Кроме того, при осуществлении конфликтологического контент-анализа необходимо измерить иррациональные составляющие конфликта, что может быть реализовано посредством выявления конфликтных образов, символов, метафор (аналогично тому, как в текстах сказок структурный каркас, составляющий морфологию сказки и повторяющийся с небольшими модификациями композиционной модели, наполняется жизнью и разнообразием благодаря символам, образам, личностным характеристикам героев, метафорам и др.).

Материалом для конфликтологического анализа в процессе проведения конфликтологической экспертизы являются любые тексты, сопутствующие конфликту (его возникновению, развитию и разрешению): как интерпретирующие конфликты, так и несущие в себе конфликтный потенциал (например, листовки, выступления субъектов конфликтов в средствах массовой информации, повседневная речь, содержащая конфликтные структуры и т. д.). Эти два варианта порой сочетаются и в одном текстовом документе. Например, листовка может содержать, с одной стороны, такой вариант интерпретации конфликтной ситуации, такой «нарратив о конфликте», который будет способствовать обострению конфликта или даже конструировать новые конфликты, а с другой стороны, листовка, как правило, содержит структурные элементы, конфликтогенно воздействующие на ценностный и эмоциональный мир человека, воспринимающего текстовый материал. Эти тексты являются не только источником получения достоверной научной информации, но также богатейшим полем отработки поведенческих моделей, анализа сценариев развития событий в конфликте, когда его субъекты руководствуются теми или иными ценностями, что особенно важно при выработке практических рекомендаций на основании результатов конфликтологической экспертизы.

Следует учитывать, что при исследовании социальных конфликтов в арсенале конфликтолога должны быть различные подходы, различные исследовательские тактики, необходим свободный выбор в их предпочтении в зависимости от специфики ситуации. Так, например, качественный контент-анализ при выявлении нарративов о конфликте целесообразно использовать в виде такой его модификации, как нарратив-конфликтологический контент-анализ: исследование изменений в нарративах о конфликте позволяет прогнозировать тенденции социальных изменений. При осуществлении конфликтологической экс-

пертизы необходимо дополнение качественного контент-анализа другими методами анализа текстов (например, интент-анализ, нарративный и дискурсивный методы анализа и др.), поиски их оптимального взаимодополнения в рамках лингвоконфликтологического подхода к исследованию коммуникативных процессов.

Предпочтение качественным методам при проведении конфликтологической экспертизы не означает отказа от количественного измерения социальных конфликтов, но количественные методы являются дополнением к качественным. Так, например, конфликтологическая экспертиза может быть существенно улучшена сочетанием конфликтологического контент-анализа как качественного метода социологии с компьютерным контент-анализом конфликтных ситуаций. Их выигрышное взаимодополнение заключается в том, что первый дает возможность многопланового осмысления текста в его целостности и богатстве отдельных его смысловых единиц (символов, образов, метафор конфликтности), второй – выявлять конфликтные тенденции в больших массивах текстовой информации, т. е. «позволяет следить за ежедневным развитием конфликта с помощью анализа лексического содержания соответствующих документов» [27, с. 164]. Сочетание этих двух подходов к анализу текста целесообразно применять для выявления доминирующих лексических единиц в речи различных субъектов конфликта, при установлении взаимосвязи ценностных и речевых ориентаций, а также для взаимной проверки работы этих двух методов и доработки инструментария как качественного, так и количественного исследования.

Конфликтологический контент-анализ как качественный метод социологии является главной составляющей конфликтологической экспертизы, поскольку позволяет зафиксировать различные образы конфликтной ситуации (с учетом эмоциональных и когнитивно-волевых проявлений конфликтных взаимодействий), которые необходимо учитывать при вынесении резюмирующей экспертной оценки конфликта и тенденций его развития.

С одной стороны, конфликтологический контент-анализ решает ряд проблем, связанных с интерпретацией данных качественного исследования. С другой стороны, качественные методы раскрывают дополнительные возможности в измерении конфликтности, создают предпосылки для построения многомерной модели измерения конфликтности. Это заключается, во-первых, в ценностном подходе к измерению соци-

альных конфликтов, во-вторых, в лингвоконфликтологическом подходе к анализу коммуникативных процессов, в-третьих, в учете особенностей образа конфликта и факторов, влияющих на его формирование при осуществлении конфликтологической экспертизы. При этом рассмотрение конфликтов как системы структурных коммуникаций раскрывает дополнительные возможности применения качественных методов, разработки новых методов интерпретации текстовой информации.

Конфликтологический контент-анализ реализуется как конфликтологическая интерпретативная практика, не ограничивающаяся только конфликтными процессами, измеряющая конфликтный потенциал различных коммуникативных процессов и раскрывающая возможности не только исследования конфликта, но и использования конфликта как познавательного средства.

Нарратив-конфликтологический контент-анализ: к исследованию векторов социальных изменений

Для изучения процесса социальных трансформаций в лингвоконфликтологическом аспекте целесообразно использовать качественный контент-анализ. Исследовательскую тактику его реализации можно обозначить как нарратив-конфликтологический контент-анализ, в процессе осуществления которого выявляются и изучаются различные рассказы о конфликте, характеризующие определенный источник, затем эти нарративы сравниваются, отслеживаются их изменения, рассматривающиеся как отображение настоящих и предпосылки будущих социальных изменений.

Как известно, одной из важнейших характеристик нарратива в рамках структурной нарратологии является «событийность» [33], при этом понимание событийности непосредственно связано с изменениями, в том числе социальными [33, с. 13-15]. В. В. Шмид, разрабатывая и обосновывая главные концептуальные положения «Нарратологии», называет следующие условия, выполнение которых является показателем «полноценной событийности в нарративном тексте»: 1) релевантность изменения (событийность повышается по мере того, как то или иное изменение рассматривается как существенное в масштабах данного фиктивного мира); 2) непредсказуемость (событийность изменения повышается с увеличением его неожиданности; событие в эмфатическом смысле подразумевает некую парадоксальность); 3) консекутивность (со-

бытийность изменения зависит от того, какие последствия в мышлении и действиях субъекта она влечет за собой); 4) необратимость (событийность повышается по мере того, как понижается вероятность обратимости изменения и аннулирования нового состояния); 5) неповторяемость (изменение должно быть однократным) [33, с. 15–18]. Именно такой подход к анализу нарративов наиболее соответствует анализу конфликтов как структурных коммуникаций. Наличие определенных характеристик нарратива в сочетании с характеристиками структурно-динамической модели конфликта позволяет четко определить границы нарратива о конфликте при выделении его из текста.

Какие конфликты и их описания выбрать в качестве предмета исследования? Целесообразно проанализировать те конфликты, отображенные в истории развития общества, которые, во-первых, связаны с современными конфликтами (отображая их истоки, историко-культурные предпосылки или одну из фаз циклического развития) и, во-вторых, сопряжены с конфликтом интерпретаций.

Процедура нарратив-конфликтологического анализа предполагает следующие этапы:

1. Выбрать событие (или события), освещение которого сопряжено с конфликтом интерпретаций.

2. Выявить источники, отображающие различные варианты интерпретации событий и выстраивающие различные нарративы о конфликте, связанные с этим событием.

3. Определить по каждому источнику, какие конфликты называются в связи с освещением этого события и как они характеризуются.

4. Структурировать каждый из нарративов о конфликте в соответствии со структурно-динамической моделью конфликта применительно к каждому из выбранных источников.

5. Определить тип структурной модели каждого из нарративов.

6. Посредством сопоставления нарративов о конфликте сравнить описания одного и того же события в различных источниках (названия событий, их различия, в том числе с точки зрения оценочного наполнения; различия в оценке события и сопряженных с ним конфликтов и др.).

7. Определить согласованность или противоречивость различных нарративов.

8. Сопоставить изменение в нарративах о конфликте с изменениями эпохи, к которой принадлежит источник.

9. Выявить предпосылки формирования определенных предубеждений и стереотипов (например, этнических, расистских, гендерных и др.) посредством специфического описания конфликтных ситуаций.

10. Выявить конфликт нарративов как отображение конфликта идеологий или предпосылку потенциальной конфликтности.

Дополнительные грани исследования этой проблемы, как уже отмечалось выше, могут быть определены посредством сопоставления образовательного дискурса (как внешнего контура интерпретации, изменение которого в большей степени связано с доминирующей идеологией) и повседневного дискурса (как внутренней грани интерпретации, в большей степени связанной с непосредственной коммуникацией как способом освоения определенных знаний). Образовательный дискурс может быть изучен посредством нарратив-конфликтологического анализа источников, официально одобренных и рекомендованных для обучения в образовательных учреждениях определенного государства. Повседневный дискурс исследуется через погружение в повседневность и повседневную речь посредством устной истории как исследовательской тактики с акцентированием внимания на рассказах о конфликтах, а также посредством углубленных интервью по интересующим проблемам, в том числе: как называют и оценивают определенные исторические события, какие видят за ними конфликты представители различных социальных и возрастных групп, как изменились понимание и интерпретация этих событий. Все это может послужить одним из существенных индикаторов для определения векторов современных социальных изменений.

Нарратив-конфликтологический контент-анализ позволяет решить следующие задачи:

1. Выявить взаимосвязь между определенными характеристиками нарратива (и динамикой его изменений) и характеристиками эпохи, к которой принадлежит источник, а также характеристиками следующей эпохи – это позволяет определить, какие нарративы и их изменения свидетельствуют о грядущих изменениях (или даже провоцируют изменения) в сторону тоталитаризма или демократизации в государственном устройстве, к признанию полиэтничности или этноцентрированности, к распаду или объединению определенных элементов социальной структуры, к индивидуализму или коллективизму в общественном сознании и т. д.

2. Зафиксировать, какие ключевые конфликты интерпретаций характеризуют переход от одной идеологической системы к другой.

3. Экстраполировав выявленные закономерности на современные изменения нарративов, обозначить некоторые важнейшие тенденции дальнейших социальных изменений.

Для исследования процесса социальных трансформаций через нарративы о конфликте, выявляются и изучаются различные рассказы о конфликте, характеризующие определенный источник; затем эти нарративы сравниваются, отслеживаются их изменения, рассматривающиеся как отображение настоящих и предвестники будущих социальных трансформаций.

Векторы социальных изменений можно определить посредством сопоставления изменений в описаниях конфликтов и сопряженных с ними событий, оказавших значительное влияние на развитие общества в различные исторические периоды, а также особенностей отображения этого в общественном сознании. Особый интерес представляет анализ учебников истории: революции (например, события 1917 г.), мировые и гражданские войны, затяжные конфликты, циклично повторяющиеся на все новых витках их развития, и описание предыстории конфликтов в учебной литературе различных исторических периодов – различия в описании и названии, порождающие конфликт интерпретаций, наряду со сложностью проведения социологического анализа раскрывают новые познавательные возможности. При этом конфликт выступает как познавательное средство, а характеристики конфликтов можно рассматривать как показатели оценки направленности, характера и результативности трансформационных процессов.

Сопоставление нарративов о конфликте, отраженных в учебниках истории и высказываниях представителей разных поколений (в нарративных интервью, дневниках, письмах, автобиографиях и др.) – это не только возможность измерения идентичностей в поле взаимного влияния легитимного дискурса и устной истории, но и возможность выявления взаимодействия и взаимовлияния институциональных изменений и их восприятия на уровне повседневности, а также встречного процесса – включения типизированных проявлений повседневности в механизмы институциональных изменений.

При измерении идентичностей посредством нарратив-конфликтологического контент-анализа язык конфликта выступает как исследовательский код. Характеристики языка конфликта при этом являются структурными характеристиками конфликтных взаимодействий

(реальных, потенциальных, отображенных в сознании), лингвоконфликтологическими индикаторами векторов социальных изменений.

Возможности применения лингвоконфликтологической концепции: язык конфликта как средство интерпретации и коммуникации

При анализе ***языка конфликта как средства интерпретации*** целесообразно исследовать нарративы о конфликтах, сопряженных с глобальными преобразованиями общества, представленные в средствах массовой информации, устной истории, учебниках истории и других источниках информации. Изучая нарративы о конфликте и их особенности для различных субъектов конфликта, а также выявляя их характеристики в различные исторические периоды развития общества, можно заметить наличие взаимосвязи характеристик эпохи и ценностных характеристик нарративов о конфликте. Это позволяет выйти не только на проблему влияния изменений ценностных интерпретаций на формирование ценностных ориентаций личности, но и на проблему снятия индивидуального и коллективного чувства вины через «переписывание» нарративов о конфликте. Это относится как к событиям индивидуальной жизни человека, вплетенным в определенный социальный контекст, так и к глобальным событиям истории общества, приводящим к кризису ценностей и идеалов, связанных с радикальными изменениями социальных систем. Инструментом, позволяющим выявлять эти характеристики, является нарратив-конфликтологический контент-анализ, который последовательно воплощает лингвоконфликтологический метод на уровне методики и технологии социологического измерения конфликтности.

Изучая ***язык конфликта как средство коммуникации***, необходимо обратиться прежде своего к анализу повседневных практик коммуникации. Здесь особенно ярко маркируется поле «свой – чужой». Мотив «чужого» непосредственно связан с происхождением норм из жизненного мира, с «типизацией процессов действия», при этом «типичным является то, что обычно можно ожидать как нормальный случай, в противовес исключительным и пограничным случаям» [34]. Например, анализ языка конфликта посредством включенного наблюдения в сочетании с углубленными проблемно-ориентированными интервью позволяет выявить особенности языка конфликта определенных этносов, исследовать специфику языка конфликта определенных субкультур (напри-

мер, молодежных), выявить особенности лингвистической маркировки «свой – чужой» в ситуации конфликта. Целесообразно также проведение исследования языка конфликта в период массового протестного поведения через анализ лозунгов, плакатов, призывов, а также посредством углубленных фокусированных интервью. Семантические характеристики языка конфликта, избранный когнитивный стиль, определенные лингвистические конструкты – все это является не только маркером принадлежности к определенной социальной группе, индикатором ценностных ориентаций, но и индикатором потенциальной конфликтности, а также фактором, моделирующим социальные взаимодействия. Кроме того, конфликтологический контент-анализ языка переговоров, дебатов и т. д. позволяет выявить потенциальную конфликтность и ее направленность.

Сущность контент-анализа и его место в системе качественных и количественных методов понимается по-разному. Следует заметить, что в данной монографии не противопоставляется контент-анализ традиционному анализу как количественный подход к тексту качественному, а рассматривается как качественно-количественный метод анализа текстов, причем для анализа конфликтов особенно важна именно качественная составляющая, так как это позволяет приблизиться к исследованию влияния иррациональных (когнитивно-волевых, эмоциональных и др.) факторов на возникновение, развитие и снятие конфликтно-экстремальных ситуаций.

Исследовательская стратегия может сочетать в себе анализ языка конфликта одновременно и как средства коммуникации, и как средства интерпретации, что будет продемонстрировано ниже на примере конфликтологического контент-анализа фрагмента автобиографии П. Сорокина «Бойня: революция 1917 года» [35]. В этом тексте высвечивается язык конфликта как средство интерпретации (если рассматривать не описание событий, а описание собственных переживаний автора), а также язык конфликта как средство коммуникации (при рассмотрении этого фрагмента как «устной истории» – запечатленная живая повседневная речь, язык лозунгов и т. д.).

При исследовании лингвистических характеристик социальных конфликтов предпочтительна ориентация на качественные методы социологического исследования, так как это дает больше возможностей как в сборе материала, так и в его интерпретации. Каждый из методов

(например, кейс-стади, этнографическое описание, история жизни, история семьи, устная история [36, с. 14–15]) может дать определенный результат в той или иной ситуации, и необходимо выбрать определенную тактику в соответствии с исследовательским фокусом, в том числе и в зависимости от анализа языка конфликта как средства коммуникации или как средства интерпретации.

Особенности социологического измерения языка конфликта в трансформирующемся обществе

Язык конфликта является ярким отображением изменений в обществе, в том числе на уровне социальных институтов, так как выступает одним из средств структурного воплощения предпочтительных моделей конфликтного поведения, а также детерминирующих это поведение ценностей, норм, обычаев, традиций и др. Благодаря этому могут быть найдены новые грани познания социальных трансформаций. Так, например, характер изменений социальной структуры может быть исследован не только исходя из анализа трансформации самих элементов социальной структуры, но и через выявление изменений в структурных, динамических и функциональных характеристиках социальных конфликтов. Типовые характеристики конфликта (в том числе лингвистические) позволяют судить о характере и направленности социальных преобразований.

При исследовании социокоммуникативных процессов в трансформирующемся обществе лингвоконфликтологическая модель приобретает особое значение, так как позволяет измерять факторы, которые характеризуются «эмпирической неуловимостью» и «операциональными трудностями измерения» [37]. П. Штомпка, анализируя особенности трансформационных процессов и, в частности, «трудноучитываемые факторы в быстрых социальных изменениях» [37], выделяет, прежде всего, общественные настроения, коллективное самочувствие, мораль, типичные привычки и всеобщее разочарование, энтузиазм, апатию. При этом он рассматривает влияние этих факторов на «моральную связь», определяющую характер взаимоотношений в обществе, и на ее составные части – доверие, лояльность и солидарность, – которые при атрофии моральной связи преобразуются в культуру цинизма, культуру манипуляции и культуру равнодушия. П. Штомпка доказывает, что «способность общества к самопревращению с определенностью зависит от

характера сил, объединяющих общество и разъединяющих его, от способа отношений членов сообщества к другим, т. е. ориентация на других или против них. Это подчеркивает возможность взаимного «измерения» изменений моральной связи в процессе социальных трансформаций и изменений в вариантах реагирования на конфликт. Индикаторами на уровне методов и технологий измерения являются лексические единицы, отображающие определенный полюс отношения. Эти лексические единицы выявляются на основе анализа текстов – носителей конфликтного потенциала.

Проиллюстрируем возможности исследования языка конфликта и особенностей его проявления в условиях стремительных социальных изменений на примере языка революции 1917 г. как языка предтоталитарной эпохи, обратившись к фрагменту автобиографии П. Сорокина «Бойня: революция 1917 года» [35]. Этот текст представляет особый интерес, поскольку уникальное личностное переживание ситуации и воплощение его в тексте позволяет увидеть характеристики языка конфликта как языка повседневности на «пике социальных преобразований» – революции. Текст П. Сорокина рассматривается при этом не как отображение событий переломного периода жизни выдающегося социолога, не с точки зрения его политических ориентаций как общественного деятеля, а как уникальный материал для анализа языка конфликта в период революции 1917 г. посредством «устной истории» как тактики качественного исследования. Качественный контент-анализ этого фрагмента автобиографии дает возможность за логичной, рациональной канвой изложения событий увидеть множество иррациональных проявлений конфликтности и особую роль слова, текста в воздействии на иррациональное поведение толпы, масс. Язык конфликта здесь выступает одновременно как средство коммуникации и как средство интерпретации – и в этом также причина выбора именно этого иллюстративного материала.

П. Сорокин называет 1917–1922 гг. русской революции наиболее деструктивным ее периодом, и благодаря его тексту, мы можем выявить социолингвистические предпосылки проявления этой деструктивности. Текст отображает различные способы манифестирования конфликтных интересов и их изменение под влиянием социокультурных и ситуативных факторов. Кроме того, в работе П. Сорокина представлен ряд типовых форм конфликтного поведения, при этом приводятся речевые варианты реагирования на конфликтные ситуации (например,

описана попытка решения конфликта через поиски «козла отпущения» [35, с. 226], а также снятие основания конфликта через осмеяние [35, с. 238]). Хронологическое изложение событий позволяет отслеживать динамику настроений, средств и методов борьбы и отображение этого в языке конфликта, запечатленного в языке лозунгов, полемики, устной пропаганды, а также в личностных переживаниях революции. Характеризуют динамику ситуации и названия разделов: от нейтральных «День следующий» и «Назавтра» через «Раз свобода, то все дозволено» к названиям «Трагедия», «Новый кризис», «Пучина», еще раз подтверждая, что «вседозволенность» создает наиболее благоприятные условия для установления диктаторских режимов.

Контент-анализ фрагмента автобиографии П. Сорокина «Бойня: революция 1917 года» позволил выявить следующие характеристики языка конфликта.

1. Лозунги и призывы разрушительной направленности, которые в равной степени могут быть применимы к различным субъектам конфликта и периодически меняют своего адресата на противоположного («Смерть всем врагам народа!» и т. п.).

2. Жесткость выражений в агитационных выступлениях и политической полемике (яркий пример – фрагмент выступления Л. Троцкого перед кронштадскими матросами: «...Своими деяниями, преданностью коммунизму, безжалостной ненавистью и истреблением всех эксплуататоров и врагов пролетариата Вы впишете бессмертные страницы в историю революции... Пускай враги наши трепещут. Никакой жалости, никакого милосердия к ним. Сконцентрируйте всю свою ненависть. Уничтожьте врагов раз и навсегда!» [35, с. 236–237]).

3. Множество переименований оценочного характера (например, переименование революционеров в контрреволюционеров [35, с. 226, 235]).

4. Высокая степень эмоциональности высказываний (и в лозунгах демонстраций, и в агитационных выступлениях, и в повседневной речи), наряду с их противоречивостью. Во-первых, противоречия фиксируются и в самих текстовых структурах, во-вторых, отмечается противоречивость высказываний и действий [35, с. 229]. Такого рода текстовое воздействие усиливает агрессивность и колебания настроений толпы, готовой подчиниться наиболее жестким предложениям, сформулированным в простой форме и апеллирующим к самым значимым в этот момент жизненным ценностям. Остается только найти всеобъемлющий

образ врага, который позволит направить силы масс на поддержку и установление диктаторского режима.

5. Неопределенность, противоречивость, алогичность, эмоциональность – характерные особенности и лозунгов, и полемики, и повседневной речи.

6. Всеобщность и безадресность воззваний («Всем! Всем! Всем!»), что еще более усиливает ситуацию неопределенности и резкие колебания настроений толпы в зависимости от «вбрасываемой» информации, позволяя сегодняшних союзников в решении конфликтных ситуаций превращать «назавтра» в оппонентов и «козлов отпущения».

7. Контрасты ценностей и «антиценностей» в текстах политической полемики, лозунгах и в повседневной речи, зачастую сопряженные с абсурдными вариантами их интерпретации.

8. Призывы к борьбе с «врагами революции», «контрреволюционерами» (с учетом размытости понятия «враг» энергию масс можно обратить против любого политического оппонента и, уничтожив все альтернативные политические силы, утвердить диктаторскую власть). Поиск поводов, которые позволят обосновать необходимость введения жестких мер, вооруженного выступления, диктатуры.

Контент-анализ конфликтных структур в тексте «Бойня: революция 1917 года» позволил выявить ряд особенностей языка конфликтов, являющихся социолингвистическими индикаторами предтоталитарных эпох, в следующих направлениях: 1) язык лозунгов и его взаимосвязь с поведением толпы; 2) темы дискуссий и язык политической полемики; 3) язык личностного переживания революции автором; 4) конфликтные структуры в повседневной речи; 5) взаимосвязь речевых сценариев политической борьбы с тенденциями социальных изменений.

Как соотносятся выявленные на основе работы П. Сорокина характеристики с современными характеристиками языка конфликта?

Включенное наблюдение, конфликтологический контент-анализ текстов (рекламных предвыборных материалов, политических выступлений (на митингах, в СМИ, на заседаниях Верховного Совета и др.), контент-анализ лозунгов, плакатов, листовок и др.), а также проведение углубленных проблемно-ориентированных интервью с экспертами и участниками событий (в том числе с участниками акций протеста в палаточных городках «оранжевых» и «бело-голубых» на площади Сво-

боды в г. Харькове) – все это стало массивом для исследования языка конфликта в период с 20 сентября по 26 декабря 2004 г.

Конфликтологический контент-анализ позволил зафиксировать прежде всего различие и даже контрастность текстов: с одной стороны, текстов политической рекламы (как всякая реклама, являющейся агрессивной в своих попытках манипулятивного воздействия), с другой стороны, совсем иные тексты «институциональных разговоров», фиксируемые на уровне повседневности (здесь больше полутонов, все не так однозначно и значительно, более миролюбиво по своей сути: «Все мы люди, хотя мы по-разному маркирующие себя, в том числе и посредством оранжевой или сине-белой цветовой символики, при этом готовы общаться, отстаивать свое мнение, уважая другого,» – примерно таким был доминирующий тон взаимного общения «оранжевых» и «бело-голубых» на митингах и в расположенных недалеко друг от друга палаточных городках). Это основное отличие от описаний Питирима Сорокина, где в гораздо большей степени ощущается амбивалентность толпы, колебания ее настроений и категоричность высказываний. Однако и эти настроения и порывы, фиксируемые на уровне повседневности (зачастую искренне увлеченные, зачастую растерянные и уставшие от альтернативных потоков информации – и в этом совпадение с работой П. Сорокина), могут стать и становятся объектами и субъектами политических манипуляций, и в современных событиях на некоторых из этапов развития конфликта (прежде всего там, где он приобретает характеристики конфликтно-экстремальной ситуации) прослеживается ужесточение конфликта и усиление категоричности выражения позиций, в том числе на уровне характеристик языка конфликтного противостояния. Являются ли конфликтные структуры в текстах показателем возможных деструктивных тенденций социальных изменений? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к характеристикам текстов предтоталитарных режимов, выявленных на основе конфликтологического анализа работы П. Сорокина.

Некоторые из выявленных посредством качественного контент-анализа работы П. Сорокина характеристики языка конфликта сопоставимы с особенностями языка современных конфликтов, в частности, зафиксированных при исследовании современных социальных изменений в Украине. Анализ текстов, сопутствующих борьбе двух основных лидеров президентской избирательной кампании 2004 года и их «оранжевых» и «бело-голубых» сторонников, позволил заметить нали-

чие лозунгов и призывов разрушительной направленности обеих сторон конфликта. Например, «Позор тем, кто поддерживает преступников и фальсификаторов!», «Хунту под народный трибунал!», «За грати!» (За решетку!) – некоторые из лозунгов «оранжевых»; «Нет оранжевой чуме!», «Нашизм не пройдет!» – лозунги «бело-голубых». Проявляется также жесткость выражений в агитационных выступлениях и политической полемике, контрасты ценностей и «антиценностей» в текстах политической полемики, призывы к борьбе с «врагами революции», «контрреволюционерами» (хотя они и называются иначе) и др.

Это позволяет говорить о некоторых аналогиях с характеристиками языка конфликта, выявленными посредством анализа работы П. Сорокина, хотя они и не в полной мере совпадают, а именно: на уровне институционализированных PR-технологий и освещения событий в средствах массовой информации – преимущественно совпадают, на уровне институциональных разговоров, отображающих канву повседневного восприятия ситуации конфликта, – отличаются. Таким образом, включение повседневного дискурса в интерпретационное поле конфликтологической экспертизы способствует формированию многомерного и адекватного видения социальных конфликтов и тенденций их развития.

Как правило, необходимо использовать комплекс различных методов сбора информации, чтобы получить достаточный для выявления характеристик языка конфликта массив материала. Например, при исследовании характеристик языка современных социальных конфликтов в период «оранжевой революции» в Украине, когда в фокусе исследования оказалось множество конфликтов, сопряженных с выборами президента Украины в 2004 г., была использована комплексная методика сбора информации, включающая наблюдение, анализ документов и экспертные интервью. Характеристики языка конфликта выявлялись и анализировались посредством конфликтологического контент-анализа языка лозунгов, плакатов, листовок, выступлений на митингах и в средствах массовой информации участников конфликтного противостояния и посредников. При проведении социологического исследования было выявлено, что наиболее ярко характеристики языка конфликта проявляются на том этапе его развития, когда он приобретает черты конфликтно-экстремальной ситуации – именно здесь на первый план выходит аксиологическая составляющая, позволяющая выявить ценностные и стратегические ориентации участников конфликта. Приме-

нительно к ситуации в Украине в связи с выборами президента страны в 2004 г. это были дни накануне и во время первых заседаний Конституционного суда и Верховного Суда Украины (28–30 ноября 2005 г.) по поводу признания недействительным второго тура выборов в связи с массовыми фальсификациями – именно в этот период фиксируется наибольшее количество текстов, содержащих элементы конфликтных структур деструктивной направленности, причем это характерно для обеих сторон конфликта.

Обращение к анализу языка конфликта раскрывает возможности более глубокого изучения как явных, так и скрытых проявлений конфликтности. Взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций лежит в основе разработки качественного метода исследования потенциальной конфликтности через язык, текст и скрытые в нем символы, образы и смыслы – лингвоконфликтологического метода, который позволяет приблизиться к адекватному измерению конфликтности в обществе.

Язык конфликта является ярким отображением изменений социальных институтов общества, выступает одним из средств структурного воплощения моделей конфликтного поведения, а также, благодаря взаимосвязи ценностных и речевых ориентаций, отображает направленность и возможные способы воздействия на конфликтную ситуацию. Кроме того, порой само название событий, сопряженных с конфликтом, влияет на оценку конфликта и особенности отображения его в общественном мнении (сказать «война» или «антитеррористическая операция», «революция» или «бойня» и т. д.). Отображение этого в повседневном дискурсе, фиксирующем определенный образ конфликтной ситуации, сопоставление его с другими образами конфликта (отображенными в СМИ, различных текстовых документах, предлагаемых субъектами конфликтного взаимодействия и т. д.) способствует осуществлению адекватной конфликтологической экспертизы тенденций социальных изменений.

Социальные технологии и нарративы о конфликте

Язык социальных конфликтов выступает в социально-технологическом аспекте не только в связи с вопросом об измерении конфликтности, но и при решении проблемы управления конфликтом. Речь идет о воздействии на конфликт через язык (или текст) как технологии управления конфликтом или его снятия. И здесь имеется в виду не только (и даже не столько) переговорный процесс (который, хотя и

апеллирует к иррациональному, эмоциональному, но все же является достаточно рационализированным), но и следующие аспекты текстового воздействия, в которых проявляется влияние именно на иррациональные факторы развития конфликтов.

1. Воздействие через текст на ценности и установки с использованием социально-психологических механизмов влияния (Р. Чалдини и др.).

2. Переименования как механизм утверждения определенных социальных изменений, позволяющий снять или упредить связанные с этим конфликтные ситуации. Примеры такого рода воздействия содержатся, в частности, в работе С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» [38, с. 117–119]. Однако следует заметить, что порой само переименование может выступить и фактором, провоцирующим конфликт, особенно, если затрагивает вопросы исторической памяти.

3. Роль различных тезаурусов и значение языковых особенностей, характеризующих представителей различных социальных групп в вытеснении конфликтов или их провоцировании, а также функции и значение отклонения от норм литературного языка под воздействием революционных преобразований. Изучая данные социологических исследований по проблемам специфических языковых проявлений («Тезаурус рыночной среды» [39], «Язык социального статуса» [40] и др.), можно заметить потенциальные или явные проявления конфликтности, заложенные в языковых структурах, снятие потенциальных конфликтов, например, через осмеяние посредством присвоения комичных названий, прозвищ, а также отследить специфические формы речевого поведения в конфликте, характерные для определенных социальных групп, общностей. В этом смысле интерес представляет также работа профессора языкознания А. М. Селищева, изложившего свои исследования языковой деятельности «в связи с событиями и обстоятельствами периода 1917–1926 гг.» в работе «Язык революционной эпохи» [41].

4. Лингвистическое воздействие на формирование идентичностей через конструирование и трансформацию нарративов о конфликте.

Почему при выявлении конфликтного потенциала важно анализировать «нарративы о конфликте»? Это связано с тем, что видение событий конфликта различными сторонами может столь же существенно отличаться, как и позиции субъектов конфликта, а следовательно, каждая из сторон будет пытаться выстраивать свой нарратив, умышленно или неумышленно влияя этим построением на восприятие событий кон-

фликта, возможно, и на характер его развития (обострение или смягчение, затягивание или завершение и др.).

Анализируя различные нарративы о конфликте, например, отображенные в истории дипломатии или передаваемые средствами массовой информации, можно убедиться в том, что они отличаются не только тем, какие факты высвечиваются, но и тем, как они комментируются и интерпретируются. При этом применяемые слова и словосочетания несут в себе не только определенные смысловые, но и эмоциональные оттенки, отражая позицию оценки человека, передающего сообщение, и формируя ее у воспринимающего. Выстраивается различный эмоциональный фон восприятия событий, из освещения одних и тех же событий формируются различные нарративы, в том числе и нарративы, которые противоречат друг другу.

Противостояние различных нарративов может идти в непересекающихся плоскостях, а может провоцировать определенные конфликты, связанные с подачей и интерпретацией информации. Возникает своего рода «конфликт нарративов», который может выполнять как минимум две функции: 1) обостряя отношения сторон конфликта (позиции которых стоят за каждым из нарративов), делать конфликт более острым или даже провоцировать новые конфликты; 2) через «конфликт нарративов» проводить «виртуальное сражение», тем самым снижая вероятность реального конфликта.

Особые грани проявления конфликтности в условиях социальных изменений можно выявить, проанализировав, с одной стороны, язык конфликтных взаимодействий в процессе непосредственной или опосредованной коммуникации (и таким образом получив дополнительную информацию о субъектах конфликта), с другой стороны, – изучая рассказы о конфликте (или нарративы). Лингвоконфликтологический анализ позволяет определить, например, скрытые мотивы субъектов конфликта через используемые в полемике символы, выявить скрытые смыслы конфликтного поведения, связанные с эмоциональной сферой, исследовать различные ценностные интерпретации конфликтной ситуации через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций. Все эти факторы оказывают существенное влияние на развитие конфликтной ситуации, способствуя или препятствуя его завершению.

Обращение к лингвоконфликтологическому анализу раскрывает дополнительные возможности включения ценностных механизмов

воздействия на экзистенциальные факторы в технологиях управления конфликтом. Одним из возможных объектов социолингвистического анализа конфликтных ситуаций являются нарративы, что позволяет глубже изучить образы конфликтных ситуаций с учетом включенности рассказа о конфликте в определенный социокультурный контекст восприятия событий, а также разрабатывать технологии разрешения конфликтов, в которых используются нарративы о конфликте в качестве эффективного тактико-стратегического средства.

Анализ характеристик языка конфликта как средства выражения толерантности или враждебности, доверия или недоверия, а также выявление изменений языковых характеристик конфликтного поведения различных социальных групп в условиях перехода от советских к постсоветским идентичностям, учет особенностей языка конфликта как средства межкультурной коммуникации в социальных технологиях – все это расширяет возможности эффективного управления конфликтными и интеграционными процессами в современном обществе.

Конструирование истории является одной из технологий моделирования социальных изменений, формирования новых солидарностей и конструирования конфликтов. Особую роль при измерении направленности конструирования истории играют «нарративы о конфликте».

Таким образом, язык конфликта характеризует направленность социальных изменений. Язык конфликта, как уже отмечалось выше, выступает как средство коммуникации и интерпретации, при этом каждый из вариантов требует своего арсенала исследовательских методик. Коммуникативные и интерпретативные практики, связанные с конфликтами в условиях социальных преобразований, позволяют сфокусировать внимание на характеристиках коммуникативных процессов, рассматривая их через язык конфликта, именно так выявляя типовые характеристики конфликтов, их взаимосвязь с векторами социальных изменений.

При исследовании особенностей конструирования истории язык конфликта выступает прежде всего как средство интерпретации.

При сравнении различных нарративов, в особенности при проведении анализа ситуаций включенности в различный информационный контекст, целесообразно использование качественных методов социологического исследования, так как они позволяют исследовать ситуацию конфликта через повседневность и язык повседневности. С другой стороны, необходим анализ легитимного дискурса. ***Лингвокон-***

фликтологический анализ осуществляется через сравнение характеристик языка конфликта, отображенных в нарративах о событиях истории, сопряженных с конфликтом интерпретаций. ***Нарратив-конфликтологический контент-анализ*** позволяет выявлять и сравнивать нарративы, погруженные в устную историю и отображенные в учебниках истории, а также измерять характеристики нарративов о событиях, сопряженных с конфликтом интерпретаций на пересечении легитимного дискурса и устной истории.

2.3. Методика построения карты метаязыка конфликта (КМК) и принципы формирования коллекции кейсов

Процедура сбора материала

Построение карты метаязыка конфликта является одним из вариантов воплощения лингвоконфликтологического подхода к исследованию социокоммуникативных процессов в трансформирующемся обществе на уровне методик социологического измерения.

Методику построения карты метаязыка конфликта целесообразно использовать в качестве одного из способов исследования процессов формирования новых идентичностей и их конфликтного потенциала. Это осуществляется через измерение особенностей лингвистического конструирования образа врага, определение наличия объединяющей идеи конфликтного или созидательного характера, исследование особенностей восприятия общей истории, имеющей объединяющее значение или, наоборот, выступающей как фактор, провоцирующий конфликтность. При этом язык конфликта выступает, прежде всего, как средство интерпретации.

Предлагаю следующее описание ключевых элементов методики построения карты метаязыка конфликта, исследовательской методологии и вариантов ее операционализации при проведении углубленных проблемно-ориетированных интервью.

Особого внимания требует исследование особенностей языка социальных конфликтов и его роли в процессе становления и развития институтов общества, с одной стороны, и изменение границ приемлемого социального поведения и отображение этого в повседневных практиках – с другой. Именно посредством анализа языка конфликта можно

выявить согласованность или рассогласование институциональной и повседневной плоскостей социальных взаимодействий. Карта языка конфликта позволяет связать структуру идентичностей и структурные характеристики языка конфликта на основе ключевых положений грамматического метода. В грамматическом методе Ойгена Розеншток-Хюсси принципиально важными являются механизм взаимосвязи изменений языка и социальных изменений, а также методологическая структура грамматического метода: грамматический метод как путь, на котором человек осознает свое место в истории (позади), мире (вовне), обществе (внутри) и судьбе (впереди) [19, с. 21]. Именно эта структура определяет сегменты карты метаязыка конфликта.

Здесь проявляется возможность эмпирически измерить идентичности, рассматривая в единстве социальные и индивидуальные идентичности, а также «встроенные» в идентичности ценности и ценностные ориентации, непосредственно связанные с речевыми ориентациями.

В основе метода, позволяющего выявить структурные элементы языка конфликта – морфологический подход В. Я. Проппа [30], [31], грамматический метод О. Розенштока-Хюсси [19] и семиотический подход к анализу метаязыка культуры Ю. М. Лотмана [41] (о метаязыке типологических описаний культуры), а также идеи П. Бергера и Т. Лукмана о механизмах конструирования социальной реальности [12].

При разработке инструментария учитываются исследовательский потенциал работ по построению карты метаязыка поколения в качественной социологии (В. В. Семенова и др.) и методологические принципы, а также процедура исследования процессов идентификации в социальном пространстве «своих» и «несвоих» (В. А. Ядов [46], Е. Н. Данилова [47], О. А. Оберемко [48] и др.).

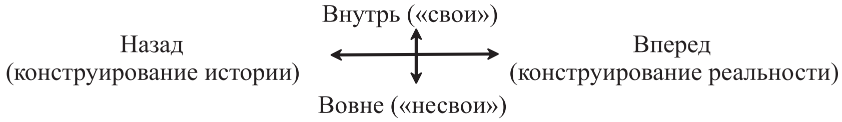
Построение карты метаязыка конфликта (КМК) предполагает фиксацию характеристик языка конфликта в различных источниках информации. Важным источником информации является проведение углубленных проблемно-ориентированных интервью с экспертами, что позволяет получить нарратив о различных событиях, связанных с конфликтом интерпретаций или реальными конфликтными столкновениями. Нарративы о конфликтах являются основным эмпирическим материалом при построении КМК. В них фиксируются различные образы конфликта, за которыми кроются различные варианты ценностной интерпретации ситуации. При этом значение имеет не только то,

что сказано, но и то, как это сказано, – семантические, семиотические, когнитивные, интенциональные и другие характеристики нарративов о конфликте: они конструируют будущие социальные изменения, лингвистически моделируют предпочтительные стратегии управления конфликтами.

Может быть предложен следующий перечень основных тем и вопросов, которые в ходе проведения углубленных проблемно-ориентированных интервью позволяют получить материал, являющийся эмпирической базой для построения КМК. Темы и вопросы интервью, рассматриваемые в качестве иллюстраций применения лингвоконфликтологических индикаторов через построение КМК, адаптированы к исследованию проблемы формирования новых идентичностей в условиях Пограничья (как уже отмечалось, в данной монографии Пограничье понимается как та часть постсоветского пространства, которая находится одновременно в поле притяжения Европейского пространства и России. И в этом смысле как Пограничье рассматриваются Украина, Беларусь и Молдова).

В интервью представлены два основных блока, ориентированные на построение основных сегментов КМК в таких координатах:

Блок 1. В основном работает на сегмент карты «назад – конструи-

рование истории», но в описаниях событий истории могут проступать характеристики и других сегментов КМК.

А.

1. Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: участники, значение, «герои» и «антигерои» и т. д.

Примечание. Здесь важно получить нарратив – связный рассказ – как называют, как характеризуют информанты события и их участников – дословно.

2. Назовите, пожалуйста, 2–3 конфликта (как в истории, так и в современности), которые Вы считаете наиболее значимыми. Опишите, пожалуйста, кратко каждое из этих событий, дайте их оценку и прогноз решения связанных с этим проблем в будущем.

Примечание. Вопрос 2 конкретизируется после получения связного рассказа с помощью дополнительных вопросов, отображающих элементы структурно-динамической модели конфликта: название события, участники, причины конфликта, конфликтные интересы сторон, способы манифестирования конфликтных интересов и оценка этих способов, возможности завершения конфликта (реализованные и нереализованные), оценка значения конфликта и стратегий поведения сторон конфликта и др.

3. Как Вы считаете, есть ли стереотипы, связанные с этими событиями, которые необходимо преодолеть? Можете ли Вы назвать исторические события, значение которых необходимо переосмыслить? С чем, по Вашему мнению, это связано?

Б. Блок 1Б аналогичен блоку 1А по структуре, но в нем – вопросы о событиях, которые выделяются на основании предварительного анализа проблемы по следующим критериям:

а) конфликты, отображенные в истории развития общества, которые связаны с современными конфликтами;

в) события истории, связанные с недавними конфликтами, имеющими принципиальное значение для выбора векторов дальнейшего развития общества, формирования или изменения идентичностей (например, определенного этноса);

б) события, сопряженные с конфликтом интерпретаций.

Пример 1. (к измерению идентичностей в условиях Пограничья). При исследовании особенностей формирования идентичностей в условиях Пограничья блок 1Б представлен следующими вопросами:

1. Существуют разные названия событий октября 1917 г. Как Вы называете эти события? Дайте краткую характеристику этого события, назовите основных «героев» и «антигероев». Какое значение имело это событие? Как оно соотносится с современными изменениями в обществе (в период с 1990-х гг. по настоящее время)?

2. Расскажите, пожалуйста, о таком событии истории, как Переяславская рада. Дайте краткую характеристику этого события, оцените значение для развития государства.

3. Что Вы могли бы рассказать о войне 1941–1945 гг. Дайте краткую характеристику и оценку этого события. Что Вы знаете о войне из рассказов и воспоминаний Ваших родных и близких? Как соотносятся их рассказы с информацией в учебниках истории, художественных и до-

кументальных фильмах, средствах массовой информации и др.? Есть ли здесь какие-либо противоречия? Если да, то какие?

4. С этого года в школьных учебниках «История Украины» появился параграф, посвященный недавним событиям в Украине – «оранжевой революции». Если бы Вы писали эту страницу в учебнике истории, что бы Вы написали в первую очередь? Как назвали бы эти события? Какой конфликт лежит в основе этих событий? Кто участники? Дайте краткую характеристику действующих лиц. Оцените значение события.

Формулировка вопросов этого блока и выбор событий зависят от объекта и предмета исследования. Вопрос о революции 1917 года является существенным при определении направленности векторов социальных трансформаций, так как этот вопрос является достаточно дискуссионным, и при оценке современных преобразований зачастую обращаются к оценке событий октября 1917 г. и последовавших за ними социальных изменений.

Пример 2. (к измерению идентичностей крымских татар). При исследовании идентичностей крымских татар в качестве вопроса, стимулирующего возникновение нарратива о конфликте может быть задан вопрос о войне 1941–1945 гг. или о депортации в 1944 г. крымских татар. Именно с этими темами может быть связан первый вопрос блока 1Б. Далее предлагаются следующие вопросы.

1. Обратимся к событиям недавней истории. Как Вы относитесь к возвращению татар в Крым в 1990-е гг.? Оправдались ли надежды? Какие проблемы возникли и требуют решения? Что Вы будете рассказывать об этих событиях детям и внукам, что бы Вы написали об этом в учебниках истории, если бы Вам пришлось писать такую страницу или главу?

Примечание. После получения нарратива целесообразно задать дополнительные вопросы в соответствие со структурно-динамической моделью конфликта (название события, участники, причины конфликта, конфликтные интересы сторон, способы манифестирования конфликтных интересов и оценка этих способов, возможности завершения конфликта (реализованные и нереализованные), оценка значения конфликта и стратегий поведения сторон конфликта и др.). Эти вопросы могут также помочь в ситуации, если стимулировать рассказ о конфликте не получилось.

Стимулировать возникновение нарратива можно не только вопросом о событиях, но и вопросом о понятиях, связанных с конфликтом интерпретаций. Следующий вопрос иллюстрирует именно такое «стимулирование» нарратива.

2. Сегодня активно ведется полемика по поводу статуса «коренного населения», «коренного народа» в Крыму. Ваше видение ситуации: по каким критериям должен определяться статус коренного населения, с какими историческими корнями это должно быть связано и как далеко в историю должны уходить эти корни? Должно ли это быть оформлено законодательно? Если да, то каким образом? Должны ли обладать дополнительными правами представители коренного населения?

3. Какие способы манифестирования конфликтных интересов Вы считаете приемлемыми? Приведите примеры позитивного и негативного опыта манифестирования конфликтных интересов из истории тех, кого Вы считаете «мы» или «свои», и из истории тех, кто для Вас «они», «несвои» (*этот вопрос – для экспертов*).

Блок 2. Этот блок сформулирован в общем виде и применим в основном как к первому, так и ко второму примеру.

1. Каким Вы видите будущее своего государства? Каким Вы видите будущее своего этноса, своей этнической группы?

Примечание. При исследовании этнических идентичностей указывается название конкретного этноса. Например, «Каким Вы видите будущее крымскотатарского народа?».

2. Какие конфликты в обществе, по Вашему мнению, могут быть в ближайшем будущем наиболее опасны, а какие полезны и нужны обществу?

3. Решение каких конфликтов Вы считаете наиболее важным и какие видите способы их решения?

4. Охарактеризуйте, пожалуйста, Ваше отношение к дискуссиям и разным позициям по поводу выделения крымско-татарской автономии.

Примечание. Вопрос 4 сформулирован применительно к исследованию идентичностей крымских татар.

В полученных ответах важны лингвистические характеристики во всех их грамматических, семантических и других оттенках, характерные номинации. При интерпретации эмпирического материала эта информация вносится в соответствующий сегмент карты метаязыка конфликта.

Интерпретация и практическое значение КМК

Каждый из блоков вопросов интервью ориентирован на получение информации по всем четырем сегментам КМК, хотя блок 1 преимущественно связан с вектором «назад (конструирование истории)», блок 2 – с вектором «вперед (конструирование реальности)». При интерпретации полученного текстового материала они раскладываются также по шкале «внутрь – вовне». Для этого целесообразно обратиться к идеям Ю. М. Лотмана о семантическом разграничении «мы» и «они» при анализе метаязыка культуры [42, с. 469, 472, 474] и использовать различные схемы метаязыка при семантической интерпретации полученного материала в координатах «свой – чужой».

Познавательный смысл построения КМК – взгляд на себя и других, маркировка «своих» и «несвоих» через описание конфликтов, поэтому основным моментом интервью, позволяющим получить эмпирический материал для построения КМК, является стимулирование возникновения нарративов о конфликтах (в первую очередь, определяемых как значимые для респондента) в ходе проведения интервью. Значимость события для информанта определяет прямое или косвенное включение себя и представителей «мы-группы» (например, этнической при исследовании представителей определенной этнической общности) в описания, предполагающие возможные варианты определения «своих» и «несвоих» через лингвистические характеристики (особенности выбираемых семиотических характеристик, грамматических форм и др.). В нарративах о конфликте, зафиксированных в интервью, невольно проявляется готовность солидаризироваться с одними и отмежеваться от других, уровень доверия, степень враждебности и т. п., что фиксируется и вносится в матрицу для построения карты на этапе интерпретации информации.

Интерпретируя полученный эмпирический материал, целесообразно использовать элементы процедуры нарратив-конфликтологического контент-анализа: каждый из нарративов структурируется в соответствии со структурно-динамической моделью конфликта (выявляются лингвистические характеристики субъектов конфликта; причины и факторы возникновения конфликта; цели конфликта и т. д.). При этом важно определить согласованность или противоречивость различных нарративов. Определяются также значимость реализации тех или иных конфликтных интересов и формы воплощения этого в тексте, оценка

последствий конфликта и сопряженных с ним событий; особенности лингвистических характеристик оценки конфликта (какие применяются символы, образы, метафоры и т. д.). При этом выделяются номинации не только событий, но и различных участников конфликтных ситуаций, каждая из которых помещается в соответствующий сегмент КМК.

При анализе текстового материала используется сочетание морфологического и семантического анализа, особое внимание уделяется когнитивному потенциалу используемых метафор как отображения определенного вектора моделирования социальных взаимодействий. Данные резюмируются в общей КМК. Отдельно можно составлять такие карты для различных социальных групп и общностей, определяя границы идентичности при обращении к прошлому и будущему, вовне и внутрь.

Построение КМК студентов вузов Харькова и Львова – одна из задач авторского исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья» (элементы программы исследования представлены в разделе 3). Включение методики построения КМК студентов вузов на основе текстов углубленных проблемно-ориентированных интервью в ходе реализации исследования раскрывает следующие возможности.

Во-первых, помещение лингвистических маркеров идентичностей в координаты внутрь (свои) – вовне (несвои), назад (конструирование истории) – вперед (конструирование реальности) позволяет наглядно представить конфликтный (или гармоничный, солидаризирующий) потенциал идентичностей. Во-вторых, сопоставление КМК разных регионов и поколений позволяет выявить сходства и различия, факторы солидарности и разобщенности.

В представленном варианте построения КМК язык конфликта выступает, прежде всего, как средство интерпретации. При построении карты языка конфликта как средства коммуникации необходимо использовать иную стратегию (разработка этой стратегии может быть связана с вариантами анализа конкретных ситуаций конфликта, информация о которых получена преимущественно методом включенного наблюдения, а также посредством анализа дневников, писем и других текстовых документов, дающих представление о специфике речевого поведения в различных ситуациях различных социальных групп и общностей).

В методике построения КМК отображается лингвоконфликтологический подход к исследованию, позволяющий использовать язык конфликта как исследовательский код и, рассматривая конфликт как систему структурных коммуникаций, выявлять лингвистические характеристики конструирования социальной реальности через структурно-морфологические элементы конфликта.

Коллекция кейсов: принципы формирования и интерпретации

Формирование коллекции кейсов позволяет продемонстрировать особенности языка конфликта в трансформирующемся обществе посредством обращения к «живым голосам», живой ткани текста. Преимущество такого варианта представления характеристик языка конфликта, как уже отмечалось, связано с возможностью минимизации влияния ценностной рамки восприятия и оценочных суждений исследователя. Материалом для формирования коллекции кейсов могут послужить тексты углубленных проблемно-ориентированных интервью. Принцип ценностной нейтральности соблюдается и при формулировке вопросов, чтобы минимизировать влияние на респондента. Интервьюер ни в коем случае не должен давать своих номинаций, пока их не даст респондент. Каждый кейс анализируется в отношении того, какие структурные характеристики в нем проявляются. Эти характеристики языка конфликта рассматриваются как индикаторы социальных изменений и формирования идентичностей.

Каковы принципы выбора кейсов для коллекции?

Кейс, во-первых, выбирается с точки зрения границ нарратива, преимущественно нарратива о конфликте, стимулированного посредством вопроса, связанного с конфликтом интерпретаций (этим вопросом моделируется попадание человека в ситуацию выбора, но не с помощью погружения в реальный конфликт, а с помощью конфликта интерпретаций). Определение границ кейса характеристиками нарратива позволяет решить вопрос о том, чтобы сюжет не был вырван из контекста или оборван на полуслове.

Во-вторых, выбираются нарративы, в которых фиксируются типовые варианты реагирования на конфликт, в том числе на ситуацию конфликта интерпретаций.

В-третьих, взаимодополняющие кейсы, описывающие различные образы конфликта, формируются в общую группу и рассматриваются во взаимосвязи и взаимовлиянии, что способствует многомерному измерению конфликтного потенциала в формировании идентичностей через обращение к характеристикам языка конфликта.

Следует заметить, что с позиций лингвоконфликтологического подхода не совсем даже важно, на какую тему говорит человек – он все равно неосознанно маркирует свои идентичности (подобно тому, как Зигмунд Фрейд считал любую из оговорок проявлением подсознания, в том, как мы говорим и что мы говорим можно увидеть лингвистически маркируемые идентичности, как осознанные, так и неосознанные). Конечно, есть темы, которые почти наверняка позволят получить нарративы, содержащие лингвистические маркеры идентичностей. И одна из этих тем – проблемы конструирования истории, восприятия исторических событий, выделение тех или иных событий в качестве значимых. Как в аксиобиографической методике [48] просьба рассказать о трех наиболее значимых событиях своей жизни позволяет измерить систему ценностей индивида через особенности его биографии, так и просьба рассказать о трех значимых событиях истории сразу определяет, какую историю считает респондент «своей», кто для него «свои» и «несвои» в этом потоке истории и т. п. Измерить идентичности позволяет анализ используемых в рассказе грамматических форм, употребляемых эпитетов, метафор и др. Эти механизмы, наряду с другими методологическими принципами лингвоконфликтологической концепции, используются при проведении социологического исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья».

Коллекция кейсов по проблемам конструирования истории может рассматриваться в качестве варианта репрезентации языка конфликта как средства интерпретации в трансформирующемся обществе.

Выводы

Таким образом, обращение к изучению проблемы языка конфликта в контексте лингвосоциологии открывает целый ряд исследовательских перспектив, новых возможностей в разработке технологий лингвистического управления конфликтами.

Во-первых, это связано с познавательным потенциалом самого понятия «язык конфликта», которое рассматривается не просто как метафора, а как исследовательский код, своего рода «текст для прочтения текста», позволяющий выявить характер моделирования социальных взаимодействий. Требуется дальнейшее исследование этой проблемы в единстве институционального и повседневного дискурсов. Особого внимания требует анализ повседневных практик, в которых специфика языка конфликта может быть зафиксирована через анализ ситуаций.

Во-вторых, несмотря на противоречивое отношение к лингвосоциологии и социологии языка в процессе становления социолингвистики в 60-е гг. XX в., сегодня все более утверждается значение лингвосоциологии именно как самостоятельной сферы социологического знания, основывающейся на социологической методологии, что не исключает ее взаимодействия с другими областями социального знания (лингвокультурологией, социолингвистикой, когитологией и др.). Лингвосоциология позволяет выявлять и использовать лингвистические механизмы конструирования социальной реальности, исследовать роль лингвистических конструктов в моделировании и утверждении социальных изменений. Особое значение при этом приобретает сочетание исследовательского потенциала когитологии и социологии повседневности (например, когнитивный стиль может рассматриваться как один из ключевых элементов внерационального моделирования социальной действительности).

В-третьих, множество разноплановых исследований, прямо или косвенно связанных с выходом на конфликтный потенциал лингвистического конструирования реальности, создает предпосылки для зарождения новой области знания – лингвоконфликтологии или конфликтологии языка. На уровне методологии она основывается на системно-структурном подходе к анализу конфликтов, что позволяет соотнести друг с другом различные подходы к исследованию с учетом рассмотрения языка конфликта как морфологии конфликтных процессов. На уровне методов и технологий исследования и решения кон-

фликтных ситуаций лингвоконфликтологический подход предполагает разработку новых методов измерения потенциальной конфликтности через текст, адаптацию существующих в арсенале научного знания методов работы с текстовой информацией к исследованию проблемы социальных конфликтов, а также разработку новых технологий лингвистического управления конфликтными ситуациями.

Основными способами лингвоконфликтологической интерпретации текстовой информации являются: нарратив-конфликтологический контент-анализ, построение карты метаязыка конфликта и формирование коллекции кейсов с выявлением по каждому из кейсов характеристик языка конфликта.

Литература к разделу 2

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
2. *Белл Р.* Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1989.
3. *Никольский Л. Б.* Роль языка в развивающихся странах (предпосылки лингвосоциологии) // Народы Азии и Африки. 1974. – № 2. – с. 99–100.
4. Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005.
5. *Кожевникова Г.* Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее: мониторинг прессы. – М.: «Центр «Сова», 2004. 103 с.
6. *Гудков Л.* Негативные идентичности. – Новое литературное обозрение. М. 2004.
7. *Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
8. *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
9. *Даниленко О. А.* Социологическое измерение конфликта. Харьков: Издательский центр Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, 2003. 242 с.
10. Энциклопедический социологический словарь. М.: Прогресс, 1990.
11. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: Теория, методы, проблемы. М., 1976.
12. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia, 1995. 305 с.
13. *Гудков Л.* Идеологема «врага»; «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–80.
14. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начало, 1997.

15. *Щюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: РОС-СПЭН, 2004. 1056 с.
16. *Гарфинкель Г.* Доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение // Социология. РЖ. 2000. № 1. С. 146–184.
17. *Коэльо П.* Алхимик. К.: София, 2004. 224 с.
18. *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
19. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность: пер. с англ. М.: Лабиринт, 1994. 213 с.
20. *Abell P.* Some aspects of narrative method. // J. of Mathematical Sociology. № 18 (2–3), 1993.
21. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.
22. *Хвостова К. В.* Контент-анализ в исследованиях по истории культуры // Одиссея. М.: Наука, 1989. С. 135–139.
23. *Иванов В. Ф.* Контент-анализ как формализованный метод исследования // Филос. и социол. мысль. 1994. № 3–4. С. 211–224.
24. *Костенко Н., Іванов В.* Досвід контент-аналізу: моделі та практики: Монографія. Київ: Центр вільної преси, 2003. 200 с.
25. *Стечний А.* Артикуляция экологической проблематики: опыт контент-анализа // Личность, культура, общество. 2000. Т. II, Вып. 1. М., 2000. С. 181–194.
26. *Юнг К.* Диагностика диктаторов / Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ», 1999. С. 553–571.
27. *Хогенраад Р.* Прогнозирование развития конфликтов при помощи компьютерного контент-анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. М., 2004. № 19. С. 158–175.
28. *Дильтей В.* Возникновение герменевтики // Философская и социологическая мысль. 1996. № 3–4. С. 167–195.
29. *Розанов В. В.* Сумерки просвещения / сост. В. Н. Щербаков. М.: Педагогика, 1990. 624 с.
30. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
31. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб: Изд-во СПб ГУ, 1996. 364 с.
32. *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 335 с.
33. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
34. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого: пер. с нем.; науч. ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Мн.: Пропилеи, 1999. 176 с.
35. Сорокин П. А. Бойня: революция 1917 года // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 223-244.
36. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998 292 с .
37. *Штомпка П.* Трудноучитываемые культурные факторы в быстрых социальных изменениях. Доверие, лояльность, солидарность // Социология: РЖ. 1999. № 2. С. 78–85.

38. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1997. – 343 с.
39. *Титов В. Н.* Тезаурус рыночной среды // Социол. исслед. 2000. № 10.
40. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
41. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.
42. *Лотман Ю. М.* О метаязыке типологических описаний культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство, 2004. С. 462–484.
43. *Бахтин М. М.* Собр. сочинений: В 7 т. М.: Рус. словари, Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. 1997. 731 с.
44. *Чередниченко И.* Структурно-семиотический метод тартуской школы. СПб.: Золотой век, 2001. 200 с.
45. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 268 с.
46. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002): Мастер-класс профессора В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2004. 326 с.
47. *Данилова Е. Н.* Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие / А. Н. Богаевская, Е. Н. Данилова, Л. М. Дробижева и др.; под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта, 2005. 584 с.
48. Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всероссийского науч.-метод. семинара / под ред. О. А. Оберемко и Л. Н. Ожиговой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
49. *Вардомацкий А. П.* Аксиобиографический метод // Социол. исслед. 1991. № 7. С. 80–84.

ЧАСТЬ 2.

ОТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИИ – К ФОРМИРОВАНИЮ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

РАЗДЕЛ 3.

ЯЗЫК КОНФЛИКТА КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВ: соотношение легитимного образовательного и повседневного дискурса

Постановка проблемы. При поиске консенсуса и компромисса в решении конфликтных ситуаций, возобновлении сотрудничества, укреплении внешнеполитических связей между различными государствами зачастую возникает вопрос об интерпретации событий истории, и общность в понимании и интерпретации тех или иных исторических событий рассматривается как знак взаимопонимания.

Какой конфликтный потенциал формируется в пересечении различных информационных полей? Как восприятие прошлого связано с формированием образа будущего? Как через исследование конфликта интерпретаций можно выявить тенденции социальных изменений? Как взаимосвязаны изменения легитимного дискурса и особенности устной истории и каким образом взаимодействие этих дискурсов включено в процесс формирования идентичностей?

Подойти к рассмотрению и исследованию этих вопросов предлагается в контексте проблемы языка конфликта как средства интерпретации, обратившись, с одной стороны, к текстам учебников истории, являющихся носителями легитимного дискурса, с другой – к сюжетам устной истории и нарративам, отображающим особенности восприятия событий истории (прежде всего событий, сопряженных с конфликтом интерпретаций), полученным в ходе проведения углубленных

проблемно-ориентированных интервью. Следует заметить, что ответ на вопрос о взаимодействии образовательного и повседневного дискурсов в процессе формирования идентичностей – стратегическая задача, к решению которой позволит приблизиться серия исследований, запланированных в перспективе, в этой книге дается лишь первое приближение к решению этого вопроса через формирование коллекции кейсов, фиксирующих различные коммуникативные и интерпретативные характеристики языка конфликта.

Какие сюжеты устной истории фигурируют наиболее часто и как они связаны с особенностями формирования идентичностей? Как воспринимаются представителями различных поколений противоречия между легитимным дискурсом и повседневными практиками? Как воспринимается переосмысление ряда событий истории в условиях современных социальных изменений и связанные с этим переименования исторических событий?

В разделе представлены элементы программы исследования, результаты контент-анализа учебников истории СССР, России, Украины и Беларуси, а также ряд фрагментов интервью, многие из которых передают конфликтный потенциал (в том числе связанный с формированием и трансформацией идентичностей в Украине).

Основные цели раздела:

1. Дать характеристику основных элементов программы исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья».

2. Сопоставить различные характеристики нарративов о конфликте и языка конфликта как средства интерпретации, представленные в различных фрагментах текстов.

3. Дать характеристики языка конфликта как средства интерпретации посредством формирования коллекции кейсов, содержащей лингвистические маркеры формирования идентичностей в следующих направлениях:

а) фрагменты текстов интервью с описаниями событий истории, связанных с конфликтом интерпретаций;

б) кейсы, связанные с отношением к Украинской повстанческой армии, с восприятием идеи примирения воинов УПА и воинов Советской армии в современной Украине.

3.1. От конструирования истории – к конструированию идентичностей в условиях Пограничья: модель комплексной лингвоконфликтологической экспертизы

Противоречивость формирования идентичностей в условиях Пограничья может быть выявлена посредством сопоставления образовательного и повседневного дискурсов. Первый представляет собой как бы внешний контур интерпретации, трансформация которого в большей степени связана с изменениями доминирующей идеологии. Второй – внутреннюю грань интерпретации, в большей степени определяемую непосредственной коммуникацией как способом освоения определенных знаний. Первый может быть выявлен посредством нарратив-конфликтологического контент-анализа источников, официально одобренных и рекомендованных для обучения в образовательных учреждениях определенного государства. Второй – через погружение в повседневность и повседневную речь посредством устной истории как исследовательской тактики с акцентированием внимания на нарративах о конфликтах, а также посредством глубинных интервью по интересующим проблемам, в том числе: как называют и как оценивают определенные исторические события представители различных социокультурных поколений, какие видят за ними конфликты, как изменились понимание и интерпретация этих событий. Это позволяет выйти на ряд индикаторов векторов направленности социальных изменений, в том числе определить полюса наибольшего тяготения поля Пограничья как на уровне официального, легитимного дискурса, так и на уровне повседневности. Как отображен легитимный дискурс (излагаемый, в частности, в учебниках истории, официально рекомендованных для обучения в школах) в повседневном дискурсе? Как соотносятся эти дискурсы друг с другом, какие они отображают конфликты (на уровне интерпретаций) и какие они моделируют конфликты (реальные столкновения)? Как соотносятся друг с другом различные легитимные дискурсы и к каким возможным последствиям приводит резкое их изменение? Эти и другие вопросы находятся в фокусе исследовательского интереса при осуществлении социологического исследования «Конструирование истории – от конфликта интерпретаций к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья».

Методология и логика проведения социологического исследования

Разработка и применение специального метода анализа конфликтов через текст – ***лингвоконфликтологического метода*** – в основе реализации данного исследования. В первой части монографии было доказано, что лингвоконфликтологический анализ позволяет рассматривать язык конфликта в двух аспектах: как средство коммуникации и как средство интерпретации. Это раскрывает новые возможности исследования особенностей конструирования новых идентичностей в условиях Пограничья. При изучении роли конструирования истории в формировании новых идентичностей язык конфликта рассматривается, прежде всего, как средство интерпретации.

Теоретико-методологической основой реализуемого лингвоконфликтологического исследования являются следующие принципы и подходы к анализу.

Во-первых, идеи О. Розенштока-Хюсси о взаимосвязи ценностных и речевых ориентаций и его «грамматический метод» [1], посредством которого он выявляет, каким образом «язык, логика и литература» влияют на судьбу общества и определяют судьбу общества, воплощаются в действительности и изменяют действительность. При этом рассматриваются не только возможности грамматического метода в качестве одного из методологических конструктов лингвоконфликтологического подхода и его возможностей как грамматической практики анализа текстовой информации, но и закономерности взаимосвязи языка и социальных изменений. Анализ языковых особенностей моделирования социальных изменений является одним из ключевых моментов социологического исследования взаимодействия процессов «конструирования истории» и «конструирования идентичностей» в Украине.

Во-вторых, идеи П. Бергера и Т. Лукмана [2] о конструировании социальной реальности. Именно в контексте работы этих авторов «Конструирование социальной реальности» понимается термин «конструирование» применительно к истории и формированию новых идентичностей в условиях Пограничья. Идеи А. Щюца [3] о типизации, легитимизации и выборе определенного когнитивного стиля также рассматриваются в соотношении с идеями П. Бергера и Т. Лукмана о роли языка в процессе

институционализации, типизации и легитимизации в «конструировании социальной реальности».

В-третьих, методологические подходы к изучению идентичностей, излагаемые в работах, связанных с исследованием методологических проблем измерения идентичностей в условиях трансформирующегося общества (В. А. Ядов [4], С. А. Макеев [5], Е. Н. Данилова [6], О. А. Оберемко [7] и др.). Особое значение имеют исследования особенностей конструирования идентичностей [8], а также социокультурных механизмов формирования идентичностей в Украине [9]. Социокультурные идентичности рассматриваются во взаимосвязи с социокультурными моделями конфликта [10]. При проведении лингвоконфликтологической экспертизы выявляются и анализируются тексты, являющиеся носителями различных социокультурных моделей конфликта и одновременно отображающие те или иные социокультурные идентичности.

В-четвертых, исследования в русле социологии языка, когитологии и семантики позволяют выйти на проблему конфликтного потенциала метафор, доминирования определенного когнитивного стиля в текстах, значения определенных символов и образов и их особенностей интерпретации как маркеров распознания «свой – чужой» на уровне повседневных практик.

В-пятых, взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций позволяет определять лингвистические характеристики языка конфликта через аксиоконфликтные индикаторы [11], выявляющие характеристики деструктивной конфликтности через ценностные характеристики.

Как было установлено в разделе 1, при исследовании языка конфликта целесообразно применение качественных методов социологии, поэтому сочетание различных методик и исследовательских практик качественной социологии – в основе процедуры реализации лингвоконфликтологической экспертизы.

В целом, с целью изучения особенностей языка конфликта и отображенных в них лингвоконфликтологических характеристик формирования идентичностей анализируются различные тексты, которые либо сами по себе несут конфликтный потенциал, либо создают его при пересечении различных текстов (в силу пересечения различных интерпретаций). Текст понимается в широком смысле. В методологическом плане это созвучно идеям М. Бахтина (например, город как текст) [12]

и различных представителей московско-тартуской школы [13], а также идеям Т. М. Дридзе [14, 15].

В ходе исследования были использованы следующие ***элементы исследовательской процедуры анализа языка конфликта как средства коммуникации и как средства интерпретации*:**

1. Проведение углубленных проблемно-ориентированных интервью с целью выявления специфических характеристик номинирования «своих» и «чужих» в процессе рассказа о событиях истории, оценок различных конфликтных ситуаций, выявления отношения к переименованиям событий истории, изучения особенностей видения прошлого, настоящего и будущего своего государства, особенностей ретрансляции устной истории и др.

1.1. Интервью с экспертами (прежде всего в городах Киев, Львов, Харьков, а также в АР Крым).

1.2. Интервью с представителями различных поколений (Харьков, Львов).

2. Осуществление качественно-количественного контент-анализа учебников истории, рекомендованных для обучения в школах и вузах в СССР, Украине, России и Беларуси в период с 1924 по 2005 г. Методика исследования – нарратив-конфликтологический контент-анализ.

3. Сопоставление результатов контент-анализа учебников с практиками «опривычивания» этого перехода, запечатленными в материалах интервью. Выявление механизмов институционализации и легитимизации социальных изменений на уровне повседневных практик.

Основные цели социологического исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к новым идентичностям в условиях Пограничья» и лингвоконфликтологической экспертизы на основе полученного эмпирического материала следующие:

1. Эмпирическая операционализация лингвоконфликтологических индикаторов, используемых при измерении идентичностей.

2. Изучение основных характеристик формирования и трансформации идентичностей в Украине через выявление особенностей восприятия событий истории.

3. Определение конфликтного потенциала в формировании идентичностей в Украине посредством применения лингвоконфликтологических индикаторов.

Для достижения целей решаются следующие ***задачи***:

1. Выявить события истории, изменение особенностей освещения которых в школьных и вузовских учебниках истории (при переходе от советского к постсоветскому периоду) порождает конфликт интерпретаций; описать основные особенности изучения этих событий в учебниках истории СССР, России, Украины, Беларуси. Исследовать проблемы взаимосвязи конфликта интерпретаций в учебниках истории и формирования новых идентичностей в условиях Пограничья.

2. Установить взаимосвязь между спецификой восприятия событий истории и формированием образа будущего посредством лингвоконфликтологического анализа интервью львовян и харьковчан.

3. На основе лингвоконфликтологического анализа текстов углубленных проблемно-ориентированных интервью студентов вузов Харькова и Львова построить карты метаязыка конфликта студентов вузов Харькова и Львова.

4. Изучить основные характеристики устной истории для жителей Харькова и Львова и определить, как это влияет на формирование идентичностей. В центре внимания – устная история о событиях, связанных с конфликтом интерпретаций на уровне легитимного дискурса и с современными конфликтами.

5. Определить экспертные оценки тенденций тяготения Украины к России и Евросоюзу. Сопоставить экспертные оценки с количественными данными социологических исследований этой проблемы.

Основные характеристики процедуры сбора информации

В октябре 2005 – марте 2006 г. была проведена серия углубленных проблемно-ориентированных интервью с представителями различных поколений в Харькове и Львове. Кроме того, был проведен опрос экспертов, представленных как «внутренними» экспертами из Украины (Киев, Львов, Харьков, АР Крым), так и «внешними» экспертами – представителями постсоциалистических стран (Беларусь, Венгрия, Латвия, Молдова, Польша, Россия), а также Германии.

Всего было проведено 96 углубленных проблемно-ориентированных интервью. Из 96 проведенных экспертных и поколенческих интервью 33 интервью было проведено с жителями г. Харькова, 33 – с жителями г. Львова, 10 – с экспертами из г. Киева, 10 – с экспертами из Крыма. «Внешняя» экспертная группа – 10 представителей научной и

общественно-политической сферы (Беларусь – 2 чел., Венгрия – 1 чел., Германия – 1 чел., Литва – 1 чел., Молдова – 2 чел., Польша – 1 чел., Россия – 2 чел.). Внутри каждой региональной экспертной группы в Украине представлены сфера образования, политики и экономики.

Таблица 3.1.

Характеристики группы «внутренних» экспертов

	Сфера науки, культуры и образования, чел.	Экономическая сфера, чел.	Сфера политики, государственного управления, а также руководители национально-культурных обществ, чел.	Всего, чел.
г. Киев	4	3	3	10
АР Крым	3	3	4	10
г. Львов	4	3	3	10
г. Харьков	4	3	3	10

Из 40 экспертов в Украине сферу науки, культуры и образования представляют 15 чел. (из них 9 докторов наук, 5 кандидатов наук, занимающихся руководящей работой в системе образования (8 заведующих кафедрой, 1 руководитель вуза, 1 декан факультета), 1 – руководитель театра, заслуженный работник культуры); экономическую сферу – 12 человек (руководители и заместители руководителей крупных промышленных предприятий и производственных объединений, представители сферы бизнеса и банковской сферы (руководители)); сферу политики и общественной деятельности, а также государственного управления – 13 чел. С целью фиксации полярных позиций в экспертной группе представлены 4 руководителя национально-культурных обществ Харькова и Львова. При этом руководители национально-культурных обществ порой проявляли себя как типичные представители своего поколения (например, рассказ руководителя одного из национально-культурных обществ Харькова о Великой Отечественной войне), но чаще являлись носителями крайних позиций, а не типичных (нарратив о Переяславской раде руководителей национально-культурных обществ Харькова и Львова).

Поколенческий срез (прежде всего подразумеваются социокультурные поколения) был представлен таким образом, чтобы проследить особенности сочетания образовательного и повседневного дискурсов посредством выявления особенностей изучения истории в школе и вузе в сочетании с устной историей, их влияние не только на формирование исторического сознания, но и на формирование системы ценностей, на восприятие через представления о прошлом образа будущего. В центре внимания – представители поколений преимущественно с высшим образованием, фактически студенты различных лет советского и постсоветского периодов.

Рассматриваются 4 поколения как носители определенных социокультурных характеристик: 1) современные студенты (воспринимающие историю преимущественно через освоение дискурса «незалежної України»); 2) студенты 1990-х («дети перестройки»), которые «застали» в период обучения и историю СССР (преимущественно в школе), и историю Украины (в вузе); 3) «советское поколение» – в эпоху получения среднего и высшего образования представителями этого поколения доминировал советский дискурс, а на уровне института образования не только доминировал, но и господствовал; 4) старшее поколение – носители воспоминаний о войне 1941–1945 гг., коллективизации и других событиях истории, порождающих сегодня конфликт интерпретаций, являющиеся носителями информации об этих событиях как устной истории. В количественном отношении равномерно преставлены поколения 2–4, несколько большее количество информантов представляют поколение 1 (студенты), что связано с задачей построения карты метаязыка конфликта студентов вузов.

Выявляются специфические характеристики исторической памяти для каждого из поколений, изучается специфика сочетания образовательного и повседневного дискурсов, при этом выявляются региональные особенности для Запада и Востока Украины (на примере Харькова и Львова) для каждого из поколений.

Полученная информация – совокупность различных текстов, несущих в себе конфликтный потенциал. Фиксировалась взаимосвязь конфликта интерпретаций и современных социальных конфликтов.

Таким образом, лингвоконфликтологическая экспертиза полученного материала осуществляется, прежде всего, посредством следующих

***практик лингвоконфликтологической интерпретации текстовой информации*:**

• составление карты метаязыка конфликта студентов вуза (на основе текстов интервью представителей поколения 1);

• конфликтологический контент-анализ и его модификация – нарратив-конфликтологический контент-анализ (на основе текстов интервью представителей различных социокультурных поколений и экспертов, а также текстов учебников истории различных стран);

• формирование коллекции кейсов и их анализ (на основе текстов углубленных проблемно-ориентированных интервью).

Для выявления в тексте лингвоконфликтологических маркеров идентичностей тексты интервью анализируются и структурируются по следующим критериям:

1. Какие выделяются значимые события?

1.1. Какие события названы и как?

1.2. Как о них рассказывают и, рассказывая, невольно маркируют «своих» и «несвоих» выбором определенных грамматических, лексических и других форм?

1.3. «Герои», «антигерои» и их характеристики.

1.4. Какие за этими событиями конфликты в прошлом, как связаны с конфликтами в настоящем (и в будущем)?

1.5. Косвенное проявление идентичностей:

• в выборе событий («центрированность» на событиях истории Украины, Европы, пространства бывшего Советского Союза, «истории славянских государств» и др.);

• в упоминаниях определенных источников информации в ходе рассказа о значимых исторических событиях.

2. Какие лингвоконфликтологические характеристики встречаются при рассказе о трех событиях, связанных с конфликтом интерпретаций (война 1941–1945 гг. , революция 1917 г. , Переяславская рада 1654 г.)?

2.1. Как названы события?

2.2. Как в нарративах маркируются «мы» или «они»?

2.3. «Герои», «антигерои» и их характеристики.

2.4. Какие за этими событиями конфликты в прошлом, как связаны с конфликтами в настоящем (и в будущем)?

2.5. Косвенное проявление идентичностей в упоминаниях определенных источников информации в ходе рассказа о трех событиях, связанных с конфликтом интерпретаций.

3. «Мы» или «свои», «они» или «несвои».

3.1. Прямой вопрос «Кто для вас «мы» или «свои», а кто «они» или «несвои»?

4. Линвоконфликтологические индикаторы идентичностей, проявляющиеся при описании событий истории (обобщения на основе п.п. 1, 2.).

5. «Народ», «наш народ»: если в рассказе о событиях истории и современности упоминаются это слово или словосочетание, уточняется, что понимает под этим респондент и затем включается в массив интерпретации.

6. Будущее Украины. Конфликты в будущем (опасные и полезные).

7. Тяготение к России или Евросоюзу.

Выявленные по этим критериям фрагменты текстов и текстовые конструкты являются элементами построения карты метаязыка конфликта. Помещение лингвистических маркеров идентичности в координаты внутрь (свои) – вовне (несвои), назад (история) – вперед (конструирование реальности) позволяет наглядно представить конфликтный (или гармоничный, солидаризирующий) потенциал идентичностей.

Массивом для осуществления социологического исследования особенностей легитимного образовательного дискурса и его изменений в условиях посткоммунистических трансформаций стали тексты около 200 учебников истории, рекомендованных для обучения в школах и вузах в СССР, России, Украине, Беларуси в период с 1918 по 2005 г. Метод исследования – нарратив-конфликтологический контент-анализ.

В центре внимания – события политической истории, связанной с функционированием и развитием государств, поскольку интерпретации именно этих событий подвержены наибольшим трансформациям в школьных и вузовских учебниках истории СССР, Украины, России и Беларуси.

3.2. Анализ учебников истории СССР, России, Украины, Беларуси

При анализе нарративов о конфликте, отображенных в учебниках истории СССР, Украины, России и Беларуси, целесообразно выделить в качестве объектов анализа следующие события: Переяславская рада, революция 1917 г. и Великая Отечественная война. Эти события, как показал предварительный контент-анализ, связаны с конфликтом интерпретаций, их оценка и истолкование вызывают наибольшие дискуссии в связи с происходящими социальными изменениями, а также с «конструированием» новой истории.

Рассмотрим каждое из этих событий и особенности их интерпретации в различных учебниках в различные исторические эпохи, а затем выясним, что рассказывают об этих событиях представители различных поколений, фиксируя характеристики языка конфликта и лингвистические маркеры идентичностей. Нарратив-конфликтологический контент-анализ в полной мере реализован при анализе революции 1917 г., а также обозначены направления его реализации в текстах учебников истории, освещающих события Переяславской рады и Великой Отечественной и Второй мировой войны (выявлены ключевые моменты, порождающие конфликт интерпретаций и представлены фрагменты текстов, являющиеся носителями различного рода характеристик языка конфликта и др.); именно это определяет последовательность изложения результатов контент-анализа.

Революция 1917 г. и векторы современных социальных изменений

Любая революция является не только средством разрешения конфликта и событием, «концентрирующим» конфликты, описания которых имеют особое значение для осмысления современных социальных процессов, но и событием, сопряженным с непременным созданием «мифа революции», воплощенным в том числе и в текстах учебников. Не случайно П. Штомпка, характеризуя революции как «пик социальных изменений» [16, с. 367], отмечает: «Революция как социальный феномен, явление общественной жизни – сложный, наполненный оценочными и эмоциональными суждениями образ, который можно назвать мифом революции» [16, с. 368]. Революция же 1917 г. порождает множествен-

ность различных интерпретаций, в том числе и противоречащих друг другу, поэтому посредством выявления особенностей конфликта интерпретаций этих событий можно проследить векторы современных социальных изменений.

Анализ учебников и учебных пособий позволяет заметить явные различия *в названиях революционных событий* октября 1917 г., в том числе с точки зрения их оценочного наполнения (табл. 3.2): «Мировая социалистическая революция», «Великая русская революция», «Мировой Октябрь» [17], «Великая Октябрьская социалистическая революция» [18–21], «большевистский переворот» [22], «октябрьский переворот в Петрограде» [23], «Октябрьский переворот» [24], «российская революция» [25], «октябрьская революция» [26] и др.). В «учебной книге», утвержденной в 1992 году Министерством образования Российской Федерации «в качестве переходного пособия по истории для старших классов средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев всех типов» [27], революционные события октября 1917 г. не обозначены особым названием, они освещаются как «победа вооруженного восстания в Петрограде и в Москве» [27, с. 168] (название параграфа в главе «На крутом историческом повороте. Перерастание психологического противостояния в обществе в открытую гражданскую войну и установление диктатуры пролетариата в России» [27, с. 147–236]).

Таблица 3.2.

«Переименование» революции 1917 г. в школьных учебниках истории СССР, Украины, России и Беларуси в связи с социальными изменениями

Название учебника / автор(ы)	**Год издания**	**Место издания**	**Название событий революции 1917 г.**	**Характеристики нарратива**
Русская история в самом сжатом очерке / М. П. Покровский [17]	1933	СССР, Москва	«Великая русская революция», «Октябрь», «Мировой Октябрь»	«Мировой Октябрь» рассматривается как кульминация всех предшествующих исторических событий

История СССР, 9 кл. / И. В. Берхин, И. А. Федосов [6]	1984	СССР, Москва	«Великая Октябрьская социалистическая революция»	Развернутый нарратив, отображающий последовательное изложениемарксистско-ленинского подхода
История Отечества, 1900-1940 гг. : Учеб. кн. для ст. классов средн. учеб. заведений / Л. Н. Жарова, И. А. Мишина [27]	1992	Россия, Москва	«Победа вооруженного восстания в Петрограде и в Москве»	«Перерастание психологического противостояния в обществе в открытую гражданскую войну и установление диктатуры пролетариата в России» [27]
Історія України: Підручник для 10 кл. середн. шк. / С. В. Кульчицький, М. В. Коваль, Ю. Г. Лебедєва [23]	1998	Украина, Киев	«Октябрьский переворот в Петрограде»	Нарратив о революции 1917 г. свернут, развернутый нарратив дан по «украинской революции», которая связана с борьбой за независимую Украину
История России. XX век. 11 кл. : Учебник для общеобразоват. учеб. заведений / В. П. Островский, А. И. Уткин [24]	2001	Россия, Москва	«Октябрьский переворот»	Развернутый нарратив по логике изложения событий совпадает с учебниками советской эпохи, но меняются оценки событий
Всесвітня історія. 1914-1939: Підручник для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл. / П. Б. Полянський [25]	2003	Украина, Киев	«русская революция»	Нарратив о революции 1917 г. свернут, развернутый нарратив дан по «украинской революции», которая связана с борьбой за независимую Украину

История Беларуси: Учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования: Ч. 2. [28]	2005	Беларусь, Могилев	Октябрьская революция	События излагаются в параграфе «Установление Советской власти на территории Беларуси» «...в существовавшей ситуации при всех издержках Октябрьская революция стала спасением великой страны».
Очерки истории Беларуси: Учеб. пособие / П. Г. Чигринов [29]	2004	Беларусь, Минск	Вооруженное восстание рабочих и солдат в Петрограде (с. 305) Революция, которая вошла в историю под названием Великой Октябрьской социалистической	«Все это на десятилетия предопределило трудностивсоциально-экономическом и политическом развитии как Украины в целом, так и Беларуси, потребовало неимоверно напряженных усилий, тяжелых жертв и испытаний со стороны народа» (с. 310)
История России / А. С. Орлов и др. [30]	2004	Россия, Москва	Революция 1917 г. в России, «Октябрьская революция»	Развернутый нарратив о революции, по ряду структурных характеристик совпадающий с нарративом в учебниках «История СССР»; одно из отличий в описании событий – отмечается, что было ожесточенное сопротивление советской власти в «национальных районах» (с. 337)

Новейшая Отечественная история XX в. : Учебник для студ. высш. учеб. заведений / Под. ред. Э. М. Щагина, А. В. Лубкова [31]	2004	Россия, Москва	Великая российская революция (включает в себя события с февраля 1917 (название главы, с. 170–250) «Октябрьско-ноябрьские события в столицах», (параграф, в котором в подпункте «Вооруженное восстание в Петрограде и II Всероссийский съезд Советов» (с. 229–240) рассматриваются события октября 1917 г.)	Развернутый нарратив о революции, включающий в себя события, начиная с февраля 1917 г. и заканчивая ноябрем 1917 г., когда после октябрьских событий в Петрограде рассматривается «Установление советской власти в российской провинции». Таким образом, логика построения нарратива совпадает с советскими учебниками, хотя изменились оценки и, как результат, критикуется формула «триумфального шествия Советской власти», характерная для советских учебников.

Применение лингвоконфликтологического подхода позволяет увидеть не только изменения номинаций (например, от «Великой Октябрьской социалистической революции» в «Истории СССР» к вариантам «Октябрьская революция», «Октябрьский переворот» и «Великая российская революция» в современных российских учебниках истории), но и изменения в характеристиках нарратива (развернут он или свернут, какие конфликты высвечиваются в нарративе, во многом определяя логику изложения событий и ключевые оценочные суждения, и др.).

Рассмотрим, какие характеристики нарративов о событиях революции 1917 г. представлены в учебниках истории СССР, а также в современных российских, украинских и белорусских учебниках истории.

В учебниках советской эпохи события октября 1917 г. называются «Великой Октябрьской социалистической революцией», последовательно воплощается марксистская схема анализа противоречия между

производительными силами и производственными отношениями, создавшего предпосылку изменения общества посредством социальной революции. Основа революционных событий 1917 г. – классовый конфликт между пролетариатом и буржуазией. Февральская революция не решила ключевого конфликта – классового конфликта, поскольку была буржуазной, хотя и создала предпосылки для революционных преобразований, связанных с приходом к власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в октябре 1917 г. Революция рассматривается как закономерный результат развития и кризиса мирового капитализма. В ряде учебников подчеркивается значение революции октября 1917 г. посредством рассмотрения ее не только как «великой», но и как «мировой» революции. Особенно ярко выражена акцентуация значимости события в работах, которые вышли вскоре после революции. Например, работа «Россия прежде и теперь» [32] специально посвящена рассмотрению революции, событий до и после октября 1917 г.; «мировая социалистическая революция: пролетарская, рабоче-крестьянская» [32, с. 127] выступает как стержень в описании истории государства, как поворотный момент не только российской, но и мировой истории, подобно тому как прежде логику описания исторических событий в школьных учебниках определяли описания жизни и деятельности различных царствующих особ (см., например, [33]).

Особое внимание обращает на себя учебник М. Н. Покровского [17], вышедший вскоре после революционных событий 1917 г., и к 1933 году уже выдержавший 10-е издание. В этом учебнике революция 1917 г. называется «Великая русская революция», «Мировой Октябрь», при этом подчеркивается: «При всех поворотах не изменится, конечно, одно: на какую точку зрения не встань, Октябрь всегда останется Великой русской революцией» [17, с. 235], а также отмечается, что «Мировой Октябрь не кончился и очень не скоро кончится, – а с ним вместе не кончилась и борьба, начатая русским Октябрем» [17, с. 235], при этом отмечаются и сложности описания этих событий и их последствий: «Легко объяснить события совершенно законченные. Но когда пишешь посреди событий, поневоле движешься вместе с ними» [17, с. 235]. Кроме акцентуации значимости событий обращает на себя внимание доминирование в учебниках, вышедших вскоре после революционных событий, названий революции (наряду с «мировой») «русская», «российская». В более поздний советский период эти названия сменились на название «не этно-

центрированное», а более «всеобъемлющее» – «Великая Октябрьская социалистическая революция» [18–21]. При этом в советских учебниках подчеркивается, что революция дала возможность избавиться от гнета национальным меньшинствам, пропагандируются идеи интернационализма в «надэтническом» духе лозунга «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

В современных украинских учебниках (см., например, [23]) мы встречаем совершенно иное видение соотношения классовых и национальных проблем и возможностей их решения посредством революционных событий 1917 г. «Украинская революция», описанная в современных украинских учебниках истории и выделенная в качестве события заглавного при характеристике революционных событий, не идентична «Великой Октябрьской социалистической революции» и «большевистскому перевороту», выделяемых как значимые революционные события (при всей полярности их оценок) в советских и российских учебниках. Украинская революция рассматривается как результат и средство разрешения конфликта, связанного со «становлением украинской государственности», сопряженного с «национально-освободительным движением», провозглашением автономии и определением территориальных границ Украины.

В качестве ключевых событий украинской революции [23] рассматриваются, например, «основание Украинской Центральной Рады» (март 1917 г.), «провозглашение автономии Украины» (июнь 1917 г.) [23, с. 16–21] – до событий октября 1917 г. и «провозглашение Украинской Народной Республики (УНР)» (ноябрь 1917 г.) [23, с. 30–36], «провозглашение независимости Украинской Народной Республики» (январь 1918 г.) [23, с. 40–41] – после октябрьских событий 1917 г. При этом «февральская демократическая революция» (заметим, что ее название практически неизменно во всех учебниках – и советских, и постсоветских) рассматривается как фактор, способствовавший активизации процессов становления государственности, а «октябрьский переворот» – как препятствие в осуществлении украинской революции. Так, например, в выводах к параграфу «Война советской России против УНР», в котором освещаются события с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. подчеркивается, что к цели создания украинского советского правительства «Совнарком двигался двумя путями одновременно: занимал территорию Украины своими вооруженными силами и готовил Всеукраинский съезд контро-

лируемых им советов» [23, с. 47]. В результате этот съезд, созванный в декабре 1917 г. в Харькове, провозгласил советскую власть в Украине и создал правительство, полностью подчиненное Совнаркому; причем в учебнике подчеркивается, что делегаты съезда представляли интересы незначительной части населения. «Однако большевистский центр добился своего: создал в Харькове альтернативное киевскому правительство и от его имени начал с помощью оружия вытеснять гарнизоны Центральной Рады из украинских городов. При этом Советская Россия использовала преимущественно красноармейские отряды, которые были созданы после Февральской революции в больших городах и рабочих поселках» [23, с. 48]. Функционирование Центральной Рады рассматривается в учебнике как собственно украинское государственное управление. В связи с этим подчеркивается: именно эти события повлияли на то, что «украинские лидеры поняли, что необходимо публично отмежеваться от контролированного большевиками центрального российского правительства», и IV Универсал Центральной Рады провозгласил независимость УНР от России.

«Война советской России против УНР» [23, с. 36] рассматривается как одно из важных событий (его рассмотрение выделено в отдельный параграф), сопряженных с Украинской революцией и последовавших после Октябрьской революции 1917 г. Октябрьская революция 1917 г. не выделяется в отдельный структурный элемент учебника (в раздел, параграф или подпункт) и упоминается лишь по тексту в связи с «октябрьскими событиями в Киеве» (название подпункта) в разделе «Провозглашение Украинской Народной Республики» [23, с. 30–35].

В учебнике истории Украины [23] в связи с революционными событиями 1917 г. представлены прежде всего два основных конфликта: 1) борьба за автономию и независимость Украины (конфликт, составляющий основу украинской революции); 2) противостояние классов, обусловленное «крайне высоким уровнем поляризации общества» (этот конфликт упоминается лишь как фактор, способствовавший падению царизма и ослаблению центральной власти, что позволило развернуться национально-освободительной борьбе «угнетенных народов» [23, с. 15]; «национальная революция началась сразу после свержения самодержавия» [23, с. 15], т. е. сразу после Февральской революции 1917 г.). Все остальные конфликты являются производными от этих двух основных и находят свое выражение в множестве конфликтных противостояний,

в числе которых: 1) конфликт по поводу возможности создания Украинских военных частей весной 1917 г.; «Киевские советы рабочих и солдатских депутатов осудили это требование и выразили готовность силой оружия разогнать «бунтовщиков и дезертиров». Центральная Рада выступила в их защиту и высказалась за целесообразность организации отдельного украинского полка» [23, с. 17] (после Октябрьской революции 1917 г. это находит свое выражение в противостоянии «петлюровцев, деникинцев и большевиков на Правобережье» в 1919 году [23, с. 98–100]; 2) конфликт между двумя «правительствами», «которые одинаково настойчиво заявляли о том, что они – украинские и рабоче-крестьянские» [23, с. 40], развернувшийся в начале 1918 г., согласно учебнику [23], «на территории УНР» и выразившийся в «войне декретов» и в «силовой борьбе» [23, с. 40] и др.; 3) «Антибольшевистские выступления в украинском селе» весной 1919 г. [23, с. 87] и др. При этом в советских учебниках события этого периода освещаются в рамках раздела «Триумфальное шествие Советской власти» (например, [18, 19]), причем и субъекты, и причины конфликта, конфликтные интересы представляются и оцениваются иначе, чем в украинских учебниках. Заметим также, что если в советских учебниках подчеркивается, что Октябрьская революция снимает множество конфликтов, решив главное противоречие (классовое), то в современных российских и украинских учебниках акцентируется внимание на том, что множество конфликтов вскрылось, проявилось или даже возникло именно вследствие революционных событий 1917 г.

Выделение некоторых из конфликтов, описание их сущности и способов решения в украинских учебниках осуществляется таким образом, чтобы подчеркнуть успехи в борьбе за независимость Украины и значимость Центральной Рады как руководящего органа, а также в определенной мере характеризует стратегию и тактику Украинской Центральной Рады (например, конфликт между Центральной Радой и немецкой оккупационной администрацией по поводу засева полей весной 1918 г. [23 с. 51]).

Как показал проведенный анализ, при рассмотрении предпосылок и последствий революционных событий 1917 г. в современных украинских учебниках конфликт между различными классами отступает на второй план по сравнению с конфликтами, связанными с борьбой за обретение Украиной независимости и автономии. Доминируют нарративы о конфликтах, в которых раскрываются различные способы борьбы за независимость. Разногласия по поводу создания украинских военных

подразделений, провозглашение и принятие определенных документов (прежде всего «Универсалов») как способ манифестирования конфликтных интересов, противоборство в процессе утверждения определенных органов власти (Центральная Рада в противовес Совнаркому) – эти и другие аспекты конфликтных противостояний оказываются основой описания исторических событий в украинских учебниках. В послереволюционных конфликтах по поводу расстановки политических сил также акцентируется внимание прежде всего на борьбе большевистской партии и национально-ориентированных партий и организаций – и те, и другие выступают субъектами ключевых конфликтов.

В современных российских учебниках истории события октября 1917 г. рассматриваются прежде всего в контексте «революционного кризиса в России». Именно так они характеризуются, например, в учебнике [24], в предисловии к которому авторы отмечают, что «Россия исчерпала лимит на революции, которые ведут не к национальному согласию, а к катастрофе, гибели людей. И тот, кто забывает прошлое, обречен пережить его еще раз» [24, с. 4]. В этом учебнике подчеркивается, что «революционный процесс 1917 г. следует рассматривать в теснейшей связи с гражданской войной и военным коммунизмом» [24, с. 123]. При этом в «единый революционный кризис» объединяются следующие события: «*Февраль – сентябрь 1917 г.:* попытка утверждения в России демократического строя, нарастание хаоса. *Октябрь 1917 – март 1918 г.:* утверждение леворадикальной диктатуры в форме Советов. *Март 1918 – март 1921 г.:* гражданская война и «военный коммунизм»» [24, с. 123]. На основании взаимосвязи этих событий и анализируются основные конфликты, способы их решения и последствия, что структурно соответствует логике рассмотрения событий в советских учебниках, однако значительно изменилось оценочное наполнение стоящих за этими событиями конфликтов. Кроме того, если в советских учебниках рассматривалось революционное и послереволюционное «триумфальное шествие советской власти», которое затем приводило к «строительству социализма», то здесь следующая глава (и следующий этап развития общества) – «Тоталитарный режим: формирование и развитие (1921–1939)» [24, с. 172–222]. Именно в контексте становления тоталитарных режимов характеризуются революционные события и в некоторых украинских учебниках. Так, например, в учебнике «Всемирная история» [25] «российская революция 1917 г.» изучается в теме «Тоталитарные и дик-

таторские режимы» [25, с. 88–126], и в этом наблюдается определенное созвучие в рассмотрении последствий разрешения конфликтов посредством революционной борьбы и установления диктатуры пролетариата в современных украинских и российских учебниках истории.

Описание событий революции 1917 г. и сопряженных с ними конфликтов в современных учебниках и учебных пособиях Беларуси проиллюстрируем на примере пособия «История Беларуси: Полный курс» [26], предназначенного для старшеклассников и поступающих в вузы. При рассмотрении «Октябрьской революции и советской власти в Беларуси» (название параграфа) отмечается, что «к осени 1917 г. не сложились предпосылки, которые (в соответствии с ленинской теорией) могли бы привести к пролетарской революции», но «на территории Беларуси располагались войска Западного фронта, где у большевиков были гораздо более прочные позиции», а также «значительным было влияние центра на Беларусь как часть Российского государства» [26, с. 234], т. е. отмечается, что решающим был фактор «расстановки сил» и «политического влияния». Основной конфликт, сопряженный с событиями революции 1917 г. в Беларуси, развернулся в плоскости противостояния Советов и «Комитета спасения революции» (сформированным меньшевиками, эсерами, бундовцами, сионистскими и белорусскими национальными организациями, не поддержавшими октябрьский переворот). «Пользуясь перевесом сил, Комитет потребовал в ультимативной форме у Минского Совета передачи ему всей власти в городе и на Западном фронте» [26, с. 235]. Сначала был достигнут компромисс, затем после определенных маневров изменилось соотношение сил и «Комитет спасения революции был ликвидирован», и в конце концов была установлена «однопартийная большевистская диктатура» [26, с. 237]. Как видим, в белорусских учебниках, как и в российских, Октябрьская революция является центральным событием и развернутость и центрированность вокруг этого события «нарратива о революции» совпадает с нарративом о Великой Октябрьской социалистической революцией в советских учебниках (в отличие от нарратива об «украинской революции» в украинских учебниках), хотя и изменилась оценка ее роли и значения. Характеристика причин и движущих сил конфликтов, послуживших возможности установления советской власти, отличается от советских учебников, но нет жесткого перехода от ценностей к антиценностям: сам стиль изложения материала ценностно нейтральный, хотя установившийся режим и ха-

рактеризуется как диктатура (в этом совпадают описания революции в постсоветских учебниках всех трех стран).

Таковы основные различия в нарративах о конфликте, которые были выявлены благодаря анализу изменения интерпретаций революционных событий 1917 г., однако следует отметить, что и описания многих других событий изменились не менее радикально.

Переяславская рада

Переяславская рада (1654 г.) – еще одно событие, которое связано с «конфликтом интерпретаций». Здесь различие не столько в названиях, сколько в ключевых оценочных суждениях, в общих характеристиках нарративов. Никаких письменных документов об этом событии не сохранилось, что отмечается как в украинской историографических исследованиях (подробно об этом см., например, [34]), так и в некоторых учебниках «Истории Украины» (например, [52]). Это создает широкие возможности для конструирования «мифов» об этом событии, и, обратившись к различным учебникам («История СССР», «История Украины», «История России», «История Беларуси»), можно заметить, как эти мифы трансформируются, заменяются другими, отображая определенные оценки, связанные с тенденциями социальных изменений.

Подробно анализируется «Переяславская легенда» как «проблема между наукой и политикой», в частности, в работе [35], где отмечается, что термин «Переяславская легенда» был введен В. Липинским в 1920 году; выделяются пять основных периодов, которые характеризуются различным уровнем влияния на общественное сознание, политику и науку, анализируются различные альтернативные видения и варианты использования этой «легенды» (в период с 1654 г. и по настоящее время).

Для истории Украины конструкт о Переяславской раде имеет особое значение, так как период правления Богдана Хмельницкого рассматривается как один из важнейших этапов в формировании и развитии украинской государственности. Выявим особенности изложения этих событий в советский и постсоветский периоды, приводя соответствующие фрагменты текстов, отмечая содержащиеся в них характеристики языка конфликта, выявляя ключевые конфликты, стоящие за тем или иным нарративом, а также сравнивая особенности нарративов о Переяславской раде в различных учебниках.

Рассмотрим варианты интерпретации этого события в учебниках «Истории СССР», а также в современных украинских, российских и белорусских учебниках.

В учебнике 1939 г. «История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века» [36], допущенном в качестве учебника для исторических факультетов государственных факультетов и педагогических институтов, Переяславская рада рассматривается в параграфе «Борьба украинского народа против польского гнета под руководством Богдана Хмельницкого. Присоединение Украины к Москве» [36, с. 551–558]. Ниже приведены фрагменты этого параграфа.

> «**Присоединение к Москве.** 1 октября 1653 г. новый Земский собор в Москве принял решение о присоединении Украины и о начале войны с Польшей. Московское посольство боярина Бутурлина 6 января встретилось в Переяславле с Богданом Хмельницким. Здесь состоялась казацкая рада, и 8–9 января 1654 г. было торжественно оформлено присоединение Украины к Москве.
>
> Взаимоотношения Украины и Московского государства были определены так называемыми «статьями» Богдана Хмельницкого.
>
> «Статьи» дошли до нас в их позднейшем воспроизведении в разных редакциях. Они определяли основные вольности по управлению и суду казачества, городов и шляхты на Украине и организацию всего управления на Украине во главе с гетманом и полковой старшиной.
>
> Вопрос о правовом положении Украины по «Переяславским статьям» подвергался разным истолкованиям на основе современных правовых представлений. Несомненно, статьи содержали ряд положений, сохранивших в известных границах украинский суверенитет: право местной старшины-шляхты на занятие всех административных должностей, право самоуправления, выборность гетмана, неотъемлемость земельных прав шляхты; наконец, ограничение права ввода русских гарнизонов одним городом – Киевом. Но все это лишь старые феодально-шляхетские вольности, – вольности, жалуемые сеньором своему вассалу, и потому они отнюдь не противоречат представлению о подчинении высшей власти верховного правительства, в данном случае власти московского государя. Ему уплачиваются налоги, он разделяет должности, назначает жалование, является верховным распорядителем всех земель украинских. Московское правительство имело свои политические представления, далеко расходившиеся с политическими видами украинской старшины, и в юридические формы «Переяславских статей» оно вносило свое содержание.

> Украина XVII века не могла завоевать себе самостоятельности. Она запоздала в своем политическом развитии и выступила тогда, когда ее судьба уже не могла решаться без участия определивших ее соседей. Условия трудной борьбы требовали сильной политической власти, для организации которой собственных сил не хватало; приходилось искать внешнюю силу. Присоединение к Москве было единственным исходом, создавшим возможность дальнейшего исторического развития украинского народа. В развернувшейся борьбе силой исторических условий Польша стояла в союзе с реакционными силами магнатства; Москва поддерживала жизненные, на данный момент прогрессивные силы украинского мещанства и казацкой старшины. Линия чисто политического подчинения, проводившаяся на первых порах Москвой, остановила возможность и национального, и культурного роста украинского народа. Внутренне окрепнув, он сохранил силы для дальнейшей борьбы.
>
> Переяславским актом был заложен фундамент союза двух братских народов – великорусского и украинского. Вопреки политике российского царизма, превратившего российское государство в тюрьму народов, распространившего на Украину свою политику колониального угнетения, вопреки царизму и в борьбе с ним этот союз продолжал расти и крепнуть, чтобы закрепить свою незыблемость в победоносной Пролетарской революции, превратившей царскую Россию – тюрьму народов – в счастливый и свободный Советский Союз» [36, с. 557–558].

После приведенного фрагмента в учебнике следует параграф «Украина под властью Русского государства», что вполне соответствует и обозначенным характеристикам нарратива, где определяется Переяславская рада как погружение Украины во власть России, которое позволило защитить Украину от внешних врагов. В тексте политика царизма характеризуется как политика «колониального угнетения», но вопреки этому – «крепнет союз» двух братских народов, «чтобы закрепить свою незыблемость в Пролетарской революции». Таким образом, в основе построения нарратива основной конфликт – классовый. «Классовый дискурс» оказывается доминирующим, в него встроен «дискурс о единстве двух братских народов» («великорусского и украинского»).

Заслуживают внимания также некоторые фрагменты текста, являющиеся носителями характеристик языка конфликта, которые приводятся в ходе описания предпосылок «присоединения Украины к Москве» и оценки этого события, поскольку здесь содержится ряд моментов, ти-

пичных для советского легитимного дискурса (которые в современных украинских учебниках выглядят противоположным образом).

> «Марксистская историография рассматривает освобождение украинского народа от польского гнета и его переход под власть Москвы в перспективе исторического развития Украины в союзе и единении с великорусским народом. Исходя из этого, формулировало решение конкурса жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР: «...Перед Украиной стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России... вторая перспектива была все же наименьшим злом» [36, с. 556].

Комментарий. «Переход под власть Москвы» – в современных украинских учебниках истории говорится о том, что это Переяславский договор был своего рода «договором о сотрудничестве», и лишь в дальнейшем этот шаг был использован для «поневолення» Украины Россией.

«Вторая перспектива была все же наименьшим злом» – эта оценка совпадает в советских и украинских учебниках.

После характеристики международных отношений как причин несостоявшегося союза Украины с Швецией и Крымом и Турцией следует подпункт о значении ориентации на Москву, в котором излагается следующее:

> «...Иными были отношения Украины к Москве. Здесь вступала в силу внутренняя близость двух родственных народов – их культурное, национальное, религиозное единство. Не случайно в течение всего периода обострившейся борьбы взоры народа были обращены к Москве; из Москвы ждет он помощи в борьбе, за московский рубеж уходит он в периоды неудач и польско-магнатской агрессии...»
>
> «Присоединение Украины становилось элементом в развитии российского многонационального государства. В этой связи совершенно неверно восстанавливать идеалистическую великодержавную концепцию воссоединения единого русского народа, отрицавшую право украинского народа на свою самостоятельную историю».
>
> «И в истории украинского народа слагались силы, обращавшие его за помощью к братскому великорусскому народу. Русское государство становилось объективной опорой передовых, более прогрессивных сил украинского народа, и в результате ходом исторического развития утверждался союз украинского и великорусского народов» [36, с. 553].

Комментарий. «Близость двух родственных народов – их культурное, национальное, религиозное единство» – дискурс о единстве славянских народов – момент, сопряженный с конфликтом интерпретаций, который становится очевидным как при сопоставлении украинских учебников с советскими и белорусскими, так и при анализе текстов интервью львовян и харьковчан (подробней об этом – ниже).

«Присоединение Украины становилось элементом в развитии российского многонационального государства» – соответствует дискурсу советских учебников о многонациональном государстве.

«И в истории украинского народа слагались силы, обращавшие его за помощью к братскому великорусскому народу,» – фраза, которая может рассматриваться сегодня как носитель характеристик языка конфликта, поскольку может быть оценена как содержащая дискриминационные практики (ниже будет показано, что именно к такому выводу приводит анализ текстов интервью с львовянами).

Аналогичные характеристики языка конфликта содержатся в нарративе о Переяславской раде и сопряженных с этим событиях в учебнике 1947 г., излагаемым в параграфе «Присоединение Украины к Русскому государству и война с Польшей».

> «**Присоединение Украины к Русскому государству. Война 1648–1651 гг.** *наглядно показала, что* Украина собственными силами не в состоянии освободиться от польской неволи. **Окруженная со всех сторон более сильными государствами,** Украина не могла в то время стать самостоятельной. **Поэтому, когда в 1652 г. украинские крестьяне и казаки вновь поднялись против польских помещиков и польской власти, Богдан Хмельницкий вступил в переговоры с московским правительством о присоединении Украины к Русскому государству.** На Земском соборе, собранном в Москве осенью 1653 г., было решено защитить Украину и объявить войну Польше. **8 января 1654 г. в Переяславле в присутствии московских послов собралась Рада, т. е. совещание представителей украинского казачества. Гетман Богдан Хмельницкий обратился к собравшимся казакам с речью, в которой напоминал о тяжелом положении украинского народа. «Всем вам известно, – говорил он, – что наши враги хотят искоренить нас так, чтобы и** *имя русского* (т. е. украинского) **не упоминалось в нашей земле. Поэтому выберите себе государя из четырех царей. Первый – царь турецкий, он угнетает греков. Второй – хан крымский, он много раз проливал кровь наших братьев. Третий – король польский. О притеснениях**

от польских панов нечего и рассказывать. Четвертый – царь великой Руси, царь восточный». Тысячи голосов отвечали: «волим» (т. е. хотим) под царя восточного». По соглашению, заключенному несколько позже в Москве, Украина получила право иметь собственное управление во главе с выбранным гетманом. Число реестровых казаков было определено в 60 тысяч.

Власть польского короля и польских помещиков была для украинского народа во много раз тяжелее, чем подданство русскому царю. Великорусский народ является родственным украинскому и белорусскому народам по происхождению, языку и культуре. Переход Украины в состав Русского государства был воссоединением двух великих братских народов, спасавшим Украину от захвата ее Польшей и Турцией.

Война с Польшей и Швецией. Польша не хотела уступать Украину Русскому государству. **Поэтому только война могла освободить Украину от польского господства. В Москве было решено начать войну с Польшей не только за Украину, но и за Белоруссию...» [27, с. 196-197].**

Характеристики нарратива о Переяславской раде и содержащиеся в них характеристики языка конфликта сходны и во всех других учебниках «История СССР» (например, 1956 г. [38], 1955 г. [39], 1953 г. [40] - нарративы идентичны во всех 15 переизданиях учебника). В учебнике «История СССР» Л. П. Бущика [41] (1958 г.) характеристики нарратива выглядят подобным образом, совпадают и оценочные суждения. Подчеркивается, что «единственный выход из создавшегося положения украинский народ видел в немедленном воссоединении с украинским народом» и ключевым термином уже является не присоединение, а воссоединение, который уже выносится в заглавие параграфа («Воссоединение Украины с Россией и его историческое значение») и подпункта [41, с. 175]. Аналогично нарративу в учебнике [41] выглядит и нарратив о Переяславской раде в учебниках «История СССР» и «История УССР» 60-х, 70-х и 80-х гг. XX века (см., например, [41–46]).

Нет смысла приводить другие фрагменты текстов учебников – они совпадают и по структуре нарратива, и по характеристикам языка конфликта. Единственное принципиальное отличие, которое можно проследить в учебниках от 1930-х к 1980-м гг., – это изменение отношения к термину «воссоединение». В 1939 г. отмечается, что применение этого термина неправомерно, поскольку лишает права на свою историю; в 1946, 1947, 1953 гг. речь еще идет о присоединении, хотя в выводе к подпункту «Присоединение Украины к России» говорится о том, что это

было «воссоединение»; в учебнике 1955 г. название параграфа уже «Воссоединение Украины с Русским государством и война с Польшей», а в учебниках 1980-х гг. изложение параграфа «Народно-освободительная война 1648–1654 гг. и воссоединение Украины с Россией» уже начинается с такой фразы: «В 1648 г. украинский народ решительно выступил за осуществление своей вековой мечты о воссоединении с братским русским народом» [46, с. 283].

Как выглядит описание событий Переяславской рады в современных учебниках по истории Украины?

В 1991 году в учебнике «Історія України» [47] события освещаются еще в соответствии с советским дискурсом: в рамках раздела «Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. Воссоединение Украины с Россией».

В украинском учебнике 1999 г. термину «воссоединение» в контексте событий 1654 г. даются такие комментарии: «Историками сущность Переяславской рады оценивается по-разному: как личная уния гетмана и царя, отношения типа «сюзерен – вассал», военно-политический союз, начало присоединения Украины к России и т. д. Разработанная в 1953 году идеологически ангажированная формула «воссоединение Украины с Россией» после 1991 г. подвергается серьезной критике» [48]. Заметим, что в российских учебниках эта «формула» сохраняется (см., например, [30, 49, 50]) и события 1654 г. рассматриваются в контексте «Воссоединение Украины с Россией и внешняя политика России».

В украинском учебнике 2005 г. [51] для 8 класса общеобразовательных учебных заведений, рекомендованном Министерством образования и науки Украины, события рассматриваются в контексте национально-освободительной войны украинского народа в середине XVII века против Речи Посполитой и возрождения Украинского государства (создание украинского казацкого государства – гетманщина). События 1654 г. называются «украинско-московский договор». Приводятся различные рассказы об этих событиях – отчет боярина Бутурлина царю и рассказ украинского шляхтича Павши, отображающие различные варианты интерпретации событий. Здесь и далее фрагменты текстов учебников истории Украины, связанные с описанием событий Переяславской рады приводятся в переводе с украинского языка.

«Украинско-московский межгосударственный договор 1654 г.

Переяславская рада. 8 января 1654 г. на городской площади Переяслава состоялся военный совет. В нем приняли участие около 200 представителей старшины и казачества. Ему предшествовал тайный совет Хмельницкого с генеральной старшиной и полковниками.

Про дальнейший ход событий осталось свидетельство боярина Бутурлина, хотя сам он на совете не присутствовал. В своем отчете царю он отметил, что гетман обратился к присутствующим с речью о том, что единственным выходом из ситуации в борьбе за освобождение от польского гнета в тех условиях может быть лишь союз с Московией. Совет вынес решение про договор с Москвой. После оглашения царской грамоты старшина и послы пошли к Успенскому собору, где духовенство должно было привести их к присяге царю Алексею. В церкви Хмельницкий потребовал, чтобы московские послы первыми пообещали от имени царя защищать гетманское государство от поляков и уважать казацкие права и привилегии. Свое требование гетман мотивировал, ссылаясь на отношения казаков с польским королем: согласно европейской традиции, предусматривалась присяга обеих сторон. Бутурлин категорически отказался, объясняя, что царь является самодержцем и своим подданным не присягает; кроме того, «царское слово, раз данное, не меняется». После длительных совещаний со старшиной и переговоров с послами Богдан Хмельницкий, чтобы не сорвать переговоров, решил принять присягу. При этом слова Бутурлина были истолкованы как равнозначные присяге царя.

Согласно утверждениям современников, украинцы присягали не совсем так, как это преподнес в своем отчете Бутурлин. Украинский шляхтич Павша сообщал со слов чернобыльского протопопа в конце января 1654 г. : «Сообщаю, что Кропивнянский и Полтавский полки оторвались от Хмельницкого и отказались присягать московскому царю… Сообщаю, что Хмельницкий присягнул московскому царю в Переяславе… Потом переяславских мещан гнали присягать, чему они очень противились, а местный войт (аж) заболел, но его, хотя и больного, было приказано привести к церкви Пречистой Богородицы. Он должен был исполнить присягу и умер от депрессии в тот же день… Киевляне тоже противились этому и не хотели идти в церковь, но их, как быдло, гнали на присягу… Они же во время присяги не называли своего имени, данного им было при крещении, а после присяги очень ее ругали… Митрополит не разрешал присягать, и отец архимандрит, и все духовенство… Гадячский и Брацлавский полки не хотели иметь отношения с Хмельницким, не хотели ехать на эту присягу в Переяслав, и среди той Украины [т. е. Гетманщины] произошел раскол».

Количество приведенных к присяге 8 января было незначительным. В этот день присягнули 284 человека. После Переяславской рады представители московского посольства должны были побывать в 177 городах и поселках Украины. Целью таких визитов было принятие присяги на верность царю от населения.

Достичь единогласия им не удалось. По данным московской стороны, присягу приняли 127 338 человек. Присягали жители Гетманщины (Поднепровской Украины), но не все. Женщины — половина населения — не присягали. Не присягали и крестьяне, составлявшие большинство населения тогдашней Украины. Не принимала участия в церемонии и Западная Украина, поскольку находилась под поляками, а также южные украинские земли, которые находились под властью хана или Запорожской Сечи.

Оформление межгосударственных отношений. *Переяславская рада лишь положила начало оформлению московско-украинских отношений, поскольку никаких письменных договоренностей в Переяславе заключено не было. Все должны были решить переговоры. Причем каждая из сторон оценивала союз двух государств по-своему. Украинское правительство последовательно выступало за равноправие участников союза. В Москве уже тогда стремились превратить Украину в свою собственность и смотрели на украинцев вместе с гетманом как на подданных его царского величества. Но в момент переговоров на этом по тактическим соображениям внимание не акцентировалось. Вместо этого представители московского правительства щедро сыпали обещаниями не нарушать «прав и вольностей» Украины.*

Согласно документам, утвержденным во время украинско-российских переговоров 1654 г., устанавливались межгосударственные отношения, которые не ограничивали независимость Украины. Условия договора 1654 г. свидетельствуют про объединение Украины и Московии в своеобразную ***конфедерацию***. Ведь договор между двумя государствами в целом был равноправный и (при условии соблюдения) взаимовыгодный. Вместе с тем он был и незавершен, несовершенен, действовал непродолжительное время (несколько лет) и потому очень быстро утратил силу» [51, с. 124–127].

В учебнике О. Д. Бойко «История Украины» [52] события, связанные с Переяславской радой излагаются следующим образом.

«Еще начиная с 1648 г., Б. Хмельницкий неоднократно обращался к Москве с просьбой помочь в антипольской борьбе. Даже угрожал войной, если не будет оказана эта помощь. Но Москва не хотела расторгнуть мир с Польшей и заняла выжидающую позицию. Но все же желание расширить сферу

своего влияния, использовать Украину как буфер против Турции, привлечь казацкие вооруженные формирования для отвоевания у Речи Посполитой утраченных Россией территорий способствовало тому, что русский царь после непродолжительных колебаний «во имя спасения веры православной» согласился взять Войско Запорожское под свою опеку. Соответствующее решение относительно этого принял 1 октября 1653 г. Земский собор. Юридически этот акт оформлен во время российско-украинских переговоров в январе–марте 1654 г. В Переяславе были согласованы принципиальные основания будущего договора (антипольский военный союз Украины и России, протекторат московского царя над Украиной, сохранение основных прав и вольностей Войска Запорожского) и совершен устный акт присяги. Уже на этом этапе возникают конфликтные ситуации и расхождения в подходах к вновь созданному союзу. Вначале русские послы отказались принести присягу за царя, поскольку в соответствии со спецификой их государственного устройства самодержец своим подданным не присягает, а затем боярин Бутурлин, возглавляющий российскую делегацию, отказался дать письменную гарантию сохранения прав и вольностей Украины после того, как договор вступит в силу. Поскольку все переяславские решения были устными, каждая из сторон могла трактовать их произвольно. На этом основании специалисты считают, что события января 1654 г. в Переяславе имели главным образом ритуально-символический характер.

В марте 1654 г. в Москве казацкая делегация передала на рассмотрение россиянам проект договора из 23 пунктов, направленный на сохранение украинской автономии. После двухнедельных переговоров стороны пришли к компромиссу, который вошел в историю под названием «Мартовских статей». Согласно этому документу, Украина сохраняла республиканскую форму правления, территориально-административное деление, новую систему социально-экономических отношений, полнейшую независимость в проведении внутренней политики. Вместе с тем отдельные статьи ограничивали ее суверенитет: сбор налогов с украинского населения осуществлялся под контролем российской стороны; запрещались дипломатические отношения с Варшавой и Стамбулом (заметим, что при жизни Б. Хмельницкого конкретное содержание «Мартовских статей» казакам было неизвестно).

Среди историков до сих пор не прекращаются дискуссии по поводу определения историко-юридической сути Переяславско-Московского договора. Ситуация осложняется тем, что аутентичный, подписанный сторонами документ не сохранился, до нас дошли лишь его копии. Спектр толкований этого соглашения неимоверно широк, но самыми распространенными являются пять подходов: «персональная уния» (независимые государства, имеющие собственные правительства, признают власть одного монарха);

> «вассальная зависимость» Украины от России; «автономия» Украины в составе России; «воссоединение» украинского и российского народов; «военный союз» между Украиной и Россией.
>
> Как бы ни оценивался украинско-российский договор 1654 г., вполне очевидно, что каждая из сторон видела в нем эффективное средство для реализации собственных планов: Москва хотела частичную зависимость Украины сделать полной, вначале ограничить, а в перспективе упразднить украинские автономные права и вольности; Чигирин же стремился, используя Россию как рычаг, наконец вырвать украинские земли из состава Речи Посполитой и построить собственное независимое государство» [52, с. 160–161].

Аналогично излагаются события 1654 г. и в других украинских учебниках.

Конфликты, высвечивающиеся в ходе изложения событий и определяющие характер нарратива:

1) конфликты между Б. Хмельницким и московскими послами;

2) проявления конфликтности, связанные с нежеланием присягать российскому царю многих украинцев;

3) конфликт интерпретаций: отмечается, что каждая из сторон оценивала союз двух государств по-своему. Украинское правительство «последовательно выступало за равенство прав участников союза». «В Москве уже тогда стремились преобразовать Украину в свою собственность и смотрели на украинцев вместе с гетманом как на подданных его царского величества» [51].

Описывается также неоднозначное отношение к договору представителей различных социальных слоев. При этом отмечается, что мещане в целом достигли согласия с московским правительством, казачество вместе с православной шляхтой – частично, а православное духовенство отказалось от незаконных требований Москвы. Подчеркивается, что в результате переговоров были установлены межгосударственные отношения, которые не ограничивали независимости Украины. Договор между двумя государствами был равноправный и (при условии соблюдения) взаимовыгодный. Одновременно он был незавершенный, несовершенный и действовал недолгое время.

В некоторых украинских учебниках фиксируются и анализируются противоречивые трактовки этого события, рассматриваются различные альтернативные оценки события.

Основные отличия от советских учебников:

а) неприятие идеологемы «воссоединение»;

б) подчеркивается, что это был договор между двумя государствами;

в) подчеркивается, что этот договор не был единогласно поддержан и немногие приняли присягу московскому царю;

г) заключенный договор представляется как вынужденная тактическая мера.

Эти же отличия можно обнаружить при сопоставлении современных украинских учебников с современными российскими учебниками, поскольку изложение событий, связанных с Переяславским договором 1654 г., в современных российских учебниках во многом созвучно изложению этих событий в советских учебниках.

Рассмотрим, каким образом представлены те же события в одном из современных российских учебников истории [30].

> «Переяславская рада (1654). Ответом на договор, заключенный под Белой Церковью, были массовые народные выступления, с особой силой прокатившиеся по Приднепровью. Не утвердила Белоцерковский мир и заносчивая польская знать. Война возобновилась. Весной 1652 г. Хмельницкий наголову разбил польскую армию под Батагом (на реке Южный Буг). Однако требовалась помощь России, чтобы окончательно освободить Украину из-под власти Речи Посполитой. Решение об оказании помощи было принято Земским собором 1653 г.
>
> 1 октября 1653 г. Польше была объявлена война. На Украину выехало посольство во главе с боярином Бутурлиным. В городе Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий) 8 января 1654 г. состоялась Рада (Совет). Украина была принята в состав Российского государства. Россия признала выборность гетмана, местный суд и другие органы власти, сложившиеся во время освободительной войны. Царское правительство подтвердило сословные права украинского дворянства. Украина получила право устанавливать дипломатические отношения со всеми странами, кроме Польши и Турции, и иметь реестровые войска до 60 тыс. человек. Налоги должны были поступать уже в царскую казну.
>
> Воссоединение Украины с Россией имело огромное историческое значение. Оно освободило народ Украины от национального и религиозного гнета, спасло его от опасности порабощения Польшей и Турцией, способствовало формированию украинской нации, привело к временному ослаблению крепостнических отношений на Левобережье (крепостное право юридически введено на Украине во второй половине XVIII в.).

Воссоединение Левобережной Украины с Россией явилось важным фактором укрепления российской государственности. Благодаря ему России удалось вернуть Смоленские и Черниговские земли, что дало возможность начать борьбу за Балтийское побережье. Кроме того, открывалась благоприятная перспектива расширения связей России с другими славянскими народами и государствами Запада» [30, с. 110–111].

Аналогично выглядит изложение событий и в других российских учебниках, хотя есть определенные дополнительные характеристики языка конфликта как средства интерпретации. Так, например, в учебнике [50] Переяславская рада рассматривается в подразделе «Утверждение самодержавия, становление династии Романовых», не выделяется отдельным подпунктом. Отмечается, что «при Алексее Михайловиче было осуществлено воссоединение Украины с Россией. Завершилась многолетняя борьба польско-литовского блока с русскими за сферы влияния в приграничных районах» [50, с. 130].

«Весной 1648 г. развернулось мощное движение малороссов против польской шляхты. Возглавил освободительную войну украинцев Богдан Хмельницкий. Стечение обстоятельств сопутствовало успеху малороссов. В 1648 году умер польский король Владислав. Его брат не смог разгромить восставших и предложил им перемирие. Богдан Хмельницкий согласился на этот компромисс и, воспользовавшись затишьем, в июне 1648 г. обратился к Москве с предложением о воссоединении. Но Россия сама лишь вставала на ноги после смуты и польско-шведской интервенции. Принять предложение Украины было равносильно объявлению войны Польше. Правительство Алексея Романовича заняло позицию дипломатической «потяготы».

Весной 1649 г. поляки двинулись на Украину и были жестоко разбиты. После этих событий польский король официально признал Б. Хмельницкого гетманом Украины. Богдан Хмельницкий был не только смелым предводителем казацкой вольницы, но и трезво мыслящим политиком и дипломатом. Его популярность и слава шагнули далеко за пределы Украины. Московский царь Алексей Михайлович признал Богдана Хмельницкого официальным представителем украинского народа и согласился на воссоединение Украины с Россией.

Украина сохраняла самостоятельные дипломатические отношения с другими государствами. Россия признавала выборность гетмана и его утверждение царем. Украина сохраняла свой аппарат управления. Так произошло слияние славян. Ось Москва – Киев была восстановлена. Земский собор 1653 г. удовлетворил просьбу принять православный народ под высо-

> кое покровительство русского царя. 8 января 1654 г. в городе Переяславле состоялась Рада, на которой присутствовали выборные от большинства слоев населения Украины. Рада единодушно приняла решение о воссоединении Украины с Россией, утвердив все статьи, определявшие условия этого воссоединения» [50, с. 130].

В приведенном выше фрагменте можно заметить наличие дополнительных характеристик, которые несут в себе конфликтный потенциал, связанный с конфликтом интерпретаций, и, следовательно, которые могут рассматриваться как характеристики «языка конфликта»: царь «признал» Богдана Хмельницкого, «согласился на воссоединение Украины с Россией» (лингвистически фиксируется доминантная позиция московского царя); «так произошло слияние славян. Ось Москва – Киев была восстановлена» (за этой формулировкой, как и за применением термина «воссоединение», – отображение позиции, которая в современной украинской историографии оценивается как «идея общерусской народности», которая «находит свое выражение в период с конца XVIII века до 1917 г. в концепциях выдающихся российских историков М. Карамзина, М. Погодина, С. Соловьева, В. Ключевского и др. » и рассматривается как один из вариантов «Переяславской легенды» [35]; такой подход критикуется в современных украинских учебниках, как и «формула воссоединения»). Все это порождает конфликт интерпретаций, который становится очевидным при проведении сравнительного нарратив-конфликтологического контент-анализа учебников истории Украины и России.

В современных белорусских учебниках истории нарратив о Переяславской раде оказывается практически полностью свернут, в большинстве учебников и учебных пособий не упоминается о Переяславле 8 января 1654 г., а рассказывается только о Земском соборе октября 1653 г., события рассматриваются в контексте войны России с Речью Посполитой. Так, например, в учебнике [29] упоминание о Земском соборе 1654 г. встречается в подпункте «Война Речи Посполитой с Россией (1654–1667)», где нарратив об этой войне начинается такими словами: «Новые бедствия на Беларусь обрушились в ходе войны России с Речью Посполитой в 1654–1667 гг.» Лишь при описании предпосылок начала войны говорится, что «в октябре Земский собор дал согласие принять Украину под власть России. Одновременно царь Алексей Михайлович объявил о подготовке к войне и о желании «идти на недруга своего польского короля». Война началась 20 мая 1654 г. Главными объектами ударов во-

йск Московского государства стали Смоленщина и Беларусь» [29, с. 143]. Затем отмечается, что «значительная часть православного населения Беларуси видела в царе защитника своих интересов, тем более, что такие настроения всячески поддерживались и самой Москвой».

В современном белорусском пособии для школьников и абитуриентов [53] упоминается не только Земский собор, но и Переяславская рада, которая «согласилась на соединение Украины с Россией» [53, с. 105].

Таким образом, в учебниках истории Украины дается развернутый нарратив с характеристикой противоположных интерпретаций события, с указанием, что не сохранилось документов, с критикой термина «воссоединение», с акцентуацией внимания на Переяславской раде и на «Мартовских статьях» 1654 г. В учебниках истории России и истории Беларуси доминирует термин «воссоединение», рассказ во многом совпадает с советскими учебниками. В некоторых из белорусских учебников нарратив свернут, упоминается лишь Земский собор 1653 г. в Москве, на котором было принято решение относительно помощи Украине. Противостоят друг другу и «попросила – заставили», и «воссоединение – присоединение», и другие моменты. В украинских учебниках подчеркивается, что это вынужденная мера, а в российских – закономерное воссоединение братских народов. Важным является наличие учебников, которые содержат различные варианты изложения тех или иных событий, проводят анализ и сопоставление. И это характерно и для некоторых российских, и для украинских и белорусских учебников и является ценным моментом, формирующим критическое отношение к проблеме. В целом в учебниках истории СССР, истории России и истории Беларуси имеется целый ряд общих черт в названии, в оценке роли договора и в том, на каких событиях акцентируется внимание, т. е. в целом структурно-динамические и оценочные характеристики нарратива совпадают, в учебниках же истории Украины значительно отличается изложение событий Переяславской рады, подчеркивается неоднозначность его оценки, акцентируется внимание на возможных идеологических манипуляциях в связи с изложением этого события, критикуется термин «воссоединение», который остается стержнем нарратива в целом ряде российских и в некоторых из белорусских учебников.

Война 1941-1945 гг. Прежде чем дать краткую характеристику особенностей интерпретации событий Великой Отечественной и Второй

мировой войны, представлю два кейса, отображающих ситуации, связанные с конфликтом интерпретаций, который привел к возникновению конфликта на уровне повседневных практик коммуникации. Эти ситуации были описаны респондентами в ходе углубленных проблемно-ориентированных интервью в рамках проекта «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья».

КЕЙС 1.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Ситуация в библиотеке

В библиотеке, где я работаю, у нас проходило мероприятие. В прошлом году, по-моему, была презентация книги – «Вторая мировая война» она называлась. Историки уже подготовили новое издание и там, в этой монографии, был небольшой раздельчик «Отечественная война». Были приглашены ветераны, которым действительно было обидно: вот они воевали, отдавали свои жизни в этой войне, а теперь получается, что их роль как бы и не особо важна была. В книге в основном рассматриваются действия военачальников, действия Сталина бичуются и так далее.

Как все началось? Кто что говорил? Как это развивалось?

Ну, в общем-то, все начиналось как обычно. Мы готовили презентацию, пригласили автора – автор, кстати, был, по-моему, доктор наук даже, то есть действительно историк со стажем, специалист, безусловно, в своей области.

Ну, кого обычно приглашают на такие встречи? Мы пригласили ветеранов. Это была, если честно, наша некомпетентность в подготовке этого мероприятия.

Ветераны просмотрели книгу до начала, пытались обсуждать ее. А потом, в процессе беседы, стали задавать какие-то вопросы автору, а он отвечал уже с позиции нового отношения к истории. Да, я не виню автора, собственно говоря, он не относился предвзято к ветеранам, но почему-то они восприняли это как личную обиду.

Там, в книге, раздел «Великая Отечественная война» был действительно небольшим разделом во Второй мировой войне, и оценки были даны немного смещено. Если раньше мы привыкли, что в советских книгах все

начиналось с роли народа, с роли воина советского, то здесь как-то... Ну, может, потому что это чисто научное такое издание было, в нем как-то была опущена вот эта роль, и они, ветераны, восприняли это как личное оскорбление.

Какие события были? Что говорили? Как слушали? Потом вдруг встали… или что было?

Там стоял скандал. Если честно, ветераны, может быть, не очень культурно себя вели.

То есть он выступал, они вдруг стали его перебивать?

Нет, не перебивать. Он выступил, задавали ему вопросы какие-то, он отвечал. А потом взял слово один ветеран, очень эмоционально начал говорить: «Вы неверно изображаете исторические события! Вы понимаете, что я воевал, я там был! Вот роль этой армии...» А автор считает, что роль там конкретной армии – я не помню просто точно – ну, например, Западный фронт, он действовал так и так, и его роль была намного меньше, чем считал ветеран.

И что они говорили?

Ветераны очень эмоционально себя вели.

Они встали с места?

Нет. Ветеран, который стоял, он очень эмоционально говорил. Другие с мест тоже выкрикивали.

Что они выкрикивали? Хорошо бы вспомнить какие-то фразы.

«Как Вы можете писать такие книги, если Вы сами не знаете, если Вы там не были!» – примерно так.

Он говорил о том, что он базировался на архивных материалах, подчеркивал, что из головы ничего не выдумывал. Ну, в общем-то, все это переросло в скандал, можно сказать. Ветераны повели себя не очень взвешенно. Ну, как-то понятно человека – он историк, он действительно какие-то там сухие архивные материалы перерабатывал.

Чем все закончилось?

Ну, у нас есть сотрудница, которая, в общем-то, умеет сглаживать конфликты. Она попыталась успокоить, говорила, что есть и такие мнения, и

такие. Конечно же, это хорошо, но ветераны ушли очень недовольные. Это был наш пробел.

А автор как?

Автор тоже, с тех пор мы его не видели.

КЕЙС 2.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ
ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И УПА

…Вот, Вы говорили, что Вам вспоминалась какая-то история о том, как учительница приходила…

А, это было. Я помню. У нас была этика или виховна година (укр. «воспитательный час»), что-то такое. И классный руководитель, математик, собрала нас и начала нам рассказывать про УПА. Но почему-то нервничала немного.

Почему именно вдруг про УПА? Это какая-то дата была?

Вот этого я не помню. Помню, что она постоянно говорила: «Так звана УПА» («Так называемая УПА»). Да, то есть и сама, видно, не знала... То есть... как-то низменно, как-то прикрывала, как-то так... непонятно было, что она хочет сказать? Я помню нашу реакцию. Помню, как мы с учениками переглядывались удивленно.

А чему удивлялись?

Ну, как бы мы давно уже знали, что что-то такое было. Но это так же, как например, с походом в церковь на Пасху. Это запрещено. Школа запретила. Учительница запретила, она будет стоять на дороге в церковь и смотреть, кто идет в церковь. Чтобы потом вызвать родителей, воспитательную беседу провести. Но ходили в церковь. Точно так же было и здесь. Мы знали что-то. В детские годы, что можно знать? Ну какие-то очень общие вещи. Но вместе с тем было ощущение отличия, что вот это принято говорить в школе, это такое в публичном пространстве, а вот это – дома.

Я хотела спросить. Вот Вы говорите, что откуда-то знали об УПА. А откуда? Какие источники информации?

Традиционные, да. Украинская, может, западно-украинская семья. Интересный элемент в этом всем – это какие-то празднования. В основном религиозные праздники...

...Когда собирается много людей, много родственников... об этом не говорят, но, может быть, кто-то может сказать, вспомнить какого-то дядю, как там его на Сибирь сослали или какой-то старый человек начнет вспоминать молодость, ну а потом песни. Вот когда песни поют, да – это такой интересный источник.

В песнях информация об УПА?

Конечно. Да.

То есть песни об УПА, получается, поют на праздниках религиозных, я правильно понимаю?

Разные песни. Песня о борьбе с захватчиком, песни о репрессиях, патриотические песни. Ну, скажем, если провести контент-анализ этих песен, то там есть и этническое обозначение врага, есть и...

Ну, а прямым текстом?

Москали, жиды. Есть это. А есть и какие-то, ну, например, НКВДисты, и это есть. Або комуняки. Разные обозначения врагам.

А именно слово «УПА» фигурирует в песнях?

Сейчас такого не вспомню, думаю, что да.... Да и разговоры старших людей, воспоминания о родственниках погибших, о том, как, например... о страшных вещах, о депортации в Сибирь. О том, как например, наші хлопці вбиті лежали на майдані і москалі не давали їх поховати, їх їли собаки, ну, например, это.

А слово «УПА» фигурирует?

Я не уверен, я не помню. Ну, кажется, да. Когда она говорила: «УПА», мы уже знали о чем речь идет. Думаю, что да...

В кейсах представлены два момента, сопряженные с конфликтом интерпретаций в современной Украине: во-первых, соотношение названий и акцентуации внимания на событиях «Вторая мировая – Великая Отечественная» война, во-вторых, восприятие и оценка действий УПА. В ходе проведения интервью именно эти проблемы достаточно часто фигурировали как вызывающие полемику по поводу их интерпретации.

Кроме того, именно при описании событий войны как значимого события и при описании своего отношения к УПА и к идее примирения воинов УПА и воинов Советской армии во многих из интервью проявлялись лингвоконфликтологические маркеры идентичностей.

В украинских учебниках доминирующим является нарратив о Второй мировой войне, в некоторых учебниках (например, [54], [55]) в него встроен нарратив о Великой Отечественной войне, а в ряде учебников (например, в [52]) все события излагаются в контексте «Украина в годы Второй мировой войны». В учебнике [52] название «Великая Отечественная война» не упоминается, а события, связанные с периодом 1941–1945 гг., освещаются в параграфах: «Нападение Германии на СССР, неудачи Красной армии в боях на территории Украины 1941–1942 гг.», «Место Украины в планах фашистов», «Установление фашистского оккупационного режима», «Советское партизанское движение на территории оккупированной Украины», «Вооруженная борьба формирований ОУН-УПА в 1941–1944 гг.», «Освобождение Украины». Как видим, внимание акцентируется на военных действиях на территории Украины, хотя упоминается и Сталинградская битва как переломный момент Второй мировой войны.

В табл. 3.3, 3.4 представлены особенности интерпретации событий Второй мировой и Великой Отечественной войны в украинских учебниках, в которых пересекаются два нарратива о Второй мировой войне (доминирующий, основной) и о Великой Отечественной (встроенный в него) [54], [55].

Таблица 33.

Особенности интерпретации событий
Второй мировой войны в украинских учебниках

Учебник (название, год издания и др.)	Мисан В. О. Вступ до історії України: Підручник для 5-го кл. загальноосвіт. навч. закладів. Київ: Генеза, 2005. – 184 с. [54]
Событие рассматривается в параграфе, разделе	Параграф «Война» (с. 151–157). Подпункты: «Начало войны» (о начале Второй мировой войны), «Украина в пламени войны», «Непокоренный народ»
Название события	Вторая мировая война, Великая Отечественная война
Общее описание нарратива и ключевые суждения, характеризующие описание событий	«1 сентября 1939 г. началась нападением на Польшу. Гитлер стремился сначала завоевать Европу, а со временем и весь мир» (с. 151) (т. е. описание событий начинается с начала Второй мировой войны; для сравнения: в «Истории Беларуси» [29] изложение событий войны освещается с 22 июня 1941 г. и только как Великой Отечественной войны). «17 сентября 1939 г. Руководство СССР отдало приказ военным частям перейти польскую границу и взять под контроль Западную Украину» (с. 152). 22 июня 1941 г. «для народа Украины, как и для всех граждан СССР, эта война стала Великой Отечественной, поскольку все – от мала до велика – поднялись на борьбу с врагом» (с. 153). «Успешные наступательные операции советской армии в 1943–1944 гг. принесли освобождение Украине» (с. 154). «Советские вооруженные силы освободили от гитлеровцев не только украинские земли, но и значительную часть Европы, оккупированную в течение войны. Европа и мир были спасены» (с. 155). События описываются кратко, внимание концентрируется на том, как проходит война на территории Украины и какое значение имеет для Украины. УПА упоминается и характеризуется нейтрально, отмечается только сам факт и цели ее существования. «Осенью 1942 г. в лесах Волыни создана Украинская повстанческая армия (УПА). Отряды УПА воевали на два фронта: против нацистских оккупантов и против советских войск и партизан. Они не хотели видеть на украинской земле ни гитлеровцев, ни советской власти» (с. 154). Учитывая краткость описания событий войны, достаточно высокий удельный вес в этом описании фрагмента об УПА. Причем события рассматриваются в параграфе «Непокоренный народ», где описываются сначала партизаны Ковпака, Сабурова, Федорова, затем создание УПА, которая, как отмечается, воевала на два фронта, затем «успешные наступательные операции советской армии 1943–1944 гг. принесли освобождение Украине», затем – 8 мая 1945 г. Германия капитулировала и 9 мая празднуют День Победы. В заключении отмечается, что «дорогой ценой одержал украинский народ свою победу, и это «свою» грамматически отделяет от восприятия победы в войне как общей Победы «советского народа» (что было характерно для советских учебников, и все еще характерно для современных российских и белорусских учебников, а также отображается в интервью харьковчан поколения 2–4 (что будет показано ниже в коллекции кейсов). Хотя дальше и отмечается, что «советские вооруженные силы освободили от гитлеровцев не только украинские земли, но и значительную часть Европы, окупированной в течение войны. Европа и мир были спасены!» Таким образом, в нарративе содержатся внутренние противоречия в изложении.

Конфликт интерпретаций	1. При описании 22 июня 1941 г. не указано, на кого напали немецкие войска и как развивались военные действия. Акцентируется внимание на военных действиях на территории Украины. В результате может сложиться такое впечатление, что Великая Отечественная война была между Украиной и Германией: «Немцы оккупировали Дрогобич, Львов, Луцк, Ровне, Ковель, 7 июля начинается оборона столицы Украины г. Киева, со временем враг оккупировал всю территорию Украины» (с. 152). 2. Конфликт интерпретаций связан также с освещением деятельности УПА (действия УПА трактуются иначе, чем в учебниках истории Беларуси, истории России и истории СССР)
На чем акцентируется внимание?	Рассказ о голосовании крестьян по поводу распределения помещичьей земли (Западная Украина, 1940 г.). «Бабий Яр». Рассказ о жизни и деятельности головного командира УПА Романа Шухевича
Основные конфликты, которые высвечиваются в нарративе	Конфликт между советскими чиновниками и жителями «западноукраинских земель». Конфликт между УПА, советской властью и немецкими войсками.
Участники событий. Герои и антигерои	Участники событий: Германия, Адольф Гитлер, руководство СССР, Западная Украина, Советская армия, народ Украины, евреи, партизанские отряды, подпольные организации (С. Ковпак, О. Сабуров, О. Федоров), УПА Герои: Советская армия, народ Украины, партизанские отряды, подпольные организации. Антигерои: Адольф Гитлер, немцы, оккупанты
Основные оценочные суждения и характеристики	«Однако осень 1939 г. принесла на западноукраинские земли не только радость, но и разочарование. На фоне позитивных преобразований негативные превалировали, поскольку они касались веры людей и их личной свободы» (с. 152). «И снова в Украине появились новые хозяева», «с новыми порядками» (с. 153). «Советская армия – освободители» (с. 154). «Оккупант – человек, который временно пребывает на завоеванной территории и поступает так, как ему хочется или как ему приказывает руководство» (с. 155)

Примечание. Слово «оккупант» употребляется применительно к немецким войскам, в то время как определение этого термина, которое дано в тексте, также применимо к советским войскам, вступившим в Западную Украину 17 сентября 1939 г.

Таблица 3.4.

Особенности интерпретации событий Второй мировой войны в украинских учебниках

Название учебника, год издания, место издания	Калініченко В. В., Рибалка І. К. Історія України. Частина III: 1917 – 2003 рр.: Підручник для історичних факультетів вищих навчальних закладів. – Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 628 с. [55]
Рассматривается в параграфе, разделе	«Украина во время Второй мировой войны», «Украинская СССР накануне нападения войск нацистской Германии», «Нападение немецких войск на СССР. Начало Великой Отечественной войны», «Нацистская оккупация Украины. Освобождение украинских земель от нацистских оккупантов»
Название события	Вторая мировая война, Великая Отечественная война, немецко-советская война 1941 –1945 гг.
Общее описание нарратива	Пакт Молотова–Риббентропа. Начало Второй мировой войны, вступление Красной Армии в Западную Украину (с. 311), «объединение Западной Украины и УССР» (с. 311), «Советизация западно-украинских земель в 1939-1941 гг.» (с. 312). Репрессии, коллективизация. Неудачи, поражения в начале войны. Переломные этапы войны: битва под Сталинградом, Курская битва, указ № 227 («ни шагу назад», как следствие – «штрафные» батальоны, «заградительные отряды» НКВД). Деятельность ОУН-УПА, освобождение Украины советскими войсками от немецких войск. В ходе описания событий подчеркивается, что все неудачи и поражения Красной Армии в начале войны (до переломных моментов: битвы под Сталинградом, Курской битвы) были связаны с некомпетентностью Сталина как Верховного главнокомандующего и его окружения.
Конфликт интерпретаций	Конфликт интерпретаций связан с освещением деятельности УПА (действия УПА трактуются иначе, чем в учебниках истории Беларуси, истории России и истории СССР). Подробно освещается момент, связанный с конфликтом интерпретаций: «Вторая мировая – Великая Отечественная», описывается, как возникло название «Великая Отечественная война»: «Непосредственные участники кровавых боев, среди них и украинцы, боролись против порабощения страны, в том числе Украины, иностранными, нацистскими захватчиками, за родную землю и были уверены, что война, которую они вели, не жалея ни сил, ни жизни, была действительно Великой Отечественной войной. Этот термин встречаем в приказах И. Сталина времен войны. В докладе 6 ноября 1941 г. Сталин называл войну освободительной, справедливой, а в приказе 23 февраля 1942 г. – в день 24-летия Красной Армии – Сталин впервые назвал ее «Отечественной». Позднее, в приказе Верховного главнокомандующего 6 ноября 1944 г. Сталин назвал войну «Великой Отечественной войной». Этот термин закрепился в памяти участников, а поэтому мы называем немецко-советскую войну 1941–1945 гг. – Великой Отечественной войной, рассматривая ее как часть Второй мировой войны» (с. 321). Этот фрагмент можно рассматривать как описание «механизмов опривычивания» названий.

Основные конфликты, которые высвечиваются в нарративе	Конфликт между представителями советской власти (проводивших конфискацию земель помещиков, больших средних и малых предприятий) и народом западно-украинских земель Конфликт между УПА и советской властью, НКВД, партизанами, частями Красной Армии, немецкими оккупантами Поскольку акцентируется, что «. . . отряды УПА и подпольщики ОУН, пользуясь поддержкой местного населения и противопоставляя себя советской власти, Красной Армии, органам НКВД и КГБ, проводили террористические акты против. . . » (с. 357), этот конфликт также является конфликтом между населением Западной Украины и советской властью, НКВД, партизанами, частями Красной Армии
Участники событий. Герои и антигерои	Герои: Красная Армия, советские войска, народ Украины, украинцы, народ СССР, партизаны (С. Ковпак, С. Руднев и др.). Антигерои: нацисты, большевики, сталинское руководство, Гитлер, Сталин
Основные оценочные суждения и характеристики	«...Включение Западной Украины в состав УССР произошло в результате осуществления тайных советско-немецких договоренностей, которые противоречили международным правовым нормам. Однако невольно сбылась мечта украинцев об объединении украинского народа в едином государстве» (с. 312). «В период с 1939 г. по июнь 1941 г. из Западной Украины было депортировано 800 тыс. чел. или приблизительно 10% населения этого региона. Эти преступления большевиков обусловили глубокие антисоветские настроения среди западно-украинского населения, активизацию националистического подполья» (с. 314). «...В неудачах, в катастрофическом положении Красной Армии в начале войны полностью виноваты Сталин и его ближайшее окружение» (с. 321). «Откровенно террористический оккупационный режим стал причиной Движения сопротивления на оккупированных нацистами территориях. В движении сопротивления в Украине было два течения. Одна часть партизан и подпольщиков боролась под лозунгом восстановления советской власти, а другая, преимущественно в Западной Украине, выступала за создание независимого соборного Украинского государства» (с. 333). «Изгнание немецко-фашистских войск из Западной Украины не принесло мира этому краю. Рассматривая советские войска как оккупантов, военные подразделения УПА развернули партизанскую борьбу, известную под названием бандеровщина, которая продолжалась до середины 1950-х гг.» (с. 357)

Остановимся подробней на особенностях освещения деятельности УПА в современных украинских учебниках, поскольку именно вопросы об УПА связаны с различными интерпретациями (это ярко проявляется в интервью львовян и харьковчан и будет проиллюстрировано далее).

В учебнике «История Украины» [55] отмечается, что ОУН (Организация украинских националистов) ставила задачу обретения Украинского независимого соборного государства. «Поскольку препятствием в осуществлении этой задачи были Польша и СССР, а Германия явно готовилась к войне против этих государств, руководители круга ОУН надеялись, что именно с помощью немцев они смогут выполнить свои намерения» [55, с. 338]. Затем отмечается, что Гитлер имел твердое намерение превратить Украину в колонию рейха и не считал необходимым даже соз-

давать видимость Украинского государства. «По его приказу уже 5 июля правительство Стецька было разогнано. Тогда же в Кракове был арестован С. Бандера, 9 июля во Львове был заключен в тюрьму Я. Стецько. Обоих депортировали в Берлин и после допросов отправили в концлагерь в Заксенхаузен» [55, с. 340]. Мотивация борьбы «на два фронта» характеризуется следующим образом: «Лидеры ОУН(б) оценивали войну между СССР и Германией как «борьбу двух империализмов за овладение Украиной» и считали необходимым выступать против обоих «империализмов» – Берлина и Москвы. Поэтому ОУН-УПА развернули борьбу как против немецко-фашистских оккупантов, так и против советских партизан и частей Красной Армии» [55, с. 341].

Цели борьбы ОУН-УПА характеризуются следующим образом: «Члены ОУН боролись за уничтожение большевистской и нацистской системы в организации сельского хозяйства, за бесплатную передачу крестьянам западных украинских областей всех помещичьих земель, за то, чтобы крупная промышленность была национально-государственной собственностью, а мелкая – кооперативно-общественной, за участие работников в руководстве заводами, за общий восьмичасовой рабочий день, за свободный труд, за свободу слова, мысли, убеждений, за равенство всех граждан Украины» [55, с. 351].

Следует заметить, что во всех современных учебниках истории Украины «борьба ОУН-УПА» рассматривается как составная часть движения сопротивления в тылу фашистов, борьба за независимость Украины. Анализируются внутренний конфликт в ОУН, внутрифракционная борьба, мельниковцы и бандеровцы. Характеризует оценку деятельности УПА следующий фрагмент учебника «История Украины»: «Активизация действий УПА в западных регионах Украины вызвала беспокойство не только у немецкого, но и у советского командования, поскольку повстанцы становились «третьей силой», которая пыталась удержать под своим контролем значительные территории. Многочисленные кровавые стычки с советскими партизанами свидетельствовали, что УПА хотела охватить как можно больше украинских земель и ни с фашистами, ни с большевиками власть делить не собиралась. Чтобы не выпустить ситуацию в западноукраинских землях из-под контроля в августе 1943 г. по приказу советского командования из Беларуси в район Ковеля и Любомля было перекинуто 2 тыс. советских партизан, но, потеряв в противостоянии с повстанцами около тысячи человек, эти формирования

были вынуждены отступить. О намерении УПА утвердиться как «третьей силе» свидетельствует статистика: только в октябре-ноябре 1943 г. она провела 47 боев против немцев и 54 боя против советских партизан» [55, с. 478–479]. Таким образом, в современных украинских учебниках истории участие УПА рассматривается как участие в войне «третьей силы», воевавшей за независимость Украины, что совпадает и с доминирующим в украинских СМИ подходом к освещению этой проблемы, с представлениями, отображенными в интервью львовян, но противоречит многим из высказываний харьковчан, в особенности представителей поколений 3 и 4 (подробней об этом – в параграфе 3. 4).

В современных российских учебниках события войны, как правило, рассматриваются как «Великая Отечественная война», именно об этом дан развернутый нарратив, хотя упоминается, как это связано с событиями Второй мировой войны в целом. В некоторых из учебников рассматриваются во взаимосвязи Вторая мировая и Великая Отечественная война, в частности, название раздела в одном из российских учебников [24] звучит так: «Вторая мировая... Великая Отечественная».

УПА в российских учебниках истории либо не упоминается вообще, либо упоминается с такой оценкой: «Оккупационные власти предприняли попытки привлечь на свою сторону националистические силы на Украине и в Белоруссии. Однако их стремление хотя бы внешне дистанцироваться от немцев привело к тому, что их лидеры (подобно Бандере и Мельнику на Украине) были даже на некоторое время арестованы. И хотя формально организация украинских националистов (ОУН) провозгласила борьбу на два фронта (против немцев и против Советов), на самом деле все их усилия были направлены на борьбу с Красной Армией, а многие из них добровольно служили в эсэсовской дивизии «Галичина», участвуя в карательных операциях» [24].

В большинстве учебников истории Беларуси события войны рассматривается как «Великая Отечественная война» в разделах «Беларусь в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1941–1953)» [28], «Беларусь в годы Великой Отечественной войны» [29]. Подчеркивается, что это «война народов Советского Союза за свою свободу и независимость» [29], отмечается массовый героизм советских воинов, героическая борьба партизан, подчеркивается, что «невосполнимые жертвы принес белорусский народ на алтарь Победы в Великой Отечественной войне» [29, с. 387].

В качестве одной из задач в учебнике [28] названа следующая: «обозначить вклад белорусского народа в достижение победы над фашизмом», но доминирует рассмотрение этого события как общей борьбы и общей победы всего советского народа («Великую Отечественную войну вели и выиграли все народы Советского Союза» [28]).

В современных белорусских учебниках истории УПА не упоминается, а применительно к Белоруссии в некоторых учебниках говорится о том, что «на коллаборационистский путь стали те, кто всегда составлял оппозицию советской власти и делал ставку на Германию (в том числе и после прихода в ней к власти фашистов)», «...на правом фланге этих сил находилась белорусская национал-социалистическая партия (белорусские фашисты)» и это противопоставляется общему сопротивлению белорусов «антинародному, антибелорусскому оккупационному режиму», «массовому героизму советских воинов в сопротивлении врагу» и героической партизанской борьбе как «патриотической борьбе против захватчиков».

В советских учебниках события войны рассматриваются в разделе «Великая Отечественная война», о какой-либо третьей силе (УПА и др.) или о неоднородности в восприятии советской власти ничего не упоминается, события излагаются как «великое единство народов СССР» в борьбе с врагом, «интернациональное единство народов СССР в суровых испытаниях войны» [56]. В учебнике «История СССР» отмечается, что, «развязывая войну против Советского Союза, гитлеровцы возлагали большие надежды на непрочность многонационального советского государства. Но ход событий опрокинул расчеты врага, показал их полную несостоятельность. В борьбе с фашистскими захватчиками росло и крепло политическое, военное и экономическое сотрудничество советских социалистических наций. Интернациональное единство народов СССР в суровых испытаниях войны продемонстрировало всему миру свою несокрушимую силу. Советский общественный и государственный строй явился основой единства народов СССР в справедливой освободительной борьбе. Это единство скреплялось кровью, отвагой и героизмом советских людей» [56, с. 72].

Таким образом, в украинских учебниках как справедливая борьба рассматривается и борьба Советской армии с фашизмом, и борьба Украинской повстанческой армии, а в современных белорусских и российских учебниках – борьба всех, кто воевал против советских войск, считается

несправедливой, борьба советских войск и советского народа оценивается как справедливая. Это демонстрирует различное видение одной и той же ситуации в разных системах координат оценки исторических событий. В определенной мере это отображает специфику современных социальных изменений в различных постсоветских странах.

Общее построение нарратива в белорусских и российских учебниках во многом похоже и напоминает построение нарратива в советских учебниках – исчезли только лозунги и идеологемы и изменились оценки ряда отдельных событий (степень готовности к войне, значение пакта Молотова–Риббентропа и др.).

В качестве основных вопросов, ответы на которые порождают конфликт интерпретаций при сопоставлении описаний событий Второй мировой и Великой Отечественной войны в различных учебниках в разные эпохи, можно выделить следующие:

1. Внимание акцентируется на рассмотрении «Второй мировой» или «Великой Отечественной» войны?

2. Рассматривается ли «третья сила» в войне и как оцениваются ее действия (например, УПА)? Здесь присутствует соотношение «советизация – борьба за независимость».

3. Каково отношение к «советской власти» и «Красной Армии» в контексте событий войны?

4. Как описываются (и описываются ли вообще) события до начала войны и начало войны (готовность к войне, пакт Молотова-Риббентропа, присоединение западных земель)?

В целом, проведение нарратив-конфликтологического анализа фрагментов текстов, освещающих события Великой Отечественной и Второй мировой войны показал, что в учебниках истории Украины основным является нарратив о Второй мировой войне, а нарратив о Великой Отечественной или отсутствует, или встроен в него. В учебниках истории Беларуси доминирующим является нарратив о Великой Отечественной войне (так же, как и в учебниках истории СССР). В современных российских учебниках истории представлены различные варианты: доминирование нарратива о Великой Отечественной войне, пересечение двух нарративов (о Великой Отечественной и Второй мировой). При этом в характеристиках нарратива, оценочных суждениях, высвечиваемых конфликтах, определяющих характеристики нарратива,

фиксируется общность белорусских и российских учебников и их отличие от украинских учебников истории.

Основные результаты нарратив-конфликтологического контент-анализа

Анализ учебников и учебных пособий по истории, рекомендованных для обучения в школах и вузах в СССР, России, Украине и Беларуси в период с 1918 г. по 2005 г., а также некоторых учебных пособий для обучения в школах и училищах в Российской империи (в период с 1835 г. по 1917 г.) позволяет обнаружить, что по радикальности изменений в описании ряда ключевых исторических событий сопоставим переход от дореволюционного изложения истории к послереволюционному в начале XX в. и от советского к постсоветскому периоду в конце XX – начале XXI в. по следующим критериям: 1) изменение системы координат нарратива изложения (какие события считать ключевыми); 2) изменение названий, вплоть до категорического неприятия (например, неприятие термина «воссоединение» Украины с Россией при освещении событий, связанных с Переяславской радой 1654 г. можно заметить при переходе от советских к современным украинским учебникам); 3) иной перечень конфликтов, стоящих за описанием ключевых событий; 4) иная оценка этих событий и конфликтов (в том числе субъектов конфликта, последствий конфликта, способов манифестирования конфликтов, способов отстаивания конфликтных интересов, последствий конфликтов и др.). Причем изменения нарративов в современном переходе от советских учебников к российским менее ярко выражены, чем от советских к украинским. Таковы основные различия содержательного плана. В способах же и формах изложения материала обращает на себя внимание то, что для учебников, вышедших вскоре после революции 1917 г., характерна гораздо большая эмоциональность, открытое название в резкой форме тех или иных представителей, для современных – меньшая эмоциональность, хотя порой также достаточная выраженность оценочных высказываний посредством упоминания лишь вскользь (как несущественных) ряда событий, которые в прежних учебниках рассматривались как важные, а также выражение этой «несущественности» в самом изменении названия или в меньшем акцентировании внимания на некоторых событиях посредством ради-

кального изменения структуры учебника, сворачивания одних нарративов и развертывания других.

Нарратив-конфликтологический контент-анализ учебников истории, позволяет выявить степень расхождения в становлении различных идеологических доктрин, явно или скрыто присутствующих при изложении событий истории, характерных для перехода от общего преподавания истории СССР к преподаванию истории в постсоветских странах; это связано с тенденциями социальных изменений в различных регионах Пограничья. Заметим также, что резкое изменение нарративов о конфликте является конфликтогенным фактором, аналогично тому, как резкое изменение ценностей и установок может провоцировать агрессию.

3.3. О трех событиях, связанных с конфликтом интерпретаций: по материалам интервью

Проанализировав основные характеристики легитимного дискурса, рассмотрев особенности представлений о трех событиях, вызывающих наибольшую полемику по поводу их интерпретаций, обратимся к материалам интервью, проведенных в Харькове и Львове в период с ноября 2005 г. по март 2006 г., в ходе которых, во-первых, был задан вопрос о том, *какие события вызывают наибольшую полемику по поводу их интерпретации*, а во-вторых, респондентам было предложено охарактеризовать каждое из трех событий: войну 1941–1945 гг., Переяславскую раду и революцию 1917 года.

Кроме того, эти три события респонденты часто называли при ответе на вопрос: «*Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми*», хотя номинации их при этом были различны для представителей того или иного поколения, а также для представителей Восточной и Западной Украины. Как было названо каждое из этих событий и как характеризовались герои и антигерои? Что стоит за этими характеристиками? Каковы совпадения и различия в представлениях о событиях?

Попробуем ответить на эти вопросы, осуществляя путь от нарративов представителей старшего поколения, многие из которых были свидетелями событий XX в. (поколение 4), к поколению, воспитанному в рамках советского дискурса (поколение 3), к поколению, заставшему в период обучения в школе и вузе и историю СССР, и историю Украины

(поколение 2), затем – к поколению современных студентов (поколение 1), изучающему историю Украины в ее современном варианте. Выбраны и наиболее типичные описания событий, характерные для различных поколений львовян и харьковчан, некоторые из фрагментов интервью с экспертами (но так как они оказались носителями типичных поколенческих характеристик, то большинство интервью экспертов представлены как поколенческие высказывания, хотя там, где это стало выражением экспертной позиции, указывалась экспертная принадлежность). Кроме того, в экспертной группе как харьковчан, так и львовян, были представлены руководители национально-культурных обществ как носители ярко выраженных, а порой полярных позиций по ряду вопросов. Носителями крайних позиций порой оказывались и эксперты, не являющиеся руководителями национальных обществ. В любом случае, крайние позиции как «отклоняющиеся» от типовых суждений выделяются в ряду кейсов и им будет дана дополнительная интерпретация.

В ходе проведения углубленных проблемно-ориентированных интервью вопрос о том, какие события респондент считает наиболее значимыми, ставился в первой части, а вопрос об интерпретации трех значимых событий – во второй части интервью. Такое расположение вопросов позволяло услышать, как называет события сам респондент, не назвав эти события, и в значимых, как уже отмечалось выше, зачастую оказывались и Переяславская рада, и революция 1917 г., и события Второй мировой и Великой Отечественной войны. В следующей коллекции кейсов помещены некоторые из ответов, полученных при характеристике трех значимых событий, но этот ряд дополняется характеристиками, которые содержатся в кейсах, представленных в разделе 4, поскольку именно в нем анализируется взаимосвязь трех значимых событий и маркеров идентичностей. Комментарии к кейсу даются по ходу изложения. При написании обобщающего комментария (дан в конце параграфа) материалом для анализа послужили и кейсы, представленные в разделе 3, и кейсы, представленные в разделе 4, и кейсы, которые не опубликованы в этой работе (сформированные коллекции кейсов невозможно представить в полном объеме в рамках этой монографии).

Здесь и далее все высказывания приводятся дословно, так как оттенки разговорной речи передают эмоциональное отношение к проблеме, а зачастую именно в «шероховатостях» разговорной речи наиболее ярко проявляются лингвоконфликтологические маркеры идентичности.

Фрагменты текстов интервью на украинском языке снабжены переводом. Элементы текста, которые могут рассматриваться как характеристики языка конфликта и лингвоконфликтологические маркеры идентичностей, в ряде кейсов выделены жирным шрифтом. Язык конфликта в данном случае выступает прежде всего как средство интерпретации.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

КЕЙС 3.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

По революции, здесь понятно... **Исключительно повезло, что нашелся человек, настоящий лидер, вождь** в самом, так сказать, широком смысле слова, который сумел повести за собой и убедить очень многих... Ну, собственно говоря, **это единственная революция, которая без посторонней помощи победила, без вмешательства**, будем говорить... Ну, я не говорю о деньгах, которые там немцы давали. Это мелочно, в общем-то, так сказать, на общем фоне. Без вмешательства извне сумела победить, и образовалось государство, которое просуществовало достаточно долго. И могло бы и дальше, наверно, существовать. То есть человек, у которого отсутствовал всякий этот догматизм, начетничество, который мыслил сегодняшними категориями; и если то, что он говорил вчера, сегодня это дело, так сказать, не шло во вред, он от этого отказывался и не стеснялся в этом признаваться. Это основная беда большинства политиков, которые боятся признаться в своих ошибках, вот. Собственно говоря, **гибель Советского Союза** и произошла из-за причин вот этих вот, догматизма всех этих лидеров идеологических. А что стоил только этот самый НЭП? Это вообще невероятно совершенно было. Ну, а Брестский мир? Нужно было иметь, не знаю даже, что нужно было иметь (смех), какие способности всевозможнейшие. Конечно, к числу героев революции безусловно нужно отнести того же Троцкого...

Ну, а антигерои здесь, по сути дела, вот получились, явились не просто те, которые сопротивлялись, вели активную борьбу, тот же, допустим, Деникин в этом. Он, так сказать, был убежденным. Он воевал за свое дело и тут трудно его, так сказать, считать антигероем. Скорее всего, **антигероями были всевозможные соглашатели** (смех). Те, которые, так сказать, вроде как бы либо поддерживали, а на самом деле всего боялись, либо, наоборот, выступали против, на словах были против, а на самом деле ничего не делали. То есть как всегда...

Изменились ли названия?... **Раньше это понятно, что это революция, революция. А сейчас очень часто говорят «Октябрьский переворот»**

КЕЙС 4.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Жовтень 17-го року – це є чисто російське явище. Цей Жовтень – то не є соціалістична революція, то був переворот, державний переворот. І навіть є така підозра (тому того Керенського і залишили в спокої, бо в іншому випадку Сталін його… *(нерозбірливо)* так, як він це робив): Керенський, по суті, побачив, що він управляти Росією не може, і не тільки він не може, а ніхто не може, і тої Росії ніхто не врятує вже так, як хотіли врятувати. Царя не врятують, не повернуть його – то є неможливо. Створити якусь державу: республіку, демократичну, ще якось – це також вже неможливо, бо **пішов такий хаос,** Ви ж бачите все, двовладдя творилося – це є історична правда. То були по всьому, знаєте, такі думки – я цим не займався, я не історик, – що він просунув ці справи, що треба здати, і нехай більшовики беруть у свої руки, а там далі буде видно. Вони єдині здатні зберегти – і зберегли, вони зберегли. Бо якби вони хотіли зберегти тими методами й тими способами, які були б *не* більшовицькими, їм би не вдалося. Тоді всі ці сили народні, вже революція…

А зберегти від кого?

Не те що від кого зберегти, а **зберегти від розпаду Росію! Розумієте?** Тому це є, безперечно, був крок, щоби таким чином до влади допустити ті сили, які могли би втримати ту Росію. Там – Колчак, там – Денікін, там – ще інші, розумієте, висунулися діячі. Ну, звичайно, що це були спроби такі, щоби захопити владу, поновити все це. Там були й критичні ситуації, що Ленін був і в пастці, були такі ситуації, що Ленін був у страшній розпуці, бо не знав, що з собою робити, метався від стіни до стіни. Але якось вдалося йому це зробити різними способами, аби це врятувати. Ну, і почалася, звичайно, нова політична якби санація Росії. Росію вони робили такою, якою хотіли робити.

А тепер щодо України. **В Україні *не* було Жовтневої революції**. В Україні була українська держава вже, Українська Народна Республіка. Значить, ніхто не робив ніякої революції, бо не було… Тоді, **коли зробили революцію в Росії (тобто чи це революція, чи це переворот, бо й самі росіяни говорять, що це переворот),**

Октябрь 17-го года – это чисто русское явление. Этот Октябрь – это не социалистическая революция, это был переворот, государственный переворот. И даже есть такое подозрение (поэтому того Керенского и оставили в покое, так как в противном случае Сталин его … *(неразборчиво)* так, как он это делал): Керенский, по сути, увидел, что он управлять Россией не может, и не только он не может, а никто не может, и той России никто не спасет уже так, как хотели спасти. Царя не спасут, не вернут его – это невозможно. Создать какое-то государство: республику, демократическую, еще как-то – это также уже невозможно, так как **пошел такой хаос,** Вы же видите все, двоевластие совершалось – это есть историческая правда. Это были потом, знаете, такие мысли – я этим не занимался, я не историк, – что он продвинул эти дела, которые надо сдать, и пусть большевики берут в свои руки, а там дальше будет видно. Они единственные способны сохранить – и сохранили, они сохранили. Так как если бы они хотели сохранить теми методами и теми способами, которые были бы *не* большевистскими, им бы не удалось. Тогда все эти силы народные, уже революция…

А сохранить от кого?

Не то что от кого сохранить, а **сохранить от распада Россию! Понимаете?** Поэтому это, бесспорно, был шаг, чтобы таким образом к власти допустить те силы, которые могли бы удержать ту Россию. Там – Колчак, там – Деникин, там – еще другие, понимаете, выдвинулись деятели. Ну, конечно, что это были попытки такие, чтобы захватить власть, возобновить все это. Там были и критические ситуации, что Ленин был и в ловушке, были такие ситуации, что Ленин был в страшном отчаянии, так как не знал, что с собой делать, метался от стены к стене. Но как-то удалось ему это сделать разными способами, лишь бы это спасти. Ну и началась, конечно, новая политическая как бы санация России. Россию они делали такой, какой хотели делать.

А теперь относительно Украины. **На Украине *не* было Октябрьской революции**. На Украине было украинское государство уже, Украинская

то в Україні того не робили, бо держава була інша. Тому ту державу треба було завойовувати. І тоді тут почали творити: находити тут в себе таких-то на Україні людей, які могли би внутрі робити, ну і разом з тим посилати з Росії нелегально, але на Київ посилати війська. І це робили: і на Київ, і т. д., і т. д. Ну, а по тому **тут почали появлятися нові сили**. Ці сили тут були Українська галицька армія. Бо там **коли треба було творити українську армію, і Міхновський Микола говорив у Центральній Раді, що треба творити, ну то дехто, соціалісти особливо, соціал-демократи: «Не треба! Ми з братами, Росією, бо там же соціалісти, домовимося». Ну, коли вже до влади прийшли ленінці, то зрозуміли, що вже з братами-соціалістами не домовляться, що вже скінчилося все.** Ну і тоді 4-й Універсал появився в Україні: про незалежність держави. Ну, сталося, – незалежна держава. А де армія? Тоді, коли можна було армію створити, її не створили, бо «ми з братами домовимося».

А тоді, як стало ясно, що з братами не домовимося, бо то не ті «брати», нема з кого армії творити, а йшли цілі полки. Ну, й тут почалося: там щось зробив Петлюра, там ще хтось почав робити щось. **Ну, то то вже творилося вже не для захисту української держави, а для історії, фактично.**

Але тут була сила... Коли галицька армія з Денікіним, з поляками отут сперлася, тут уже ми побачили, що тут вони не втримають цього, ну тоді генерал Тарнавський на нараді: «Куди йдемо?» – каже. «Ми йдемо на Київ». – Пішли на Київ. Це Українська галицька армія. Прийшли на Київ, з Києва усіх тих вигнали. Аж горіло, як тікало старший брат. Ну, частково до Росії, а решта туди далі, поки не опинилися в Харкові, Вашій столиці. І там вони почали творити *уряд* свій за вказівкою Володимира Ілліча Леніна... Зробили – і почалася нова колотнеча, і тривала, боролися, тут всякі маніпуляції робили. Тут Махно десь з'явився, тут знов десь Денікін з'явився знову... Отакий балаган почав творитися в Україні, що, по суті справи, вже невідомо що. Ну, і то все розвалилося.

По тому Українська галицька армія поверталася назад, ну, а вже Польща була, ну, то то вже їх всіх інкримінували, роззброїли, ну частково тримали в таборах, по тому розпустили по домах, ну, а частково перейшли вони до Румунії, і в Румунії і Петлюра, і всі йшли до Румунії... І на тому скінчилося.

Народная Республика. Значит, никто не делал никакой революции, так как не было... Тогда, **когда сделали революцию в России (т. е. или это революция, или это переворот, так как и сами россияне говорят, что это переворот), то в Украине этого не делали, так как государство было другим. Поэтому то государство надо было завоевывать. И тогда здесь начали вытворять: находить здесь у себя на Украине людей, которые могли бы внутри делать, ну и вместе с тем посылать из России нелегально, но на Киев посылать войска.** И это делали: и на Киев, и т. д., и т. д. Ну а после **здесь начали появляться новые силы**. Эти силы были Украинская галицкая армия. Так как там **когда надо было создавать украинскую армию, и Михновский Николай говорил в Центральной раде, что надо создавать, ну так кое-кто, социалисты особенно, социал-демократы: «Не надо! Мы с братьями, Россией, так как там же социалисты, договоримся». Ну, когда уже к власти пришли ленинцы, то поняли, что уже с братьями-социалистами не договорятся, что уже кончилось все.** Ну и тогда 4-й Универсал появился на Украине: о независимости государства. Ну, свершилось – независимое государство. А где армия? Тогда, когда можно было армию создавать, ее не создали, так как «мы с братьями договоримся».

А тогда, как стало ясно, что с братьями не договоримся, так как это не те «братья», не из кого армии создавать, а шли целые полки. Ну, и здесь началось: там что-то сделал Петлюра, там еще кто-то начал делать что-то. **Ну, то то уже совершалось уже не для защиты украинского государства, а для истории, фактически.**

Но здесь была сила...Когда галицкая армия с Деникиным, с поляками тут столкнулась, здесь уже мы увидели, что здесь они не выдержат этого, ну тогда генерал Тарнавский на совещании: «Куда идем?» – говорит. «Мы идем на Киев». – Пошли на Киев. Это Украинская галицкая армия. Пришли на Киев, из Киева всех тех выгнали. Аж горело, как убегал старший брат. Ну, частично в Россию, а остальные туда дальше, пока не оказались в Харькове, Вашей столице. И там они начали создавать *правительство* своё по указанию Владимира Ильича Ленина... Сделали – и началась новая передряга, и продолжительная, боролись, здесь всякие манипуляции делали. Здесь Махно где-то появился, здесь снова где-то Деникин появился снова... Такой балаган начал твориться в Украине,

Ну **а Україна була завойована,** тобто, я вважаю. **Була завойована російськими нормальними, регулярними військами – Червоною Армією.** Ніхто із того секрету не робив. А Антанта... Хто такі Антанта? На їх совісті це все, на їх, бо коли звернувся Петлюра за допомогою, то вони нічого не відповіли. Навіть не відповіли: дамо/не дамо, – нічого не відповіли. Ну, а стріляти, треба ж кулі якісь, ну, захищатися треба ж якось, але ж не було. Наступ там якийсь чи щось – не було. І все стало тоді зрозуміло. Антанта підтримала Польщу. Пілсуцький, що домовлявся із Петлюрою, зрадив: домовився з Леніним, з більшовиками, кордон встановили, віддав Ленін Галичину, там ще частину Волині, Полісся, Вільно... Віддав, Ленін всім віддавав. Все... Угода, все зробили, як має бути. І вийшов дуже плачевний стан для української держави – вона розпалася.

Ну, тільки важливим є те, що вона все-таки з'явилася на історичній арені і **заманіфестувала, що є такі – українці, що ті українці здатні між собою об'єднатися все-таки**. Ну, але то було тільки політичне. А рятували – то галичани рятували, та навіть цього Петлюру то галичани захищали: він не міг довіритися своїм хлопцям зі східних областей, з рідних – він не вірив (могли кожного ранку вбити, кожної ночі). Галичани захищали... Ну, як ті хлопці були у моєму селі, то розповідали.

Отака доля, отак вийшло... Бачте, яке маємо. **А в історії показують так, що начебто була революція Жовтнева і хаос в нас робився... У нас не могло бути революції навіть, у нас держава була. Завойована – то так.**

что, по сути дела уже неизвестно что. Ну, и то все развалилось.

После этого Украинская галицкая армия возвращалась назад, ну, а уже Польша была, ну, то то уже их всех инкриминировали, разоружили, ну, частично держали в лагерях, а после распустили по домам, ну, а частично перешли они в Румынию, и в Румынии и Петлюра, и все шли в Румынию... И на том кончилось.

Ну, **а Украина была завоевана,** т. е., я считаю. **Была завоевана русскими нормальными, регулярными войсками – Красной Армией.** Никто из этого секрета не делал. А Антанта... Кто такие Антанта? На их совести это все, на них, так как когда обратился Петлюра за помощью, то они ничего не ответили. Даже не ответили: дадим/не дадим, – ничего не ответили. Ну, а стрелять, надо же пули какие-то, ну, защищаться надо же как-то, но не было. Наступление там какое-то или что-то – не было. И все стало тогда понятно. Антанта поддержала Польшу. Пилсудский, который договаривался с Петлюрой, предал: договорился с Лениным, с большевиками, границу установили, отдал Ленин Галицию, там еще часть Волыни, Полесье, Вильно... Отдал, Ленин всем отдавал. Все... Соглашение, все сделали, как должно быть. И вышло очень плачевное состояние для украинского государства – оно распалось.

Ну, только важным является то, что она все-таки появилась на исторической арене и **заманифестировала, что есть такие – украинцы, что эти украинцы способны между собой объединиться все-таки**. Ну, но то было только политическое. А спасали – это галичане спасали, и даже этого Петлюру то галичане защищали: он не мог довериться своим ребятам с восточных областей, с родных – он не верил (могли каждое утро убить, каждую ночь). Галичане защищали... Ну, как те ребята были в моем селе, то рассказывали.

Такая судьба, так вышло... Видите, как оно. **А в истории показывают так, что будто бы была революция Октябрьская и хаос у нас творился... У нас не могло быть революции даже, у нас государство было. Завоеванное – это да.**

КЕЙС 5.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Україну відірвати від світового контексту не хотілося би, бо ми частина, так би мовити, загальноісторичного прогресу цивілізаційного. Як на мене, як на мене, то без... значить, найбільш трагічною подією, яку я вважаю, – це є те, що називалось глумливо Великою Жовтневою соціалістичною революцією. Це, дійсно, трагічна подія. Може, якби не було її, то щось би інше сталося, але ця подія, тобто переворот більшовицький у Санкт-Петербурзі з подальшим захопленням більшовиками влади на території всієї Російської імперії. От. Це чорна сторінка в історії людства, бо вона призвела до появи фашизму, нацизму німецького та Другої світової війни зі всіма наслідками, які вона, в свою чергу, породила.

Украину оторвать от мирового контекста не хотелось бы, так как мы часть, так сказать, общеисторического прогресса цивилизационного. Как по мне, как по мне, то без... значит, наиболее трагическим событием, которое я считаю, – это есть то, что называлось насмешливо Великой Октябрьской социалистической революцией. Это, действительно, трагическое событие. Может, если бы не было ее, то произошло бы что–то другое, но это событие, т.е. переворот большевистский в Санкт-Петербурге с дальнейшим захватом большевиками власти на территории всей Русской империи. Вот. Это черная страница в истории человечества, так как она привела к появлению фашизма, нацизма немецкого и Второй мировой войны со всеми последствиями, которые она, в свою очередь, породила.

КЕЙС 6.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

Для меня это не Октябрьский переворот, как сейчас многие пишут, а Великая Октябрьская социалистическая революция, героями которой являются те, кто ее совершили. Идеологом революции был Владимир Ильич Ленин, а непосредственным организатором – Лев Троцкий. Он был председателем военно-революционного комитета – ВРК. Штурм Зимнего дворца, восстание в других городах и потом борьба с белогвардейцами. Здесь большая роль принадлежала Троцкому. Но, разумеется, не только ему одному. Героев было много. И для меня она такой же останется. И вот что интересно – за границей совсем не то отношение, я могу говорить объективно, потому что я не был ни комсомольцем, ни коммунистом. За границей более объективное отношение к нашей истории, чем у некоторых из нас. Там Ленин и сейчас считается великим деятелем истории, а Карл Маркс – крупным теоретиком-экономистом, т. е. никто не пере-

черкивает как личностей ни Ленина, ни Карла Маркса. Их труды издаются за рубежом большим тиражом. **И с этим было связано и возрождение России как индустриальной державы, и развал колониальной системы, и восьми-часовой рабочий день, который стал повсеместным, и даже в западных странах стали вводить, потому что там не желали повторения той революции, которая была у нас.** Вообще, **событие эпохальное**, которое наложило отпечаток на буквально весь мир. И сейчас последствия мы ощущаем.

Что касается антигероев, то есть такое выражение, что **революция пожирает своих героев**. Так было и во время Великой французской революции, ведь были же казнены все участники этой революции впоследствии. То же произошло и у нас. Антигерой – это Сталин, который пробрался к власти и затем начал уничтожать тех, кому принадлежала огромная роль в победе революции. Это Сталин, Берия и их ближайшее окружение. И погибли все, причем не только руководство, но и рядовые участники.

КЕЙС 7.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ

Ну, та революція була – царя далой. Народ піднявсь так само, як у нас отут. Точно то саме. То саме. А в тій події Ви би кого назвали героєм і антигероєм? Хто там був героєм і антигероєм, на Вашу думку? Ну 17-й рік, жовтень 17-го року.Я знаю, хто там? Я вже так не пам’ятаю тих всяких «дєятєлів».	Ну, так революция была - царя долой. Народ поднялся так же, как у нас тут. Точно то самое. То же самое. А в том событии Вы бы кого назвали героем и антигероем? Кто там был героем и антигероем, на Ваш взгляд? Ну 17-й год, октябрь 17-го года.Я знаю, кто там? Я уже так не помню тех всяких «деятелей».

КЕЙС 8.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

Переворот. То ж была царская власть, монархия, а потом у власти стал Политбюро, совсем другая власть. И родители называли переворот. Царское время, советское время.

А можно выделить героев и антигероев?

Конечно. Все герои красные, а антигерои белые (смеется). Ну, а если серьезно, то настоящие герои, по-моему, погибли все. Настоящий герой, он в первую очередь лезет в драку**. Герои – бедные люди, которые шли за свою власть, за рабоче-крестьянскую.**

А влияет это событие на современность? Имело значение для истории?

Для истории – конечно. Планировалась пролетарская революция на весь мир. Спрашивали: «Когда кончишь войну?» «Когда победит всемирный пролетариат»

А как по учебникам назывались эти события?

Ну как, «революция», «Взятие Зимнего дворца». Смольный был занят курсистками, пулеметчицами, под Москвой разгромил их казачий полк...

Краткий комментарий по кейсам поколения 4 о революции 1917 года (Харьков, Львов)

1. В оценках харьковчан поколения 4 доминирует позитивная оценка событий революции 1917 г., в то время как в оценках львовян доминирует отрицательная оценка этих событий.

2. Несмотря на доминирующую позитивную оценку революции 1917 г. харьковчанами, они ко многим моментам, связанным с этим событием, относятся неоднозначно и рефлексируют по этому поводу, в то время как у львовян отрицательные оценки однозначны.

3. Харьковчане поколения 4 воспринимают события революции 1917 г. как события «своей» истории, истории «своего народа», в то время как львовяне поколения 4 воспринимают эти как российское явление, которое имело для Украины негативные последствия, некоторые из респондентов г. Львова подчеркивают, что в Украине была в это время «украинская революция», которая описывается в соответствии с дискурсом современных учебников истории Украины.

КЕЙС 8А.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

Великая Октябрьская социалистическая революция. Ну, это по времени было, Великая – это придание уже такого значения, социализм – это по идеологии... Мне кажется, что вот это выражение, которое в наше время... о революции ходит, когда задумывают благородные люди... выполняют эту революцию одержимые, а негодяи пользуются плодами. Оно что-то уж очень похоже во время социалистической революции... Ну, наверно, человек так устроен, я просто не верю. Вот отшельнику, монаху, некоторому священнослужителю я еще могу поверить, что он искренен, а вот те люди, которые дорываются до власти... это такое колоссальное испытание для человека, ну, не может человек устоять против него.

...Это... вообще-то, **это событие страшно своими последствиями, потому что после него была гражданская война, когда брат против брата, или там отец против сына идет, когда рабочий, такой же рабочий, против крестьянина, который своим трудом зарабатывал и кормил семью...** кстати, в царское время один рабочий содержал многодетную семью, работая один. В принципе, возможности человека утвердиться ведь были. А как в царское время из простых крестьян были купцы, как эти люди продвинулись все. Значит, с помощью труда, да, можно все-таки было стать... И не такое ж это было и губительное, вообще-то, время было. В царское время царь не мог так любого расстрелять, и все остальное. А потом, это же империя, это царь, это традиции, это обычаи, мораль какая-то обязательно соблюдалась. Не думаю, что это было такое жестокое время. Вот время царизма, монархии этой абсолютной. *(Пауза, вздох)* Сама роль этого события, вот если говорить, чего больше, чего меньше, я думаю, что можно было такой крови и не проливать... ее последствия и гражданская война, когда общество расслоилось... И не проливать... **Можно было и смену власти сделать более спокойно, и не так трагично для народа всего.**

А кто был участниками события?

Участники были все. Это такое было большое общественное событие, кризис общества... Это основное.

И крестьянин был... основные участники? Ну, если говорить о массе, то это народ. *(Смех.)* А если говорить о лидерах, то, естественно, это единицы были. Все-таки народ – это был основной участник событий, но они настолько... по-ля-ри-зовалось общество, что... **уже друг против друга шли:**

рабочий против рабочего шел, солдат против солдата шел, крестьянин против крестьянина. Это ж какую идеологию надо было потом привести, чтобы человек, который работал в поле, ну, крестьянин зажиточный был, за то, что он хорошо работал, не ленился, он, ну, естественно, он жил получше, его называли кулаком и раскулачивали. Это же... это как же так можно было извратить саму суть? И отец еще говорил: тот, который, говорит, ходил по селу, на него все пальцем показывали... Это что значит? Ну, человек *нездатна людина, непрацьовита, ледаща (прим. – укр.)* и так далее, да. То есть ничто. Человек в обществе социально выброшенный был. Так они попадали в комитеты бедноты и шли раскулачивать. Как же надо было все это повернуть, чтобы вот так вот строить общество. Поэтому, естественно, если главные действующие лица – это все буквально люди. Но они настолько по-разному видели это событие... **Это бессмысленное убийство людей было, непонятно даже во имя чего. Спровоцировать можно было, используя тяжелое время.** Да, после войны этой, японской войны, событие, когда Россия потерпела поражение. Но Столыпин же ведь привел Россию уже к 13-му – 15-му году, привел уже... ну, восстановил уже падение России. Столыпинская реформа, особенно земельная, она подняла Россию, потому что сельское хозяйство было преобладающим, т. е. население сельское. Ну-у, я не думаю, что это было необходимо. Участники потеряли все.

А кто герои, антигерои, на Ваш взгляд, в этом событии?

(Пауза, вздох.) Герои – те, кто несли идею социализма. Это красивая идея. И самое главное с помощью хороших умных людей идея социализма в Швеции живет, работает, э-э, люди довольны, сыты, никто никого не убивает за это, не казнит. В Австрии – это ж социалистическая республика, немецкое государство исторически. Оказывается, идеи социализма не такие уж плохие. Да, вот, идеи очень были хорошие, красивые. Я думаю, что они заслуживают внимания. Но реализовали их настолько кроваво, жестоко, что они потеряли всякий смысл, и ничего из этого хорошего не получилось. ...И результатом всего этого был советский строй. Много в нем было правды, патриотизма очень много было, но настолько убито было... вот личность, настолько ее общественность давила личность эту, вот. Ну, прежде всего думай о Родине, а потом, известно, о себе. Чувство коллективное – это прежде всего, а потом – твое и так далее. Кто высовывался, кто высовывался, его немедленно забивали, как гвоздь, например, в каблуке, который раздражал хозяина. Было убито чувство хозяина, собственника, иници... любая инициатива, вообще-то, ну, она там поддерживалась всячески для того, чтоб хорошо выглядеть, движения всякие... Стахановское движение – это ини-

циатива, да, хороший человек, трудился, но там столько было показухи, поверьте мне, я знаю, потому что я сам работал тогда... Да, политически это было нужно, но так же ж нельзя извращать. То есть все превращалось, не знаю, какими-то методами в такое нереальное, нехорошее и некрасивое. В общем, спекулировали на сознании людей. То, что каждый человек потерял, он потерял, прежде всего... он не мог защитить свое достоинство, он не мог сказать «я», он не мог сказать иначе, чем было принято. А-а мы все так устроены, что обязательно все разные. Это самая большая была потеря... хотя народ и провел как герой эту революцию, но он и потерпел самое настоящее поражение. Все буквально представители этого народа были жертвами этих же собственных действий.

КЕЙС 9.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ

Ну, наприклад, якщо взяти ставлення людей **до Жовтневої революції.** В мене, наприклад, в певні періоди часу, в певні періоди життя до цієї події було **якесь подвійне відношення**, і от навіть в даний момент я розумію, що... Допустимо, основоположник революції Ленін – він в багатьох напрямках був неправим, але от його лідерство і здійснення Великої Жовтневої революції – я це розцінюю, тобто, кажу-ж таки, подвійно; а є люди, які це цілковито засуджують і рахують Леніна злочинцем. Я так не вважаю.

Існують різні назви подій жовтня 1917 року. Як Ви називаєте ці події?

Я їх називаю Великою Жовтневою революцією. Як їх ще називали?.. (не може згадати).

Ну, зрозуміло. Ваша позиція зрозуміла. А тут були герої і антигерої?

Так. Тут були. **Тут героями рахувалися більшовики, які...**

Так, але ваша точка зору?

Моя точка зору. Знаєте, деякою мірою я рахую їх героями тому, що вони теж хотіли змінити життя людей на краще. Вони намагалися, вони хотіли соціальної справедливості, вони хотіли захистити по-

Ну, например, если взять отношение людей **к Октябрьской революции.** У меня, например, в определенные периоды времени, в определенные периоды жизни к этому событию было **какое-то двойственное отношение,** и вот даже в данный момент я понимаю, что... Допустим, основоположник революции Ленин – он во многих отношениях был не прав, но вот его лидерство и свершение Великой Октябрьской революции – я это расцениваю, т. е. говорю же, двояко; а есть люди, которые это полностью осуждают и считают Ленина преступником. Я так не считаю.

Существуют разные названия событий октября 1917 года. Как Вы называете эти события?

Я их называю Великой Октябрьской революцией. Как их еще называли?.. (не может вспомнить).

Ну, понятно. Ваша позиция понятна. А здесь были герои и антигерои?

Да. Здесь были. **Здесь героями считались большевики, которые...**

Да, но ваша точка зрения?

Моя точка зрения. Знаете, в определенной степени я считаю их героями потому, что они тоже хотели изменить жизнь людей к лучшему. Они старались, они хотели социальной справедливости, они хотели защи-

неволеного, скривдженого, бідного, бідну людину, але я рахую їх великою помилкою те, що вони ішли проти Бога, вони не визнавали релігію, вони репресували священиків. Ну і просто, скажемо так, під загальну мітлу, як прийнято казати в народі, змітали і інтелігенцію, і, наприклад, власників великих підприємств. І тим самим вони теж нанесли дуже велику шкоду суспільству в загальному тому, що вони позбавили, на багато, на багато років вони позбавили людей вміння бути господарем. І от ми до цього часу не можемо навчитися бути господарями на своїй землі.

тить порабощенного, обиженного, бедного, бедного человека, но я считаю их большой ошибкой то, что они шли против Бога, они не признавали религию, они репрессировали священников. Ну и просто, скажем так, под общую метлу, как принято говорить в народе, сметали и интеллигенцию, и, например, владельцев больших предприятий. И тем самым они тоже нанесли очень большой вред обществу, в общем, потому, что они лишили, на много, на много лет они лишили людей умения быть хозяином. И вот мы до этого времени не можем научиться быть хозяевами на своей земле.

КЕЙС 9.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Велика Жовтнева соціалістична революція – це було кліше й стереотип радянських часів.

А як Ви це називаєте?

Подія жовтня 1917 року. Крайнє, що тут в істориків Західної України, скажуть, що це був жовтневий переворот. Так що, бачите, чи Велика жовтнева, чи переворот – на мій погляд, це була авантюра більшовицької партії, і я про це можу навіть говорити більш-менш з упевненістю тому, що я писала дипломну роботу як історик про полеміку між Леніним і Бухаріним стосовно подій жовтневих. І Бухарін мав у більшовицьких колах псевдонім Ортодокс. Уся його ортодоксальність полягала в тому, що стояв на боці чистого марксизму, а марксизм виступав за пролетарську революцію, але в світовому масштабі; і, за Марксом, капіталізм мусив дозріти до пролетарської революції. Тому я не дивуюсь, що сучасні дослідники, такі, як Пер Монсон, у цій ситуації каже, що першим опортуністом був не Бернштейн, а був Ленін, тому що він, власне, дуже сильно підправив учення Маркса. І якщо Маркс говорив про світову революцію, то Ленін говорив про можливість перемоги соціалістичної революції в одній окремо взятій країні.

Великая Октябрьская социалистическая – это было клише и стереотип советских времен.

А как Вы это называете?

События октября 1917 г. Крайнее, что тут у историков Западной Украины скажут, что это был октябрьский переворот. Так что, видите, Великая Октябрьская ли, переворот ли – на мой взгляд, это была авантюра большевистской партии, и я об этом даже могу говорить более-менее уверенно потому, что я писала дипломную роботу как историк о полемике между Лениным и Бухариным касательно событий октябрьских. И у Бухарина был в большевистских кругах псевдоним Ортодокс. Вся его ортодоксальность состояла в том, что стоял на стороне чистого марксизма, а марксизм выступал за пролетарскую революцию, но в мировом масштабе; и, по Марксу, капитализм должен был созреть до пролетарской революции. Потому я не удивляюсь тому, что современные исследователи, такие как Пэр Монсон, в этой ситуации говорит, что первым оппортунистом был не Бернштейн, а был Ленин, потому что он, собственно, очень сильно подправил Маркса. И если Маркс говорил о мировой революции, то Ленин

Це колосальна розбіжність у теоретичній частині вчення. А в практичній Ленін був уже й опортуністом у теоретичному плані, в плані політики він був геніальним, тому що він побачив, що існував тільки один день в історії тої країни – Російської імперії, коли можна було захопити владу. У своїх листах (я добре дуже їх вивчала, тому що я вивчала листування Леніна й Бухаріна) Бухарін весь час говорив, що «Ви робите помилку, що ви берете владу», але він *(Ленін – додано за контекстом)* казав: «Вчера было рано, завтра будет поздно. Надо взять сегодня: сегодня власть валяется на улице», й от є така партія, й ми готові взяти владу до своїх рук. Йому Бухарін казав, що він іде всупереч марксизму, а Ленін відповідав (от для мене була знаменита його фраза), він казав, що «не надо ждать, когда власть и государство упадет, надо их подтолкнуть», – й у цьому «подтолкнуть» – уся суть революції, коли власне більшовики просто скористалися нагодою і взяли оцю безхозну владу, захопили й узурпували цю владу.

А потім, до речі, наступила ще одна трагедія, тому що ні Ленін, ні його прибічники не знали, що далі робити; тому що Маркс й Енгельс їх добре навчили, як зруйнувати стару владу, але не залишили жодного нормального раціонального плану побудови нового суспільства. І тим пояснюється, що, захопивши владу й витримавши громадянську війну, більшовики мусили експериментувати. Першим таким експериментом був воєнний комунізм, другим таким експериментом був неп, і обидві ці спроби просто були імпровізацією більшовиків, тому що вони не мали жодного плану, позитивного плану побудови нового суспільства... «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». Так от «разрушить до основанья» вдалося, а «затем» стало викликати труднощі.

Я знайомилася з останніми днями життя Леніна, і я вважаю, що для нього це просто був час відчаю, коли він зрозумів (я думаю, що він таки зрозумів), що те, що вони, більшовики, захопили владу, було величезною помилкою, тому що вони не знали, що з цією владою робити. І тільки треба було, щоб прийшов Сталін, який закрив очі взагалі на всякі сумніви і батогом погнав мільйони людей у світле майбутнє.

говорил о возможности победы революции в отдельно взятой стране.

Это колоссальное расхождение в теоретической части учения. А в практической Ленин был уже и оппортунистом в теоретическом плане, в плане политики он был гениален, потому что он увидел, что существовал только один день в истории той страны – Российской империи, когда можно было захватить власть. В своих письмах (я очень хорошо их изучала, потому что я изучала переписку Ленина и Бухарина) Бухарин все время говорил, что „Вы делаете ошибку, что вы берете власть", но он (*Ленин – добавлено исходя из контекста*) сказал: «Вчера было рано, завтра будет поздно. Надо взять сегодня: сегодня власть валяется на улице», – и вот есть такая партия, и мы готовы взять власть в свои руки. Ему Бухарин говорил, что он идет вопреки марксизму, а Ленин отвечал (вот для меня была замечательная его фраза), он говорил, что «не надо ждать, когда власть и государство упадет, надо их подтолкнуть», и в этом „подтолкнуть" – вся суть революции, когда большевики именно просто воспользовались случаем и взяли эту бесхозную власть, захватили и узурпировали власть.

А потом, кстати, наступила еще одна трагедия, потому, что ни Ленин, ни его сторонники не знали, что делать дальше; потому что Маркс и Энгельс хорошо научили их, как разрушить старую власть, но не оставили никакого нормального рационального плана строительства нового общества. И этим объясняется то, что захватив власть и выдержав гражданскую войну, большевики должны были экспериментировать. Первым таким экспериментом был военный коммунизм, вторым таким экспериментом был нэп, и обе эти попытки просто были импровизацией большевиков, потому что у них не было никакого плана, позитивного плана построения нового общества... «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» Так вот «разрушить до основанья» удалось, а „затем" стали возникать трудности.

Я ознакомилась с последними днями жизни Ленина и считаю, что для него это просто было время отчаяния, когда он понимал (я думаю, что он таки понял), что то, что они, большевики, захватили власть, было большой ошибкой, потому что они не знали, что с этой властью делать. И только надо было, чтобы пришел Сталин, который закрыл глаза на всякие сомнения и кнутом погнал миллионы людей в светлое будущее.

Краткий комментарий по кейсам поколения 3 о революции 1917 года (Харьков, Львов)

Для поколения 3 (львовян и харьковчан) характерна рефлексия по поводу событий октября 1917 г., многогранность оценки, выявление и положительных, и отрицательных сторон события и его последствий. Упоминается название «Великая Октябрьская социалистическая революция» как харьковчанами, так и львовянами. Если говорить об анализе массива интервью в целом, то в нарративах представителей поколения 3 гораздо больше общего в интервью представителей различных регионов (получивших образование в период доминирования «советского дискурса»), чем у поколения 4. Это и восприятие события как «своего», и выявление позитивных и негативных моментов в этом событии (хотя в интервью харьковчан выделяется несколько больше позитивных моментов в событиях октября 1917 г. и значимость этого события подчеркивается в большей мере).

КЕЙС 10.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

Ну, скажем, **не вижу я героев Октября, там сплошной позор**, т. е. скорее всего, читая Климова, еврейскую проблему, читая фамилии создателей революции, а также фамилии ихних матерей, вижу что это все – еврейская масонская проблема, т. е. это не борьба классов, не бунт крестьян, которым плохо живется, или рабочим. Это профинансировано, скажем так, теми же империалистами и немцами, которые постоянно были в противоборстве с Российской империей. Скажем, **героев там нет, одни сплошные негативы.** Ленин, Троцкий, уничтожение белогвардейцев, офицерство и интеллигенты, интеллектуалы, уничтожение даже донских казаков, которые всегда имели свою вольницу, и, скажем, это была охрана императора, причем есть такие факты, что если ловили большевиков в плен, если это были простые селяне, то они получали 10 плетей, и отпускали их домой пахать. Если это были казаки или белые офицеры, которые пришли на службу, то их расстреливали. Когда начались карательные операции большевиков, начали убивать, грабить и насиловать мирное население, тогда уже казаков в плен не брали, т. е. всем известно, что **казаки донские – это прямые потомки запорожских казаков переселенные, там честь была превыше всего. Когда они начали не брать в плен вообще никого, то было понятно, что насолили им очень хорошо**.

КЕЙС 11.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

Когда-то она называлась Великой Октябрьской революцией, сейчас я ее называю октябрьским военным переворотом, красным переворотом... Кучка матросов полувыпивших завоевали Зимний и назвали себя новой властью и их поддержала какая-то часть людей, после чего они более-менее утвердились при власти и **начали всех остальных, кто был не согласен, террором начали загонять в рамки диктатуры пролетариата...** и все. В принципе, это не была массовая революция... да? Где там миллионы людей... это была очень небольшая... **Вообще, есть мнение, что штурма дворца как такового не было...** реально там были какие-то солдаты, даже не солдаты – женщины, которые стояли... эти – вахтенные, они даже и не отстреливались, их просто захватили... и все... Штурма как такового даже не было... **Персонажи только негативные** были: Ленин негативный... самый негативный персонаж... наверное... Ленин... Ну... как отразилось... на современном мире... ну, из-за этого мы глухо отстали от всего цивилизованного мира благодаря этому событию... вот... А на современности, наверное, отразилось тем... ну, наверное, косвенным образом, потому как революция – это было начало... этой эпохи, а 91-й год это был конец этой эпохи и, наверно, **все, что происходило в эти 70 лет, просто генетически отбилось на последние 15 лет, люди просто... ненавидя вот ту власть, которая была и которая их гнобила, они наконец-то захотели и реально осознали свою независимость.**

КЕЙС 12.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Октябрьская революция – это когда «низы» больше не хотели, а «верхи» не могли, т. е., в принципе, старый строй нельзя сказать, что он был плохой до революции, однозначно в нем было много хорошего, ну, общество развивалось и вот именно монархия не могла быстро приспосабливаться к изменениям в обществе, поэтому она пала под действием более организованного и революционно настроенного пролетариата.

В революции, в принципе, чисто абсолютно положительных и абсолютно отрицательных героев вообще нету, это просто мясорубка, т. е. недостатки и преимущества были и у монархического строя и у коммунистов. **Однозначно хороших там не было, просто что коммунисты были сильнее, сплоченней, поэтому они победили**, **там были**

с обеих сторон герои и антигерои, так сказать. Поэтому нам, моему поколению, мне нравятся и белогвардейские песни и революционные песни, меня и то и то за душу берет.

КЕЙС 12А.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Ну, Октябрьский переворот, 17-й год, после того, как в феврале случилась революция и было в Российской империи свергнуто самодержавие, с февраля по октябрь существовало Временное правительство, борьба различных партий за власть, было сформировано из различных представителей различных партий это Временное правительство, но страну лихорадило, потому что страна еще находилась в состоянии войны, была Первая мировая война, вот, и в октябре случился... 25-го по старому стилю, 7 ноября по новому, 17-го года, случился переворот.

Участники – большевики во главе с Лениным. Зиновьев, Каменев, Троцкий.

А партии какие-нибудь?

Ну, это, **партия большевиков, революционеры, которые, собственно говоря, под лозунгами «Долой войну!», потому что Россия действительно находилась в состоянии серьезной войны, и потянули за собой таким образом массы, вот, и путем обещаний, что мир будет и все остальное – народ устал от войны, совершили этот переворот.**

Изменились ли названия этих событий при переходе от советского к постсоветскому периоду. Если да, то с чем Вы это связываете и как к этому относитесь? Как назывались раньше и как сейчас?

Ну, среди трех, что назвал, поменялось только одно: если раньше это была Великая Октябрьская социалистическая революция, то теперь это звучит как Октябрьский переворот. Ну, в прежнем названии был заложен какой-то великий смысл, что это действительно какое-то грандиознейшее... Да оно и было грандиознейшее событие, но по тому сценарию, по которому развивалось, то не что иное как путч или переворот его назвать невозможно. Это было совершено в отдельно взятом городе, и было свергнуто правительство, но еще в рамкой огромной империи, державы, это еще ничего не значило. То есть кучка людей...Ну, действительно, это был переворот...

Краткий комментарий по кейсам поколения 2 о революции 1917 года (Харьков, Львов)

У поколения 2 львовян доминируют негативные оценки события, у харьковчан подчеркиваются как позитивные, так и негативные моменты. Здесь и у львовян, и у харьковчан смешаны оценки как «своего» или «несвоего» события. Особое внимание хотелось бы обратить на следующий фрагмент интервью, который емко выражает восприятие (даже ощущение) событий октября 1917 г. представителями поколения 2 харьковчан («...там были с обеих сторон герои и антигерои, так сказать. Поэтому нам, моему поколению, мне нравятся и белогвардейские песни, и революционные песни, меня и то, и то за душу берет»). Во-первых, здесь ощущается восприятие революции как события и позитивного, и негативного, в котором были и герои, и антигерои. Во-вторых, «нам», «моему поколению» отображает (в терминологии «типовых переменных действия» Т. Парсонса) ориентацию на «коллективизм», а не «индивидуализм»), а также идентификацию с представителями своего поколения. В перспективе планируется анализ всего массива интервью с точки зрения типовых переменных действия. В-третьих, здесь отображены перспективы анализа роли песен в формировании и маркировке идентичностей.

В целом, по всему массиву интервью можно проследить целый ряд моментов, так или иначе выходящих на восприятие песен и их роли в формировании идентичностей и в оценке идентичностей (например, песни об УПА как источник альтернативной информации в советский период для представителей поколения 2 г. Львова). В перспективе планируется развернутое изучение этой проблемы. Весь массив интервью показывает достаточно эмоциональное отношение представителей поколения 2 к этому вопросу, знакомство с литературой, отображающей различные точки зрения на эти события, соотнесение событий революции 1917 года с современными социальными изменениями.

КЕЙС 13.

ПОКОЛЕНИЕ 1, СТУДЕНТКА, ЛЬВОВ

Існують різні назви подій жовтня 1917 року. Як Ви називаєте ці події? Дайте коротку характеристику цієї події, назвіть основних героїв і антигероїв. Яке значення мала ця подія? Як вона співвідноситься із сучасними змінами в суспільстві (у період з 90-х років до сьогодні)? В Радянському Союзі жовтень 1917 року як називався, на Вашу думку?	*Существуют разные названия событий октября 1917 г. Как Вы называете эти события? Дайте краткую характеристику этого события, назовите основных героев и антигероев. Какое значение имело это событие? Как оно соотносится с современными изменениями в обществе (в период с 90-х гг. и по сегодняшний день)? В Советском Союзе октябрь 1917 г. как назывался, на ваш взгляд?*
Перемога... Якось не дуже в цих подіях. Це тоді був період радянської війни, так?	Победа... Как-то не очень в этих событиях. Это тогда был период советской войны, да?
Так, цей період такий, а потім наступив жовтень 1917 року. Що тоді трапилось?	*Да, этот период такой, а потом наступил октябрь 1917 г. Что тогда случилось?*
(*Мовчить.*) Це була перемога радянських військ... так?	(*Молчит.*) Это была победа советских войск... да?
Я натякну трохи. Це коли царя зігнали...	*Я намекну немного. Это когда царя согнали...*
(*Мовчить.*) Це був перерозподіл... Слова такі...	(*Молчит.*) Это было перераспределение... Слова такие...
А на сьогодні от подія – жовтень 1917 року – нічого Вам це не говорить?	*А на сегодня вот событие – октябрь 1917 г. – ничего Вам это не говорит?*
Та не знаю. Мене це не дуже так зачіпає.	И не знаю. Меня это не очень так касается.

КЕЙС 14.

ПОКОЛЕНИЕ 1, СТУДЕНТКА, ХАРЬКОВ

Это революция была в это время, если я помню.

Как Вы называете это событие?

Революция в России, вообще-то.

Дайте краткую характеристику этого события, как бы взгляд со стороны?

Если я точно помню, если не ошибаюсь, то в это время произошла как бы смена власти, смена монархии, если я не ошибаюсь, большевики пришли к власти вместо монархического режима. Я считаю, что это тоже,

на мой взгляд, как бы неправильно, потому что была монархия, была веками сложившаяся структура и управление государством, и вообще, структура сложившаяся и все так враз поменять тоже привело страну, мне кажется, в некоторое время в разруху повергло.

Какое значение имело это событие?

Это событие, оно положило начало формирования как бы в далеком Советского Союза, как бы все вело к этому.

Как оно соотносится с изменениями в современном обществе, в период с 90-х годов по настоящее время?

Начиная с тех событий (не понятно), потом опять была революция, ну, как, не революция, а путч этот в 90-м г. Ну, что и есть отголоском того времени. Получается так, я считаю, началось все с того времени.

КЕЙС 15.

ПОКОЛЕНИЕ 1, СТУДЕНТ, ЛЬВОВ

Існують різні назви подій жовтня 1917 р. Як Ви називаєте ці події? Дайте коротку характеристику цієї події, назвіть основних героїв і антигероїв. Яке значення мала ця подія? Як вона співвідноситься із сучасними змінами в суспільстві (у період з 90-х років до сьогодні)?

А, це коли Центральна Рада була і все решта? *(Зауваження інтерв'юера – ні, назви подій жовтня 1917.)* Що там було? Ви не підкажете, що там було? *(Зауваження інтерв'юєра – революція... царя Миколу II з престолу зняли...)* Можна це питання пропустити? Я не знаю.

Существуют разные названия событий октября 1917 г. Как Вы называете эти события? Дайте краткую характеристику этого события, назовите основных героев и антигероев. Какое значение имело это событие? Как оно соотносится с современными изменениями в обществе (в период с 90-х годов и по сегодняшний день)?

А, это когда Центральная Рада была и все остальное? *(Замечание интервьюера – нет, названия событий октября 1917.)* Что там было? Вы не подскажете, что там было? *(Замечание интервьюера – революция... царя Николая II с престола сняли...)* Можно этот вопрос пропустить? Я не знаю.

КЕЙС 16.

ПОКОЛЕНИЕ 1, СТУДЕНТ, ХАРЬКОВ

Существуют разные названия событий октября 1917 г. Как Вы называете эти события? Дайте краткую характеристику этого события, назовите основных героев и антигероев. Какое значение имело это событие? Как оно соотносится с современными изменениями в обществе (в период с 90-х гг. по настоящее время)?

Революция, да? Ну, просто революция. В учебниках, наверное, тоже просто революция. Я же историю плохо знаю. Октябрьская революция. (*Больше ничего не смог сказать.*)

КЕЙС 17.

ПОКОЛЕНИЕ 1, СТУДЕНТКА, ХАРЬКОВ

Существуют разные названия событий октября 1917 г. Как Вы называете эти события? Дайте краткую характеристику этого события, назовите основных героев и антигероев. Какое значение имело это событие? Как оно соотносится с современными изменениями в обществе (в период с 90-х гг. по настоящее время)?

Ну, Октябрьская революция, ну, в принципе, да и всё. Честно говоря, я уже не помню практически. Очень смутно, не помню.

КЕЙС 18.

ПОКОЛЕНИЕ 1, СТУДЕНТКА, ЛЬВОВ

Існують різні назви подій жовтня 1917 року. Як Ви називаєте ці події?

Жовтнева революція (*сміється*).

Ви називаєте це Жовтнева революція, так? А що тоді відбулося і хто тут є героєм, антигероєм?

...Ну, тоді відбувся перелом влади. До влади прийшли більшовики, якщо я не помиляюся. Можливо, я призабула.

Ну, як Ви пам'ятаєте, хто був героєм, антигероєм?

...Це в той час, коли Ленін приходив до влади? Він герой чи антигерой? Це взагалі погана ідея була з цим більшовизмом (сміється). Не знаю, хто тут герой. Тут все якось не до розвитку йшло. Потім ще був... Не знаю, можливо, якщо переглянути це все, перечитати, а так зараз думки не зосереджені.

Существуют разные названия событий октября 1917 г. Как Вы называете эти события?

Октябрьская революция (*смеется*).

Вы называете это Октябрьская революция, да? А что тогда произошло и кто здесь является героем, антигероем?

...Ну, тогда произошел перелом власти. К власти пришли большевики, если я не ошибаюсь. Возможно, я призабыла.

Ну, как Вы помните, кто был героем, антигероем?

...Это в то время, когда Ленин приходил к власти? Он герой или антигерой? Это вообще плохая идея была с этим большевизмом (смеется). Не знаю, кто здесь герой. Здесь все как-то не к развитию шло. Потом еще был... Не знаю, возможно, если просмотреть это все, перечитать, а так сейчас мысли не сосредоточены.

КЕЙС 19.

ПОКОЛЕНИЕ 1(СТУДЕНТКА), ЛЬВОВ

Ви тільки що згадали таку постать, як Ленін. Як Ви її сприймаєте? Як „герой", „антигерой"? Що це була за подія?

Ми його на журналістиці вивчаємо як літератора, який зробив більш–менш вклад в журналістику.

А які роботи в журналістиці його?

Він... Це його думка на рахунок журналістики. Ми зараз його вивчаємо... Молоді викладачі не згадують про це, то вже більш старші. Просто своє бачення.

А що це була за людина? Ви щось знаєте про нього?

Так, знаю. Це був... теж диктатор. Ну, не знаю. Добре нічого про нього не можу сказати, то треба жити в той час, щоб конкретне щось сказати про нього. Ну, я можу конкретно сказати про когось теперішніх, а так... я дуже багато читала: дуже багато суперечливостей на рахунок його постаті.

А в яких подіях він брав участь, не пам'ятаєте?

Ну так, взагалі я не дуже пам'ятаю.

Вы только что вспомнили такую фигуру, как Ленин. Как Вы ее воспринимаете? Как „герой", „антигерой"? Что это было за событие?

Мы его на журналистике изучаем как литератора, который внёс более или менее вклад в журналистику.

А какие работы в журналистике его?

Он... Это его мысль насчет журналистики. Мы сейчас его изучаем... Молодые преподаватели не упоминают об этом, это уже более старшие. Просто свое видение.

А что это был за человек? Вы что-то знаете о нем?

Да, знаю. Это был... тоже диктатор. Ну, не знаю. Хорошего ничего о нем не могу сказать, это надо жить в то время, чтобы конкретное что-то сказать о нем. Ну, я могу конкретно сказать о ком-то из современных, а так... я очень много читала: очень много противоречий на счет его фигуры.

А в каких событиях он принимал участие, не помните?

Ну да, вообще я не очень помню.

Краткий комментарий по кейсам поколения 1 о революции 1917 года (Харьков, Львов)

Основная характерная черта всех нарративов – слабая информированность об этом событии (в особенности в интервью львовян), доминирование представлений о событии как о российском, негативная его оценка, отсутствие интереса к этому событию (в особенности это характерно для интервью львовян).

КЕЙС 20.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

...Думаю, что для развития государства оно вообще никакого значения не имело, поскольку государство возникло спустя очень, очень, очень много лет в этом самом, и не было, если бы не произошло этого так называемого соединения, или как там ни называй, государство украинское в принципе в тот момент не могло образоваться, не было исторической возможности в тот момент образоваться украинскому государству. Это так или иначе, съели бы либо поляки, либо там, ну, в то время либо та же Россия, либо, может быть, те же, так сказать, и турки частично бы прибрали вместе с Крымом. Почему – это отдельный вопрос, и трудно его, так сказать, анализировать. Значит, Переяславская рада, безусловно, был серьезный этот в истории, для истории, так сказать, украинского народа, конечно, это было очень серьезное событие, крупное, и оно безусловно, я думаю, сыграло очень большую роль. Нет. То есть оно должно было произойти подобное событие. Оно могло произойти, либо, допустим, заключили такую же унию с Польшей, могло и так быть, т. е. тогда бы, конечно, как-то история развивалась иначе. Как? Это гадать, собственно, какие гадания на кофейной гуще? Ну, говорят, что история не допускает сослагательного наклонения. *(Смех.)* Так что здесь в этом предполагать, что бы было. Но то, что подобная Рада должна была бы быть, т. е. Украине нужно было выбрать все-таки, к кому прислониться. Не было ей возможности существовать самостоятельно. Да, после того, как она примкнула, так сказать, к России, конечно, дальше история развивалась определенным образом. И в конце концов оно привело к сегодняшнему дню. Что бы было в этом? Не знаю.

КЕЙС 21.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ, РУКОВОДИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

К Переяславской раде относятся и относились по-разному. Например, Тарас Григорьевич Шевченко – вот полное собрание – относился крайне отрицательно. Он говорил такие слова «Чи ти був, Богдане, п'яний?», потому что он считал, что было покончено со свободой Украины, и Украина стала частью Российской империи. Это было действительно так. Потом последовала ликвидация – при Екатерине Второй – Запорожской Сечи и других

Сечей. А зачем нужны были эти автономные формирования государству? С единой властью, с единой армией. Причем формирования с ярко выраженным бунтарским духом, это же понятно. Но у Богдана Хмельницкого другого выхода не было. Вначале он опирался на собственные силы в борьбе против Польши, которая владела большей частью Украины, в некоторых сражениях с поляками украинцы одержали славные победы, однако сама Украина не могла разгромить Польшу и избавиться от ее власти, потому что Польша была одной из мощнейших империй того времени. Поэтому Богдан Хмельницкий опирался то на крымских татар, то на турок, а те часто изменяли, потому что у них были свои интересы. К кому было обращаться за помощью? Единственная сила, которая и по вере своей, и благодаря всемогуществу могла помочь победить Польшу, была только Россия. Поэтому Богданом Хмельницким во время этого соглашения были оговорены и условия автономии Украины. Вначале они соблюдались, а потом перестали соблюдаться – кому они были нужны там? У Богдана Хмельницкого иного выхода не было, иначе поляки опять установили бы свою власть, вырезали бы всех, и самым жестоким образом. Но Россия вначале долго колебалась, потому что прийти на помощь Украине – это значит быть втянутым в войну с таким могучим государством, как Польша, но в конце концов Переяславская Рада состоялась, договоренность была принята, и Россия вступила в войну с поляками, и только благодаря этому Украина избавилась хотя бы на части своей территории от польского ига... Короче говоря, Переяславская рада исторически была предопределена, и значение только положительное, иначе бы Украина находилась под пятой иностранных завоевателей в ту эпоху. Это единственный был выход из ситуации. Что еще мог сделать Богдан Хмельницкий? Он правильно и разумно поступил. Автономия вначале соблюдалась-таки.

КЕЙС 22.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ, РУКОВОДИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

...Як на мене – нефахівця, не історика, громадянина, людини, яка просто цікавиться в міру своїх можливостей і часу... В цілому, це негативна, і причому самітно негативна сторінка, чи мітка, в історії української, в українській історії. Безперечно, епоха була неймовірно складна, неймовірно складна. Козацтво, очолюване Богданом Хмельницьким і його соратниками, вело, ну, надгероїчні най найуспішніші бої, боротьбу з польською королівською державою, ну, зрештою, громадянами якої вони були. Ось. Бо гноблення на місцях було непосильне. Це гноблення було і соціальне, і релігійне. І тому тут, так би мовити, спокусливо було для козацької верхівки, для козацького керівництва знайти ну, так би мовити, позбутися оцього важкого впливу, панування польської Речі Посполитої. Ну, але, але, очевидно, ми зараз можемо, маючи вже за собою скільки там – триста – років сумного досвіду панування Російської імперії, яке поступово наступало. Що напевно втрат Україна зазнала непомірно більших, ніж вона, я так смію заявити, ніж вона була б зазнала, якщо б такої угоди, як Переяславська рада, не було би. Бо... Російська імперія, мені так видається, в порівнянні з Речі Посполитою королівською, – це утвір був значно реакційніший, значно реакційніший. Попри всі, так би мовити, утиски, яких зазнавало українство, ми мали певний бар'єр. Цей бар'єр полягав в тому... Навіть релігійний фактор відігравав. Бо ті народи, які, так би мовити, від Росії відрізнялися чи то мовою, чи то релігією, мали більше шансів, будучи в межах тої імперії, зберігати свою самобутність. Скажемо, прибалтійські народи – різким бар'єром є мова. Або я розмовляю по-естонськи – я естонець, або я розмовляю по-російськи – це вже значить, що я русифікуюся. Отже, оцінка негативна однозначно, починаючи від того, як твердять історики, що самі угоди, так би мовити, дух угод не був виконаний. Не був дотриманий російською стороною, ну, а те, що було докон... довершене далі – уже за часів Петра Першого, за часів, значить, скажемо так, під Полтавою. Дальше вже стало зрозуміло, що мова йде на цілковите зросійщення цих земель. Ну, за часів Катерини Другої, не говорячи вже про XIX століття, український народ

...Как на мой взгляд – неспециалиста, не историка, гражданина, человека, который просто интересуется в меру своих возможностей и времени... В целом, это отрицательная, и причем заметно отрицательная страница, или метка, в истории украинской, в украинской истории. Бесспорно, эпоха была невероятно сложной, невероятно сложной. Казачество, возглавляемое Богданом Хмельницким и его соратниками, вело, ну, сверхгероические, сверхуспешные бои, борьбу с польским королевским государством, ну, в конце концов, гражданами которой они были. Вот. Так как угнетение на местах было непосильное. Это угнетение было и социальное, и религиозное. И потому здесь, так сказать, соблазнительно было для казацкой верхушки, для казацкого руководства найти ну, так сказать, избавиться этого тяжкого влияния, господства польской Речи Посполитой. Ну, но, но, очевидно, мы сейчас можем, имея уже за собой сколько там – триста – лет печального опыта господства Российской империи, которое постепенно наступало. Что определенно потерь Украина испытала непомерно больше, чем она (я так смею заявить), чем она бы испытала, если бы такого соглашения, как Переяславская рада, не было бы. Так как... Российская империя, мне кажется, в сравнении с Речью Посполитой королевской, – это образование было значительно более реакционным, значительно более реакционным. Вопреки всем, так сказать, притеснениям, которые испытывало украинство, у нас был определенный барьер. Этот барьер заключался в том... Даже религиозный фактор играл роль. Так как те народы, которые, так сказать, от России отличались то ли языком, то ли религией, имели больше шансов, будучи в пределах той империи, сохранять свою самобытность. Скажем, прибалтийские народы – резким барьером является язык. Или я разговариваю по-эстонски – я эстонец, или я разговариваю по-русски – это уже значит, что я русифицируюсь. Итак, оценка отрицательная однозначно, начиная с того, как твердят историки, что сами соглашения, так сказать, дух соглашений не был выполнен. Не был соблюден русской стороной, ну, а то, что было завершено дальше – уже во времена Петра Первого,

просто входив як частина «веліково»... ну, малороси. «Малая Расія». І були, звичайно, губернії, як і по всій Росії. Ну, з усіма наслідками – з нищенням усього українського, з забороною вже дальше, дальше половина XIX століття там почалося вже заборона друкування і тому подібне українською мовою. Церква була зросійщена, а в Російській імперії церква від імператорського двору була невіддільна. Це були, так би мовити, два символи одного і того самого деспотизму – з одного боку, імператорський двір, з другого боку – синод, верхівка церковна. Ну, не хотів би поганих слів говорити, але російське православ'я було просто... воно було доброю слугою, вірною послідовною слугою імперських, імперських домагань імператорів Росії. Негативно, та Господи, дальше стало зрозуміло – висмоктавши все позитивне, що можна було взяти від України – я маю на увазі освічених людей, – і так дальше потім Україна перетворилася у таку собі провінцію. Якби це просто в провінцію, а зросійщення – ну, дало ті плоди, яких ми не можем позбутися і до сьогоднішнього дня.

во времена, значит, скажем так, под Полтавой. Дальше уже стало понятно, что речь идет о полнейшем оруссении этих земель. Ну, во времена Екатерины Второй, не говоря уже о XIX столетии, украинский народ просто входил как часть «великого»... ну, малороссы. «Малая Россия». И были, конечно, губернии, как и по всей России. Ну, со всеми последствиями – с уничтожением всего украинского, с запретом уже дальше, дальше половина XIX столетия – там началось уже: запрет печатания и тому подобное на украинском языке. Церковь была орусена, а в Русской империи церковь от императорского двора была неотделима. Это были, так сказать, два символа одного и того же деспотизма – с одной стороны, императорский двор, с другой стороны – синод, верхушка церковная. Ну, не хотел бы плохих слов говорить, но русское православие было просто... оно было добрым слугой, верным последовательным слугой имперских, имперских домогательств императоров России. Отрицательно, да Господи, дальше стало понятно – высосав все положительное, что можно было взять с Украины – я имею в виду просвещенных людей, – и так дальше потом Украина превратилась в такую себе провинцию. Если бы это просто в провинцию, а оруссение – ну, дало те плоды, от которых мы не можем избавиться и до сегодняшнего дня.

КЕЙС 23.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Респондент – эксперт, который занимается активной общественной деятельностью, связанной с пропагандой украинского языка и культуры, в интервью – крайняя позиция, текст насыщен характеристиками языка конфликта

...6 років війни. Хмельницький був у дуже страшній ситуації: то не просто, що справа так, – то щось треба їсти, якесь господарство, ну а всі – на війну, бо то була 600-тисячна армія (на ті часи то взагалі...). Ну то як: то жінки самі-то поля не можуть обробити. Що які там наші жінки є, що такі працьовиті, що всі колгоспи на них трималися, але то неможливо було. Йому потрібна була передишка, внутрішня, потому – зовнішньополітична, щоб оці справи господарські якось вийшли, політичні, громадянські; щоби то вже стабілізувати: куди йти. З Польщею воює. Ну, то нема до кого йти. Він

...6 лет войны. Хмельницкий был в очень страшной ситуации: это не просто, что дело так, – это что-то надо есть, какое-то хозяйство, ну а все – на войну, так как это была 600-тысячная армия (по тем временам это вообще...). Ну это как: то женщины сами-то поля не могут обработать. Что какие там наши женщины есть, которые такие трудолюбивые, что все колхозы на них держались, но то невозможно было. Ему нужна была передышка, внутренняя, затем – внешнеполитическая, чтобы эти дела хозяйственные как-то вышли, политические, гражданские; чтобы это уже стабилизи-

хотів союз із Швецією, але Швеція щось вагалася і сюди, і туди... Потім навіть він хотів аж десь до Італії там з тими саме... – нічого не виходить. Ну, до кого було далі? З кримським, турецьким султаном... Можна було зробити, і тяжко то було, але, знову ж таки, тут почала діяти інша справа, що він, Хмельницький, веде до бусурманів православних християн. А татари, які були васалами цього ж султана турецького, ну та щороку під весну нападали на Україну, наших дівчат забирали в ясир, кого попали там під руки. Ну, тепер самі дівчата їдуть туди, не треба їх брати в ясир – це трагедія національна знову ж стає. Розумієте, бо їхні діти тут ще мали якось жити, то сім'я назад перетворюється – то вже страшна річ. Та не тільки тут – у різних... Злочин то є. Ну, і куди?

І тут його весь час патріархи оці східні, що приїздили до Росії, до Москви за грішми, їхали на Україну, ну і все з ним щось там говорили потрохи. Ну, і так йому весь час натякали на те, щоби до Росії. Ну, він отак врешті думає так: ну, на якийсь час можна мати союз з Росією, щоби таким чином перепочити, ну, а далі можна свою самостійну лінію вести і бути в добрих відносинах з Росією. Але російський цар – «собиратель русских земель», він трошки інакше дивився (я про це пишу в книжці, там буде). «Собиратель», ну а якщо він «собиратель», ну і таким чином на Україну дивився з власного боку. Хмельницький так дивився, а той дивиться, як хижак: аби взяти. Двоголовий орел вхопить в свої кігті – і будь здоров.

Але Хмельницький не дається. Самостійність, все – він все це застеріг. І тепер виявляється, що Хмельницький (там якісь акти були підписані, і ніхто не знає, де ті акти: вони пропали, чи їх знищили, чи як – я не знаю, бо нема)... Тепер присяга – Переяславська присяга. Ну, Хмельницький каже, що і сам має присягнути, а цар ніколи не присягає. От тоді Хмельницький зрозумів, з ким має справу, бо він мав справу з польським королем, але польський король присягав на вірність народу, якому він служить, а народ йому присягав – взаємна присяга була, ну це ж була цивілізована держава, а там – тиранія, деспот. Бог на небі, цар на землі... А ти хто? Холоп – от і все. То Хмельницький присягає, а той не присягає. Ну, вже все ясно стало.

Ну, це стало ясно так, що ця Переяславська рада, той акт був розрахований Хмельницьким на те, що він буде мати якусь політичну, економічну і соціальну користь для своєї держави, яку він творив, та передишка в цих відношеннях послужить

ровать: куда идти. С Польшей воюет. Ну, то не к кому идти. Он хотел союз со Швецией, но Швеция что-то колебалась и сюда, и туда... Потом даже он хотел аж где-то в Италию там с теми... – ничего не выходит. Ну, к кому было дальше? С крымским, турецким султаном... Можно было сделать, и тяжело было, но, опять-таки, здесь начал действовать другой принцип, что он, Хмельницкий, ведет к басурманам православных христиан. А татары, которые были вассалами этого же султана турецкого, ну и каждый год весной нападали на Украину, наших девушек забирали в ясырь, кого попали там под руки. Ну, теперь девушки сами туда едут, не надо их брать в ясырь – это становится национальной трагедией. Понимаете, так как их дети здесь еще должны были как-то жить, то семья назад превращается – это уже страшная вещь. И не только здесь – в разных... Это преступление. Ну, и куда?

И здесь его все время эти восточные патриархи, которые приезжали в Россию, в Москву за деньгами, ехали на Украину, ну и все с ним что-то там говорили понемногу. Ну, и так ему все время намекали на то, чтобы к России. Ну, он так наконец думает, так: ну, на некоторое время можно встать в союз с Россией, чтобы таким образом отдохнуть, ну, а дальше можно свою самостоятельную линию вести и быть в добрых отношениях с Россией. Но русский царь – «собиратель русских земель», он немножко иначе это видел (я об этом пишу в книжке, там будет). «Собиратель», ну а если он «собиратель», ну, и таким образом на Украину смотрел с собственной стороны. Хмельницкий так смотрел, а тот смотрит, как хищник: лишь бы урвать. Двуглавый орел ухватит в свои когти – и будь здоров.

Но Хмельницкий не дается. Самостоятельность, все – он все это предостерег. И теперь оказывается, что Хмельницкий (там какие-то акты были подписаны, и никто не знает, где те акты: они пропали, или их уничтожили, или как – я не знаю, так как нет)... Теперь присяга – Переяславская присяга. Ну, Хмельницкий говорит, что и сам должен присягнуть, а царь никогда не присягает. Вот тогда Хмельницкий понял, с кем имеет дело, так как он имел дело с польским королем, но польский король присягал на верность народу, которому он служит, а народ ему присягал – взаимная присяга была, ну это ж было цивилизованное государство, а там – тирания, деспот. Бог на небе, царь на земле... А ты кто? Холоп – вот и все. Это

зміцненню тої держави, відпочинку цього народу. В нього були добрі наміри. І не наміри, щоби таким чином вже заздалегідь Україну перетворити в державу селян. Ні! Але цар по-іншому подивився і повів політику, і тут почав серед нашого брата шукати таких, які йому мають служити. А таких служак легко знайти: тому дав, тому, тому... Так само робилося це, як і сьогодні робиться, той самий метод. Тому все обернулося для України дуже поганими наслідками, поганими наслідками. XVI, XVII, ще навіть початок XVIII століття – Україна була найбільш освіченою частиною в східній Європі, а вже XVIII–XIX століття – все було закрите. Мандрівники приїжджали, ще коли Хмельницький був, ну то приїжджали й арабські, різні такі мандрівники східні, італійці, з Західної Європи приїздили. То пишуть, що українські дівчата в *селі* йдуть до церкви з молитовниками – вони вміють читати, писати, вони... (Бо там різні молитви, запам'ятовували. Але тепер інші молитви, то нема такого...) Каже: і вони їх читають, і шляхетські панночки були заздрісні, бо не мали такої освіти, як ці дівчатка. Вони були вже на цей час освічені. А по тому що? Перетворили їх у тягло. Ну, та то вийшло так. А вийшло чому: самі ми винні.

То не тільки старший брат так нам робив: вони робили, бо в них були свої інтереси. А де *ми* були? Чому ми своїх інтересів?. А чому Пушкар з'являється? А чому з'являються інші зрадники? Чого? Коли бо постав вже, ну, хотів на якусь позицію стати Мазепа, ну то чого сходу його 3 тисячі козаків зрадили? Проти нього – чого? 3 тисячі – це *сила* була козацька. Ну, от і маємо. Ото і в тій раді були такі: хотів добре чоловік, а по тому раптом він почав хворіти, почав занепадати, то півроку – він умер. Ну, значить, по тому так подейкували, ну вже й тепер дехто так, знаєте, лікарі так вивчають, що його просто отруїли. Бо його хотіли отруїти: поляки хотіли отруїти, ну а то ті хлопці знайшли можливість іншу. Йому підсунули таку дію. Розумієте, кого забити, замордувати можна, а кого отруїти можна.

Хмельницкий присягает, а тот не присягает. Ну, уже все ясно стало.

Ну, это стало ясно так, что эта Переяславская рада, тот акт был рассчитан Хмельницким на то, что он будет иметь какую-то политическую, экономическую и социальную пользу для своего государства, которое он создавал, и передышка в этих отношениях послужит укреплению того государства, отдыху этого народа. У него были добрые намерения. И не намерения, чтобы таким образом уже заранее Украину превратить в государство крестьян. Нет! Но царь иначе смотрел и повел политику, и здесь начал среди нашего брата искать таких, которые ему должны служить. А таких служак легко найти: поэтому дал, поэтому, поэтому...Так же делалось это, как и сегодня делается, тот же метод. Поэтому все обернулось для Украины очень плохими последствиями, плохими последствиями. XVI, XVII, еще даже начало XVIII в. – Украина была наиболее просвещенной частью в Восточной Европе, а уже XVIII–XIX вв. – все было закрыто. Путешественники приезжали, еще когда Хмельницкий был, ну, так приезжали и арабские, разные такие путешественники восточные, итальянцы, из Западной Европы приезжали. Это пишут, что украинские девушки в *селе* идут в церковь с молитвенниками – они умеют читать, писать, они... (Так как там разные молитвы, запоминали. Но теперь другие молитвы, так нет такого...) Говорит: и они их читают, и панночки из шляхты были завистливые, так как не имели такого образования, как эти девочки. Они были уже к этому времени просвещенные. А потом что? Превратили их в тягло. Ну, и то вышло так. А вышло почему: сами мы виноваты.

Это не только старший брат так нам делал: они делали, так как у них были свои интересы. А где *мы* были? Почему мы свои интересы?. А почему Пушкарь появляется? А почему появляются другие предатели? Чего? Когда уже стал, ну, хотел на какую-то позицию стать Мазепа, ну, то почему его три тысячи казаков предали? Против него – почему? Три тысячи – это *сила* была казацкая. Ну, вот и имеем. Вот и в том совете были такие: хотел человек хорошо, а потом вдруг он начал болеть, начал слабнуть, то полгода – он умер. Ну, значит, потом так болтали, ну уже и теперь кое-кто так, знаете, врачи так изучают, что его просто отравили. Так как его хотели отравить: поляки хотели отравить, ну, а то те ребята нашли возможность другую. Ему подсунули такую штуку. Понимаете, кого забить, замучить можно, а кого отравить.

КЕЙС 24.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ
РУКОВОДИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

Это событие имело громадное значение для нашей государственности, другое дело, что оно впоследствии было извращено. В умах русских людей была мысль собирания земель, но она не имела доктрины. Доктринально к этому подошел только Иван Третий, когда сказал, что я самодержец всея Руси. Говоря это великому литовскому князю – там у тебя мои народы – это мои народы, я Рюрикович, я суверен на этой земле. Когда происходила Переяславская Рада, Алексей Михайлович, хотя ему и подсказали идею собирания русских земель, уровень его образования и понимания тех событий, недостаточно был хорош. Вот он сказал: «Я готов пролить кровь свою и своей армии, чтобы освободить Константинополь от турецких захватчиков», но у него не было мысли о том, что я хочу освободить русский народ от польского владычества. Известно, что начиная с 1648 г. Богдан Хмельницкий неоднократно обращался к русскому правительству с просьбой принять их в подданство. И эти все игрища по поводу договора просто несостоятельны. Несостоятельны, потому что Богдан Хмельницкий не мог знать в то время, что существуют еще какие-то отношения, кроме подданства. Он был подданным польского короля, он мог стать подданным турецкого султана, или крымского хана, или русского царя. Все. Других вариантов у него быть не могло. Другое дело, что он мог говорить о каких-то правах в рамках этого государства. Русское правительство неоднократно отказывало Богдану Хмельницкому, потому что понимало, что речь идет о войне. А у русских вопрос о войне решался всем миром. И в 1653 г. состоялся Собор, где были выслушаны заявления Богдана Хмельницкого с просьбой о подданстве и о том, что если вы нас не примете, то мы пойдем к крымскому хану или турецкому султану. Мы, православные, к вам обращаемся, а вы нас не поддерживаете. Это, кстати, типично для русских – отсутствие коллективной солидарности. *(Говорит о несоблюдении прав русских в современных условиях.)* Переяславская рада – одно из тех величайших событий, которое привело к расцвету государства русского, с этого момента русское государство, причем здесь и великороссы, и малороссы...

...Я удивляюсь, что в историографии все время педалируется одно и то же слово: «Воссоединение Украины с Россией». Посмотрите документы. Найдите слово «Украина». Не было этого.

А кто объединялся с Россией?

С Россией объединялся русский народ. На польских землях жили польские русские. Вы не обратили внимание – у польского режиссера, который ставит исторические фильмы – «Огнем и мечом» и т. д. – там князь Вишневецкий еще называется «воевода русский». И вообще, историю объективно изучать с точки зрения юриспруденции – а ну как они сами себя называли? Как в документах обозначались?

КЕЙС 25.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Що Ви могли б розповісти про таку подію історії, як Переяславська рада? Дайте коротку характеристику цієї події, оцініть значення для розвитку держави.

Что Вы могли бы рассказать о таком событии истории, как Переяславская рада? Дайте краткую характеристику этого события, оцените значение для развития государства.

Ну, знов-таки Переяславська рада... Візьміть версію офіційну: Богдан Хмельницький – герой. Візьміть вірші, неопубліковані вірші, Шевченка – один із них починався: «Якби ж то ти, Богдане, п'яний...». Тобто от вам знов різні версії.

Ну, опять-таки Переяславская рада... Возьмите версию официальную: Богдан Хмельницкий – герой. Возьмите стихи, неопубликованные стихи, Шевченко – один из них начинался: «Если бы ж ты, Богдан, пьяный...» То есть вот вам снова разные версии.

А де ці вірші можна прочитати?

А где эти стихи можно прочитать?

В «Кобзарі» в повному виданні, а не в скороченому радянських часів. Так от почитайте там Шевченка, з якого вибрали для публікації тільки ті, що йшли на руку владі радянській, та й то з тою різнею, з тою безліччю крові, яка була пролита. Й розумієте, історія не любить такого «сослагательного наклонения», але сталося так, як сталося: Богдан Хмельницький вибрав дорогу разом з Росією. Ми можемо тільки гадати, що би було, якби український народ пішов з Мазепою до Швеції і як би ми тепер жили, скажімо, будучи там навіть федеративною територією Швеції. Я думаю, що життя було б набагато кращим, ніж тепер...
І постаті... Ну що ж тут за постаті? Ціла біда... Тут треба інакше, може, поставити проблему: взагалі українці – чи вони здатні вибороти незалежність й утримати її. Тому що це було питання, наприклад, для Грушевського, тому що він дуже добре бачив, що тільки українці здобудуть незалежність – і зараз її втрачають. І зараз є побоювання сучасних істориків: нашого львівського Дашкевича – академіка, який каже, що ми втратимо оту четверту форму незалежної української держави і не буде кому будувати незалежну Україну в майбутньому.

В «Кобзаре» в полном издании, а не в сокращенном советских времен. Так вот почитайте там Шевченко, из которого выбрали для публикации только те, что шли на руку власти советской, да и то с той резней, с тем множеством крови, которая была пролита. И понимаете, история не любит такого «сослагательного наклонения», но произошло так, как произошло: Богдан Хмельницкий выбрал дорогу вместе с Россией. Мы можем только думать, что бы было, если бы украинский народ пошел с Мазепой в Швецию, и как бы мы теперь жили, скажем, будучи там даже федеративной территорией Швеции. Я думаю, что жизнь была бы намного лучшей, чем теперь...
И фигуры... Ну что же здесь за фигуры? Целая беда... Здесь надо иначе, возможно, поставить проблему: вообще, украинцы – способны ли они выборoть независимость и удержать ее. Так как это был вопрос, например, для Грушевского, так как он очень хорошо видел, что только украинцы обретут независимость – и тотчас ее теряют. И сейчас есть опасения современных историков: нашего львовского Дашкевича – академика, который говорит, что мы потеряем ту четвертую форму независимого украинского государства,

Так що важко сказати, що би було...
Ну, яке значення для розвитку держави?! Попали під Росію, попали в її м'ясорубку. Причому ж, що цікаво, що українці залучалися до будівництва міцної держави Петра I: згадайте роль Феофана Прокоповича. Фактично, українськими руками Петро I збудував свою імперію. Візьміть, скільки було українців коло Катерини II – також повно, і вони ж не тільки виступали в хорі, вони, власне, виступали будівничими тої держави, дуже часто із-під палки.
Ну, от виникає питання: яка наша провідна верства? Чи вона є заздалегідь здатною на поразку й на перехід до іншої віри, іншої влади, чи вона може самостійно проводити якусь самостійну політику для України? Який є народ України: чи він буде прагнути незалежності й боротися за неї, чи він інколи, тільки такими поодинокими сплесками буде здатний проявити свою оцю незалежність?
Так що це питання, знов-таки, дискусійне, і дуже важко сказати щось точно.

и не будет кому строить независимую Украину в будущем.
Так что трудно сказать, что было бы...
Ну, какое значение для развития государства?! Попали под Россию, попали в ее мясорубку. Причем, что интересно, что украинцы привлекались к строительству сильного государства Петра I: вспомните роль Феофана Прокоповича. Фактически, украинскими руками Петр I выстроил свою империю. Возьмите, сколько было украинцев в окружении Екатерины II – также полно, и они же не только выступали в хоре, они, собственно, выступали строителями того государства, очень часто из-под палки.
Ну, вот возникает вопрос: какой наш ведущий социальный слой? Или он заранее способен на поражение и на переход в другую веру, другую власть, или она может самостоятельно вести какую-то самостоятельную политику для Украины? Каков народ Украины: или он будет стремиться к независимости и бороться за нее, или он иногда, только такими одиночными всплесками будет способен проявить свою эту независимость?
Так что это вопрос опять-таки дискуссионный, и очень тяжело сказать что-то точно.

КЕЙС 27.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Что Вы могли бы рассказать о таком событии истории, как Переяславская рада?

Название... я... так... знакомое, честно говоря, не могу вспомнить.

Одним из лидеров был Богдан Хмельницкий. Вам это о чем-нибудь говорит?

(Тяжелый вздох.) Хмельницкий... ну, в принципе у меня всегда по истории тройка была, если честно, вот так. *(Смех.)* Я бы хотел сейчас именно вернуться к тем событиям, перечитать это все, ну, и, я думаю, я вернусь к этому, перечитаю, вот и это будет именно в тот период, когда моя дочка будет ходить в школу, и я как раз этого периода очень сильно жду. Хочется вернуться и хочется некоторые события уже вместе с ней пройти, уже глобально, как раз тогда, когда оно все изучалось, как бы считалось, что оно и не нужно.

КЕЙС 28.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Что Вы могли бы рассказать о таком событии в истории, как Переяславская рада? Дайте краткую характеристику этого события, отметьте значение для развития государства.

Ничего не могу сказать. Те знания, которыми я обладаю, незначительные для оценки, серьезной оценки этого события... Не готов ответить.

КЕЙС 29.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ

Переяславская Рада названа в качестве значимого события

Переяславская рада, где Богдан Хмельницкий договорился, подписал соглашение с Российской монархией о вступлении в Российское государство, т. е. славяне объединились после долгих лет пребывания в составе разных государств...

А значение этого события для развития государства?

Ну, значение огромное. То есть если б мы не вступили в союз с Россией, то нам надо было бы вступать в союз с Польшей. Тогда мы б сейчас были не православными, а католиками, разговаривали б не на русском, а на неизвестно каком языке, вот. Но, скорее всего, что если б мы не попали под Россию, то Польша бы нас тоже не смогла б долго удерживать, т. е. нас бы и дальше раздирали на части все соседние государства. Только Россия с нашими общими корнями могла обеспечить нам защиту, вот. Ну и конечно, очень жалко все-таки, что Советский Союз... В принципе, не жалко, что Советский Союз развалился, потому что в Советском Союзе были не только славянские государства. Мне кажется, что он был бы крепче, если бы у нас не было Прибалтики, которая явно не наша, у нас с ними совершенно разные корни, вот. Грузия – однозначно тоже не наша. Азербайджан, Туркмения – ну, вот эти, ортодоксально южные, восточные страны. Казахстан, Узбекистан еще более или менее к нам вписываются, а вот эти вот страны... Если бы изначально их в Союзе не было, то я думаю, что мы б справились с

проблемой перестройки, и все б у нас было нормально. А подливали масло в огонь прибалты очень сильно...

КЕЙС 30.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

А по Переяславской раде. Буквально несколько предложений. Что было? Краткий рассказ.

Я очень люблю, как Витренко об этом говорит (*с иронией*). О вечном единстве трех братских народов. Я не знаю. У меня такой опыт общения с русскими. Не украинскими русскими, а русскими русскими. Когда мы немного много выпили, то меня россиянин обнял и сказал: «Мы вас любим». Это было так интересно. Для меня этот скорее импер-дискурс братства, единства какой-то неудобный.

И в чем он не удобен?

Потому что я теряю свою идентичность. Если хотите, я расскажу иллюстрацию хорошую. Есть такой Франц Фанон. Он гражданин Франции, родился на Карибских островах, принадлежал к черной расе, борец за независимость Алжира. У него есть мемуары. В мемуарах он пишет, он вспоминает себя, маленького мальчика на уроке истории. И он на уроке истории говорит: «Наши предки галлы». Этот чумазый мальчик. Так вот это тоже самое. Это украденная идентичность. У меня крадут мою идентичность. Когда показывают фильм «Огнем и мечом», то когда скачет вот эта крылатая конница и стоят казаки, то я, в принципе, знаю, что я так глубоко свой род не прослеживал, но мои родственники, они могли быть на польской стороне, а не там. И я хочу сохранить свою идентичность.

КЕЙС 31.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

...Подписание Хмельницким военного договора с Россией, т. е. оно подавалось при советской власти и сейчас в российской истории подается как «возз'єднання двох братніх народів», хотя четко и ясно, даже если взять текст договора, было видно, что это просто военный союз против Польши, которая, в принципе, тогда, скажем так, бегала под самую Москву.

КЕЙС 32.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА), ХАРЬКОВ

Переяславская рада – название очень знакомое, мы проходили в истории, это точно, что на нем были какие-то подписаны... Переяславская рада...

Вы догадываетесь, примерно, о каком событии идет речь, да?

Примерно – да, помню, что там была довольно... Переяславская рада... надо вспомнить. (*Пауза.*) А-а... договор был подписан на Переяславской раде между Украиной... получается то ли с Польшей, или с Россией. С Россией, да? То есть договор, вот, в общих чертах.

КЕЙС 33.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

Ну, первое событие – это 1654 год, Переяславский договор. Так называемый между Богданом Хмельницким и русским царем. О присоединении Украины к России. Ну, не присоединении на тот момент, а о каких-то взаимных договоренностях. Ну, в конце концов, я считаю, что это повлияло на... как бы... наше, ну, в дальнейшем на Советский Союз тот же и все остальное. Ну, Богдана Хмельницкого многие как бы осуждают, многие и поддерживают. Правильно, неправильно сделал. Но я тоже пытался размышлять: правильно сделал, неправильно. В итоге я пришел к тому, что эта история как она сложилась, так она уже сложилась. То есть тут нельзя оценивать правильно или неправильно. Мне так кажется. Просто нужно воспринимать как есть.

КЕЙС 34.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ЛЬВОВ

Переяславська рада. Це коли Богдан Хмельницький уклав мирний договір з Російською імперією. Спочатку це було дуже правильно. Богдан Хмельницький – я вважаю його героєм, позитивним героєм, який зробив дуже багато для своєї України. В цей час то був найкращий вибір, тому що Україна не мала вибору, її вже атакували. Козаки вже завжди були в війнах, і вже турки, татари й поляки нападали на територію України, і єдиним на той час, і вважаю, що то був єдиний на той час варіант, – це стати союзником з Росією. Спочатку навіть це було дуже непогано, там був

Переяславская рада. Это когда Богдан Хмельницкий заключил мирный договор с Русской империей. Сначала это было очень правильно. Богдан Хмельницкий – я считаю его героем, положительным героем, который сделал очень много для своей Украины. В то время это был наилучший выбор, так как у Украины не было выбора, ее уже атаковали. Казаки уже всегда были в войнах, и уже турки, татары и поляки нападали на территорию Украины, и единственным на то время, и считаю, что это был единственный на то время вариант, – это стать союзником с Россией.

непогано складений документ. Договір був складений непогано між Росією і тою Україною козацькою. Але просто потім, після смерті Богдана Хмельницького, потрошку почали порушуватися деякі частини договору, деякі параграфи цього договору. Порушувались, порушувались і дійшло до того, що Україна ввійшла до складу Російської імперії.

Сначала даже это было очень неплохо, там был неплохо составленный документ. Договор был составлен неплохо между Россией и той Украиной казацкой. Но просто потом, после смерти Богдана Хмельницкого, понемногу начали нарушаться некоторые части договора, некоторые параграфы этого договора. Нарушались и дошло до того, что Украина вошла в состав Российской империи.

КЕЙС 35.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА) ЛЬВОВ

Переяславская Рада названа в качестве значимого события

...Підписання Богданом Хмельницьким цього акту про допомогу Москви. Його вважають таким доволі центральним моментом розвитку подальшої історії.

...Якщо висловити мою власну думку, то ситуація була дуже складна, і хоча я багато читала в пресі, от я читала: в замітці висловлюється, що Богдан Хмельницький, от він зрадив Україну, – що це не потрібно було робити. Я не можу так кардинально сказати, що зрадив тому, що ця... можливо, обставини так вимагали, також він почав визначатися, також... (*нерозбірливо*) людина. Тобто є якісь різні фактори, які впливали, його думка, умови, що від нього очікували також певні люди. Зміст цієї події – ішла домовленість про військову допомогу, співпрацю, але оскільки було дуже багато прихованих факторів, навіть приховані документи, які є офіційними, які зараз просто не хочуть бути висвітленими явно. А герой – антигерой... Все ж таки щодо антигероїв я не можу сказати, а Хмельницького я все ж таки вважаю героєм. Я його не осуджую остаточно. Можна зробити скидку, що він, як і будь-яка людина, він має право помилятися, мати свою думку, але я не вважаю це якимсь таким... Не засуджую цієї справи.

...Подписание Богданом Хмельницким этого акта про помощь Москвы. Его считают таким довольно центральным моментом развития дальнейшей истории.

...Если высказать моё собственное мнение, то ситуация была очень сложная, и хотя я много читала в печати, вот я читала: в заметке высказывается, что Богдан Хмельницкий, вот он предал Украину, – что этого не нужно было делать. Я не могу так кардинально сказать, что предал потому, что эта... возможно, обстоятельства так требовали, также он начал определяться, также... (*неразборчиво*) человек. То есть есть какие-то разные факторы, которые влияли, его мнение, условия, чего от него ожидали также определенные люди. Содержание этого события – шла договоренность о военной помощи, сотрудничестве, но поскольку было очень много скрытых факторов, даже скрытые документы, которые являются официальными, которые сейчас просто не хотят осветить явным образом. А герой – антигерой... Все же относительно антигероев я не могу сказать, а Хмельницкого я все же считаю героем. Я его не осуждаю окончательно. Можно сделать скидку, что он, как и любой человек, он имеет право ошибаться, иметь свое мнение, но я не считаю это каким-то таким... Не осуждаю этого дела.

Краткий обобщающий комментарий по кейсам, содержащим нарративы о Переяславской раде (поколения 1–4; Харьков, Львов)

При анализе нарративов о Переяславской раде можно заметить, что здесь не так ярко выражены поколенческие различия, как при описании революции 1917 г., а в большей мере выражены региональные различия, которые проявляются в следующем:

1. Уровень информированности о событии у львовян намного выше, чем у харьковчан (лишь поколение 4 львовян (не эксперты) показало низкий уровень информированности об этом событии, остальные представители поколений из г. Львова (поколение 1, 2, 3) подробно рассказывают об этом событии). У харьковчан же для всех поколений высокий уровень информированности о событии характерен лишь для экспертов.

2. Во многом объясняет уровень информированности различная значимость этого события, отображенная в интервью львовян и харьковчан. Для львовян это значимое событие, повлиявшее на судьбу Украины, на достижение независимости и ее потерю, что отображено как в оценочных суждениях, так и в эмоционально окрашенной лексике, используемой при описании этого события. В интервью харьковчан либо отсутствует нарратив об этом событии («ничего не могу сказать», «не знаю»), либо даны краткие описания, как правило, отображающие «дискурс о единстве славянских народов», причем лексика не является эмоционально окрашенной. Исключение – руководители национально-культурных обществ Харькова (эксперты), которые дают развернутые нарративы, насыщенные характеристиками языка конфликта. Один из экспертов (сфера госуправления, Харьков) представил развернутый нарратив, показывающий высокий уровень информированности об этом событии, высокую оценку его значения, но при этом значимость события определяется как «воссоединение с братским народом», т. е. детерминанты значимости иные, и даже противоположные тем причинам, которые указываются львовянами. Следует отметить также грамматически маркируемые внешние детерминанты значимости события, которые встречаются в интервью некоторых из львовян, в особенности студентов. Например, «его считают таким довольно центральным моментом развития дальнейшей истории». «Считают» иное грамматическое построение, чем «я считаю» или «мы считаем» (как, например, в кейсе 36 о Великой Отечественной войне), отображающее иное отношение.

3. Интервью представителей Львова и Харькова характеризуют различие не только оценочных суждений, но и «системы координат» этих оценок. Для большинства харьковчан это событие оценивается с точки

зрения «славян», и, как уже упоминалось, доминирует приятие дискурса о единстве славянских народов, а Переяславская рада рассматривается как воссоединение с братским народом. Дается позитивная оценка этому событию. Для большинства львовян неприемлем дискурс о единстве братских народов (что наиболее ярко представлено в кейсе 30), Переяславская рада рассматривается как вынужденная мера, которая привела к потере независимости. В оценках события львовянами наблюдаются противоречия: многие львовяне указывают, что это было трагическое событие для украинского народа, некоторые говорят о том, что это была вынужденная и единственно возможная мера, которая привела к трагическим последствиям, существуют и иные оценки. Внутри нарративов о Переяславской раде, которые представлены в интервью львовян, фиксируются противоречия, отображающие рефлексию и неоднозначность в интерпретации этого события. Одна из плоскостей, в которой разворачивается рефлексия львовян, в особенности поколения 1, это вопрос о том, «герой» или «предатель» Богдан Хмельницкий. Упоминаются высказывания о том, что Хмельницкий – предатель (как «внешние» – из СМИ и других источников), но этот дискурс преимущественно не принимается, что видно из текстов интервью.

Следует заметить, что характеристики нарративов и характеристики языка конфликта, отображенные в интервью львовян, во многом перекликаются с нарративами современных учебников истории. Нарративы о Переяславской раде в интервью харьковчан преимущественно пересекаются с советскими учебниками истории. В перспективе планируется более развернутый анализ этой проблемы и сопоставление характеристик языка конфликта, содержащихся на уровне образовательного дискурса и отображенных в углубленных проблемно-ориентированных интервью.

ВОЙНА 1941–1945

КЕЙС 36.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

Война. **Мы считаем, что это война Отечественная, справедливая.** Тут уже воевали все. И враги, как говорится, недруги, все воевали тут и не смотрели уже там... заключенные, которые тоже рвались в бой. **И весь**

народ. Война Отечественная. Все люди, как говорится, общей грудью – только против немцев шли.

А можно в этом событии выделить героев и антигероев?

Не знаю, кто там был героем. Мой отец воевал, мой дядя воевал, и другой воевал, и сестра моя двоюродная воевала. Для меня они все герои, они все воевали. А антигерой – ну как это? Ну, может, были и хапуги, и предатели. Во время того, как люди воевали, некоторые устраивались на хлебозаводах, там тянули.

КЕЙС 37.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Тут йшлися дискусії дуже часто: чи це наша, українська війна? Вона є і наша, і не наша. Ми були в констеляції Радянського Союзу: хотіли чи не хотіли. Ну, я ж говорив, що раз ми уже ввійшли, то, з одного боку, було не дуже то добре, але, з іншого боку, і дуже добре. То є таке, знаєте, суперечливе явище. І оце «дуже добре» полягало в тому, що все-таки ми були зібрані докупи. Тепер же ж знаємо, що собою представляла сталінська диктатура, добре знаємо. Ви того не знаєте, а ми то знаємо. Тримали мішки з сухарями на всяк випадок, як візьмуть. Ну, то так воно й було. Але тут так, щоб хтось дуже звертав увагу на те: вітчизняна війна – не вітчизняна війна... Ну, власне кажучи, Сталін пустив це – Вітчизняна війна, беручи приклад із 1812 року. Тут він не оригінальний, нічого він тут не відкрив Америки, то пустив – Велика Вітчизняна війна.

Ну, в якійсь мірі вона і Вітчизняна, бо захищали Вітчизну. Яку Вітчизну? Радянський Союз? Ну, ми були в ньому, і в тому розумінні це де факто наша вітчизна. Прийшов визволитель з Берліна – спочатку захоплювалися, правда. Але буквально через пару місяців усе відпало абсолютно. Ну, все скінчено: один чорт відійшов, ще гірший прийшов – отак говорили. Тут, я не знаю, як на сході, але тут говорили так, Ви знаєте ці обставини. Значить, все відпало.

Щодо мене, ну, то можна би сказати, що була Друга світова війна. Вона була Друга світова війна і для Радянського Союзу, і для всіх країн Європи, бо ж як почалася війна в 39-му році, то це ж не була

Здесь шли дискуссии очень часто: наша ли это, украинская война? Она и наша, и не наша. Мы были в констелляции Советского Союза: хотели или не хотели. Ну, я же говорил, что раз мы уже вошли, то, с одной стороны, было не очень-то хорошо, но, с другой стороны, и очень хорошо. Это такое, знаете, противоречивое явление. И это «очень хорошо» заключалось в том, что все-таки мы были собраны вместе. Теперь же знаем, что собой представляла сталинская диктатура, хорошо знаем. Вы этого не знаете, а мы-то знаем. Держали мешки с сухарями на всякий случай, как возьмут. Ну, так оно и было. Но здесь так, чтобы кто-то очень обращал внимание на то: отечественная война – не отечественная война... Ну, в сущности говоря, Сталин пустил это – Отечественная война, беря пример с 1812 г. Здесь он не оригинален, ничего он здесь не открыл Америки, то пустил – Великая Отечественная война.

Ну, в какой-то мере она и Отечественная, так как защищали Отчизну. Какую Отчизну? Советский Союз? Ну, мы были в нем, и в этом смысле это де факто наша родина. Пришел освободитель из Берлина – сначала восторгались, правда. Но буквально через пару месяцев все отпало абсолютно. Ну, все окончено: один черт ушел, еще худший пришел – так говорили. Здесь, я не знаю, как на востоке, но здесь говорили так, Вы знаете эти обстоятельства. Значит, все отпало.

Относительно меня, ну, то можно бы сказать, что была Вторая мировая война. Она была Вторая мировая война и для Советского Союза, и для всех

вітчизняна війна *чиясь*: польська, чи німецька, чи французька, чи яка. Друга світова війна.
А чому це радянське, так... **Ну, це попросту назва, і ця назва нічого не значить ні для українців, ні для росіян. А що в тій Другій світовій війні все-таки гітлерівців перемогли великими жертвами тощо – то дуже добре**. Бо якби цього не було, то ми би сьогодні в кінцевому рахунку – і назви тут не було. Ми мали би тут колонію німецьку. Ми мали би тут Адольфа Гітлера, який творить Großdeutschland – Велику Німеччину – по Урал, от що би ми мали б. А так, що йому скрутили карк – то є це добре, то наше щастя. І наші люди там брали участь: українці ж там масово гинули, на фронтах і т. д. Потому вже не стало, галичан стали брати туди. Так що тут я не за того, що це було не наше – то було наше визволення, безперечно, що так. По тому визволялися... ну, один чорт, а то інший чорт був.

стран Европы, потому что когда началась война в 39-м году, то это ж не была отечественная война *чья-то*: польская, или немецкая, или французская, или которая. Вторая мировая война.
А почему это советское, так... **Ну, это попросту название, и это название ничего не значит ни для украинцев, ни для россиян. А что в той Второй мировой войне все-таки гитлеровцев победили большими жертвами и т. п. – это очень хорошо.** Так как если бы этого не было, то мы бы сегодня в конечном счете – и названия здесь не было. Мы имели бы здесь колонию немецкую. Мы имели бы здесь Адольфа Гитлера, который создает Großdeutschland – Великую Германию – по Урал, вот что бы мы имели бы. А так, что ему скрутили хребет – это хорошо, это наше счастье. И наши люди там принимали участие: украинцы ж там массово гибли, на фронтах и т. д. Потом уже не стало, галичан стали брать туда. Так что тут я не знаю про то, что это было не наше – это было наше освобождение, бесспорно, что так. Потом освобождались... ну, один черт, а то другой черт был.

КЕЙС 37А.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

Война 1941–1945 названа в качестве значимого события

...Героические события в войну народ наш выдержал. Мне даже трудно сказать, что могло бы быть, если бы не было войны. У нас два лагеря было – фашизм и социализм. Фашизм стремился весь мир завоевать, социализм тоже, коммунизм хотели построить во всем мире. А народ же никто не спрашивал, хотят они фашизм или коммунизм. Ну, два лагеря столкнулись. По-моему, война неизбежной была...

КЕЙС 38.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ

...Я рахую, що ця війна, як і прийнято її рахувати, – вона була Вітчизняна війна, вона була захисницька війна, тобто люди чинили опір загарбнику – гітлерівській Німеччині і... ну, боронили свою землю.

Я считаю, что эта война, как и принято ее считать, – это была Отечественная война, это была оборонительная война, т. е. люди оказывали сопротивление захватчику – гитлеровской Германии и... ну, обороняли свою землю.

КЕЙС 38 А.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

В качестве значимого события первым названа «Великая Октябрьская социалистическая революция», вторым – «Великая Отечественная война, третьим – «развал Союза», причем респондент отмечает, что «очень переживал это событие»

Второе событие *(в контексте – значимое)* – это Великая Отечественная война, **которая показала мобилизационные возможности русского, славянского народа, Советского Союза, дружба народов Советского Союза, их взаимовыручка, взаимоподдержка, интернационализм, с помощью которого вот они вместе смогли одолеть такого жестокого, очень подготовленного, безжалостного врага.** И это как раз вот второе событие в моем впечатлении всегда было подтверждением того, что если бы, скажем, не было Великой Октябрьской революции, то Россия могла бы перед немцами и не устоять, я имею в виду славянские народы. А благодаря тому, что она уже была крепкой достаточно, вот, славянская общность совместно с другими народами смогла выстоять и разрушить фашизм и избавить от него весь мир. Потому что если бы победили фашисты в это время, то наступило бы рабство на тысячелетия, поскольку бы они исключили возможность переворота, освобождения, поскольку под контролем было бы сознание, каждый шаг, каждое движение и разделили бы людей на тех, кто живет и радуется жизни, и на вторых – на роботов, на людей, как бы... на «рабочий скот», и с прослушиванием, подглядыванием, с анализом действий. Вырваться из этого было бы невозможно...

И это событие и в семье у нас обсуждалось *(говорит очень эмоционально)*, **это большая радость, большая Победа.** И как встречали с войны вернувшихся солдат! А не вернулось очень много. Каждой семьи эта война коснулась. Очень много вдов, очень много детей осталось без родителей. И вот то, что к нам отец вернулся и мы стали детьми, можно сказать, инвалида – это тоже мы радовались, потому что если бы он не вернулся, то вообще бы тогда нас никого бы не было. **И если бы такие люди, как отец мой, не сделали Победу, то тогда не было бы страны и нас бы всех не было. Это был бы какой-то другой мир. Совершенно другой!**

КЕЙС 39.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ

Що я знаю про війну? Та про війну батьки мені розказували – вони не були учасниками військових дій, таких справжніх військових дій. В 39-му році, як сюди прийшов Радянський Союз, їх зустрічали хлібом і сіллю, але через рік тут почалося страшне. Тут почали вивозити людей. Я пам'ятаю: був такий фільм «Іванна» тут в нас, у Львові. Суть в тому, що дочка священика, студентка, сприйняла Радянську армію як визволительку, але потім то було все поіншому. Так що треба просто бачити той фільм. Так що для Західної України визволення – то ніби було визволення від Польщі, але ж якщо ми знаєм: пакт, який був підписаний Сталіним і тим... То було по-іншому – то була просто боротьба партій, боротьба Німеччини... Потім в Бресті проходив – вже тепер відомо – парад німецьких і радянських військ – був разом. Так що тут багато можна говорити на ту тему. **Кажуть – то Вітчизняна війна чи то світова війна. Вітчизняна війна – то одна Вітчизна воює проти іншої, а так – то була Друга світова війна, яка почалася ні в 41-м році, а почалася раніше набагато. Так що я рахую, що то була Друга світова війна.**

А як Ви ставитеся до УПА?

Я ставлюся до УПА позитивно. Як позитивно? В першу чергу... Знов же: два українці – а три партії. Були бандерівці, були мельниківці. Читаєш тих і тих. І ті праві, і ті праві. Просто бандерівці були люди більш, такі більш поміркованi, лояльніші... брати владу в свої руки мирним шляхом, а мельниківці вже були ніби такі молоді – давай по-іншому. Чи, може, навпаки? Я вже не пам'ятаю. Треба вникати. Ну, або читав тих і тих – і ті, і ті праві – і знов не було такої згоди. Але я ставлюся добре, потім – з шаною до і тих, тих: і мельниківців, і бандерівців, бо вони боролися за своє – за свою Україну, тобто – як за Україну. Не за Україну, а за державу, в якій повинна бути демократія. І якщо піднімати ту тему – чому нема примирення між військовослужащими, які воювали на боці радянського союзу з Німеччиною, і УПА, але ж і ті, і ті воювали проти загарбників.

Что я знаю о войне? Да о войне родители мне рассказывали – они не были участниками военных действий, таких настоящих военных действий. В 39-м году, как сюда пришел Советский Союз, их встречали хлебом и солью, но через год здесь начались страшные дела. Здесь начали вывозить людей. Я помню: был такой фильм «Иванна» здесь у нас, во Львове. Суть в том, что дочка священника, студентка, восприняла Советскую Армию как освободительницу, но потом это всё было по-другому. Так что нужно просто смотреть тот фильм. Так что для Западной Украины освобождение – это как бы было освобождение от Польши, однако ж если мы знаем: пакт, который был подписан Сталиным и этим... Это было по-другому – это была просто борьба партий, борьба Германии... Потом в Бресте проходил – уже теперь известно – парад немецких и советских войск – был вместе. Так что тут много можно говорить на эту тему. **Говорят – это Отечественная война то ли мировая война. Отечественная война – это одна Отчизна воюет против другой, а так – это была Вторая мировая война, которая началась не в 41-м году, а началась намного раньше. Так что я считаю, что это была Вторая мировая война.**

А как Вы относитесь к УПА?

Я отношусь к УПА положительно. Как положительно? В первую очередь... Вновь же: два украинца – а три партии. Были бандеровцы, были мельниковцы. Читаешь тех и тех. И те правы, и те правы. Просто бандеровцы были люди более, такие более рассудительные, более лояльные... брать власть в свои руки мирным путем, а мельниковцы уже были как бы такие молодые – давай по-другому. Или, может, наоборот? Я уже не помню. Надо вникать. Ну, или читал тех и тех – и те, и те правы – и снова не было такого согласия. Но я отношусь хорошо, потом – с почетом к и тем, и тем: и мельниковцам, и бандеровцам, так как они боролись за свое – за свою Украину, т. е. – как за Украину. Не за Украину, а за государство, в котором должна быть демократия. И если поднимать эту тему – почему нет примирения между воен-

Тобто до ідеї примирення Ви ставитеся позитивно?

Ну, так. Відповідно. Позитивно. В першу чергу, вже небагато залишилося тих людей, які приймали участь безпосередньо в тих діях. Якщо читати навіть радянську книжку – такий в нас партизанський загін Медведєва, і там був такий комісар. Я вже... ну, ще не старий, але позабував вже всі ті імена. І там був комісар, і він пише, що от ми там бачили... радянський партизанський загін бачить – хтось там б`є німців. І ми не знаєм хто. І потім оказується, що то били бандерівці німців. Він сам – радянський партизан, комісар Медвєдєв – він підтверджує своїм фактом, що бандерівці приймали участь у військових діях. Хоч і не в таких, може, сильних. Я ще скажу, може, про того нашого патріота Кузнєцова *(іронічно)*. Чомусь Радянський Союз всіх розвідників своїх дає як розвідників, а чужих як шпіонів. Кузнєцов був хто? Шпіон і терорист. Він знищив одного німця, а розстріляли багато людей – так що, з одного боку, можна сказати, що він був терорист...

А ваше ставлення до дивізії СС «Галичина» і подібних формувань?

Моє ставлення до дивізії СС «Галичина». Ну, знов же: де двоє б`ються – третій користає. Тут вийшло трохи навпаки – де двоє б`ються – третій мусить помагати. Дивізія СС «Галичина» була сформована для того, щоб помагати німцям, а не для того, допустимо, щоби визволитися від Радянського Союзу. Так що на даний час так само, як Переяславська рада, – німці вимагали від українців такого підтвердження своєї участі, поки їм було вигідно, то участі в їхній роботі. Так само, поки Бандера був їм потрібний, то вони його дозволяли – як він тільки проголосив Україну, його взяли заарештували. Така справа. Так що СС «Галичина», з другого боку, – то був позитив. Наприклад, для майбутніх військових дій, які би велися на Україні проти Радянського Союзу, – то була наука, то школа була, так що так мусило бути.

нослужащими, которые воевали на стороне советского союза с Германией, и УПА, но ведь и те, и те воевали против захватчиков.

То есть к идее примирения Вы относитесь положительно?

Ну, да. Соответственно. Положительно. В первую очередь, уже немного осталось тех людей, которые принимали участие непосредственно в тех действиях. Если читать даже советскую книжку – такой у нас партизанский отряд Медведева, и там был такой комиссар. Я уже... ну еще не старый, но призабыл уже все те имена. И там был комиссар, и он пишет, что вот мы там видели... советский партизанский отряд видит – кто-то там бьет немцев. И мы не знаем, кто. И потом оказывается, что это били бандеровцы немцев. Он сам – советский партизан, комиссар Медведев – он подтверждает своим фактом, что бандеровцы принимали участие в военных действиях. Хотя и не в таких, может, сильных. Я еще скажу, может, о том нашем патриоте Кузнецове *(иронически)*. Почему-то Советский Союз всех разведчиков своих дает как разведчиков, а чужих как шпионов. Кузнецов был кто? Шпион и террорист. Он уничтожил одного немца, а расстреляли многих людей – так что, с одной стороны, можно сказать, что он был террорист...

А ваше отношение к дивизии СС «Галичина» и подобным формированиям?

Мое отношение к дивизии СС «Галичина». Ну, опять же: где двое бьются – третий пользуется случаем. Здесь вышло немного наоборот – где двое бьются – третий должен помогать. Дивизия СС «Галичина» была сформирована для того, чтобы помогать немцам, а не для того, допустим, чтобы освободиться от Советского Союза. Так что на данный момент так же, как Переяславская Рада, – немцы требовали от украинцев такого подтверждения своего участия, пока им было удобно, это участия в их работе. Так же, пока Бандера был им нужен, то они ему разрешали – как он только провозгласил Украину, его взяли арестовали. Такое дело. Так что СС «Галичина», с другой стороны, – это был позитив. Например, для будущих военных действий, которые бы велись на Украине против Советского Союза, – это была наука, это школа была, так что так должно было быть.

КЕЙС 40.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Великая Отечественная война – это война советского народа тогда еще против фашистской Германии. Официальная версия: Германия 22 июня 41-го года напала на Советский Союз. Советский народ четыре года упорных боев, лишений и потерь и... смог выжить, победить и как бы на этом история фашизма, немецкого фашизма, закончилась в 45-м году.

А герои – антигерои?

Ну, **в нашем сознании советского человека герои – это естественно советский народ, а антигерои – это фашисты, которые напали на нашу страну.**

А Сталин – герой или антигерой?

Сталин – личность неопределенная. В глазах одних людей – это герой, в глазах других – это антигерой. В моих глазах – это личность, историческая личность, я не называю его ни так, ни сяк. Таких личностей в истории было... ну, не могу сказать там тысячи, сотни, но каждый диктатор, пришедший к власти, – это всегда личность противоречивая. Есть моменты, которые действительно с исторической точки зрения оправданы оказались, но есть еще куча, куча, куча моментов, которые НЕ оправданы. Гадать сейчас, как бы было хорошо, если бы Сталин поступил так, а не иначе, – ну, это гадание на кофейной гуще. Историю не изменишь.

Моё отношение личное к Сталину – отрицательное, т. е. я таких людей, мягко скажем, ненавижу.

КЕЙС 41.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Война 1941–1945 гг. названа в числе значимых событий

...Великая Отечественная война, я ее называю, да, именно так... Великая Отечественная воина, несмотря на то, что очень много споров ведется, и в украинской историографии ее называют Вторая мировая война... **Уничижают, так сказать, роль Великой Отечественной... Якобы Отечество было не одно... Нет, я считаю, что в те годы, во время Советского Союза, Отечество у людей было – это Советский Союз, тогда это была для людей Родина. Поэтому Отечественная война, я считаю,**

абсолютно правильное название. Не знаю, может, я настаиваю, не знаю, может, это стереотип, который заложен в детские годы, но тем не менее – что такое Вторая мировая? Она совсем не отображает освободительной миссии народа... Просто там: «война»... Мало ли что там!.. Я думаю, что подчеркивать нужно освободительную миссию народа, в данном случае я имею в виду советского народа. Я говорю так потому, что в советские годы это был советский народ... Вот так (*смеется)...*

...Да, да, вот я затронула эту тему, **я вот действительно неравнодушно к этому отношусь, я считаю, что вот это перекраивание истории, которое в последнее время в каких-то политических там целях ... Я считаю, что все это в политических делается целях исключительно. Потому что зачем уничижать роль народа? Зачем это делать? Зачем разделять, раскалывать русский и украинский народ... Якобы украинский народ... это было не его отечество... мы там были как бы там под гнетом Советского государства... и нам нужно было скинуть этот гнет... Нет... нет... я считаю что это была освободительная война от фашизма, от колоссального зла мирового и советский народ действительно вел освободительную войну, причем не только на территории советского государства, мы продолжали освобождать народы и Европы. Это не то что дошли до Карпат, до западной Украины и бросили, а там Чехия и Польша как хотите сами, так и боритесь. Хотя, в общем-то, Советская армия была ослаблена, но тем не менее дошли до Берлина, флаг над Рейхстагом подняли, освободили вот все страны. Хотя многие говорят, что в Европе... Тем не менее в европейских, западных государствах... Польша... да ...раздаются голоса о том, что вот когда началась освободительная война по Европе от фашизма, что тогда это была завоевательная война Советского Союза по завоеванию этих стран и они якобы оказались под игом Советского Союза. Ну не знаю... не знаю... Существует у них такое мнение, хотя я считаю, что наш народ освободил эти страны от фашизма...** поэтому... за это я считаю этим воинам низкий поклон, за то, что свои жизни отдавали... Многие погибли уже там, в Западной Европе...

КЕЙС 42.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Вторая мировая война названа в числе значимых событий

Второе событие – это Вторая мировая война, мне кажется. Герой только один – весь наш народ советский. Антигерои – туда можно и Сталина отнести как антигероя, потому как его роль не была тоже недостаточно однозначной, нельзя на ней ставить знак плюс или минус, еще много придется разбираться с этим, ну Сталин, Гитлер. Положительные герои – только весь наш народ, все наши родственники, которые принимали участие. Вот.

Третье событие... по значимости... исторической... *(Пауза.)* Ну, для России это Октябрьский переворот 1917-го г. Именно оттуда берут начало все те колоссальные потери людские, вот, и материальные... Что была загублена одна из ведущих держав мира, то есть, фактически, передел мира-то начался в общем-то с 17-го года. Герои?.. Героев не было. Антигерои?.. Ну, все, начиная от Ленина. То светлое, революционное, которое там было, в некоторых умах, оно быстро погасло на фоне того, что... На фоне того террора, на фоне той гражданской войны, которая потом разгорелась. Героев там тоже нет. Ну, все.

КЕЙС 43.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

Війна 1941 року – це саме Велика Вітчизняна для нашої країни, але війна Друга світова вона почалась у 1939 році. Вона охопила нашу Україну, тому що, у 1939 німці почали захоплювати поступово Європу, Польщу... А напередодні Великої Вітчизняної війни в нашій країні Сталін підписував угоду з Гітлером, і вони підписали як раз угоду про те, що на нас не будуть нападати, на жаль, все сталося не так і в 1941 році вони напали на нас і почалася ця війна, яка тривала дуже довго.

А Сталін це для вас герой чи антигерой?

Однозначно, це антигерой. Однозначно, тому що я вважаю, це не людина, навіть не можна назвати людиною, це як тварюка, тому що певні такі факти, які я просто про нього знаю навіть, так як в сім’ї я знаю таку подію, наприклад, що в нього був син і цей син попав в полон до німецького концта-

Война 1941 г. – это именно Великая Отечественная для нашей страны, но война Вторая мировая – она началась в 1939 г. Она охватила нашу Украину, так как в 1939 г. немцы начали захватывать постепенно Европу, Польшу... А накануне Великой Отечественной войны в нашей стране Сталин подписывал соглашение с Гитлером, и они подписали как раз соглашение о том, что на нас не будут нападать. К сожалению, все произошло не так, и в 1941 году они напали на нас – и началась эта война, которая длилась очень долго.

А Сталин – это для вас герой или антигерой?

Однозначно, это антигерой. Однозначно, так как я считаю: это не человек, даже нельзя назвать человеком, это как «тварюка» (*укр.*), так как определенные такие факты, которые я просто о нем знаю даже. Так как в семье, я знаю такое со-

бору, а він мав чин, не знаю, чи військовий лейтенант, а відповідно нашим попався якийсь генерал німецький. Коли запропонували Сталіну міняти генерала на сина, то він відмовився, сказав, що він не міняє військового лейтенанта на генерала, і його син загинув в німецькому концтаборі. Потім ті речі, які він творив: це гоніння за євреями, винищення і табори, концтабори, заслання за вільне виявлення своєї думки, це голод штучно був створений, коли вони показували цілому світу, що наша країна попереду всіх і найбільш економічно розвинута і сама найкраща, а поряд з тим люди вирощували хліб, вони не могли забезпечити свою сім'ю, бо в них все забирали, і такі явища, які відбувалися, що матері з'їдали дітей, бо змушені були, не було за що вижити, то я просто вважаю, що це є просто надзвичайний кат. Звичайно, я не можу його людиною назвати.

бытие, например, что у него был сын, и этот сын попал в плен в немецкий концлагерь, а он имел чин, не знаю, то ли военный лейтенант, а соответственно нашим попался какой-то генерал немецкий. Когда предложили Сталину менять генерала на сына, то он отказался, сказал, что он не меняет военного лейтенанта на генерала, и его сын погиб в немецком концлагере. Потом те дела, которые он творил: это гонение евреев, уничтожение и лагеря, концлагеря, ссылка за свободное выражение своего мнения. Это голод искусственно был создан, когда они показывали всему миру, что наша страна впереди всех и наиболее экономически развита и самая лучшая, а вместе с тем люди выращивали хлеб, они не могли обеспечить свою семью, так как у них все забирали. И такие факты, которые происходили, что матери съедали детей, так как вынуждены были, не было за что выжить, это я просто считаю, что это просто чрезвычайный изверг. Конечно, я не могу его человеком назвать.

КЕЙС 44.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА), ХАРЬКОВ,

Что Вы могли бы рассказать о войне 1941–1945 гг.? Дайте краткую характеристику и оценку этого события. Что Вы знаете о войне из рассказов и воспоминаний Ваших родных и близких? Как соотносятся их рассказы с информацией в учебниках истории, в художественных и документальных фильмах, в средствах массовой информации и пр. ? Есть ли здесь какие-либо противоречия? Если да, то какие?

...Ну, война 1941–45 гг. – это Вторая мировая война, начала ее Германия, вообще, она началась с 39-го года, а на Россию напали в 41-м. Это было, конечно, страшное время, как по рассказам живших тогда людей и воевавших.

Дайте краткую характеристику и оценку этого события.

Оценка этого события кратко... Война – это всегда плохо, но (*пауза*), но в тот момент было хорошо для Германии, у них начала развиваться промышленность, я знаю, начали как бы все научные труды усиленно развиваться. Для России – это миллионы жертв.

КЕЙС 44А.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

Вторая мировая война названа при описании трех значимых событий

Вторая мировая. Это подвиг нашего народа в борьбе против... с фашистскими захватчиками...

...Насчет конфликта, тут... Насколько я помню, он начинался еще с Первой мировой войны, когда Германия проиграла войну, и имела, должна была выплачивать огромные контрибуции странам-победительницам. И Англия, Франция, Россия, по-моему. И в тот момент начиналось движение против того, как бы, чтобы отыграться в новой войне. Собрать мощную сильную армию и отыграться в войне, как бы за счет первого поражения. И вот, нашелся такой человек, как Гитлер, Адольф Гитлер, который постепенно, постепенно усиливал влияние в стране, делал экономику, ну, милитаризировал экономику (пауза), и вот, как бы, развязка наступила. Нужен был толчок, чтобы война развязалась. По-моему, в 39-м году убили какого-то немецкого посла, или, т. е. какого-то человека, должностного лица, и это послужило тому, что Германии напала, по-моему, на Польшу первую, или, не помню. Или Францию, или, по-моему, Францию. Уже просто забыл вот это. Да. И быстро начала продвигаться в сторону, на восток, в общем. В 41-м году пересекла она Советский Союз без, как, без предупреждения. Нам так, ну, как бы, рассказывали на уроках истории. Бабушка говорит, как происходило. Она-то помнит момент, что вдруг в селе что-то (она в селе жила Киевской области), что-то случилось, мол, немцы перешли границу, и все куда-то начали, ну, насторожились и... т. е. были уже в курсе. Ну, потом пришли немцы, как бы дошли до этого момента и забрали в плен. Бабушку. Ну, она не рассказывала, как это происходило там, как, под звуки там артиллерии, не артиллерии. Ну, понятно, что угрожали, это понятно. Вот. Конфликт. Ну, когда конфликт был развязан, как бы, остальное уже было... Я так, ну... Как, считалось, что или немцы, Германия победит Советский Союз, или уже Советский Союз, все-таки, – Германию. То есть, война была, Вторая, до конца, т. е. однозначно это. И поэтому в 43-м году был переломлен ход событий, и усилиями Советской армии немцы были отброшены обратно к границе... И дошли до Берлина, и выиграли войну. Ну, и второй фронт открывали тоже. Ну, хотя второй фронт, когда открывали, вроде бы, чтобы другие страны не оставались как бы без дела. Если Советский Союз доведет до конца дело, победит немцев, то как бы США, Англия будут как бы в тени. Они решили как бы помочь. Хотя, вроде бы, помощь как бы помощь-то не особо-то и нуждалась. Если по большому счету.

КЕЙС 45.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ЛЬВОВ

Це світова війна, так? Перша? (*Ні, Друга*) А, так, Друга... Так, так. Ну, так не знаю, дідусь мій війни не пам'ятає, просто казав, що колись були фіри, були коні, прийшли, все позабирали і сказали, що це на фронт. Фіри лишили, а коней позабирали. Ну тоді воювали держави, були конфлікти за різні фактори.	Это мировая война, да? Первая? (*Нет, Вторая*) А, да, вторая... Да, да. Ну, так не знаю, дедушка мой войны не помнит, просто говорил, что когда-то были телеги, были кони, пришли, все позабирали и сказали, что это на фронт. Телеги оставили, а коней позабирали. Ну, тогда воевали государства, были конфликты за разные факторы.
А держави які воювали?	*А какие государства воевали?*
Так були Антанта і Троїстий союз, то вони й далі воювали переважно. То вони і в Першій світовій були. *Ну, а 41–45, коли Гітлер і Сталін...*	Да были Антанта и Тройственный союз, так они и дальше воевали преимущественно. Это они и в Первой мировой были. *Ну, а 41–45, когда Гитлер и Сталин...*
А, Гітлер і Сталін... Ну, в принципі, тоді найбільшими країнами, які воювали, – це були Німеччина і Росія. А порівняно володіннями: ну, Німеччина мала якісь володіння, Росія... Просто-напросто вони будували різну політику, і це дуже сильно вплинуло. Так само, як Гітлер вів свою політику нацизму, що тільки німці і більше ніхто, і щоб весь світ був тільки німці. Ну а Російська імперія в цьому не погоджувалася, тому що вона теж мала право на існування. Як держави вони були досить рівні, і не можна було сказати, хто сильніший, а хто слабший. Ну, і це стало конфліктом таким. І тоді так само воювали. Україна була поділена на дві частини й получалося, що українці з українцями воювали – це було таким досить поганим фактом.	А, Гитлер и Сталин... Ну, в принципе, тогда самыми большими странами, которые воевали, – это были Германия и Россия. А сравнить владения: ну, у Германии были какие-то владения, у России... Просто-напросто они вели разную политику, и это очень сильно повлияло. Так же, как Гитлер вел свою политику нацизма, в которой только немцы и больше никто, и чтобы весь мир был только немцы. Ну, а Российская империя с этим не соглашалась, так как она тоже имела право на существование. Как государства они были довольно равные, и нельзя было сказать, кто сильнее, а кто слабее. Ну, и это стало конфликтом таким. И тогда так же воевали. Украина была разделена на две части, и получалось, что украинцы с украинцами воевали – это было таким достаточно плохим фактом.

КЕЙС 45А.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

Великая Отечественная война...

...Ну, это нападение Германии на Советский Союз и дальнейшая война Советского Союза с фашистской Германией. Это как бы официальное на-

звание. Я лично считаю, что это борьба двух систем, двух тотальных режимов, двух тиранов, скажем так, Гитлера и Сталина. В чем-то, в основном, в большинстве они очень похожи, т. е. один уничтожал народы, второй тоже этим занимался. Ну, на мой взгляд, что тут положительно или как бы не положительно, то, что уже было, т. е. это то, что советский народ восстал, т. е. он как бы мобилизовался и победил в этой страшной, тяжелой войне. Ну, а нюансов, то ли это было, как бы за Сталина, за Родину, т. е. как это сказать, подъем как бы... т. е. поднять народ... слова подобрать не могу... ну, когда, ладно, неважно. Ну, т. е. не народ сам пошел воевать, а его поднял тот же руководитель с какими-то речами, лозунгами фальшивыми, не фальшивыми, ну, как бы замалчивались цели, которое преследовало руководство, допустим, Советского Союза. Говорилось о других идеалах, о других вещах, и народ как бы верил, и боролся. Ну, где-то так. Не нашел я того слова. Не знаю, поняли Вы меня, не поняли?

Это какой народ Вы имеете в виду?

Советский.

КЕЙС 46.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА), ЛЬВОВ

Дуже багато людських втрат було, і є дані навіть в Інтернеті – я цікавилася цим – то приховані є дані – більше ніж те, що подають. Це зовсім не фактичні, тобто дуже багато є прихованого, і вже в наявності інформація, що дуже сильно одна з країн з тих, які постраждали, це була територія саме яка зараз належить Україні. От. Ну, це взагалі, напевно, це така сама драматична подія в українській історії. Дуже багато людей загинуло, дуже багато страждань, і дуже багато, можливо, життів і доль чужих було просто так на вітер кинуто. Люди жили. Ніби гарно. А тут довелося боротися за своє життя. От.

А герой і антигерой?

Ну, **хоча Україна перемогла в складі Радянського Союзу, але я Радянський Союз – не можу сказати, що це були герої тому, що все робилося руками українців: вони направлялися в війська, вони забезпечували там постачання продуктів. Ну, це, напевно, сам Радянський Союз як об'єкт був антигероєм, хоча серед переможених, але стосовно України – це, напевно, антигерой.**

Очень много человеческих потерь было, и есть данные даже в Интернете – я интересовалась этим – имеются скрытые данные – больше чем то, что подают. Это вовсе не фактические, т. е. очень много есть скрытого, и уже в наличии информация, что очень сильно одна из стран из тех, которые пострадали, это была территория именно которая сейчас принадлежит Украине. Вот. Ну, это вообще, наверное, это такое самое драматическое событие в украинской истории. Очень много людей погибло, очень много страданий, и очень много, возможно, жизней и судеб чужих было просто так на ветер брошено. Люди жили. Будто хорошо. А здесь пришлось бороться за свою жизнь. Вот.

А герой и антигерой?

Ну, хотя Украина победила в составе Советского Союза, но я Советский Союз – не могу сказать, что это были герои потому, что все делалось руками украинцев: они направлялись в войска, они обеспечивали там снабжение продуктами. Ну, это, наверное, сам Советский Союз как объект был антиге-

От і на тлі цієї боротьби відбувалася і боротьба за власну незалежність, за, можливо, незалежність самих людей, тобто вони старалися... Думка про незалежність, про відокремлення як нації весь час перебувала над людьми. От. І для України це був дуже складний період. Це найбільший голодомор 33-х років. Це ті, що не згадуються. Це є просто важкі часи.

роем, хотя среди побежденных, но относительно Украины – это, наверное, антигерой. Вот и на фоне этой борьбы происходила и борьба за собственную независимость, за, возможно, независимость самих людей, т. е. они старались... Мысль о независимости, об отделении как нации все время витала над людьми. Вот. И для Украины это был очень сложный период. Это самый большой голодомор 33-х годов. Это те, что не упоминаются. Это просто трудные времена.

Краткий обобщающий комментарий по кейсам, содержащим нарративы о Великой Отечественной и Второй мировой войне (поколения 1–4; Харьков, Львов)

При описании событий Великой Отечественной и Второй мировой войны выражены как поколенческие, так и региональные различия. Поколения 2, 3, 4 более информированы о событии, чем поколение 1, что во многом определяется не только влиянием образовательного дискурса, но и воспоминаний родных и близких – участников событий войны. В интервью по стилю и ключевым текстовым характеристикам порой достаточно четко прослеживается грань между высказываниями, детерминированными образовательным дискурсом, и сюжетами устной истории. В массиве интервью представителей поколения 1 и поколения 4 наиболее ярко выражены региональные различия – различные оценки события харьковчанами и львовянами этих поколений, порождающие конфликт интерпретаций. Для поколений 2 и 3 гораздо больше объединяющих львовян и харьковчан оценок и суждений и характеристик языка конфликта, фигурирующих при описании событий войны, чем при описании других событий истории. Поколение 3 львовян и харьковчан объединяет доминирование номинации «Великая Отечественная война».

Для поколений 3 и 4 харьковчан характерна очень высокая и однозначно позитивная оценка события, что проявляется в эмоционально окрашенной лексике, в особенности при описании радости Победы, в восприятии Победы в войне как результата выполнения важнейшей миссии – спасение мира от фашизма (например, кейс 38а, приведенный выше, а также кейсы 94 и 95, которые даны в разделе 4 при описании сюжетов устной истории). Высокая значимость события характерна и для поколений 3 и 4 львовян, но здесь есть различия в нарративах: в интервью харьковчан доминирует «победа советского народа», причем

подчеркивается, что эта победа была достигнута во многом благодаря единству славянских народов, нет противоречий и конфликта интерпретации в описании событий войны, для поколений 3 и 4 львовян нет такой однозначности. Конфликт интерпретаций порождается вплетением в интервью львовян событий 1939 года и оценкой действий УПА, также прослеживается рефлексия по поводу того, была ли эта война Великой Отечественной или уместней рассматривать ее как Вторую мировую – и здесь размышления о том, что было и что есть Отечеством, отображают особенности самоидентификации при описании исторических событий.

В описании этого события проявляется целый ряд моментов, характеризующих солидарное отношение к восприятию и интерпретации событий истории, но имеется и ряд моментов, порождающих конфликт интерпретаций, и в связи с высокой значимостью этого события это создает высокую вероятность лингвистического конструирования конфликтов. Конфликт интерпретаций связан с восприятием события как Второй мировой или Великой отечественной войны, а также с отношением к УПА. В этом смысле обращают на себя особое внимание несколько кейсов поколения 1 (Львов и Харьков), являющихся носителями характеристик языка конфликта, так как за ними кроются различные солидарности (например, «все делалось руками украинцев» и «Советский Союз антигерой» (кейс 46, поколение 1, Львов) противостоит описанию харьковчанами поколения 1 «Победы советского народа». В перспективе планируется углубленное исследование проблем лингвистического конструирования конфликтов, в том числе с выявлением типовых характеристик языка конфликта, отображенных при описании событий войны.

Слабая информированность некоторых представителей поколения 1 харьковчан и львовян (в особенности в тех случаях, когда рассказ не подкреплен воспоминаниями родных и близких как носителей устной истории), а также центрированность на событиях в Украине (что характерно, прежде всего, для львовян, в частности, проиллюстрировано в кейсе 46) и специфика оценочных суждений (как львовян, так и харьковчан поколения 1) во многом объясняется следующим фрагментом интервью.

КЕЙС 47.
ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ

Кстати. Я говорила о своих учебниках, но вот уже отучилась в школе моя дочь, и те учебники, по которым она училась, у нас с мужем вызывали состояние... просто... ступора!!! У меня просто другого слова нет. Сейчас я объясню.

...Мы привыкли, мы общаемся с ребенком. У нас в доме очень много книг. Ребенок у нас читающий, компания у нее такая же... Да... И вдруг где-то на уровне седьмого класса мы обнаруживаем то, что наш ребенок слабо представляет, что там с войной было, с Великой Отечественной... да, где-то это... Нас это ввело в шоковое состояние (ребенок занимался достаточно самостоятельно, мы в этот процесс не вмешивались), взяли этот учебник и прочли. И после того, как мы узнали, что если бы учились по этому учебнику, то мы тоже не узнали бы, кто и с кем воевал. Конечно, не ручаюсь за достоверность цитаты, но события, например, Великой Отечественной войны там подавались таким образом, что, вот... два зверя, монстра – Сталин с Гитлером – воевали друг с другом и дружно пинали бедную «нэньку Украину»... То есть в том описании Украина выступала какой-то третьей, непонятной стороной, которую одновременно... То есть если не вдумываться в формулировки, если смотреть поверхностно, то вообще создавалось впечатление, что, наверное, Сталин с Гитлером были с одной стороны, а Украина – с другой.

Краткий обобщающий комментарий по фрагментам интервью о трех событиях, связанных с конфликтом интерпретаций

Таким образом, события истории, связанные с конфликтом интерпретаций, отображаются по-разному в нарративах львовян и харьковчан. Так, например, в вопросах о Переяславской раде позитивные суждения харьковчан связаны с «присоединением к России», с этим же связаны негативные суждения львовян. В целом, рассказы львовян о Переяславской раде оказались более насыщенными как информацией о событии, так и эмоциями в связи с его восприятием и оценкой.

Одно из ключевых разногласий по поводу интерпретации событий войны связано с отношением к доминированию в восприятии событий Второй мировой войны или Великой Отечественной. Второй значимый

момент разногласий связан с отношением к воинам УПА и воинам Советской армии.

Различия в нарративах о революции определяются как поколенческими, так и региональными особенностями. Восприятие поколениями 4 и 3 харьковчан революции как «Великой Октябрьской» противостоит негативному восприятию этого события поколением 4 львовян. Противоречивое восприятие некоторыми представителями поколения 3 в Харькове во многом соответствует противоречивому восприятию поколением 3 во Львове. Противоречивая оценка события поколением 2 в Харькове противостоит доминирующей негативной оценке поколением 2 во Львове. Для поколения 1 различия в оценочных суждениях львовян и харьковчан практически отсутствуют (если есть рассказ о событии, то он в полной мере соответствует образовательному дискурсу современных учебников истории Украины). Но многие студенты затруднились рассказать что-либо о революции 1917 года, причем студенты Львова показали гораздо меньшую информированность об этом событии, чем студенты Харькова.

Конфликт интерпретаций во многом связан с изменением названий событий, в особенности там, где это влияет на изменение восприятия события как более или менее значимого. Следующие кейсы иллюстрируют некоторые из ситуаций, связанных с переосмыслением номинаций, а также отображают взаимосвязь осмысления событий истории и восприятия современных социальных трансформаций (отчасти – конфликтов в современном обществе).

КЕЙС 48.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

Изменились ли названия этих событий при переходе от советского к постсоветскому периоду? Если да, то с чем Вы это связываете и как к этому относитесь? Как назывались раньше и как сейчас?

Ну, изменились. «Великая Октябрьская революция» - говорили раньше... Я как бы настаивала на том, что «Великая»... А сейчас говорят о перевороте, просто о какой-то катастрофе, хотя это не... я думаю – не катастрофа... Названия изменились диаметрально противоположно. Точно так же «война» – раньше была Отечественная, а сейчас как бы становится уже Вторая мировая война, т. е. как бы уходят какие-то оценки, приходят другие че-

рез вот этот вот, может быть, западный вариант названия, так как они именовали перевороты, и так как именовали войну мировую, просто Вторую мировую войну, так это вот у нас происходит. А оценка дается негативной, противоположной, вот.

КЕЙС 49.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Изменились ли названия этих событий при переходе от советского к постсоветскому периоду? Если да, то с чем Вы это связываете и как к этому относитесь? Как назывались раньше и как сейчас?

Ну, в принципе... татарское иго так и осталось, ничего там, в принципе, там не изменилось потому, что наших политиков это не очень интересует, это очень давний период.

Революцию уже показывают «переворотом», Октябрьскую, а Переяславскую раду вообще историческими событием особым никто сейчас уже не считает. Что, конечно, очень обидно.

КЕЙС 50.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Хорошо, что когда я спрашиваю у своей дочери, кто такой Ленин, она не знает, кто это такой. Может быть, потом, когда она будет изучать историю, она уже без моего личного ощущения или без нашего личного ощущения причастности к этим событиям оценит этого человека спокойно, а значит, более взвешенно, только согласуясь с фактами биографии, а не как с личным чувством обиды или, наоборот, уважения или еще чего-то. Ну, вот так.

КЕЙС 51.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

События, вызывающие полемику по поводу их интерпритации

Наверное, я бы хотел, обозначить, в первую очередь, события 1654г., когда Богдан Хмельницкий подписал... договор об якобы объединении с Россией, да. То есть всегда нам в советские времена утверждалось, что это был дружественный, добровольный шаг украинского народа навстречу дружественному российскому народу, вот. Но сейчас как бы есть понимание

того, что это был очень вынужденный шаг, потому что в свое время как бы Богдан Хмельницкий... как бы вариантов поступка этого просто не было. Он должен был сделать именно так, вот. По этому поводу как бы разногласия есть...

Относительно очень большие разногласия, хотя, я бы так сказал, сейчас, в данный момент уже разногласий практически нет об оценке революции 17-го года. То есть всегда говорилось, что это была там революция, что это было восстание бедных против богатых там и так далее, и так далее, вот. А сейчас как бы четко уже, есть четко сформированное мнение о том, что это был военный переворот... очень небольшой группы людей, которые, собственно, просто вовремя кинули спичку в огонь и пришли к власти. И, собственно, из-за этого начался, грубо говоря, весь этот красный террор, который продолжался 70 лет в Украине, России и во всех остальных странах.

...Разногласия, наверно, по поводу Великой Отечественной войны нету, хотя, опять-таки, можно отметить то, что, в общем-то, многих вещей... много вещей приписывают Сталину. Я бы этого не делал, потому что заслуга Сталина, конечно, какая-то в этой войне есть, но она, скорее всего, негативная, потому что именно из-за его договоренности, из-за договоренности между Молотовым и Риббентропом, собственно, вообще война и началась. Начали делить Европу, начали как бы, что называется, две империи делить влияния и потом, собственно, не поделили, и началась как бы война. Ну, как бы не со стороны Сталина – со стороны Гитлера, но все равно. Сталин больше антигерой, вот.

Относительно независимости Украины 91-го года, наверное, разногласий нет. Это абсолютно правильное, хорошее событие, да.

И, наверное, относительно «оранжевой революции» прошлого года (улыбается) вот, наверно, сейчас есть определенные разногласия, потому что много людей разочаровалось в том, что происходило, что происходит сейчас, хотя, опять-таки, если вспоминать саму революцию, то там есть... были идеалы определенные, отстаивались, а не определенная власть и определенные поступки. То есть сейчас много как бы полемики ведется в плане того, что обещали много и сделали мало. Но как бы основное, за что стояли люди как бы, остается тем же. То есть идеалы демократии там и каких-то, не знаю, прав, свобод основных человека.

КЕЙС 52.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ

Назвіть будь-ласка, кілька конфліктів, які Ви вважаєте найбільш значимими в історії. В історії України і не тільки. Кілька конфліктів, які Ви вважаєте найбільш значимими.

Далеко не будемо ходити. В нас для західних теренів дуже характерний конфлікт визнання, наприклад, воїнів УПА теперішньою владою і попередніми владами і просто вороже ставлення до них учасників, ну, або прихильників Комуністичної партії або просто громадян, мешканців, жителів нашої України, які на південних, центральних, східних теренах держави. Справа в тому, що ця, ці події – вони висвітлювалися абсолютно неправдоподібно, вони не відповідали історичній дійсності. І тому в Україні вже от в тих теренах, що я сказала, створилося невірне уявлення про ці події. І фактично, люди, які захищали кожен крок своєї землі і за це віддали своє життя, були понищені тисячі доль, діти залишилися сиротами, ці люди, ну, були позбавлені нормальної юності. Тобто вони зазнали великих жахіть, і до сьогоднішнього дня, фактично, на рівні держави вони не визнані. Скажем, їм не віддана належна шана.

Назовите, пожалуйста, несколько конфликтов, которые Вы считаете наиболее значимыми в истории. В истории Украины и не только. Несколько конфликтов, какие Вы считаете наиболее значимыми.

Далеко не будем ходить. У нас для западных регионов очень характерный конфликт признания, например, воинов УПА нынешней властью и предыдущими властями и просто вражеское отношение к ним участников, ну, или приверженцев Коммунистической партии или просто граждан, жителей, жителей нашей Украины, которые в южных, центральных, восточных регионах государства. Дело в том, что эта, эти события – они освещались абсолютно неправдоподобно, они не соответствовали исторической действительности. И потому в Украине уже вот на тех территориях, что я сказала, создалось неверное представление об этих событиях. И фактически, люди, которые защищали каждый шаг своей земли и за это отдали свою жизнь, были уничтожены тысячи судеб, дети остались сиротами, эти люди, ну, были лишены нормальной юности. То есть они испытали много всего, и до сегодняшнего дня, фактически, на уровне государства они не признаны. Скажем, им не отдана надлежащая дань уважения.

КЕЙС 53.

«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», ЛЬВОВ, ПОКОЛЕНИЕ 2

«...Ну, скажемо так, «Помаранчеву революцію». До речі, це, я вважаю, революція, а не путч, тому що тут зібралась, дійсно, певна кількість населення України, яка одстоювала свої законні права – права за волю, за правду... Люди, які добирались через перепони на Майдан, щоб підтримати не тільки свій вибір, но свою волю, свою незалежність, жадобу до життя, прагнення до життя, які їхали, кидаючи тут все – роботу, сім'ю, дітей, – напевно, заради того, щоб зробити те, що коли років через десять-двадцять... Щоб доробляли то, що не зробили їхні батьки, предки.

Ну, були різні версії, чутки, що люди туда їхали на Майдан за гроші, їх силою тягнули, чи їх примушували, чи їм платили гроші... Наскільки я знаю, таких, як я, що кинули все і поїхали на Майдан, бо чули, що це є їхня година, їхня хвилина продовжити ідею, дії студентів 91-го року, УПА 40-х, 50-х років, УНР, ЗУНР початку XX століття *(говорить зворушено).* Це було... це просто є просто послідовність кроків. Ми просто є нащадки тих людей. Можливо, непрямі, але ідея існує вічно, поки живе остання людина, яка її підтримує...»

«...Ну, скажем так, «Оранжевую революцию». Кстати, это, я считаю, революция, а не путч, так как здесь собралась, действительно, определенная часть населения Украины, которая отстаивала свои законные права – права на волю, на правду... Люди, которые добирались сквозь преграды на Майдан, чтобы поддержать не только свой выбор, но свою волю, свою независимость, жажду жизни, стремление к жизни, которые ехали, бросая здесь все – работу, семью, детей, – наверное, ради того, чтобы сделать то, что когда лет через десять-двадцать... Чтобы доделали то, что не сделали их родители, предки.

Ну, были разные версии, слухи, что люди туда ехали на Майдан за деньги, их силой тянули, или их принуждали, или им платили деньги... Насколько я знаю, таких, как я, которые бросили все и поехали на Майдан, так как чувствовали, что это их час, их минута продолжить идею, действия студентов 91-го года, УПА 40-х, 50-х годов, УНР, ЗУНР начала XX столетия. (*говорит растроганно*). Это было... это просто, просто последовательность шагов. Мы просто потомки тех людей. Возможно, непрямые, но идея существует вечно, пока жив последний человек, который ее поддерживает...

Кейс 53 привлекает особое внимание, поскольку в нем отображается специфическая позиция львовянина: «оранжевая революция» как продолжение борьбы за справедливость и независимость, начатой в более ранний исторический период, в том числе как продолжение «идеи УПА». И здесь два, казалось бы, непересекающихся сюжета (об «оранжевой революции» и об УПА) оказываются неожиданным образом переплетены, так как оба вплетаются в восприятие своих идентичностей, показывая, каким образом восприятие прошлого детерминирует действия в настоящем и определяет представления о будущем. В связи с этим остановимся подробно на различии представлений о справедливости в историческом прошлом в отношении к событиям Второй мировой и Великой Отечественной войны, к воинам УПА и воинам Советской армии, характерном для представителей Восточной и Западной Украины.

3.4. Советская армия и УПА: конструирование истории и различные представления о справедливости. Конфликтный потенциал идеи примирения

Вопрос об отношении к воинам Украинской повстанческой армии и воинам Советской армии сегодня является достаточно дискуссионным в Украине. Обострение этой проблемы связано с тем, что на уровне государства обсуждается возможность и необходимость дать ветеранам УПА статус участников боевых действий, приравняв их на уровне социальной защиты и предоставления льгот к ветеранам Советской армии, воевавшим в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны. Кроме того, предлагается идея всеобщего примирения между воинами Советской армии и воинами УПА. При этом подчеркивается, что УПА воевала и против фашистов, и против советской власти, отвоевывая независимость Украины. Это во многом созвучно интервью жителей города Львова, где нарративы об этом событии непосредственно связаны с видением справедливости. И в интервью львовян фигурируют высказывания: «это наши братья и сестры», «было бы нормальным компромиссом, если бы им высказали уважение, и уважали и были благодарны» и другие подобные высказывания. Кроме того, некоторые из львовян видят связь современных социальных изменений с предшествующими этому этапами борьбы за независимость (что проиллюстрировано выше в кейсе 53).

Иная позиция является доминирующей в интервью жителей г. Харькова, где часто встречались такие суждения: «УПА – предатели народа советского», «мой дед считал их предателями», «мой дед говорил – они стреляли нам в спину» (в особенности это характерно для поколений 3 и 4, а среди представителей поколений 1 и 2 – для тех, чьи деды воевали в Западной Украине). Есть и более толерантная позиция, характеризующаяся такими суждениями: «просто люди выполняли приказ, поэтому с идеей примирения солидарен, то есть, примирение – это всегда, всегда плюс», позитивное отношение к рядовым бойцам и другие подобные суждения, встречающиеся у представителей 1-3 поколений харьковчан; у представителей 4 поколения харьковчан таких суждений не встретилось).

В ходе проведения углубленных проблемно-ориентированных интервью были зафиксированы достаточно полярные позиции, характер-

ные для жителей Харькова как представителей Восточной Украины и для жителей Львова как представителей Западной Украины. Многие из жителей Львова считают несправедливым, что «воины УПА не признаны на уровне государства», в то время как многие жители Харькова (в особенности, представители поколений 3 и 4) считают несправедливым признание воинов УПА на уровне государства и придание им статуса ветеранов войны.

Именно вопрос, связанный с отношением к УПА в интервью львовян и харьковчан, достаточно часто фигурирует в качестве вызывающего наибольшую полемику и порождающего конфликт интерпретаций. А призывы к примирению вызывают конфликты среди ветеранов. Различные представления о справедливости, связанные с событиями истории, порождают конфликты в современности.

Ниже приводится коллекция кейсов, отображающих типовые суждения по вопросам отношения к УПА и воинам Советской армии, иллюстрирующие различия в отношении к этой проблеме, характерные для представителей Западной и Восточной Украины. Жирным шрифтом выделены фрагменты текста, которые могут рассматриваться как носители характеристик языка конфликта и лингвистические маркеры идентичностей.

КЕЙС 54.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ

Як Ви ставитеся до ідеї примирення ветеранів УПА і Радянської армії?

Та жиби сі помирили. Жиби ті радянські матолки зрозуміли, жи вони хтіли своєї держави, вони не йшли в Росію на їхні землі, і їх там не били. Так чи не? Но вони прийшли на нашу землю і били наших. За що вони боролисі? Вони ж хтіли своєї держави... Вони повинні ще УПА перепросити. А не наїздити на них, як я то чую. Один став і сказав: я до них нічого не маю, не мав і не маю, но я їх не признаю. До чого те говорення? Скажи, чи наші УПА, чи наші партизани в Москві забива... Нє. Правда? **А вони прийшли на нашу землю, і штиками землю пробивали, і шукали, і вбивали наших хлопців.** А за що вони йшли? Вони ж хтіли своєї держави. Ще в якому році то було?

Как в относитесь к идее примирения ветеранов УПА и Советской армии?

Да уже бы пускай помирились. Уже б те советские дураки поняли, что они хотели свое государство, они не шли в Россию на их земли, и их там не били. Да или нет? Но они пришли на нашу землю и били наших. За что они боролись? Они же хотели свое государство... Они должны еще перед УПА извиниться. А не наезжать на них, как я думаю. Один встал и сказал: я против них ничего не имею, не имел и не имею, но я их не признаю. К чему эти разговоры. Скажи, или наши УПА, или наши партизаны в Москве забива... Нет. Правда? **А они пришли на нашу землю, и штыками землю протыкали, и искали, и убивали наших ребят.** А за что они шли? Они же хотели свое госу-

46, 47, 48 – то ще тії хлопці. Ті бідні партизани так говорили. Прийшли в Оліїві до нас до хати і так говорили: «Катрусю, нас не буде, а Україна буде». І я ті всі слова їх пам`ятаю. *Вони ж, бідніï, так скиталися.* Вони ж нещасніï. Морози такіï були. Вони бідніï в тих криївках сиділи. **Їх вбивали, як тих щурів. І вони терпіли, мучилися – і за що? Вони ж не йшли на чуже. Вони на своїй землі були. Чого їх було зачіпати? То полякам вони віддали нашу землю, а за нашу землю нас забивали. Тут вони вже неправі є, і най буде та ціла Червона армія. Вони того не розуміють, що ми нічого не винуватії. Ми нікому не лізли на їхню територію, но захищали свою землю. Хтіли свої держави, бо що ми були бандери, бульбівці, ми були rusini. Ми не були українці. Ми тепер тільки знаємо, що ми є українці, так? І хочемо свої держави, і нехай хто що хоче говорить, а нам треба свою державу. Більше нічого не треба. Я від нікого ніц не хочу. Доки жию – доки мрію про то, щоби та українська держава ще настала.**

дарство. Еще в каком году это было? 46, 47, 48 – это еще те ребята. Те бедные партизаны так говорили. Пришли в Олиево (*прим. – «Олієве» – название села в Тернопольской области*) к нам домой и так говорили: «Катюша, нас не будет, а Украина будет». И я те все слова их помню. Они же, бедные, так скитались. Они же несчастные. Морозы такие были. Они, бедолаги, в тех кацавейках сидели. **Их убивали, как тех крыс. Они терпели, мучились – и за что? Они же не шли на чужое. Они на своей земле были. Чего их было трогать? Это полякам они отдали нашу землю, а за нашу землю нас убивали. Здесь они уже не правы, и пусть будет целая Красная армия. Они этого не понимают, что мы ничуть не виноваты. Мы ни к кому не лезли на их территорию, но защищали свою землю. Хотели свои государства, так как что мы были бандеры, бульбовцы, мы были rusini (произносит с польским акцентом). Мы не были украинцы. Мы теперь только знаем, что мы украинцы, да? И хотим свое государство, и пусть кто что хочет говорит, а нам нужно свое государство. Больше ничего не надо. Я ни от кого ничего не хочу. Сколько живу – сколько мечтаю о том, чтобы это украинское государство еще настало.**

КЕЙС 55.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ

Как Вы относитесь к идее всеобщего примирения между ветеранами Советской армии и ветеранами УПА и УД?

Примирение? Между кем? Я не могу понять. Объясните, пожалуйста. Скажите, пожалуйста, а разве между ними был конфликт до последнего времени? Был какой-то конфликт, который нужно было разрешить в духе примирения? По-моему, ветераны были сами по себе, УПА были сами по себе (возбужденно), они совершенно не соприкасались, и не знаю, кто подал идею нашему президенту их примирить. В результате получился конфликт, а не примирение. Я по телевидению видел передачу – там был опрос. Ветераны вначале говорят: какое может быть примирение с людьми, которые стреляли нам в спину? Бывший УПА кричит: «Яке може бути примирення, вони ж мою хату спалили!» То есть наоборот – вместо примирения получился конфликт. В западных областях Украины на это смотрят так, а в вос-

точных совершенно иначе. Вы же знаете, что во Львове был парад бывших воинов УПА. А что произошло в Киеве, все мы видели. Ну, представьте, что в Харькове парад воинов УПА – как отнесутся к этому харьковчане. Тут даже говорить не нужно.

А как Вы относитесь к тому, чтобы дать воинам УПА статус участников боевых действий?

Абсолютно отрицательно. (*Пауза, вначале тихо, затем все громче и громче*): Они что – прервали блокаду Ленинграда, защищали Сталинград, участвовали в Курской битве, освобождали Харьков или Киев, были героями Корсунь-Шевченкового сражения, они освобождали Польшу, Чехословакию, они штурмовали Берлин?! Против кого они воевали? Против кого? Дивизия «Галичина» – это точно была дивизия СС, я не знаю, черт его, УПА это или не УПА, но дивизия «Галичина» была СС. Евреев, и не только евреев в Бабином Яру расстреливал так называемый «Буковинский курень». Потом этот же «Буковинский курень» по указанию своих немецких хозяев уничтожал Хатынь в Белоруссии. Я могу с кем-то примириться из них? Объясните, пожалуйста! О том, как стреляли в спину нашим воинам, мы знаем. И мне известны события – послевоенный период, когда они ушли в подполье. В западную Украину посылали наших специалистов – это учителя, это врачи, это инженеры, они же их зверски уничтожали. Так все-таки, если говорят, что они сражались против советской власти, так против кого – против партизан же, против кого же еще? Не против фашистов! Ну, назовите мне хоть одно столкновение, ну более-менее большое или малое с фашистами, ну назовите мне его! Я не знаю такого, ни в одной книге. Ну, хоть одно назовите столкновение с фашистами, назовите, пожалуйста, чтобы УПА с фашистами сражались. А руководители УПА – это Степан Бандера, это Мельник и другие. Кстати, между ними тоже были большие разногласия – между петлюровцами и мельниковцами. Большие разногласия были в этом УНА УНСО, УПА. Эти господа встречали фашистов хлебом-солью. Они полностью поддерживали фашистский рейх. В своих прокламациях, в своих газетах они прославляли Гитлера, это же мы знаем, у меня тоже есть такие документы. Т. е. это были холуи фашистов, выполняли их распоряжения, которые действовали полностью как их подопечные холуи, приспешники. Як кажуть, «гитлеровськи посипаки» – это украинское слово, в смысле «холуи». И вот, пожалуйста – я должен с ними... что?? У меня нет с ними ничего – ни конфликта, ни дружбы с ними, ничего абсолютно, и быть не может. Я ответил на ваш вопрос? Может, эмоционально очень...

КЕЙС 56.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ

9 мая 2005 года в связи с шестидесятилетием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, освещающие деятельность УПА и УД в период войны 1941–45-го гг. Также в программах СМИ говорилось об идее всеобщего примирения, о том, что должны примириться те, кто воевали по разные линии фронта. Ваше отношение к этому?

В свое время, будучи в Полтаве на экскурсии, я обратила внимание на то, что шведам, которые потерпели поражение под Полтавой, поставлено два памятника: один памятник от шведского короля своим воинам, которые там погибли, а второй – от русских воинов и Петра Первого как достойному противнику. Поэтому, если брать какие-то в перспективе, в перспективе, какие-то варианты, то, наверно, возможно примирение. Но **когда живы те, кто стоял друг против друга, это здесь сегодня очень болевой вопрос. Он, наверно, не может быть вот так вот решен, однозначно и скоротечно**.

То есть Вы считаете, не пожмут руку ветераны Великой Отечественной и воины УПА?

Нет, нет.

А кто скорее не пожмет, скорее не захочет? Советская армия, воин, или скорее...

Ни те, ни другие, ни те, ни другие. Здесь слишком, здесь слишком...

КЕЙС 57.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

9 травня 2005 року у зв'язку з 60-річчям Перемоги по українських програмах демонструвалися документальні фільми, що висвітлюють діяльність УПА й УД у період війни 1941–1945 року. Також у програмах ЗМІ говорилося про ідею загального примирення, про те, що повинні примиритися ті, хто воювали по різні лінії фронту. Ваше ставлення до цього.

9 мая 2005 года в связи с 60-летием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, которые освещают деятельность УПА и УД в период войны 1941–1945 гг. Также в программах СМИ говорилось об идее общего примирения, о том, что должны примириться те, кто воевали по разные линии фронта. Ваше отношение к этому.

Я вважаю, що взагалі треба визнати УПА, Українську повстанську армію як воюючу сторону. А вони там (далі нерозбірливо, намагається передати слова інших). А ті сказали: ні, **ми не жебраки, ми воювали, ми гинули, ми в бункерах... нас мордували, гранатами били; там, де ми були, також нас вбивали; ми не жебраки... То треба визнати. Але того не розуміють, бо думають, що це ті, які вбивали. Та не вбивали... Вбивали – НКВД, оті загони НКВД, внутрішні війська – то було. А отих солдат військових ніхто не зачіпав, регулярної армії ніхто з УПА не зачіпав – це вигадка. А ті, які тут були, війська по тому – 45-й, 6-й, 7-й роки – це були війська НКВД. Ну, то з ними були, ніде правди діти – була війна.**

А можуть примиритися вони між собою, ті, хто по різні лінії фронту були?

Ну, то вже якось важко сказати. Як то сказати: повинні примиритися, повинні зрозуміти, але... **Можна, щоби те розуміння було, але розуміння передусім тої, другої сторони. А та друга сторона того ніяк не може зрозуміти.** Серед них є, які розуміють.

А УПА готові на примирення?

Так, **УПА ідуть на примирення, там все зрозуміло, то розуміють, що то – наші брати, наші сестри і т. д.** Причому УПА, Ви думаєте, що оті «западні бандери»? Там були і зі східних областей, і вони гинули також. Зі східних... Далеко так не сягало, але Хмельницька область, Вінницька туди, Житомирська – тут було багато їх, Ви знаєте, як не дивно. І то не були зрадники – то були... хлопці воювали. Були, бачите. Небагато їх, але були. Знаєте, навіть з Середньої Азії були трошки, бо вони не мали, де дітися, а то все погинуло, правда, частина на захід прорвалася, через Чехію, туди – там їх арештували. Забрали, потім розпустили, на роботи пішли.

Я считаю, что вообще надо признать УПА, Украинскую повстанческую армию как воюющую сторону. А они там (далее неразборчиво, старается передать слова других). А те сказали: **нет, мы не нищие, мы воевали, мы гибли, мы в бункерах... нас мучили, гранатами били; там, где мы были, также нас убивали; мы не нищие... Это надо признать. Но этого не понимают, так как думают, что это те, которые убивали. И не убивали... Убивали – НКВД, те отряды НКВД, внутренние войска – это было. А тех солдат военных никто не трогал, регулярной армии никто с УПА не трогал – это выдумка. А те, которые здесь были, войска в том – 45-й, 6-й, 7-й года – это были войска НКВД. Ну, с ними были, чего греха таить – была война.**

А могут примириться они между собой, те, кто по разные линии фронта были?

Ну, это уже как-то трудно сказать. Как это сказать: должны примириться, должны понять, но... **Можно, чтобы понимание было, но понимание прежде всего той, второй стороны. А та вторая сторона этого никак не может понять.** Среди них есть, которые понимают.

А УПА готовы к примирению?

Да, **УПА идут на примирение, там все понятно, то понимают, что это – наши братья, наши сестры и т. д.** Причем УПА, Вы думаете, что это «западные бандеры»? Там были и с восточных областей, и они гибли также. С восточных... Так далеко не заходило, но Хмельницкая область, Винницкая туда, Житомирская – здесь было много их, Вы знаете, как ни удивительно. И это не были предатели – это были... ребята воевали. Были, видите. Немного их, но были. Знаете, даже из Средней Азии были немножко, так как им не было куда деться, а то все погибло, правда, часть на запад прорвалась, через Чехию, туда – там их арестовали. Забрали, потом распустили, на работы пошли.

КЕЙС 58.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ

Чи є стереотипи, пов'язані з цими й іншими подіями історії, котрі необхідно подолати? Чи можете Ви назвати історичні події, значення яких необхідно переосмислити?

Ну, то багато є не подій, які треба переосмислювати, а їх трактування. Бо події я не можу... Якщо це відбувалося, якщо хата згоріла, то я не можу переосмислити й сказати, що вона не горіла... Горіла. А якщо про трактування: хто підпалив, і чому це сталося – то вже інша справа.
Ну от, скажімо, подивіться: є УПА – Українська повстанська армія. Люди ж не знають того, як воно відбувалося. Німців вітали: так, вітали – я бачив то, – букети давали їм. Так, німцям військовим давали ті букети; «Danke schön, Danke schön» – дякували вони. Це мирне населення давало.

А чому?

А визволителі... від більшовизму... А тепер у липні у Львові Бандера, Стецько і всі інші проголошують відновлення Української Народної Держави, в ринку отут. Звичайно, що зразу же це стало відомо Гітлеру. Гітлер команду дає Гімлеру, що... *(говорить німецькою)*. Все, Гімлер через пару днів всіх заарештував... Кого застрелили, кого забрали... Все, нема нічого, уряду нема. А Бандеру почали мучити: «Відмовся!» – «Ні!», – він не відмовився. Ні, ніхто не відмовився. Їх забрали в концтабір – сиділи вони там.
Послали тисячі (ну не тисячі, а сотні там хлопців таких молодих, вишколили гарно – націоналістів ОУН) на схід. Отож вони йшли якусь агітацію вели. Після того, як війська німецькі посуваються, щоби державу робити свою. Після цього команда: всіх виарештувати! Всіх до одного – тих націоналістів українських: то бандитен! Й виарештували. І як не дивно, то східні наші брати помагали, показували пальцем... Кому, німцю ти показуєш?! Виарештували, зігнали докупи й у Бабиному Яру всіх розстріляли. Ото не тільки євреїв, там й українців стріляли.
От після цього скінчилося все. Яке було, таке й пішло. То було, і то таке саме. Все, симпатія до

Имеются ли стереотипы, связанные с этими и другими событиями истории, которые необходимо преодолеть? Можете ли Вы назвать исторические события, значение которых необходимо переосмыслить?

Ну, то много есть не событий, которые надо переосмысливать, а их трактовка. Так как события я не могу... Если это происходило, если дом сгорел, то я не могу переосмыслить и сказать, что он не сгорел... Горел. А если о трактовке: кто совершил поджог, и почему это произошло – это уже другое дело.
Ну вот, скажем, посмотрите: есть УПА – Украинская повстанческая армия. Люди же не знают того, как это происходило. Немцев поздравляли: да, поздравляли – я видел это, – букеты давали им. Да, немцам военным давали те букеты; «Danke schön, Danke schön» – благодарили они. Это мирное население давало.

А почему?

А освободители... от большевизма... А теперь в июле во Львове Бандера, Стецько и все другие провозглашают возрождение Украинского Народного Государства, в рынке тут. Конечно, что сразу же это стало известно Гитлеру. Гитлер команду дает Гимлеру, который... *(говорит по-немецки)*. Все, Гимлер через пару дней всех арестовал... Кого застрелили, кого забрали... Все, нет ничего, правительства нет. А Бандеру начали мучить: «Откажись!» – «Нет!», – он не отказался. Нет, никто не отказался. Их забрали в концлагерь – сидели они там.
Послали тысячи (ну не тысячи, а сотни там ребят таких молодых, вышколили хорошо – националистов ОУН) на восток. Так вот они шли какую-то агитацию вели. После того, как войска немецкие продвигаются, чтобы государство делать свое. После этого команда: всех поарестовывать! Всех до одного – тех националистов украинских: это бандиты! И поарестовывали. И что удивительно, это восточные наши братья помогали, показывали пальцем... Кому, немцу ты показываешь?! Поарестовывали, согнали в кучу и в Бабьему Яру всех расстреляли. И не только евреев, там и украинцев стреляли.

німців відпала автоматично. Усе скінчено: бандити є ми для них, а вони для нас – бандити. І тоді почало творитися УПА – Українська повстанська армія, на Волині. Ті молоді хлопці теж пішли. То, то була 50-тисячна армія. То як воно було... Стріляли? Та вони нікого не стріляли, то, то неправда. По тому вже в радянський час прийшли загони (сам пройшов по тому, документи перевіряв), створили спеціально загони там, в Харкові, – то ми не знали й не могли знати...

А які загони?

Загони спеціальних таких – «під УПА»... Вони мали собі переїздити, їх перекидали, вони по ночах ходили, як тінь, вбивали й мордували, кого вважали за потрібне, – і це все йшло в рахунок УПА, що ті вбивають. Ті нічого того не знають, їх навіть у селі не було...

Вот после этого кончилось все. Как было, так и пошло. Это было, и именно так. Все, симпатия к немцам отпала автоматически. Все окончено: мы для них бандиты, а они для нас – бандиты. И тогда начало формироваться УПА – Украинская повстанческая армия, на Волыни. Те молодые ребята тоже пошли. Это, то 50 – тысячная была армия. Это как оно было.... Стреляли? И они никого не стреляли, это, это неправда. После того уже в советское время пришли отряды (сам прошел по тому, документы проверял), создали специально отряды там, в Харькове, – этого мы не знали и не могли знать...

А какие отряды?

Отряды специальных таких – «под УПА»... Они должны были переезжать, их перебрасывали, они по ночам ходили, как тени, убивали и мучили, кого считали нужным, – и это все шло в счет УПА, что те убивают. Те ничего такого не знали, их даже в селе не было...

КЕЙС 59.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ

Интересны воспоминания деда, потому что он был, можно сказать, участником исторических событий. Дедушка у меня... был... сотрудником КГБ и поэтому, конечно, у меня совершенно иное представление о КГБ. На мой взгляд, более доброго и порядочного человека трудно представить до сих пор. И во многом они были теми же жертвами системы, потому что помню рассказы бабушки о том, как они, вернее, как она боялась ночных звонков, и как много из их знакомых и друзей сами пострадали в этой мясорубке.

...А дедушка, он сформировал, он работал в КГБ на транспорте, т. е. он сформировал транспортные перевозки, он даже сформировал партизанский отряд работников железной дороги, работников КГБ, которые воевали, защищали Харьков от фашистов.

...Из очень ярких воспоминаний, и, кстати, они поразили меня ужасом, наверное, и это тоже сформировало мою оценку, например... тех событий, которые сейчас собираются переоценить с точки зрения украинской истории и, вот, дедушка и бабушка говорили о том, дед не говорил, что приходилось бояться, а бабушка говорила о том, что ее ужасало сразу после завершения войны, больше всего она боялась, что деда отправят на запад-

ную Украину, потому что одного из их друзей, которого отправили, тоже сотрудник КГБ, ну... как это сказать, или назвать... бандеровцы живьем распилили на лесопилке.

КЕЙС 60.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Як змінилися назви при переході від радянського до пострадянського періоду? Як назви змінилися і як Ви до цього ставитеся?

Раніше називалася Друга світова війна, окремо вивчався період Великої Вітчизняної війни радянського народу. Раніше була і Велика Жовтнева соціалістична революція – зараз її так не називають, принаймні в багатьох більш стриманих підручниках. Тому мені здається, що справа не так у назвах, тому що назви – це є відображення ідеологічного клімату, який існує, а в тому, що дотепер, я кажу, треба просто дуже добре історикам і широкому загалу осмислити й переосмислити ті події, які відбувалися на теренах України під час цієї війни 41-44-го років. Ясна річ, що зараз не можна однією фарбою замалювати цей період. Але я бачу, що цей період викликає дуже потужні політичні події тепер. Зокрема останнє свідчення – це масове несприйняття в великій частині підрадянської України, несприйняття руху ОУН-УПА і назва людей, які боролися в лавах ОУН-УПА, коли їх зараз називають бандерівцями чи зрадниками України і так далі. І тому я думаю, що отаких «плям», білих, чи рожевих, чи чорних, чи, Бог знає, яких там, в історії війни є дуже багато. І треба досліджувати ці всі події з різних точок зору і будувати об'єктивне бачення цих подій.

Тому що, якщо питаєте мене, то я скажу, наприклад, що оті ж партизани, але вже з боку українського підпілля національного, вони ж не боролися проти українців зі сходу України, вони не боролися проти українців з центру України – вони боролися проти радянської влади... І не на боці Німеччини, тому що як вони тільки спробували створити свій український уряд незалежний в 41-му році, коли прийшли німці, то гітлерівці ж моментом відреагували: всіх позаарештовували, посадили по тюрмах і знищили саму ідею про незалежність України. І тому їм нічого не залишалося, як піти в підпілля й боротися проти німців, а коли прийшли радянські війська, то боротися і

Как изменились названия при переходе от советского к постсоветскому периоду? Как изменились названия и как Вы к этому относитесь?

Раньше называлась Вторая мировая война, отдельно изучался период Великой Отечественной войны советского народа. Раньше была и Великая Октябрьская социалистическая революция – сейчас ее так не называют, по крайней мере во многих более сдержанных учебниках. Поэтому мне кажется, что дело не так в названиях, так как названия – это отображения идеологического климата, который существует, а в том, что до сих пор, я говорю, надо просто очень хорошо историкам и широким массам осмыслить и переосмыслить те события, которые происходили на территориях Украины в течение 41–44-го годов. Понятно, что сейчас нельзя одной краской зарисовать этот период. Но я вижу, что этот период вызывает очень мощные политические события теперь. В частности последнее свидетельство – это массовое невосприятие в большой части постсоветской Украины, невосприятие движения ОУН-УПА и название людей, которые боролись в рядах ОУН-УПА, когда их сейчас называют бандеровцами или предателями Украины и так далее. И потому я думаю, что таких «пятен» – белых, или розовых, или черных, или, Бог знает, каких там, в истории войны очень много. И надо исследовать эти все события с разных точек зрения и строить объективное видение этих событий.

Так как, если спрашиваете меня, то я скажу, например, что те же партизаны, но уже со стороны украинского подполья национального, они же не боролись против украинцев с востока Украины, они не боролись против украинцев с центра Украины – они боролись против советской власти... И не на стороне Германии, так как они только попробовали создать свое украинское правительство независимое в 41-м году, когда пришли немцы, то гитлеровцы же моментально отреагировали: всех поарестовывали, посадили по

проти них. Вони воювали на своїй території, вони воювали за свою країну, і називати їх зрадниками абсолютно некоректно, я вважаю. І тому таких, я кажу, моментів дуже багато.

Згадайте переддень війни, 39-й рік і пакт Ріббентропа–Молотова... Якщо б не знати цього пакту, то можна було б інакше подивитися на ті часи й на ті події, що сталися. Але коли ми тепер знаємо правду про ті часи, то ми можемо абсолютно спокійно сказати й погодитися з тим, що Україна й СРСР був розділений, як і велика частина Європи, між Сталіним і Гітлером. Так що тут це вже очевидно, і з цього не треба виходити, а передусім треба подумати про те, як народи були втягнуті в цю жахливу катастрофу на догоду тій чи іншій ідеології: чи це була фашистська ідеологія, чи це була ідеологія радянська, комуністична... І тому треба уникати такого спрощеного погляду на війну. Я вважаю, що основною жертвою цієї війни був якраз народ України... В Білорусії винищили багато людей, але й в Україні також. Де велися воєнні дії? На території України, всі частини України були втягнуті у цей вихор, дуже багато людей загинуло. І тому мені здається, що отака позиція: «А я – ветеран партизанського *радянського* руху, і тому я мушу виступати різко проти того ветерана *бандерівського* руху чи ОУН-УПА» (*виділене курсивом сказано з наголосом*), – це дуже спрощена позиція. І мені здається, що люди і з тої, і з другої сторони повинні дуже добре розуміти, що вони були просто пішаками в тій грі, яка відбувалася, і коли вони не захотіли бути пішаками, а почали відстоювати українські інтереси. І, бачте, довелося їм воювати і проти німців, а коли прийшли радянські війська, то і проти них. Тому що це була їх земля, і вони хотіли незалежності. Чому це так, важко зрозуміти. Вони ж не йшли на ту Східну Україну й не встановлювали свої порядки. Вони хотіли незалежності, ну бодай, хоч для частини України. А вийшло так, що замість одного агресора прийшов інший. Я дуже добре розумію цих людей, тому що я виросла серед них, і мені їхні аргументи і позиції, які вони обстоюють, якраз є дуже зрозумілими. І я думаю, що тут лише наша історична наука недопрацювала, тому що наразі зараз ця дискусія ведеться на рівні емоцій, а треба показувати конкретні факти: за що воювали, проти кого йшли, кого вбивали, як це сталося, хто посилав тих людей на цю братовбивчу війну, – і тоді, може, було б і менше суперечностей.

тюрьмам и уничтожили саму идею о независимости Украины. И потому им ничего не оставалось, как пойти в подполье и бороться против немцев, а когда пришли советские войска, то бороться и против них. Они воевали на своей территории, они воевали за свою страну, и называть их предателями абсолютно некорректно, я считаю. И потому таких, я говорю, моментов очень много.

Вспомните преддверие войны, 39-й год и пакт Риббентропа–Молотова...Если не знать этого пакта, то можно было бы иначе посмотреть на те времена и на те события, которые произошли. Но когда мы теперь знаем правду о тех временах, то мы можем абсолютно спокойно сказать и согласиться с тем, что Украина и СССР был разделен, как и большая часть Европы, между Сталиным и Гитлером. Так что тут это уже очевидно, и из этого не надо исходить, а прежде всего надо подумать о том, как были втянуты народы в эту ужасную катастрофу на угоду той или иной идеологии: или это была фашистская идеология, или это была идеология советская, коммунистическая... И потому надо избегать такого упрощенного взгляда на войну. Я считаю, что основной жертвой этой войны был как раз народ Украины... В Белоруссии истребили много люди, но и в Украине также. Где велись военные действия? На территории Украины, все части Украины были втянуты в этот вихрь, очень много людей погибло. И потому мне кажется, что такая позиция: «А я – ветеран партизанского *советского* движения, и потому мне нужно выступать резко против того ветерана *бандеровского* движения или ОУН-УПА» *(выделенное курсивом сказано с ударением)*, – это очень упрощенная позиция. И мне кажется, что люди и с той, и с другой стороны должны очень хорошо понимать, что они были просто пешками в той игре, которая происходила, и когда они не захотели быть пешками, а начали отстаивать украинские интересы. И, видите, пришлось им воевать и против немцев, а когда пришли советские войска, то и против них. Так как это была их земля, и они хотели независимости. Почему это так, тяжело понять. Они же не шли на ту Восточную Украину и не устанавливали свои порядки. Они хотели независимости, ну пусть, хотя бы для части Украины. А вышло так, что вместо одного агрессора пришел другой. Я очень хорошо понимаю этих людей, так как я выросла среди них, и мне их аргументы и позиции, которые они отстаивают, как раз очень понятны. И я думаю, что здесь лишь наша историческая наука недоработала, так как сейчас эта

А як ті дивізіони, що були у складі СС?

Ну і скільки їх було? То була одна дивізія СС «Галичина»... А як можна поставитися до визвольної армії Власова? Це ж була ціла армія. Бачте: то дивізія, а то була ціла армія. Але я все рівно думаю, що то була та незначна частка західних українців, яка за допомогою німців вирішила все ж таки очистити чи здобути все ж таки перемогу над радянським режимом. Ну, і тут для мене це просто одна з трагічних сторінок війни, тому що це не означає, що весь український народ на західних областях записався в ту дивізію СС «Галичина». Було багато дуже загонів партизанських, ОУН-УПА, які не воювали в лавах дивізії СС «Галичина». Давайте все чисельно... Чому всі кажуть «дивізія», «дивізіони»... Давайте візьмемо кількість тих українців, які там були. Скажіть мені, скільки там було українців з Західної України, і ми співставимо з населенням Західної України і подивимося, чи це був масовий рух, чи це пішли тільки ті, які були свідомими ворогами і сталінського режиму і, може, не бачили й не хотіли бачити вад німецького режиму. Але їх відсоток був дуже незначним.

А як Ви ставитеся до ідеї примирення 9 Травня? Говорилося про те, що й УПА, й Радянська армія повинні потиснути одна одній руки... Чи можливо це?

Розумієте, ідеї – дуже добра річ, якщо вони хороші. І ця ідея непогана, але це примирення не може бути тому, що от виникла така світла ідея в світлій голові нашого президента. До цього потрібен довгий шлях. Коли людям більше 60-ти років говорили, що вони є радянськими бійцями і що вони воювали за Радянський Союз проти різних ворогів, і в тому числі проти партизанів з ОУН-УПА, з дивізії СС «Галичина», то це не могло не відкластися в свідомості і тих людей, які воювали, і їхніх дітей, їхніх сімей, їхніх родин. І тепер думка, яка консервувалася й насаджувалася 60 років... що, Ви хочете за якихось пару літ благодушних заходів її скасувати? Воно не може бути. Розумієте, це треба мати високий ступінь толерантності в суспільстві, аби примирити якісь крайні полюси... І для цього повинна бути досить велика робота з боку уряду й держави. От, наприклад, поляки як цілий народ перепросились перед євреями, німці перепросилися перед євреями і перед українським народом і т.д. Бачите, нашому народу так само бракує оцієї толерантності, аби

дискуссия ведется на уровне эмоций, а надо показывать конкретные факты: за что воевали, против кого шли, кого убивали, как это произошло, кто посылал тех людей на эту братоубийственную войну, – и тогда, может, было бы и меньше разногласий.

А как те дивизионы, которые были в составе СС?

Ну и сколько их было? Это была одна дивизия СС «Галичина»... А как можно относиться к освободительной армии Власова? Это же была целая армия. Видите: то дивизия, а то была целая армия. Но я все равно думаю, что это была та незначительная частица западных украинцев, которая с помощью немцев решила все–таки очистить или получить все же победу над советским режимом. Ну, и здесь для меня это просто одна из трагических страниц войны, так как это не означает, что весь украинский народ на западных областях записался в ту дивизию СС «Галичина». Было много очень отрядов партизанских, ОУН-УПА, которые не воевали в рядах дивизии СС «Галичина». Давайте все численно... Почему все говорят «дивизия», «дивизионы»... Давайте возьмем количество тех украинцев, которые там были. Скажите мне, сколько там было украинцев с Западной Украины, и мы сопоставим с населением Западной Украины и посмотрим, было ли это массовое движение, или это пошли только те, которые были сознательными врагами и сталинского режима и, может, не видели и не хотели видеть недостатков немецкого режима. Но их процент был очень незначителен.

А как Вы относитесь к идее примирения 9 Мая? Говорилось о том, что и УПА, и Советская армия должны пожать одна другой руки... Возможно ли это?

Понимаете, идеи – очень хорошая вещь, если они хорошие. И эта идея неплохая, но это примирение не может быть потому, что вот возникла такая светлая идея в светлой голове нашего президента. К этому ведет долгая дорога. Когда людям более 60 лет говорили, что они советские бойцы и что они воевали за Советский Союз против разных врагов, и в том числе против партизан из ОУН-УПА, из дивизии СС «Галичина», то это не могло не отложиться в сознании и тех людей, которые воевали, и их детей, и их семей. И теперь мысль, которая консервировалась и насаждалась

зрозуміти, що були оті речі, коли брат знищував брата, батько знищував сина і навпаки і т.д. Були і такі речі. І тут самими гаслами цього не досягнеш. От, на мою думку, краще було б працювати історикам більш активно в цьому плані. Причому не робити свої відкриття для шухляди, для власного користування, а їх оприлюднювати, показати, чому пройшло стільки років, а ми не маємо такого добротного наукового видання, де було би показано ото, що я згадувала на початку. От, роман Вершигори «Люди з чистою совістю» про дії радянських партизан. От, порівняти їх шлях і порівняти шлях партизанів з ОУН-УПА: проти кого воювали, ким підтримувалися, від кого діставали гроші, конкретно в яких діях брали участь, проти кого були ці дії, скільки було втрат серед мирного населення і т.д.

Один коротенький приклад Вам наведу. Радянські партизани... От, Вершигора описує, як партизани Ковпака підривали залізниці і т.д. Але у Вершигори в романі і, до речі, в історичних джерелах Ви не знайдете, що за кожну підірвану колію фашисти страчували по селу мирних жителів на Західній Україні. І, на перший погляд, виглядає прекрасно і рейд радянських партизан, і рапорти: «Підірвано стільки-то залізничних колій, стільки-то ешелонів...», – а ніде не написано, що за це мордували селами... Розумієте?

Описують подвиги Героя Радянського Союзу Кузнєцова (Пауля Зібберта) отут, на західних областях. От він вбив, значить, Коха, він вбив ще там якусь посадову особу з числа німців... Але ж не пишуть про те, що за це розстрілювали сотками, тисячами українське населення, простих людей тут, на Західній Україні.

То виходить, що за успіхи радянських партизанів скільки було крові пролито мирних жителів на Західній Україні? Хто про це згадав?

Через те я вважаю (я сама першу освіту діставала історичну), що це – «біла пляма», що ми не знаємо достеменно... Може, про рейди радянських партизан і знаємо, але ми знаємо однобоко: ми знаємо, скільки там було людей, з ким там бої основні були, їхні звершення, перемоги і поразки і т.д. А чому ми не знаємо, скільки коштував партизанських рух мирному населенню і т.д.? І через те, якщо б усе це підняти, і співставити, й подивитися: хто, де, на чиєму боці воював, що робив і який це мало відголос, крім отих реляцій, про які рапортували – про зрив німецько-фашистського наступу, тому що партизани підірвали всі колії на території

60 лет... что, Вы хотите за каких-то пару лет благородных мер ее отменить? Этого не может быть. Понимаете, это надо иметь большую степень толерантности в обществе, чтобы примирить какие-то крайние полюса... И для этого должна быть довольно большая работа со стороны правительства и государства. Вот, например, поляки как целый народ извинились перед евреями, немцы извинились перед евреями и перед украинским народом и т.д. Видите, нашему народу также не хватает этой толерантности, чтобы понять, что были случаи, когда брат убивал брата, отец убивал сына и наоборот и т.д. Были и такие случаи. И здесь одними лозунгами этого не достигнешь. Вот, по моему мнению, лучше было бы историкам работать более активно в этом плане. Причем не делать свои открытия «в ящик», для собственного пользования, а делать достоянием гласности, показать, почему прошло столько лет, а у нас нет такого добротного научного издания, где было бы показано вот, что я упоминала в начале. Вот, роман Вершигоры «Люди с чистой совестью» о действиях советских партизан. Вот, сравнить их путь и сравнить путь партизан с ОУН-УПА: против кого воевали, кем поддерживались, от кого получали деньги, конкретно в каких действиях принимали участие, против кого были эти действия, сколько было потерь среди мирного населения и т.д.

Один коротенький пример Вам приведу. Советские партизаны... Вот, Вершигора описывает, как партизаны Колпака подрывали железные дороги и т.д. Но у Вершигоры в романе и, кстати, в исторических источниках Вы не найдете, что за каждую подорванную рельсу фашисты казнили по селу мирных жителей на Западной Украине. И, на первый взгляд, выглядит прекрасно и рейд советских партизан, и рапорты: «Подорвано столько-то железнодорожных путей, столько-то эшелонов...», – а нигде не написано, что за это истязали селами... Понимаете?

Описывают подвиги Героя Советского Союза Кузнецова (Пауля Зибберта) тут, в западных областях. Вот он убил, значит, Коха, он убил еще там какое-то должностное лицо из числа немцев... Но не пишут о том, что за это расстреливали сотнями, тысячами украинское население, простых людей здесь, на Западной Украине.

Это значит, что за успехи советских партизан сколько было крови пролито мирных жителей на Западной Украине? Кто об этом вспомнил?

Поэтому я считаю (я сама первое образование получала историческое), что это – «белое пятно»,

коло фронтової смуги, – ну от і давайте подивимося, якою ціною це було досягнуто.
Через те вихід один – пошуки правди. Коли правда буде знайдена й оприлюднена, тоді, можливо, можна буде воювати й зі стереотипами мислення. Тому що стереотипи – це річ така, що дуже довго формується й поволі руйнується. Але воювати зі стереотипами *іншими* стереотипами не можна (*виділене курсивом вимовлено з наголосом*), а можна воювати тільки правдою, коли найдеш.
От, конкретна розмова вояків з будь-якої сторони (що хочете: чи 44-й рік, чи 41-й, чи 43-й)... Давайте будемо розбиратися, як це насправді відбувалося – і тільки тоді правдиві аргументи можуть зруйнувати оці старі стереотипи.

что мы не знаем истинно... Может, о рейдах советских партизан и знаем, но мы знаем однобоко: мы знаем, сколько там было людей, с кем там бои основные были, их деяния, победы и поражения и т.д. А почему мы не знаем, сколько стоило партизанских движение мирному населению и т.д.? И поэтому, если бы все это поднять, и сопоставить, и посмотреть: кто, где, на чьей стороне воевал, что делал и какие это имело последствия, кроме тех реляций, о которых рапортовали – о срыве немецко-фашистского наступления, так как партизаны подорвали все колеи на территории вокруг фронтовой полосы, – ну вот и давайте посмотрим, какой ценой это было достигнуто.
Поэтому выход один – поиски правды. Когда правда будет найдена и оглашена, тогда, возможно, можно будет воевать и со стереотипами мышления. Так как стереотипы – это вещь такая, что очень долго формируется и медленно разрушается. Но воевать со стереотипами *другими* стереотипами нельзя *(выделенное курсивом произнесено с ударением)*, а можно воевать только правдой, когда найдешь.
Вот, конкретный разговор воинов с любой стороны (что хотите: или 44-й год, или 41-й, или 43-й)... Давайте будем разбираться, как это на самом деле происходило – и только тогда правдивые аргументы могут разрушить эти старые стереотипы.

КЕЙС 61.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

...Мое отношение ко всем участникам войны, к рядовым бойцам... к рядовым бойцам и командирам среднего и низкого звена – это люди, которые совершенно не виноваты в войне... и в тех событиях, в которых вели их руководители и политики. И поэтому вот на этом уровне надо, чтобы была дана должная оценка и в таком ключе их надо примирить. Потому что и немецкий солдат, который по приказу шел завоевывать землю, и русский солдат, который останавливал этого немца на территории Украины, и украинский солдат, которому топот сапог с оружием и немца, и русского не устраивал, поскольку нарушен был его быт, его проживание, его семья пострадала, его домашнее хозяйство, в котором он жил и радовался жизни. И поэтому простого человека понять можно. Ему объясняли, что это для улучшения, для того, чтобы этого не было – и он шел. В этом, во всех войнах,

виноваты руководители, которые, преследуя какие-то свои экспансивные, захватнические или какие-то политические цели приводят к кровопролитию в очень больших количествах людей. Украинская поговорка – паны дерутся, а у мужика чуб трещит. Войны – это прерогатива в инициативе богатых, власть имущих, но не простого человека, который занимается выращиванием урожая, воспитанием своих детей. Но политики, запутавшись в своих делах, приводят к большим человеческим жертвам. И это всегда было так, и особенно остро это было во время Великой Отечественной войны, очень остро это было...

Я думаю, что мой отец, он был в каком-то смысле философом, и он во многом остался жив потому, что он находил всегда с простыми людьми взаимопонимание, когда он выходил из окружения на территории Украины, и когда целый ряд... Только за счет простых людей, добрых и порядочных он выжил. Он воевал в Советской армии.

У него никогда антагонизма к нормальным людям нет, у него антагонизм был к предателям, к людям, которые подводили, которые действовали по законам авантюризма.

Я думаю, что, разобравшись в поступках конкретного человека, он пожал бы, пожал, конечно, он бы пожал руку, но предателям он руку не пожал бы никогда.

А кто для него был предатель?

Это же настолько просто! Вот даже идут солдаты, один из них, зная об этом, приотстал...

Кто взял и предал своих товарищей, подставил... Или тот, который был командиром крупной воинской части, как Власов, а потом сдал всю армию немцам. Я считаю, что предателем является тот человек, который, выполняя решение какой-нибудь государственной задачи, на местах переборщили настолько, что создали голодомор.

Я считаю, что должны были как-то противостоять, а не молча выполнять...

КЕЙС 62.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

...Я, допустим, не говорю о войне сорок... Война на этой территории продолжалась в период в междувоенный, так называемый. Была террористическая борьба ОУН против поляков. Террористическая война. Продолжалась она на той территории... ну не только против поляков. Например, когда

в 33-м в Советской Украине был голод, деятели ОУН уничтожали советских дипломатов в знак протеста против искусственно созданного голода.

Есть смысл говорить о такой фазе конфликта, ну, тогда начало Второй мировой – 39-й. А окончилась эта активная фаза, где-то в 50-е годы...

9 мая 2005 года в связи с 60-летием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, освещающие деятельность УПА и УД в период войны 1941–1945 гг. Также в программах СМИ говорилось об идее всеобщего примирения, о том, что должны примириться те, кто воевали по разные линии фронта. Ваше отношение к этому?

В индивидуальном порядке – пожалуйста. А на государственном уровне должно быть уравнивание в их правах, в смысле социальной защиты. Создать миф тоже бы хорошо было.

Какой?

Единения. Ну, если государство делает это, хочет делать. Тоже хорошо было бы создать такой миф. Ну, в принципе, позитивно.

Вы считаете, что это возможно? Примирение тех, кто воевал на стороне Советской армии и те...

Некоторые люди, ветеранские организации, особенно те, которые, с одной стороны, возглавляют коммунисты, а с другой стороны – такие твердые националисты – нет.

А вот Вы наблюдаете сегодня ситуацию во Львове, насколько Вы видите возможность примирения на уровне хотя бы индивидуального? Готовы люди пожать руку?

Ну, есть ветераны. Я знаю одного такого ветерана – этот человек переплыл Днипро. Я знаю, он даже участвовал в каких-то таких массовых акциях примирения. Так что это есть.

Часто это или не слишком часто? То есть насколько это может быть действительно доведено до идеи всеобщего примирения?

Всеобщее примирение невозможно.

В этом смысле, я считаю, есть цель, а есть движение. Движение тоже ценно. Должны быть какие-то просветительские действия со стороны госу-

дарства, не только государства – отдельных людей, организаций и т. д. Делаться должно. То, что оно кого-то убедит или не убедит – это точно.

...Я думаю, что разных точек зрения нет. Ну, по крайней мере с моей стороны. Я думаю, что существует такая вещь, как какая-то историческая ответственность. Историческая справедливость – может, нет, ну, например, отдать Крым татарам или скифам. Историческая ответственность существует. Сам человек определяет, хочет он ее брать или нет. Ну, например, для меня идентичности – это движение УПА в примере большого значения. И поэтому я ощущаю ответственность за те преступления, которые они совершили. Гордость за подвиги и ответственность за преступления.

А как Вы разграничиваете подвиги и преступления?

Вот эти подвиги обычно связаны с моментом героической смерти.

А какие преступления?

Ну, убийство мирного населения. То есть я готов признать это.

Да, я не знаю... Это в действительности такие абстрактные вещи, да, потому что ну, ответственен – что? С меня зарплату снимут, если я признаю свою историческую ответственность? Вообще, с одной стороны, человек как бы тяготеет к тому, чтобы воспринимать свою жизнь как что-то значимое. Мы придумываем разные смыслы. Мы вписываем себя в какие-то большие истории, да. Вот это драматургия (!) – война, тысячи жертв, герои и антигерои. И я где-то там. Это имеет отношение ко мне? Приятно. В принципе, это психологический механизм, который характерен, наверно, для многих людей.

КЕЙС 63.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

А каково ваше отношение к УПА и к УД в вопросах о войне 1941–1945 гг.?

А какое может быть отношение к людям, которые воевали за свою независимость? Хорошее отношение, естественно, скажем так, в любой армии были нормальные люди и были свои бандиты, что в Советской армии были дезертиры и мародеры, может быть и были люди в УПА, которые пошли с корыстной целью туда, но в основном это была светлая идея – избавиться от оккупации, причем от трехсторонней оккупации – поляки, немцы и большевики, т. е. россияне.

А как Вы относитесь – 9 мая 2005 года в связи с 60-летием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, освещающие деятельность УПА и УД в период войны 1941–1945 гг.? Также в программах СМИ говорилось об идее всеобщего примирения, о том, что должны примириться и те, кто воевал по разные линии фронта. Ваше отношение к этому?

У меня хорошее отношение, потому что, скажем так, не было бы Советской армии, не было бы и победы над фашистами, но, скажем так, если бы Советская армия победила немцев и вернулась в свою территорию, а не заняв при этом пол-Германии, и поделившись, скажем так, с Англией и с Америкой сферой влияния, т. е. это уже захватническая политика, я считаю, что, с одной стороны, не надо преувеличивать просто заслуги Советской армии, ну, скажем так, это в основной массе народ победил, а не идеология коммунистическая. Примирение с УПА, конечно, должно быть, конечно, потому что люди должны понимать – воины, ветераны Советской Армии, что они же не вернулись в Россию, не сказали, «Украина, пожалуйста, будьте самостоятельными и делайте в своей избе порядок как хотите». Они были в своей мере оккупантами других территорий, этот пакт Риббентропа–Молотова, когда карты рисовались как договорилось, т. е. отдача Перемышля, Холмщина взамен на Прибалтику, это понятно, что Прибалтика – лучший плацдарм для атаки на Германию.

КЕЙС 64.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Каково ваше отношение к УПА и к УД в вопросах о войне 1941–1945 гг.?

Я не очень понимаю, что такое УД, но УПА – я понимаю, что это такое. Мое отношение? Спокойное совершенно, можно сказать, что равнодушное. То есть если эти люди действительно боролись за свободу и независимость Украины и не убивали простое мирное население ни за что ни про что – ну, честь им и хвала. Но в этом, опять же, разберется только история. Не наша современная история, которая сейчас заполитизирована, а через какие-то, какие-то большие промежутки времени.

Поэтому примирять сейчас кого-то, вот мы хотим примирить УПА и тех, кто прошел Великую Отечественную войну на стороне Советского Союза – к чему это? Не могут эти люди примириться. Они были по разные стороны... как это? Они стреляли друг в друга, и они вдруг теперь пожмут друг другу руки? Мне кажется, это очень болезненно для них. Это болез-

ненно для нас, хотя мы имеем к этому отношение только по рассказам. А для них это болезненно в первую голову.

Мне кажется, эти все примирения – они слишком ранние еще. Должно пройти время. Может быть, когда-нибудь потом общий памятник на земле поставят всем, кто воевал за независимость, за свободу своих народов. Вот общий памятник большой. Но это будет не скоро. А пока... Воевали они – молодцы, хорошо. Эти тоже освобождали, ну, которые на стороне СССР – тоже молодцы, тоже честь им и хвала.

То, что им социально это как-то все... ну, да, тем, значит, вроде как какие-то как ветеранам социальные блага, а те не причислены к ветеранам. Ну, ребята, ну, все мы живем в этом мире. Не все мы обладаем этими социальными благами, хотя многие, может, и заслуживают. Но так жизнь складывается. Нельзя всем раздать вот поровну. Справедливости нет как таковой. Если справедливость существует к одному человеку, то к другому это может быть уже несправедливость. Поэтому, ну, тонкий вопрос.

Если ты гордишься этим – гордись. Если ты считаешь, что ты был прав. Ну, твое право. Не надо это возводить в ранг политики и делать из этого какие-то общенациональные проблемы.

Хотя, может, я не права. Я сужу со своей узкой такой этой... Может им это кажется, что это общенациональная проблема. Каждый со своей колокольни смотрит.

КЕЙС 65.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

Які події історії, на Вашу думку, сьогодні викликають найбільші розбіжності й полеміку із приводу їхніх інтерпретацій?

Саме питання Української повстанської армії. Хочуть офіційно признати воїнів, а з іншого боку, люди, які були по іншу сторону, вони мають... і суперечності меж цими людьми – вони найбільш гострий удар на даний момент. Я вважаю, що, в принципі, і ті праві, і ті праві, просто обидві сторони мають свою правду. Я вважаю, щоб були би нормальним компромісом, коли би і тих, і тих, як то кажуть, і вшановували, і поважали, і були вдячні.

Какие события истории, на ваш взгляд, сегодня вызывают наибольшие расхождения и полемику по поводу их интерпретаций?

Именно вопрос Украинской повстанческой армии. Хотят официально признать воинов, а с другой стороны, люди, которые были по другую сторону, они имеют... и разногласия между этими людьми – они наиболее острый удар на данный момент. Я считаю, что, в принципе, и те правы, и те правы, просто у обеих сторон своя правда. Я считаю, что было бы нормальным компромиссом, если бы и тех, и тех, как это говорят, и уважали, и были признательны.

КЕЙС 66.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

9 мая 2005 г. в связи с 60-летием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, освещающие деятельность УПА и УД в период войны 1941–1945 гг. Также в программах СМИ говорилось об идее всеобщего примирения, о том, что должны примириться те, кто воевали по разные линии фронта. Ваше отношение к этому?

В принципе, мое отношение, что... я думаю, примиряться они не должны, они никогда не примирятся, так как они... для них это были очень сильные воспоминания, то они не примирятся и даже их и не надо пытаться примирить, т.е. пусть будет, допустим, это как бы отдельно... параллельно существовать, т.е. есть люди, которые воевали и они всегда будут правы, т. е. нету таких людей, который бы себя в чем-то обвинял, даже, если он... его просто заставила ситуация жизненная там поступать так, вот, т.е. был он там на стороне УПА. УНА УНСО, допустим, воевал он против... с немцами против Советского Союза, т. е. он считал, что Советский Союз это зло, вот. Люди, которые были по эту сторону, допустим советские войска, ну, военные там и люди, которые воевали, они считали наоборот, они считали по другому, т. е. была нотка патриотизма у этих людей и еще, т.е. они верили, ну, просто люди во что-то верили и естественно к этому шли... Хотя я считаю, я лично я допустим, себя отношу... больше на стороне людей, которые, ну патриоты, патриотами себя считают. Ну, я не считаю, допустим, себя патриотом, по крайней мере я, мне по душе именно те люди, которые были в то время патриотами, вот, таким образом. Я как бы на стороне вот именно противников националистов, т. е. как бы УНА УНСО.

КЕЙС 67.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

Я скажу следующее, значит: примирить людей, которые воевали, наверное, невозможно, потому что люди, которые воевали, которые там, грубо говоря, на глазах которых убивали их друзей, не важно с одной или с другой стороны – наверное, примирить нельзя. Точно так же, как нельзя ветеранов-немцев, которые воевали за Гитлера, да, примирить с ветеранами-нашими, которые воевали за Сталина, грубо говоря, да. То есть этих людей примирить, наверное, нельзя. Нужно просто, как это ни страшно звучит, подождать пока они умрут, вот.

А поколения там уже – сыны, внуки, правнуки, вот этих людей можно примирять. Потому что жизнь идет, она не останавливается, и я уверен в том, что, допустим, я абсолютно спокойно, как, допустим, и человек там, у которого там брат деда был где-то там, на стороне УПА (ну, может быть не в самой УПА, но где-то рядом участвовал во всем этом деле, да, в каком-то партизанском движении), я абсолютно думаю, что найду спокойно общий язык с человеком, у которого дед, например, был, воевал за Гитлера, или воевал за Сталина на стороне Советского Союза. Я считаю, что я, несмотря на то, что я как внук там отношение имею к одной из воюющих якобы сторон, да, я думаю, что я найду общий язык.

Поэтому примирение возможно, наверное, в нашем поколении, возможно в поколении наших детей. Если, опять-таки, исторически правильно высвечивать события, не нагнетать, что вот тут бандиты, а вот эти правильные. Показывать ситуацию вообще, как была, и отстаивать основную мысль, что есть Украина, и всегда у этих людей была (у этих, которые третья сторона – УПА), была единственная мысль – независимая Украина, независимое государство.

У тех была имперская часть мышления – захватить как можно больше территории, и у тех, у немцев, тоже была, как можно больше захватить. А у этих – третьей стороны – была единственная мысль, они не хотели Германию захватывать или Москву брать штурмом, они хотели, чтобы Украина была независимой. Вот с этой интерпретации, я думаю, многие вещи можно объяснить.

КЕЙС 68.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ЛЬВОВ

Звичайно, в мене в родині обговорювалася історія України, так і Західної України, коли вона була під Австро-Угорщиною чи Польщею. Ну, які запам'яталися історії, то ще з дитинства, як я слухав від батьків, – то було про голодомор 33-го року.

А як вони називали це? Голодомор? Цим словом?

Так.

Потім Друга світова війна – це було загальне обговорення було, протягом багатьох років, я дуже добре то запам'ятав. Ну, там ще про визвольну боротьбу таке було, там про Богдана Хмельницького згадували, про Івана Мазепу і обговорювалась Конституція Пилипа Орлика, вона в мене так... То, здається, якщо 1610 рік. То так у мене 5 квітня, коли була проголошена ніби Конституція Пилипа Орлика, то мені запам'яталося, бо завжди мені по-

Конечно, у меня в семье обсуждалась история Украины, так и Западной Украины, когда она была под Австро-Венгрией или Польшей. Ну, которые запомнились истории, это еще с детства, как я слыхал от родителей, это было про голодомор 33-го года.

А как они называли это? Голодомор? Этим словом?

Да.

Потом Вторая мировая война – это было общее обсуждение было, на протяжении многих лет, я очень хорошо это запомнил. Ну, там еще про освободительную борьбу такое было, там о Богдане Хмельницком упоминали, про Ивана Мазепу и обсуждалась Конституция Орлика, она у меня так... Это, кажется, где-то 1610 г. Это так у меня 5 апреля, когда была провозглашена будто Конституция Орлика, это мне запомнилось, так как

вторювали батьки, що то була перша конституція у світі.

Яку роль у сприйнятті подій історії грають спогади Ваших рідних й близьких, епізоди сімейної історії? Згадайте найбільш важливі сюжети, що запам'яталися Вам з історії Вашої родини, насамперед, пов'язані з історією суспільства, але й не тільки.

А, ну основні такі сюжети з розповіді моїх батьків і там дідів, прадідів загально були про Другу світову війну, бо вони якраз то все пережили, то мої прадід і прабабця. То мені зараз розказувати, які там більш-менш події були, так?

Так, які сюжети Вам більш запам'яталися?

Просто довгий час мої батьки і, ну, там взагалі, не передавалося і то не розголошувалось, що там було всередині, бо боялися, ну, як натиску від, бо тоді було ще, комуністичної влади, тоді, як був СРСР, от якраз тоді про то і не говорив навіть. Бо завжди були в такому страху. Бо я знаю, як мені розказували, що навіть після... близько в 70-х роках то було, моїх прабатьків викликали ще в зараз СБУ, а тоді НКВД, здається, КДБ, о, КДБ. Бо була така ситуація, що мій прадідусь, він був спочатку тут тільки почалося в 39 році заворушення, можна сказати, на Західній Україні, коли більш Західної України перейшло до складу Советського Союзу. Тоді в 43-му році створилося таке, як була дивізія СС Галичина, яку відносять більш до німецької ... ну це я можу дуже довго розказувати... І мій дідусь, як більшість тут юнаків, яким було 17–18 років, вони пішли тоді в ту дивізію СС «Галичина». Їх тоді (пам'ятаю, бо мене вразило) набрали спочатку 80 тисяч людей. І от, як мій дідусь розказував, що між собою сперечалися, хто піде. Ті беруть такі метрики, як медично кажуть, метрики, і діставали хтось чужу метрику, щоб бути здоровим. Бо туди не було легко попасти, і таким чином хотіли попасти туди, але відібрали потім 13 тисяч лише, з тих 80-ти тисяч. І відправили в Негамер у Німеччину. Вони прийшли (ну, дуже довга ця історія), і коли вже їх відправили в Броди, там був і разом мій дідусь, то був бій під Бродами, Бродовський котар.

А хто їх відправив?

То вони йшли із батальйоном, зараз, не Люксембург – Бранденбург 800, відправили сюди, в Броди, ніби як захищати... Всі вважали, що то дивізія СС – то була ніби каральна дивізія, які

всегда мне повторяли родители, что это была первая конституция в мире.

Какую роль в восприятии событий истории играют воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории? Вспомните наиболее важные сюжеты, которые запомнились Вам из истории Вашей семьи, прежде всего, связанные с историей общества, но и не только.

А, ну основные такие сюжеты из рассказа моих родителей и там дедов, прадедов, в общем, были про Вторую мировую войну, так как они как раз это все пережили, это мои прадед и прабабка. Это мне сейчас рассказывать, какие там более или менее события были, да?

Да, какие сюжеты Вам более всего запомнились?

Просто долгое время мои родители и, ну, там вообще, не передавалось и это не разглашалось, что там было внутри, так как боялись, ну, как давления, так как тогда было еще, коммунистической власти, тогда, как был СССР, вот как раз тогда про это и не говорил даже. Так как всегда были в таком страхе. Так как я знаю, как мне рассказывали, что даже после... где-то в 70-х гг. это было, моих прародителей вызвали еще в сейчас СБУ, а тогда НКВД, кажется, КГБ, о, КГБ. Так как была такая ситуация, что мой прадедушка, он был сначала здесь только начались в 39-м году волнения, можно сказать, на Западной Украине, когда большинство Западной Украины перешло в состав Советского Союза. Тогда в 43-му году создалось такое, как была дивизия СС «Галичина», которую считают более немецкой ... ну это я могу очень долго рассказывать... И мой дедушка, как большинство здесь юношей, которым было 17-18 лет, они пошли тогда в ту дивизию СС «Галичина». Их тогда (помню, так как меня поразило) набрали сначала 80 тысяч людей. И вот, как мой дедушка рассказывал, что между собой спорили, кто пойдет. Те берут такие метрики, как по-медицински говорят, метрики и доставали некоторые чужие метрики, чтоб быть здоровым. Так как туда было нелегко попасть, и таким образом хотели попасть туда, но отобрали потом только 13 тысяч, с 80 тысяч. И отправили в Негамер в Германию. Они пришли (ну, очень долгая эта история), и когда уже их отправили в Броды, там был и мой дедушка, то был бой под Бродами, Бродовский котел.

А кто их отправил?

Это они шли с батальоном, сейчас, не Люксембург – Бранденбург 800, отправили сюда, в

спричиняли ніби злочини над людством. От якщо читати книжки, то можна в порівнянні; одні кажуть: нє, не так було. Бо я дуже багато спілкувався з дивізійниками; я входжу в національну організацію «Пласт», і там досить ми знайомі з цим, і я там слухав більшість розповідей, і порівнював, що там говорили, що десь писали. Тобто була така порівняльна характеристика. І там йшлося, як що коли вже був бій, тоді дуже загинуло близько 10 тисяч вояків там. І мій дідусь був поранений. І відправили його в лазарет ніби, і він звідти повернувся додому вже. Повернувся додому, аж тоді ніби шукали людей, які не пішли в радянську армію, і їх мусили...

Мусили що?

Ну, то я не знаю, як порівняти – ніби які репресії. Ну, вони були ніби зрадники народу. То, правда, з бабциних розповідей тепер вже, його дочки. Вона тоді, на той час, була маленькою, близько семи років мала. І коли він прийшов, що хтось там сказав, що мають прийти зараз дивитися, чи є він прийшов. І він сховався в підвал, і пришов до моєї бабці майор, і там спитався типу: «Де твій тато?» А вона каже: «Та тут, – каже, – в підвалі». Тоді той майор, – може, можна сказати, добра людина, – взяв ту мою бабцю, привів до її мами і каже: «Заберіть дитину, – каже, – бо вона наробить вам горя». І вони так пішли. Тобто то був такий випадок, який мене вразив, що всі сприймають – кажу ще раз, повторююсь – сприймають як зрадників, але... Якщо Ви бачили фільм «Нескорений», там є дуже гарний момент, коли Роман Шухевич казав, що ми не давали присягу на вірність Гітлеру і Німеччині, ми давали присягу на вірність Україні. Тобто і так само, як і дивізія та Галичина, Перша українська дивізія національної армії, вона так само віддала присягу на вірність Україні, а навпаки, не Німеччині. От такий один із моментів, про то можна багато говорити.

Ще дуже було обговорення в моїй сім'ї про Українську повстанську армію, про радянські війська. Бо мій дідусь після того, як він вже вирішив, що він хоче ... *(нерозбірливо одне слово)*... проблему родини, бо якщо би найшли його, тобто було б його родину кудись відвезли: чи на Сибір, чи в Магадан. І він пішов ніби сам у Радянську армію, його зразу відправили на фронт. І читаючи листи мого дідуся з фронту, я любив їх просто перечитувати, і він вже під Берліном 23 квітня 44 року загинув. То вже останній лист написав його товариш, який написав, що ваш чоловік там заги-

Броды, будто бы защищать... Все считали, что это дивизия СС – это была будто карательная дивизия, которая совершила будто преступления над человечеством. Вот если читать книжки, то можно в сравнении; одни говорят: нет, не так было. Так как я очень много общался с дивизионщиками; я состою в национальной организации «Пласт», и там мы достаточно знакомы с этим, и я там слушал большинство рассказов, и сравнивал, что там говорили, что где-то писали. То есть была такая сравнительная характеристика. И там говорилось, что когда уже был бой, тогда очень погибло около 10 тысяч воинов там. И мой дедушка был ранен. И отправили его в лазарет будто, и он оттуда возвратился домой уже. Возвратился домой, и тогда будто искали людей, которые не пошли в советскую армию, и их должны были...

Должны были что?

Ну, это я не знаю, как сравнить – будто какие–то репрессии. Ну, они были будто предатели народа. Это, правда, по бабушкиным рассказам теперь уже, его дочери. Она тогда, на то время, была маленькой, около семи лет было. И когда он пришел, что кто-то там сказал, что должны прийти сейчас смотреть, пришел ли он. И он спрятался в подвале, и пришел к моей бабке майор, и там спросил, типа: «Где твой отец?» А она говорит: «Да здесь, – говорит, – в подвале». Тогда тот майор, – может, можно сказать, добрый человек, – взял мою бабку, привел ее к маме и говорит: «Заберите ребенка, – говорит, – так как она наделает вам горя». И они так пошли. Т. е. то был такой случай, который меня поразил, что все воспринимают – говорю еще раз, повторяюсь – воспринимают как предателей, но... Если вы видели фильм «Непокоренный», там есть очень хороший момент, когда Роман Шухевич говорил, что мы не присягали на верность Гитлеру и Германии, присягали на верность Украине. Т. е. и также, как и дивизия и «Галичина», Первая украинская дивизия национальной армии, она также присягнула на верность Украине, а наоборот, не Германии. Вот такой один из моментов, о том можно много говорить.

Еще очень было обсуждение в моей семье про Украинскую повстанческую армию, про советские войска. Так как мой дедушка после того, как он уже решил, что он хочет... *(неразборчиво одно слово)* проблему семьи, так как если бы нашли его, т. е. его семью куда-то бы отвезли: или в Сибирь, или в Магадан. И он пошел будто сам в Советскую

нув. І я читав там: ото і було «ідем, ідем, сьогодні бій, там, під Берліном». Він же під самим Берліном, за 5 кілометрів загинув *(далі фраза нерозбірлива, щось на зразок «Вічна пам`ять»)*

А яке ваше ставлення до УПА і УД в питаннях про війну 1941–1945 роках і як Ви ставитесь до ідеї загального примирення?

Тут та є ідея цілком двобічна. **Просто УПА не було ворогами Радянської армії, вони більше були ворогами більшовиків, ніж Радянської армії**. Читаючи багато книжок якраз про УПА, там можна зустріти, що верталася радянська армія і зустріла по дорозі УПА, і вони не стріляли один в одного. Там, наприклад, був дуже гарний момент в повісті «Ліс – наш батько» (я не пам'ятаю автора, але пам'ятаю саму назву книжки). Там було дуже гарно описано, як якийсь там чиновник, не пам'ятаю звання, побачивши бійців УПА, сказав: «Скільки в нас там є мішків хліба?» Відповіли йому: «80». Він каже: «Віддайте 50 їм». Тобто було цілком нормальне відношення з червоними, УПА так само воювали проти німців, не тільки проти більшовиків, і примирення... Недавно, Ви чули, може, що розсекретили архіви – знайшли тіло Шухевича, Ви знаєте, генерала, хорунжого Української повстанської армії. Тобто всі думали, що його в Білогорщі, він *(нерозбірливо слово)* сам себе гранатою підірвати. Його тіло найшли на Волині, спаленим, втопленим і, здається, без голови. Ну, і примирення цілком, в принципі, можливо, але то залежить від кожної людини, як вона, від тих вояків то залежить лиш, то їхня справа, вояків. Бо ми не можемо, наприклад, я не можу говорити, що їм потрібно примиритись. Тому що, не знаю, як там хто може один одному чи пробачити, от є так само факти, що перевдягалися в упівське вбрання і йшли вони, населення тероризували. Так само можливі будь-які варіанти, бо ніхто не знає насправді, який був момент.

армию, его сразу отправили на фронт. И читая письма моего дедушки с фронта, я любил их просто перечитывать, и он уже под Берлином 23 апреля 44 г. погиб. Уже последнее письмо написал его товарищ, который написал, что ваш муж там погиб. И я читал там: вот там и было «идем, идем, сегодня бой, там, под Берлином». Он же под самым Берлином, за 5 километров погиб *(далее фраза неразборчивая, что-то подобное «Вечная память»)*

А каково ваше отношение к УПА и УД в вопросах войны 1941–1945 гг. и как Вы относитесь к идее всеобщего примирения?

Здесь и есть идея целиком двусторонняя. Просто **УПА не было врагами Советской армии, они, скорее, были врагами большевиков, чем Советской армии.** Читая много книжек как раз про УПА, там можно встретить, что возвращалась Советская армия и встретила по дороге УПА, и они не стреляли один в другого. Там, например, был очень хороший момент в повести «Лес – наш отец» (я не помню автора, но помню само название книжки). Там было очень хорошо описано, как какой-то там чиновник, не помню звания, увидев бойцов УПА, сказал: «Сколько у нас там мешков хлеба?» Ответили ему: «80». Он говорит: «Отдайте 50 им». Т.е. были вполне нормальные отношения с красными, УПА также воевали против немцев, не только против большевиков, и примирение... Недавно, Вы слыхали, может, что рассекретили архивы – нашли тело Шухевича, Вы знаете, генерала, хорунжего Украинской повстанческой армии. То есть все думали, что его в Белогорще, он *(неразборчиво слово)* сам себя гранатой подорвал. Его тело нашли на Волыни, сожженным, утопленным и, кажется, без головы. Ну, и примирение вполне, в принципе, возможно, но это зависит от каждого человека, как он, от тех воинов это зависит лишь, это их дело, воинов. Так как мы не можем, например, я не могу говорить, что им нужно примириться. Так как, не знаю, как там кто может друг другу или извинить, вот есть также факты, как переодевались в одежду УПА и шли они, население терроризировали. Также возможные любые варианты, так как никто не знает на самом деле, какой был момент.

КЕЙС 69.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА), ЛЬВОВ

Добре. І ще одне таке питання. Воно викликає часом дискусії – от як Ви ставитеся до УПА? Ви знаєте, що таке УПА?

Так, я знаю, що це таке, але я ніяк не ставлюся до УПА. Нейтрально.

Добре. А от віднедавна частіше піднімається тема примирення воїнів УПА і Радянської армії. Як Вам здається, потрібно це примирення чи ні?

Ніколи, чесно кажучи, про це не думала, і взагалі, цей період і ця тема мене взагалі не хвилює. Не цікавить. Але я думаю, що це... Ну, тобто нащо це зараз робити, я, взагалі, не розумію. Навіщо примирювати. Так само як зараз примирювати зараз по всій Україні чи когось. Ну якщо був якийсь конфлікт, то він залишиться, а для кого це зараз, нікому це примирення не потрібне. Якщо вони хочуть примиритися, там побрататися, то нехай примирюються, але особисто мені від цього абсолютно, і більшості людей, можливо, все одно, напевно.

Хорошо. И еще один такой вопрос. Он подчас вызывает дискуссии – вот как Вы относитесь к УПА? Вы знаете, что такое УПА?

Да, я знаю, что это такое, но я никак не отношусь к УПА. Нейтрально.

Хорошо. А вот с недавних пор все чаще поднимается тема примирения воинов УПА и Советской армии. Как Вам кажется, нужно это примирение или нет?

Никогда, честно говоря, об этом не думала, и вообще, этот период и эта тема меня вообще не волнует. Не интересует. Но я думаю, что это... Ну, т. е. зачем это сейчас делать, я, вообще, не понимаю. Зачем примирять. Все равно как сейчас примирять сейчас по всей Украине или кого-то. Ну если был какой-то конфликт, то он останется, а для кого это сейчас, никому это примирение не нужно. Если они хотят примириться, там побрататься, то пусть мирятся, но лично мне от этого абсолютно, и большинству людей, возможно, все равно, наверное.

КЕЙС 70.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

9 мая 2005 г. в связи с 60-летием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, освещающие деятельность УПА и УД в период войны 1941–1945 гг. Также в программах СМИ говорилось об идее всеобщего примирения, о том, что должны примириться те, кто воевали по разные линии фронта. Ваше отношение к этому?

Да, наверное, они должны примириться все-таки. То, что опять же было, оно уже было и... Те люди уже в возрасте, многие уже поумирали и, в принципе, были другие совершенно государства. Сейчас уже изменилась географическая карта, политическая карта Европы, поэтому надо просто действительно помириться, я считаю, найти какие-то консенсусы в этом вопросе, и забыть... нет, забыть нельзя, потому что историю забывать нельзя. Ну, просто забыть вражду, скажем так, сегодняшним поколением, сегодняшним людям события тех дней, не враждовать между собой, вот в этом плане.

А Вы считаете это возможно, чтобы пожали руку воин УПА и воин Советской армии?

Наверное, нет.

Почему, как Вы думаете?

Потому что, не знаю, мне кажется, что невозможно. Я пару раз слышал выступления в Народной Раде депутатов с одной и с другой стороны. Одни говорят, одни против этого, другие, мы воевали, мол, за Советский Союз, а вы там непонятно с кем. А те говорят, нет, мы за Украину, а вы непонятно с кем, поэтому на сегодняшний момент, наверно, это невозможно, т. е. просто люди... с другой стороны, их тоже можно понять, потому что они отдавали жизнь за какую-то идею и поступиться этими идеями, предать их, наверное, они тоже не могут, переступить через свои какие-то идеалы, ценности.

И те и другие?

Я, думаю, и те, и другие.

А вот ваш дед смог бы, который воевал в Советской армии?

Нет. Потому что он умер еще в 99-м году и за несколько лет до смерти поднимался такой вопрос, вот, мол, Западная Украина, то, се. Он был категорически настроен против них.

Против кого?

Против ОУН-УПА, против них.

А что он говорил, может Вы помните?

Нет. Ну так ничего не говорил, может, я не помню. Я помню – это четко его была позиция... что ОУН-УПА – предатели народа советского.

Это вот так он и говорил?

Да, да, да.

КЕЙС 71.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

То есть речь идет, я так понимаю, о ветеранах войны. *(Пауза.)* Вопрос, как бы. Затрудняюсь ответить. Дело в том, что я не знаю, как, все подоплеки, как, ну, что ощущали, допустим, люди, которые в те годы воевали и как они ощущали события, которые происходили. Они, безусловно, по-своему это, как бы, ощущали, я думаю, ответить только они могут на этот вопрос. Хотя, в принципе, идея общего примирения, ну, это были, скажем так, люди, как бы, они жили в тот момент. И раз, как бы, война шла, значит, откуда-то все это исходило, но, как бы, не от всех это исходило, а были, как бы, руководители. Допустим, если назвать, Гитлер, там. И просто люди выполняли приказ, как бы. В принципе, я с этой идеей солидарен, т. е. примирение – это всегда, всегда плюс. Нет войне, ну, и в таком, в таком ракурсе.

Для сравнения ниже приводятся фрагменты интервью, отображающие высказывания по этой проблеме внешних экспертов: Венгрия, Польша, Германия, Россия.

КЕЙС 72.

ВЕНГРИЯ, ЭКСПЕРТ

...Понимаете, все-таки, значит, не лично Бандера (я, вообще, плохо знаю его, конечно, лично, но читал какие-то книжки), но УПА участвовала в массовых убийствах и поляков, и евреев, значит, в Западной Украине. И, безусловно, был момент, когда им немцы... они думали, что можно и без немцев, но они были, безусловно, пособниками немцев. Безусловно, люди, которые стреляли в Бабьем Яре, были буковинскими украинцами, это буковинское подразделение...

Это документально подтверждается?

Зайдете в городской музей Киева, там их дневник. Абсолютно. Я уж не помню, я где-то записывал... писали все там – не то, что обелили Западную Украину... Киевский исторический музей, там остались какие-то дневники того подразделения, которое прибыло вместе с немцами в сентябре 41-го года в Киев. И эти были даже не галицийскими – буковинскими какими-то. И я даже помню, как звали – у них было какое-то украинское историческое название этого стратегического подразделения этого самого. И я все-таки

исходил бы из того, что (я понимаю там, национал, все понимаю, но...) все-таки в моих глазах это пособники немцев. Я понимаю: принуждение. Все я понимаю. Понимаю, так сказать, их неопытность, понимаю, страшное время – все понимаю. Но я все-таки героями их не считаю...

...УПА был откормлен немцами в 30-е годы против поляков.

УПА, да?

УПА, да. Конечно же, немецкие секретные службы пытались разложить польское государство, и, конечно, галицийское украинство ненавидело по этническим причинам, так сказать, польский гнет, то-то-то, и они, значит, подкармливали. Потом, значит, учили, им оружие давали, подразделения давали... Другое дело, что потом в 42–43-м, там, они пытались что-то делать для независимости, действительно. Когда они уже были, ну, для немцев недостаточно послушными, тогда немцы взялись за них, и тогда там перерезали людей. В смысле, были жертвами немецких карательных операций, потому что они были недостаточно послушными. Но не потому что они стали более демократическими, а потому что они как-то чувствовали силу и думали, что можно и без этого...

КЕЙС 73.

ПОЛЬША, ЭКСПЕРТ

9 мая 2005 г. в связи с 60-летием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, освещающие деятельность УПА и УД в период войны 1941–1945 гг. Также в программах СМИ говорилось об идее всеобщего примирения, о том, что должны примириться те, кто воевали по разные линии фронта. Ваше отношение к этому?

Трудный, очень трудный вопрос, потому что я знаю много деталей, касающихся, ну, почти геноцида, можно сказать. Особенно на... ну, вот у нас тоже, но... как называется этот украинский регион? На Волыни. По различным исследованиям историческим там погибло фактически без борьбы 40–60 тысяч поляков, сожжено, если не ошибаюсь, две тысячи деревень, если не ошибаюсь, около двухсот костелов. С точки зрения поляков, это геноцид. И, конечно, не все поляки заинтересованы, но те, которые ушли оттуда живые и еще живут в Польше, для них это трудно... одобрить эту (плохое слово, но...) так сказать, забыть и простить.

Что касается отношений между красноармейцами украинскими и УПА. Я знаю, что так много там жертв не было, потому что практически действия УПА и этой «Галичины», которая быстро была разбита вблизи Бродов, они не принесли большого ущерба другим украинцам. По сравнению с тем, что украинцы потеряли по различным причинам, это немногие потери.

Я думаю, что (ну, может, я ошибаюсь) для украинцев этот разговор возможен между ними. Тем более что, что же сказать, одни делали, потому что думали, что они освобождают Украину – УПА и «Галичина». Между прочим, не знаю, Вы знаете, что люди шли в «Галичину», которая была СС, думая, что это «Січові Стрільці».

Да, историки об этом пишут. В пропаганде немецкой иногда это было использовано. Значит, людей побудили с точки зрения, ну, можно сказать, человеческой, к сожалению. Я думаю, что вот таких разрезов внутри Украины не должно происходить, потому что между ними, да, были стереотипы страшные. Потому что советская пропаганда, под воздействием которой говорили красноармейцы на УПА – «фашисты», говорили, и, наоборот, бандеровцы говорили, что большая часть украинцев в Красной армии не добровольно.

У меня, по стороне моего отца, один мой дядя был в Красной армии мобилизован, а другой попал в «Галичину», потому что убежал из деревни от УПА, не хотел идти в лес, осталось идти в «Галичину». И где-то его там Советы схватили, и только после двадцати лет приехал в свою деревню, и плохо его приняли. Уехал опять в Сибирь.

А плохо приняли в связи с чем?

Они думали, что все-таки какой-то... я не знаю даже точно. Но для них это тоже был какой-то чужой. Я не знаю, как это объяснялось. Потом узнал, что он опять вернулся в Россию.

Вы знаете, тут так очень сложная-сложная картина. Я всегда, когда смотрю на то, что происходило в 40-е годы, я вспоминаю «Тихий Дон». «Тихий Дон» описал похожие явления лет (на сколько?) на 25 раньше, и это очень сложная картина.

Но, знаете, если и сейчас поляки с украинцами все больше и больше разговаривают, хотя помнят эти страшные события сороковых, то почему украинцы между собой не должны разговаривать?

КЕЙС 73А.

ГЕРМАНИЯ, ЭКСПЕРТ

9 мая 2005 г. в связи с 60-летием Победы по украинским программам демонстрировались документальные фильмы, освещающие деятельность УПА и УД в период войны 1941–1945 гг. Также в программах СМИ говорилось об идее всеобщего примирения, о том, что должны примириться те, кто воевали по разные линии фронта. Ваше отношение к этому?

Ну, я знаю только по рассказам, но УПА участвовал более активно, чем другие, в войне... на немецкой стороне. Думаю, что тоже самое в Польше, что, я жил тоже четыре года в Польше, то это мягко сказано, т. е. сказать, что немцы плохо себя вели, и то, что, в принципе, тогда везде не любили евреев: и в Польше, и на Украине, и в России много убили... И если я говорю только о немцах, тогда о своей истории. Было бы хорошо, и наверное, это будет через несколько лет, что и это отрабатывается, т. е. там тоже будут исследования об этом. В Польше уже чуть-чуть начались, но в Украине здесь просто сейчас такой период, когда, прежде всего, Украина себя считает жертвой России и хочется это исследовать. Но думаю, что это еще будет длится лет десять, и потом уже будут исследовать вот эти времена, и роль, которую играла Украина...

...То, что я читал, что и слышал, что часто украинцы очень ангажированно участвовали на стороне немцев, и при этом тоже именно в лагерях с евреями они там показали себя как очень, очень жесткие, очень негуманные...

А вот могут ли сегодня примириться, как Вы считаете, воины УПА и воины Советской армии, пожать друг другу руку? Не в переносном смысле, а в прямом. Солдат, который воевал по одну линию фронта и другую, на Украине.

Было бы хорошо.

А возможно ли это?

Тяжело, наверно. Может быть, через десять лет.

А в Германии может солдат антифашистского движения пожать сегодня руку солдату, который воевал в немецкой армии? Может?

Может солдат Вермахта... *(Пауза.)*

Зависит, до какой степени. Я сказал бы, если там действительно жесткий эсэсман, который служил еще в концлагере, и еврей – нет, это исключено, это просто нет. А если рядовой солдат армии Вермахта... и участник антифашистского движения, они могут найти взаимопонимание? Да, бывают, по-моему, такие... они не все, но могут разговаривать.

В принципе, они мирно общаются, да?

Нет, так не сказал бы. Есть такие ситуации, где один с другим... но... это не типично. Ну, как я уже сказал, это тоже зависит от тех людей, если это экстремальный фашист концлагеря и с евреем, тогда – нет, нет. Если там только солдат Вермахта и какой-то коммунист – более вероятно.

КЕЙС 74.

РОССИЯ, ЭКСПЕРТ

Ну, я думаю, что надо помирить людей, так. И наверно, что УПА и националисты были тоже заблудившиеся люди, и надо их простить, как говорится. Надо простить всех: и белых, и красных, и националистов, и все прочее. Конечно, не надо уничтожать памятники советским солдатам. Это я категорически против. Можно, в конце концов, поставить там кого-то, придумать памятник, который бы умиротворил и тех, и других. Люди не виноваты. Виноваты были верхи, те, кто... спекулировал, а люди гибли, как пушечным мясом люди простые выступали.

Многие из представленных фрагментов показывают, как лингвистически обозначена позиция респондента самим построением предложения или выбором тех или иных грамматических форм, а в речевых ориентациях отображаются ценностные ориентации. Так, например, при всей толерантности позиции эксперта из России, (представленной в кейсе 74) лингвистически маркируется доминантная позиция и восприятие УПА как стороны, которая не права, но которую можно и нужно простить («надо помирить людей», «УПА и националисты были тоже заблудившиеся люди»). Фрагмент интервью с экспертом из России (кейс 74) контрастирует с фрагментом интервью львовянина, представителя поколения 2 о примирении воинов УПА и воинов Красной армии (кейс 63). Он говорит о том, что положительно относится к примирению, потому что не

было бы Красной армии – не было бы и победы над фашизмом, и здесь то, как именно он говорит, явно показывает, что он рассуждает с позиций решения вопроса о том, «примириться ли с Красной армией?», что отображает позицию, достаточно характерную для многих из львовян. Обращает на себя внимание также созвучие кейса 63, в котором отображена позиция львовянина, следующему кейсу 75 – фрагмент интервью с экспертом из Польши. Львов до 1939 г. еще находился в составе Польши, что во многом определяет общность системы координат при оценке «освобождения» и «оккупации».

КЕЙС 75.

ПОЛЬША, ЭКСПЕРТ

...После войны непосредственно коммунисты навязали интерпретацию такую, что мы были... нас освободили советские войска, Красная Армия. И много людей все время говорило: они нас, конечно, в каком-то смысле освободили, но в тот же момент мы вошли в следующую оккупацию. Поляки тоже так... много таких даже в советское коммунистическое время, а сейчас к этому уже официально возвращаемся, что это был период оккупации. Ну, тем более что были советские войска на территории Польши все время. Базы, военные базы.

Фрагменты интервью экспертов и представителей различных поколений по поводу отношения к УПА и к примирению воинов УПА и воинов Советской армии фиксируют различные образы конфликта. Практически все высказывания характеризуются противоречивостью и несут в себе конфликтный потенциал, тексты насыщены характеристиками языка конфликта. Во многом это связано с резким изменением нарративов о Великой Отечественной и Второй мировой войне при переходе от советских к современным украинским учебникам (изменения легитимного дискурса, отобразившиеся в изменении образовательного дискурса). Позиции львовян в полной мере совпадают с современным образовательным дискурсом в Украине. Запечатленные в сюжетах устной истории львовян особенности восприятия этой проблемы на уровне повседневного дискурса показывают, что он практически полностью совпадает с дискурсом современных учебников истории Украины: оценка УПА как третьей силы, воевавшей за независимость

Украины. Иная оценка ситуации в нарративах харьковчан поколения 2, 3, 4 – здесь доминирует негативное отношение к УПА и идее примирения, в особенности у представителей поколения 4 Харькова. Толерантная позиция отображается в суждениях, связанных с тем, что простые солдаты не виноваты в войне и в тех событиях, «в которых вели их руководители и политики» (например, кейс 61, поколение 3, Харьков), но такого рода суждения встречаются нечасто у представителей поколений 2, 3, 4 Харькова. В интервью студентов (поколение 1) Харькова и Львова при высказывании отношения к примирению имеется много общего, в особенности если нарратив представителя Харькова ограничивается изложением нарратива современных учебников истории Украины. Однако в ряде интервью харьковчан – представителей поколения 1 приводятся суждения, во многом связанные с устной историей, передаваемой бабушками и дедушками; в таком случае отношение гораздо более негативное к идее примирения. Зачастую также фигурирует у представителей поколения 1 и 2 (как Львова, так и Харькова) суждение, что примириться было бы хорошо, но вряд ли это возможно, пока живы те, кто воевали по разные стороны линии фронта.

Выводы

Таким образом, проведение нарратив-конфликтологического контент-анализа позволило заметить, что изменения языка конфликта как средства интерпретации по-разному выражены в учебниках различных постсоветских стран. Степень изменения нарративов о конфликте может рассматриваться как один из показателей «поля притяжения» различных регионов Пограничья (Пограничья в широком смысле, в пространстве которого – Украина, Беларусь и Молдова). Согласованность или противоречивость в описании событий истории также является косвенным индикатором тенденций к более тесной интеграции или обособлению тех или иных регионов Пограничья друг с другом, с Россией или Западной Европой. Революция 1917 г., Великая Отечественная и Вторая мировая война являются теми событиями, интерпретация которых позволяет многогранно оценить сходство или различие нарративов о конфликте и кроющихся за ними идеологий, выявить противоречия мифов обоснования легитимности. При этом именно в учебниках истории Украины характеристики нарратива об этих событиях оказались под-

верженными наибольшим изменениям. Так, например, вместо Октябрьской революции 1917 г. в центре внимания – Украинская революция, по отношению к которой революция октября 1917 г. выступает как контрреволюция.

Переяславская рада является существенным моментом конструирования и реконструирования современной истории Украины, с которым связаны идентичности в современной Украине, и такое реконструирование легитимного дискурса находится в созвучии с интервью львовян, но приходит в противоречие со многими из интервью харьковчан, воспринимающими эти события в духе «воссоединения двух братских народов», что было характерно для советских учебников. Исключение составляет поколение 1 – здесь восприятие событий Переяславской рады уже совпадает у львовян и у харьковчан поколения 1 (но у харьковчан это событие вызывает меньшую заинтересованность, хотя все-таки и некоторые из студентов Харькова выбрали это событие в качестве значимого), а также соответствует современному образовательному дискурсу, отображенному в современных учебниках истории Украины.

Кроме того, в ходе проведения контент-анализа был выявлен ряд моментов, связанных с конфликтным потенциалом конструирования истории. Так, например, при интерпретации событий Полтавской битвы выбрана «система координат» оценки событий, которая противоположна советскому дискурсу (а следовательно, и российскому, и белорусскому, в которых оценка Полтавской битвы не поменялась). Ярко иллюстрирует наличие иной системы оценки фрагмент, в котором рассматриваются последствия Полтавской битвы и отмечается, что «поражение в Полтавской битве имело негативные последствия для Украины». Само построение предложения определяет, что Украина воевала на стороне, противоположной России, поскольку речь даже не идет о поражении шведов, говорится просто о поражении. Далее отмечается, что это поражение стало «национальной катастрофой для украинского народа, началом колониальной зависимости от России» [42, с. 141]. При этом «эпоха Мазепы» рассматриватся как «период развития и стабильности» для Украины, Мазепа – как государственный деятель, который заботился об экономических, культурных и политических интересах, основной целью государственной политики которого было объединение всех украинских земель в составе единого гетманского государства [42, с. 138], а в качестве основной причины перехода Мазепы на сторону шведов указывается то,

что Петр I развернул активную борьбу за подчинение гетманской власти российскому правительству [42, с. 140]. Сопоставляя результаты анализа учебников истории с текстами интервью львовян и харьковчан, можно заметить, что Петр I и период его правления упоминается в качестве значимого события некоторыми харьковчанами, а в интервью львовян Петр I фигурирует как антигерой. Это одна из иллюстраций совпадения ряда характеристик интервью львовян с дискурсом современных украинских учебников, и отличия их от интервью харьковчан (в большей мере созвучных дискурсу учебников советского периода).

В перспективе предполагается более подробное изучение этого и других моментов, связанных с конструированием и реконструированием истории при переходе от «имперского дискурса» советских учебников к дискурсу «незалежної України», позволяющего выявить взаимосвязь проблем конструирования истории и провоцирования современных социальных конфликтов.

Сопоставление результатов нарратив-конфликтологического контент-анализа и текстов углубленных проблемно-ориентированных интервью позволило заметить, что события революции 1917 г., Переяславской рады и Великой Отечественной и Второй мировой войны предстают при обращении к пересечению образовательного дискурса и устной истории как три мифа, выделяемые из общего потока истории и определенным образом включенные в формирование и трансформацию современных идентичностей в Украине: миф о революции, который уже уходит вместе с воспоминаниями о советском прошлом, миф о Переяславской раде, который есть, но значение его восприятия различно для Западной и Восточной Украины, и миф, который приходит – о войне: Великой Отечественной или Второй мировой (все меньше остается свидетелей этих событий – все больше поводов для мифологизации).

Литература к разделу 3

1. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность: Пер. с англ. М.: Лабиринт, 1994. 213 с.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. 305 с.
3. *Щюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом: Пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

4. *Ядов В. А.* Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002): Мастер-класс профессора В. А. Ядова. М.: Аспектжпресс, 2004. 326 с.
5. *Макеев С. А.* Регионализация идентификационных практик в Украине / С. А. Макеев, С. Н. Оксамитная, Е. В. Швачко. Социальные идентификации и идентичности. Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1996. 185 с.
6. *Данилова Е. Н.* Социальные идентификации в трансформирующемся обществе / Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: Учеб. пособие / А. Н. Богаевская, Е. Н. Данилова, Л. М. Дробижева и др.; под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта: МПСИ, 2005. 584 с.
7. Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всероссийского научно-методического семинара / Под ред. О. А. Оберемко и Л. Н. Ожиговой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
8. Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. Спб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 302 с.
9. Соціокультурні ідентичності та практики / Під ред. А. Ручки. Київ: Інститут соціології НАН України, 2002. 315 с.
10. *Редько (Даниленко) О. А.* Социокультурные модели конфликта // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад. ». Т. 5. Харків, 1999. С. 216–226.
11. *Даниленко О. А.* Социологическое измерение конфликта. Харьков: Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина. 2003. 242 с.
12. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – М.: Рус. словари, 1997. 731 с.
13. *Чередниченко И.* Структурно-семиотический метод тартуской школы. СПб.: Золотой век, 2001. 200 с.
14. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 268 с.
15. В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией / Отв. ред. Т. М. Дридзе, Л. Н. Цой. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2001. № 3. 176 с.
16. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 415 с.
17. *Покровский М. П.* Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партийное изд-во, 1933. 514 с.
18. История СССР: Учеб. для 9 класса средн. шк. / И. Б. Берхин, И. А. Федосов. М.: Просвещение, 1984. 384 с.
19. *Берхин И. Б.* История СССР. Эпоха социализма. Учеб. пособие для 9 кл. сред. шк. / Под ред. М. П. Кима. М.: Просвещение, 1970. 232 с.
20. История СССР. Указ. сов. лит. 1917–1952. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 721 с.
21. История СССР: Учеб. для 9 кл. сред. шк. М.: Учпедгиз, 1946. 279 с.
22. *Жуковский С. Т., Жуковская И. Г.* Россия в истории мировой цивилизации. IX – XX вв.: Учеб. пособие для сред. спец. и общеобразоват. учеб. заведений. М.: Школьная пресса, 2000. 416 с.

23. Історія України: Підруч. для 10 кл. серед. шк. /С. В. Кульчицький, М. В. Коваль, Ю. Г. Лебедєва. Київ: Освіта, 1998. 288 с.
24. *Островский В. П., Уткин А. И.* История России. ХХ век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2001. 480 с.
25. *Полянський П. Б.* Всесвітня історія. 1914–1939: Підруч. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ: Генеза, 2003. 288 с.
26. История Беларуси: Полный курс: Пособие для старшеклассников и поступающих в вузы / Ю. Л. Козаков, П. О. Лойко, С. Н. Ходин и др. Мн.: ЧУП «Изд-во Юнипресс», 2004. 416 с.
27. *Жарова Л. Н., Мишина И. А.* История Отечества, 1900–1940 гг.: Учеб. кн. для ст. классов сред. учеб. заведений. М.: Просвещение, 1992. 335 с.
28. История Беларуси: Учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования: В 2 ч. Ч. 2. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. 310 с.
29. *Чигринов П. Г.* Очерки истории Беларуси: Учеб. пособие. Мн.: Выш. шк., 2004. 463 с.
30. История России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина М.: Проспект,2004. 514 с.
31. Новейшая отечественная история. ХХ в.: Учебник для студ. Высш. учеб. заведений / Под. ред. Э. М. Щагина, А. В. Лубкова: в 2 кн. Кн. 1. М.: Владос, 2004. 447 с.
32. *Гредескул Н. А.* Россия прежде и теперь. М., Л.: Гос. изд-во., 1926. 256 с.
33. Начертание русской истории. Для училищъ. Сочиненіе проф. Погодина М. Въ. Университетской типографіи, 1835. 323 с.
34. Переяславська рада та українсько-російська угода 1654 року: Історія, історіографія, ідеологія: (Матеріали міжнар. «круглого столу»):12 груд. 2003 р., Київ / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України, НДІ козацтва: Київ: Ін-т історії України, 2005. 224 с.
35. *Федорук Я.* Переяславська легенда середини XVII – кінця ХХ століть // Переяславська рада та українсько-російська угода 1654 року: Історія, історіографія, ідеологія: (Матеріали міжнар. «круглого столу»):12 груд. 2003 р., Київ / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України, НДІ козацтва: Київ: Ін-т історії України, 2005. С. 141–151.
36. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. М.: Гос. Соц. -экон. изд-во, 1939. 789 с.
37. История СССР: Учеб. для VIII кл. сред. шк. М.: Учпедгиз, 1947. 231 с.
38. История СССР: Учеб. для 8 кл. сред. шк. М.:Учпедгиз, 1956. 240 с.
39. История СССР: Учеб. для 8 кл. сред. шк. М.: Учпедгиз, 1953. 239 с.
40. История СССР: Учеб. для 8 кл. сред. шк. М.: Учпедгиз, 1955. 242 с.
41. *Бущик Л. П.* История СССР: Учеб. для сред. шк. Ч. І. М.: Учпедгиз, 1958. 200 с.
42. Бущик Л. П. История СССР: Учеб. для 8 кл. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1960. 199 с.

43. *Федосов И. А.* История СССР: Учеб. пособие для 8 кл. М.: Просвещение, 1972. 226 с.
44. *Федосов И. А.* История СССР: Учеб. для 8 кл. сред. шк. М.: Просвещение, 1988. 224 с.
45. *Лось Ф. Е., Спицкий В. Е.* История Украинской ССР: Учеб. для 9–10 кл. сред. шк. Київ: Рад. школа, 1971. 199 с.
46. История СССР. С древнейших времен до 1861 года: Учеб. для студ. ист. фак. пед. институтов М.: Просвещение, 1983. 576с.
47. *Рибалка І. К.* Історія України. Дорадянський період. Київ: Вища шк., 1991. 608 с.
48. *Семененко В. И., Радченко Л. А.* История Украины с древнейших времен до наших дней. Харьков: Торчинг, 1999. 480 с.
49. История Отечества с древнейших времен до наших дней, М.: ACADEMA, 1999.
50. История России: Учеб. М.: ИНФРА-М, 2002. 427 с.
51. *Власов В.* Історія України: Підруч. для 8 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ: Ґенеза, 2005. 256 с.
52. *Бойко О. Д.* Історія України: Посіб. Київ.: Академвидав, 2004. 656 с.
53. *Шымуковіч С. Ф.* Гісторія Беларусі: для школьнікаў і абітурыентаў. Мн.: Выш. шк., 2005. 336 с.
54. *Мисан В. О.* Вступ до історії України: Підруч. для 5-го кл. загальноосвіт. навч. закладів. Київ: Генеза, 2005. 184 с.
55. *Калініченко В. В., Рибалка І. К.* Історія України. Ч. III: 1917–2003 рр.: Підруч. для іст. Фак-тів вищих навч. закладів. Харьків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна. 628 с.
56. *Есаков В. Д., Кукушкин Ю. С., Ненароков А. П.* История СССР: Учеб. для 10 кл. сред. шк. М.: Просвещение, 1984. С. 72–73.

РАЗДЕЛ 4.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В УКРАИНЕ

4.1. Конструирование истории и лингвоконфликтологические маркеры идентичностей (Харьков, Львов)

«Социолог (именно как социолог, а не как человек среди других людей, каковым он остается в своей частной жизни) является безучастным научным наблюдателем социального мира. Он безучастен в том смысле, что он намеренно воздерживается от участия в той сети планов, отношений «средства – цели», мотивов и шансов, надежд и опасений, которым пользуется действующее лицо для интерпретации своих переживаний этого мира; выступая в качестве ученого, он пытается как можно точнее наблюдать, описывать и классифицировать социальный мир, пользуясь упорядоченной системой терминов и руководствуясь научными идеалами связности, согласованности и аналитической последовательности» [1]. Эти строки А. Щюца являются лейтмотивом не только сбора, но и интерпретации полученного эмпирического материала в ходе проведения исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья». Как уже отмечалось выше, было проведено 96 экспертных и поколенческих интервью (в их числе 33 интервью с жителями Харькова, 33 интервью с жителями Львова), которые были проанализированы с применением качественно-количественного контент-анализа, нарратив-конфликтологического контент-анализа. При

этом были построены карты метаязыка конфликта студентов вузов Харькова и Львова. Ниже приводятся основные результаты (как в количественном выражении, так и в качественном наполнении), связанные с выявлением лингвоконфликтологических маркеров социокультурных идентичностей через нарративы о значимых событиях истории, ключевые сюжеты устной истории, а также через нарративы, отображающие представления о будущем Украины.

Одной из ключевых тем интервью была следующая: «*Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: содержание события, участники, значение, «герои» и «антигерои» и т. д. Что произошло, как произошло: хроника*».

В качестве значимых событий львовянами в первую очередь были названы следующие (как основные приводятся доминирующие по событиям номинации, в скобках – другие варианты названия этого события или сопряженных с ним событий):

1) «оранжевая революция» («наша революція минулого року», «помаранчева революція», «осінь – зима 2004 року (це була революція)»;

2) «1991 г. – обретение Украиной независимости» («независимость Украины», «распад СССР», «ГКЧП», «решение судьбы Украины в Беловежской Пуще», «это 1991 год, именно тогда был проведен референдум и Украина фактически стала независимой в скором времени»);

3) «Вторая мировая война» («Великая Отечественная война», «деятельность УПА»).

Также в интервью львовян достаточно часто фигурировали «Переяславская рада» и период правления Богдана Хмельницкого («самостійність за часів Хмельницького») и Крещение Киевской Руси (в том числе в варианте «Крещение Украины Владимиром Великим»).

Наиболее значимые события истории для харьковчан в текстах интервью представлены следующим образом (приводятся события, которые доминировали в интервью харьковчан, события расположены по частоте упоминания, как основная приводится доминирующая номинация в связи с каждым из событий):

1) «Великая Отечественная война» («война», «война с Германией», «Вторая мировая война», «Отечественная война», «героические события в войне», «Победа», «победа над фашистской Германией»);

2) «развал Советского Союза» («разъединение Советского Союза», «распад Советского Союза», «обретение Украиной независимости», «август 1991», «послеперестроечный путч, когда Советский Союз развалился»);

3) «Октябрьская революция 1917 г.» («Октябрьская революция», «Великая Октябрьская революция»).

Также харьковчанами достаточно часто были названы «Крещение Руси», «монголо-татарское нашествие» и «покорение космоса – полет Юрия Гагарина». Упоминались (хотя и не так часто, как в интервью львовян), события, связанные с Переяславской радой и эпохой правления Богдана Хмельницкого.

Как видно из приведенного списка значимых событий, здесь доминирующие пары «развал Союза – независимость Украины» и «Великая Отечественная война – Вторая мировая война» наглядно показывают акцентуацию внимания львовян и харьковчан на тех или иных событиях, в истории попадающих в общий событийный ряд.

Кроме событий, которые упоминаются наиболее часто в общем массиве интервью львовян и харьковчан и приведены выше, следует указать также круг событий, характеризующий поле проблем, на которых акцентируется внимание респондентов при описании событий, что позволяет получить дополнительное представление о социокультурных идентичностях. Большинство выбранных львовянами в качестве значимых событий так или иначе связаны с историей Украины, при этом внимание достаточно часто концентрируется (как в названиях событий, так и в их характеристиках) на проблеме независимости Украины и способах борьбы за независимость, а также на событиях, связанных с Западной Украиной («провозглашение независимости в Украине в 18-м и 19-м году – ЗУНР (Западно-украинская Народная Республика), УНР (Украинская Народная Республика)», «тут во Львове был «ноябрьский подъем» («листопадовий зрыв», *укр.*). Это было в 1918 г., когда восстала украинская галицкая армия, когда воевали с поляками и когда возникла Западно-украинская Народная Республика. И потом после этого - «Акт Единения» («Акт Злуки», *укр.*) Западной Украины с Восточной Украиной», «в 1939 г. произошло объединение украинских земель». Некоторые из этих событий упоминались при характеристике в качестве значимого события «оранжевой революции» в связи с обоснованием участия в этих событиях как продолжения идеи борьбы за независимость, подчеркива-

лась связь посредством идеи независимости этих исторических событий и современных изменений в Украине: «Насколько я знаю, таких, как я, которые бросили все и поехали на майдан, потому что это их час, их минута продолжить идею, действия студентов 91-го года, УПА 40-х, 50-х годов, ЗУНР , УНР начала XX в. (*говорит растроганно*)... Это было... это просто последовательность шагов, мы просто потомки этих людей...». В этом фрагменте ярко маркируются лингвистически социокультурные идентичности.

Следующий фрагмент текста интервью наглядно иллюстрирует акцентуацию внимания львовян на проблеме независимости: «Первая, Вторая мировые войны, ну, они повлияли на судьбы Украины. И первая, которая потянула свою цепь событий, и вторая. И возникновение ЗУНР, УНР, воссоединение, получение независимости в 91-м году Украиной». События, выбранные в качестве значимых харьковчанами, относятся как к истории Украины, так и к истории России и бывшего Советского Союза. Акцентуация внимания харьковчан на событиях, связанных со становлением независимости Украины, выражена в гораздо меньшей степени, чем в интервью львовян. Следует отметить, что ответы представителей поколения 2 Львова и Харькова объединяет достаточно высокая частотность упоминания в качестве значимых событий мировой истории и библейских событий, наряду с событиями, связанными с историей Украины.

Табл. 4.1 и 4.2 показывают, на чем концентрируется внимание львовян и харьковчан при описании исторических событий. Отдельное представление поколений 2, 3, 4 и поколения 1 связано с тем, что в поколении 1 львовян и харьковчан наблюдается гораздо больше сходных черт при описании и оценке событий, чем в интервью львовян и харьковчан всех других поколений; чтобы наглядно представить эту тенденцию приведены раздельные таблицы.

Таблица 4.1.

Значимые события истории. Поколение 2, поколение 3, поколение 4 (Харьков, Львов)

Львовяне	**Харьковчане**
«Крещение Руси», «Крещение Украины Владимиром Великим»; «оранжевая революция», «минулорічний майдан»; «отношение Америки и США к Ираку и другим странам, начало войны в Ираке»; «развал Союза»; «казачество»;	«Крещение Руси», «крещение Киевской Руси»; «Октябрьская революция 1917 г.» («Октябрьский переворот», «Великая Октябрьская революция»), «расстрел царской семьи в 18-м году»; «август 1991 года»; «развал Советского Союза», «развал Союза»; «война с Германией» («Великая Отечественная война 1941–1945 гг.»; «Вторая мировая война»;
«Первая, Вторая мировые войны, ну они повлияли на судьбы Украины. И первая, которая потянула свою цепь событий, и вторая. И возникновение ЗУНР, УНР, воссоединение, получение независимости в 91-ом году Украиной»; «Вторая мировая война», «Великая Отечественная война», «УПА»; «большевистский переворот 17-го года»; «91-й год – обретение независимости, провозглашение независимости»; «провозглашение независимости Украины в 18-м и 19-м году – ЗУНР, УНР»; «самостоятельность в период Богдана Хмельницкого», «Переяславская рада», «объединение Богданом Хмельницким между Украиной и Россией»; «взрыв в Хиросиме и Нагасаки»; «здесь, во Львове был ноябрьский подъем («листопадовий зрив», *укр.*). Это было в 1918 г., когда восстала украинская галицкая армия, когда воевали с поляками и когда возникла Западноукраинская Народная Республика. И потом после него – «Акт Единения» («Акт Злуки», *укр.*) Западной Украины с Восточной Украиной»; «присоединение западных земель к центральной, восточной Украине – 1939 г.»; «оборона Киева от татаро-монгольского ига – войско Данилы Галицкого обороняло Киев»; «распад Австро-Венгерской империи»; «польский период, большевистский период»; «независимость Украины»; «польский период»	«героические события в войну», «Победа над фашистами», «Победа в войне», «события в войну», «война»); «библейская история Иисуса Христа» ; «распятие Христа»; «раскол церкви на православную и католическую»; «появление Иисуса Христа и его идеологии»; «крестовые походы» ; «оранжевая революция» («революция наша помаранчевая», «так называемая оранжевая революция», «оранжевую я революцией не считаю»); «казачество»; «возникновение государственности»; «греческая культура» ; «эпоха Петра I» ; «сотворение мира»; «античность»; «голодовка», «голод 1933 г.»; «покорение космоса – полет Юрия Гагарина»; «распространение Христианства»; «ислам»; «татаро-монгольское иго»

Таблица 4.2.

Значимые события истории. Поколение 1, студенты (Харьков, Львов)

Львовяне	**Харьковчане**
«когда Грушевский стал президентом и создал свое государство»; «голодомор»; «когда Запорожскую Сечь разогнали»; «провозглашение конституции Пилипа Орлика»; «деятельность Богдана Хмельницкого (когда была договоренность с Россией)»; «Вторая мировая война» ; «освободительная война Богдана Хмельницкого»; «борьба начала XX в. – это наша украинская революция»; «независимость в 1991 г.»; «крещение Киевской Руси»; «признание Украины независимой»; «оранжевая революция»; «независимость Украины»; «подписание Богданом Хмельницким этого акта про помощь Москвы»	«национально-освободительная война 1648–1954 года»; «1918–1922 гг. – включение Украины в Советский Союз; «присоединение ЗУНР к нашей Украине»; «отход от рабовладельческого строя»; «поражение немцев во Второй мировой войне»; «обретение Украиной независимости»; «1654 г.», «Переяславский договор», «война 1654 г.», «Хмельницкий»; «1917 г., когда сначала буржуазная революция и затем социалистическая революция»; «это 91-й год, когда Украина все-таки обрела свою независимость»; «перестройка»; «помаранчевая» революция; «война в Ираке»; «полет в космос»; «Октябрьская революция 1917 г. Вторая мировая война»; «распад Советского Союза»; «оранжевая революция»; «91-й год – послеперестроечный путч, когда Советский Союз развалился»; «28 июня, 26-е, ну, как бы дата сама по себе не так важна, когда независимая Украина документально подтвердила, что она от Союза отделяется. Вот, то есть 91-й год»; «акт Злуки – День соборности Украины»; «1861 г., когда Александр отменил крепостное право»; «998 г., когда христианство на Украине появилось, из Византии пришло»

Эти таблицы наглядно демонстрируют, что события, выделяемые в качестве значимых львовянами поколений 2, 3, 4, преимущественно связаны с историей Украины. В интервью харьковчан (представителей поколений 2, 3, 4) выбор тех или иных событий в качестве значимых и обоснование их значимости связаны не только с событиями истории Украины, но и с осмыслением истории как событий советского прошлого, мировой истории и истории «славянских государств», хотя при

этом представлены события и истории Украины. Здесь имеются и явные поколенческие различия. Это не относится лишь к поколению современных студентов (внимание представителей поколения 1 сосредоточено, прежде всего, на событиях истории Украины, и это характерно и для львовян, и для харьковчан). Особенностью поколения 2, также объединяющей львовян и харьковчан, является то, что многими из респондентов этого поколения назывался ряд более глобальных событий, который не конкретизировался применительно к истории Украины, а затем уже приводились события истории Украины. Среди львовян именно у поколения 2 проявляется внимание к «библейским событиям», что характерно и для поколения 2 харьковчан. Объединяет ответы представителей поколения 2 (львовян и харьковчан) также внимание к «глобальным событиям» мировой истории и современности.

Следует отметить, что в ходе проведения интервью вопрос об исторических событиях формулировался без ограничения выбора событий, так как это позволяет дополнительно измерять идентичности: какой круг событий оказывается в поле зрения – события, связанные преимущественно с историей Украины, события мировой истории или события истории «славянских государств»? Сравнение массива интервью львовян и харьковчан позволяет заметить различия по этому параметру. При выборе трех значимых событий у львовян доминировали события истории, связанные с Украиной. В интервью харьковчан достаточно много было названо глобальных событий и событий мировой истории, а также «истории славянских государств», целый ряд событий относился непосредственно к Украине. После «глобального» ответа вопрос конкретизировался применительно к «Отечеству» и респондент называл три события снова. И снова внимание харьковчан не было сфокусировано исключительно на событиях истории Украины. Кейс 83, который приводится ниже в коллекции кейсов, является ярким примером этой ситуации.

Анализируя массив интервью в целом (включая интервью с экспертами), можно заметить, что внимание большинства экспертов Крыма при рассказе о значимых событиях истории акцентировалось на событиях истории России (следует, однако, учитывать, что здесь проводились интервью с экспертами, и они оказались преимущественно представителями возрастной категории, совпадающей с поколением 3, а обращение к поколению современных студентов, возможно, дало бы иные ре-

зультаты). Исключение составляли представители крымско-татарского народа – здесь выделялись иные события. Эти события не только не были связаны с историей России, но и ряд суждений в отношении Советского Союза и России характеризовался негативным отношением к периоду советской власти (по ряду характеристик языка конфликта интервью львовян и представителей крымско-татарского народа оказались созвучны). В центре внимания крымских татар – события, связанные с депортацией в 1944 г. и возвращением в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Применительно к Крыму эта проблема нуждается в дополнительном исследовании посредством проведения серии интервью с представителями различных поколений (исследование планируется в перспективе).

Возвращаясь к анализу массива интервью львовян и харьковчан, следует отметить, что среди событий, сопряженных с конфликтом интерпретаций, в Харькове названы прежде всего следующие: «прошлогодние выборы президента», «Киевская Русь», «действия УПА во время войны», «противостояние СССР – США», «распад Советского Союза», «70-летний период коммунизма и то, как это преподавалось во время коммунизма: политическое состояние, народ, экономика» (или, например, «исторические события советского периода... совершенно иначе интерпретируются»), «война с терроризмом», «раскол среди оранжевых», «Вторая мировая или Великая Отечественная», голодомор (например, «коллективизация, включая этот самый голодомор»), «разногласие по поводу Переяславской рады: что было правильно, что неправильно, кто был Богдан Хмельницкий», «начало Великой Отечественной войны», «Октябрьская революция».

Во Львове названы следующие события истории и проблемы, вызывающие наибольшую полемику: «УПА – Красная армия», «Вторая мировая война», «голодомор», «развал Советского Союза», «нынешние события», «революция 1917 г.», «УНР», «универсалы», «Переяславская рада», в том числе отношение к Богдану Хмельницкому, «відколи було названо Україна. Хто це перший вжив. Так само – ким було здійснено хрещення», «такие события, которые уже связаны с историей украинского государства, языка, литературы, культуры» и др. Обращает на себя внимание то, что УПА и события, связанные с деятельностью УПА, характеризуются наиболее высокой частотностью упоминания в интервью львовян как вызывающие полемику по поводу их интерпретации.

Краткое количественное описание общей картины по некоторым ключевым вопросам будет понято более многомерно при прочтении некоторых фрагментов текстов интервью. Ниже приводится коллекция кейсов, содержащая описание трех наиболее значимых (по мнению респондентов) событий истории, поскольку в нарративах о значимых событиях невольно маркируются идентичности. Проявляется это и в выборе событий, и в номинации этих событий, и в невольном разграничении «своих» и «несвоих» в рассказе о событии. Представлены наиболее типичные нарративы для каждого из поколений и экспертов как представителей поколений по каждому из трех событий, которые наиболее часто назывались в качестве значимых в Харькове и во Львове. В нарративах содержатся лингвоконфликтологические маркеры идентичностей (в некоторых кейсах наиболее яркие из них выделены жирным шрифтом).

4.2. Значимые события истории и маркеры идентичностей: коллекция кейсов (Харьков, Львов)

КЕЙС 74.

ТРИ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЯ, ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ ЭКСПЕРТ, РУКОВОДИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

Назвіть, будь-ласка, три історичні події, які Ви вважаєте найбільш значимими.

Ну, напевно, Україну відірвати від світового контексту не хотілося би, бо ми частина, так би мовити, загальноісторичного прогресу цивілізаційного. Як на мене, як на мене, то без... значить, **найбільш трагічною подією, яку я вважаю, – це є те, що називалось глумливо Великою Жовтневою соціалістичною революцією. Це дійсно трагічна подія.** Може, якби не було її, то щось би інше сталося, але ця подія, тобто переворот більшовицький у Санкт-Петербурзі з подальшим захопленням більшовиками влади на території всієї Російської імперії. От. **Це чорна сторінка в історії людства, бо вона призвела до появи фашизму, нацизму німецького та Другої світової війни зі всіма наслідками, які вона, в свою чергу, породила.** Це одна подія.

Назовите, пожалуйста, три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Ну, наверное, Украину оторвать от мирового контекста не хотелось бы, так как мы часть, так сказать, общеисторического прогресса цивилизационного. Я думаю, я думаю, что без... значит, **наиболее трагическое событие, которое я считаю, – это то, что называлось издевательски Великой Октябрьской социалистической революцией. Это действительно трагическое событие.** Может, если бы не было ее, то что-то другое бы случилось, но это событие, т. е. переворот большевистский в Санкт-Петербурге и последующий захват большевиками власти на территории всей Российской империи. Вот. **Это черная страница в истории человечества, так как она привела к появлению фашизма, нацизма немецкого и Второй мировой во-**

...Світлою подією. Тут я не буду оригінальний, як я назву це. **Дата проголошення незалежності України. Це для мене як для українця, бо це велике щастя – якраз в той час жити і стати громадянином цієї держави. Щиро кажучи, то моя Батьківщина.** Це друга подія.

Ну я не знаю, особисте життя тут, напевно ніякого значення не має, бо це не історія. Це не історія. Зараз-зараз, поміркуймо. Яку б ще можна віднести третю подію, як позитивну так і, так і негативну... Ну вона... Проголошення незалежності України є органічно пов'язане. Мені видається, що **розвал Радянського Союзу як неоросійської імперії.** Це теж важлива віха в історії людства...

(До другої події.) Я буду дійсно мати на увазі з «помаранчевою революцією». Тобто творення такої, будемо говорити, такі кардинальні кроки до створення суверенної сучасної європейської демократичної України. Утворення України і «помаранчеву революцію» – я це об'єднаю як одну подію.

Так звана «Вєлікая Октябрьская соціалістічєская рєволюція» – це дійсно, це сумна сторінка в історії людства і подія, значить, органічно пов'язана з попередньою. Це розвал, це розвал Радянського Союзу, причому такими методами... розвал Радянського Союзу. Факт що він перестав існувати на політичній карті світу. Ну, знаєш, така махіна агресивна за своєю суттю, за суттю свого буття. Така, значить. Ну колос такий, який тримав у страсі цілий світ, бо то не тільки величезна кількість ядерної, водневої зброї, ракет і т. д. Що це ще все в руках авантюристів, неконтрольоване як слід, не забезпечене технічно, що будь-який, я вже не говорю, що авантюра в голові якогось там кремлівського старця могла появитися. Технічно навіть неконтрольоване. От. Ми й дальше сидимо на пороховій бочці, бо я так, щиро кажучи, навіть собі не уявляю, як людство позбудеться тих запасів, тої, того «добра» – бактеріологічної, хімічної, ще зброї, так що це неймовірно важлива подія, причому про розвал такий. Ну, валилося так ніби на очах, ніби за якимось повелінням магічної палички. Без жодної війни, без жодних конфліктів. Перестав існувати – і до побачення.

йны со всеми последствиями, которые она, в свою очередь, породила. Это одно событие.

...Светлым событием. Тут я не буду оригинален, когда назову это. **Дата провозглашения независимости Украины. Это для меня как для украинца, потому что это великое счастье – как раз в то время жить и стать гражданином этой страны. Честно говоря, это моя Родина.** Это второе событие.

Ну, я не знаю, личная жизнь тут, наверное, никакого значения не имеет, потому что это не история. Это не история. Сейчас-сейчас, подумаем. Какое еще событие можно было бы отнести, как позитивное, так и негативное... Ну, она... Провозглашение независимости Украины органично связано, мне кажется, что **развал Советского Союза как неороссийской империи.** Это тоже важная веха в истории человечества...

(*Ко второму событию.*) Я буду действительно иметь в виду с «оранжевой революцией». То есть создание такой, будем говорить, такие кардинальные шаги к созданию суверенной, современной европейской демократичной Украины. Возникновение Украины и «оранжевую революцию» – я это объединю как одно событие.

Так называемая «Великая Октябрьская социалистическая революция» – это действительно, это печальная страница в истории человечества и событие, значит, органично связанное с предыдущим. Это развал, это развал Советского Союза, причем такими методами... развал Советского Союза. Факт, что он перестал существовать на политической карте мира. Ну, знаешь, такая махина агрессивная по своей сути, по сути своего бытия. Такая, значит. Ну, колосс такой, который держал в страхе весь мир, поскольку это не только огромное количество ядерного, водородного оружия, ракет и т. д. Так это еще все в руках авантюристов, неподконтрольное как следует, не обеспеченное технически, что любой, я уже не говорю, что авантюра в голове какого-то там кремлевского старца могла появиться. Технически даже неподконтрольное. Вот мы и дальше сидим на пороховой бочке, поскольку я так, честно говоря, даже себе не представляю, как человечество избавится от запасов этого «добра» – бактериологического, химического еще оружия. Так что это неимоверно важное событие, причем развал такой. Ну, рушилось так как будто на глазах, будто по повелению волшебной палочки. Без какой либо войны, без никаких конфликтов. Перестал существовать – и до свидания.

КЕЙС 75.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

Назовите, пожалуйста, три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Ну, для меня значимость – это голодовка, это я помню очень хорошо. Это очень тяжелое время. И когда я узнаю, что это было искусственно все сделано, я со своим понятием это не воспринимаю. Мне кажется, что это должна быть выдумка. Но это ж не выдумка. Это ж действительно так. Это такая историческая, конечно, историческое событие, которое нельзя в мои годы забыть. Я его перенесла на себе и помню, и как я, вот почему ж я лежала с ревматизмом в таком тяжелом состоянии, вот. Ну, и второе – покорение космоса. Для меня это было особенно как-то приятно. И я гордилась тем, что я живу вот в такую эпоху, когда даже мы покорили космос. Это у меня второе. *(Смеется.)*

И третье – война, т. е., перед этим война, а потом это космос. Вот это, понимаете. Ну, военные годы я уже вам рассказала. Это.

А можно каждое из этих событий, чуть-чуть охарактеризовать? Его содержание, участники, значение, «герои», «антигерои». Это если можно. Вот, голодовка. Вы назвали голодовка, так? Это и называлось раньше...

Конечно, конечно. Ну, не говорили, что это искусственно создалось. Тогда говорили, что как могут забирать все последнее или приходить и искать что-нибудь, даже какой-нибудь там запас есть у человека, его отбирали, его забирали, оставляли всю семью и детей голодными. Это, это нельзя забыть, это нельзя... Господи, что мы только не делали. Мы какой-то клей ели. Я помню, что доставали какой-то клей, мы его замачивали, потом сцеживали. И мама делала в виде киселя... Вы знаете, ну, это ж нельзя забыть. Это, я ж говорю, что-то невероятное.

А потом это война. Это сразу, считайте, следующий этап – это война. Но, конечно, все были настроены так, что мы все-таки должны победить. Ведь русский народ и украинский народ, и все народы наши были, большой страны, все боролись за победу. И какие мы несли и потери, и ужасы прошли через наши, перед нашими глазами. Это же ужасно все. Вот вам. И потом уже...

А Сталин – герой или антигерой?

В нашем понятии тогда был герой. Вы знаете, мы молились на него тогда. Я не знаю, правильно мы делали или неправильно. Я же не политик.

Но Вы это пережили.

Вот, но я, например, даже плакала, когда он умер.

Когда он умер?

Да. И ходили на площадь все. Ведь фактически он же много сделал, мы победили. Это же очень важный фактор. Мало чего, что там было. Везде все в этом правительстве что-то не так, чего нам не хотелось бы, а оно делается. И потом уже, посмотрите, раздел этот нашего государства на эти, части. Это ж тоже событие, которое нельзя забыть. И что, мы лучше стали жить? Я не вижу. Этого я не вижу...

КЕЙС 76.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ

Скажіть, будь-ласка, які три історичні події Ви вважаєте найбільш важливими?

...Я Вам хочу сказати: ота війна Велика Вітчизняна, ну, то добре, що сталося так, як сталося, бо що би був зробив німець з нами – Бог його знає. А тут о бачите – діти пішли вчитись, багато молодих людей повиучувались – і інженери, і лікарі.
Ну, то що ж сказати, а тепер подія така, що тут сталося вже і в нас тепер – Україна стала, але бачите вона... лукава... лукава дуже.

Тобто Ви виділили одну подію – це Велика Вітчизняна, так? Друга подія – це незалежність України, так? Може, ще якась третя подія? Можливо, раніше від тих двох. Ще якась в історії.

Ну та що ж, пам'ятаю, в 1939 році війну. Як поляки відступали, палили села. Люди втікали. Горіло бо то всьо було з соломою. Не так, як зараз – що місто і село. Там то різниці нема. Тоже ховалися, тікали, а я пам'ятаю, я був малий. Я наслухався тих австріяків, кожної неділі у нас сиділи. То по 5, по 8 мужчин, по 10. Сходилися до батька ... А я... Знаєте, мені то дуже інтересно. В 39 році поляки відступали, руські наступали... то палили, горіло, тріщало все... Ну, що бідний народ – що він винуватий.

Скажите, пожалуйста, какие три исторических события Вы считаете наиболее важными?

...Я Вам хочу сказать – эта Великая Отечественная, ну, это хорошо, что так случилось, потому что, что бы с нами немец сделал – Бог его знает. А тут, видите, – дети пошли учиться, много молодых людей выучились – и инженеры, и врачи.
Ну, так что и говорить, а теперь событие такое тут у нас случилось, уже у нас и теперь – Украина стала, но видите она... лукавая... лукавая очень.

То есть Вы выделили одно событие – это Великая Отечественная, да? Второе событие – это независимость Украины, да? Может быть, еще какое-то третье событие? Может, ранее тех двух. Еще какое-то в истории.

Ну что ж, помню в 1939 г. войну. Как поляки отступали, жгли села. Люди бежали. Горело все – было с соломой. Не так как сейчас – что город, что деревня. Там-то разницы нет. Тоже прятались, бежали, я помню, я маленький был. Я наслушался тех австрияков, каждое воскресенье у нас сидели. То по 5, по 8 мужчин, по 10. Сходились к отцу... А я... Знаете, мне это очень интересно. В 39 году поляки отступали, русские наступали... то жгли, горело, трещало все... Ну что, бедный народ – разве он виноват.

КЕЙС 77.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ

Назвіть, будь-ласка, які три події з історії України є найбільш важливими для історії України. (Інформант не зрозуміла питання навіть після кількох повторів.)

Що би то було таке? Би то та комуна з лиця землі щезла.

(Повтор питання.)

Те що ото недавно була та «помаранчова революція».

(Інформант відповідає на питання як вона його зрозуміла.)

Що би то таке було дуже історичне? Та во таке, щоби більше того не було, щоби люди жили, щоби цінили свою державу, щоби сі народжували патріоти України, нє такії во. Ото я би хтіла. Отого я прагну. Отако хто говорить: "Ой та нам сі дістала Україна без крові". Скілько сі так щитай: з 18-го року ті хлопці, що пішли *(в УПА – зауваження интерв'юєра)*. 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27-й. То було 10 років. 28, 29, 30, 31, 32-й. Навіть сі трапляли ті хлопці з 1933 року. Я ще сама стрічалася і з ними говорила. І приходили бідні і так, знаєш, не раз боялися, бо то москалі. Зобачили – зараз вивозили, заарештували. То не раз тато говорив: "Та Боже, чи ти сі встекла, чи шо?" Та якби так хто підказав, жи вони ту заходять до хати... Їсти хтіли. А він так підійшов до бабці і говорить до бабці: "Мамо! Чи я не дитина своїй мамі, чи я не маю мами? Та я ж сам–оден в мами". І пішов захищати свою Україну. Так сказав. І мама зачала плакати і взєла горнец з молоком. Поставила на столі і хліба. На, діти, їжте. Бо тоже не було так доволі того всього, бо москаль всьо забрав до колгоспу.

Добре. Тобто Ви виділили одну подію. Це встановлення радянської влади. Так?

Так. ...Ще що? Польський. Як наших людей гнали, як били, як стріляли. Боже мій, такого молодшого від мене пацана, то я виділа на свої вочі, як го забивали. Такий во поляк вийшов зі шпиталю. Той хлопчина їхав на коні. Такий білий кінь був. Три-

Назовите, пожалуйста, какие три события из истории Украины являются наиболее важными для истории Украины. (Информант не поняла вопроса даже после нескольких повторов.)

Что бы это могло быть? Чтоб эта коммуна с лица земли исчезла.

(Повтор вопроса.)

То что недавно была эта «оранжевая революция».

(Информант отвечает на вопрос как она его поняла.)

Что бы это такое было очень историческое? Да вот такое, чтобы больше того не было, чтобы люди жили, чтобы ценили свое государство, чтобы рождались патриоты Украины, а не такие вот. Вот этого я бы хотела. Вот этого я желаю. Вот тако некоторые говорят: «Ой, нам досталась Украина без крови». Сколько ж это, считай: с 18 года парни те пошли *(в УПА – примечание интервьюера)*. 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27-й. Это было 10 лет. 28, 29, 30, 31, 32-й. Даже попадались парни 33 года. Я еще сама встречалась и говорила с ними. И приходили бедные и так, знаешь, не раз боялись, ведь это москали. Увидели – сразу вывозили, арестовывали. Не раз отец говорил: «Да Господи! Ты с ума сошла, что ли?» Да если бы кто подсказал, что они сюда приходят в хату... Есть хотели. А он так подошел к бабушке и говорит бабушке: «Мама! Разве я не ребенок своей маме, разве у меня мамы нет? Да я же один–одинёшенек у мамы». И пошел защищать свою Украину. Так сказал. И мама начала плакать и взяла кувшин с молоком. Поставила на стол и хлеба. Нате дети, ешьте. Ведь тоже не было всего в достатке, ведь москаль забрал все в колхоз.

Хорошо. То есть вы выделили одно событие? Установление советской власти. Да?

Да. Что еще? Польский. Как наших людей гнали, как били, стреляли. Боже мой, такого пацана моложе меня, так я видела своими глазами, как его

мав собі за поводок. Сидів собі на конику. А молодший був на яких 2–3 рока, а може і 4. Їхав до міста, втікав зі села. Бо на село нападут, а він втікав до міста до родичів там. Ту коло шпиталю в Любачеві підійшов польський жовніж, злапав за той поводок, взєв си такого прута і так того хлопця бив по вухах, по голові. Так го бив, жи та дитина во так о *(показує, як дитина зіщулилася)* А ми стояли і сі на то дивили. Там був такий лісок, і там ми за сосно поставали, і так сі дивили, а він так бив його, так го бив тим прутом, по вухах...

убивали... Такой вот поляк вышел из госпиталя. Тот парень ехал на коне. Такой белый конь был. Держался за поводок. Сидел себе на лошадке. А младше был на каких-то 2–3 года, а может, и 4. Ехал в город, бежал из деревни. На деревню нападут, а он бежал к родственникам туда. Тут возле госпиталя в Любачеве подошел польский солдат, поймал за поводок, взял такой прут и так того парня бил по ушам, по голове. Так его бил, что тот ребенок вот так (*показывает, как ребенок сжался*). А мы стояли и на это смотрели. Там был такой лесок, и там мы за сосной стали и так смотрели, а он так бил его, так бил тем прутом, по ушам...

КЕЙС 78.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Назвіть, будь ласка, три історичних події, які Ви вважаєте найбільш значимими. Охарактеризуйте, будь ласка, кожну з цих подій коротко: зміст, учасники, що відбулось, як відбулось. Тобто три події, які Ви вважаєте найбільш значимими.

Це дуже важко – так три вибрати... Я не знаю...
Перша для мене основна історична подія – це 1991 рік, звичайно. Тому що власне тоді у грудні був проведений референдум і Україна фактично стала незалежною в короткому часі. То це була основна подія, тому що, бачите, для більшості наших українських істориків, які працювали поза моделлю марксистсько-ленінською в час перебування в СРСР, не був часом самостійного існування України. То фактично 1991 рік, коли воле виявом народу Україна дійсно стала незалежною. Я вважаю, що для українців це основна подія. Ну, для мене, наприклад, це основна подія новітнього часу, новітньої історії України.
Другою подією, безперечно важливою, є закінчення Другої Світової війни. І, звичайно, коли існував Радянський Союз, це було свято – хоч із сльозами на очах, але свято. А тепер уже по тому, як сплило багато часу і як узнаєш, що ця перемога була досягнута якими жертвами (наприклад, в одних із спогадів я вичитала, що на одного гітлерівського солдата гинуло 6–7 радянських солдат і фактично війна була виграна «м'ясом» солдатським), то тоді уже починаєш інакше оцінювати результати цієї війни і вагу цієї перемоги. І дуже шкода, що наш народ не спромігся після тої перемоги на краще

Назовите, пожалуйста, три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризируйте, пожалуйста, каждое из этих событий коротко: содержание, участники, что произошло, как произошло. То есть три события, которые вы считаете наиболее значимыми.

Это очень сложно – так три выбрать... Я не знаю...
Первое для меня основное историческое событие это 1991 г., конечно. Потому что именно тогда в декабре был проведен референдум и Украина фактически стала независимой в короткое время. Это было основное событие, потому что, видите для большинства наших украинских историков, которые работали за рамками марксистско-ленинской модели во время пребывания в СССР, не был временем самостоятельного существования Украины. Фактически 1991 г. когда волеизъявлением народа Украина стала действительно независимой. Я считаю, что для украинцев это основное событие. Ну, для меня, например, это основное событие новейшего времени, новейшей истории Украины.
Вторым событием, без сомнения, является окончание Второй мировой войны. И, конечно, когда существовал Советский Союз, это был праздник, хоть со слезами на глазах но праздник. А теперь, после того как прошло много времени и когда узнаешь, что эта победа была достигнута какими жертвами (например в одних из воспоминаний я вычитала, что на одного гитлеровского солдата гибло 6–7 советских солдат и фактически война была выиграна «мясом» солдатским), то тогда

життя, на відміну від переможених ворогів, які значно більш успішну свою долю повоєнну зробили, збудували.

Ну, це з подій, що стосуються українського народу.

Взагалі, Ви кажете: три події... Три події навіть важко назвати.

Мені здається, що якщо вже брати саму сучасність, то перше місце, безумовно, за значенням уже в XXI столітті має осінь – зима 2004 року. ...Це була революція, тому що вперше великі маси народу, причому молоді, вийшли і здійснили свій волевияв... Просто вийшли і просто протестували проти старої влади. Раніше це було просто неможливо. А акція, наприклад, «Україна без Кучми» захлинулася, тому що не було кому брати в ній участь. А якраз усі ці багато чисельні майдани показали, що народилося нове покоління, яке спроможне висловити свою думку, відстоювати свої інтереси.

І я з оптимізмом дивлюся навіть у майбутнє, тому що я думаю, що якщо ця влада не буде виконувати свої обіцянки або гальмувати перехід до якогось нового, більш гідного людини життя в Україні, то її так само очікує майдан – свій майдан – і люди будуть протестувати. Тому що навіть соціологічні опитування останнього часу показують, що основна причина, чому люди вийшли на майдан, був не Ющенко. Люди не так виступали за Ющенка, як за зміну свого життя, за своє майбутнє. І от я думаю, що якщо такий волевияв міг статися й уже набрав масу в 2004 році, то й надалі так і буде відбуватися. І мені дуже приємно, що в цьому випадку, як би нас не критикували наші сусіди, особливо з Росії, мені здається, що Росії в цьому плані дуже далеко до України, тому що там просто це в принципі неможливо. Спробуйте собі уявити, аби в засобах масової інформації Росії відбулося публічне обговорення політики Путіна з указанням на численні недоліки, прорахунки і т. д. Такого там просто нема, тому в цьому сенсі Україна дійсно здійснила якийсь дуже сильний, духовний, в першу чергу, прорив. І я думаю, що 2004 р. можна абсолютно з усіма підставами вважати початком якісно нового етапу в розвитку України, тому що заговорили маси, тому що маси перестали бути байдужими. І це для мене є основна причина для оптимістичної візії майбутнього.

уже начинаешь иначе оценивать результаты этой войны и вес этой победы. И очень жаль, что наш народ не подвигся после той победы на лучшую жизнь, по сравнению с бывшими врагами, которые значительно более успешно свою судьбу послевоенную сделали, построили.

Ну, это из событий которые касаются украинского народа.

Вообще, вы говорите: три события... Три события даже назвать сложно.

Мне кажется, что если уж брать одну только современность, то первое место, безусловно, по значению уже в XXI веке занимает осень–зима 2004 г... Это была революция, потому что впервые большие массы народа, причем молодежи, вышли и осуществили свое волеизъявление... Просто вышли и просто протестовали против старой власти. Раньше это было просто невозможно. А акция, например, «Украина без Кучмы» захлебнулась, потому что не было кому брать в ней участие. А как раз все эти многочисленные майданы показали, что родилось новое поколение, которое может высказать свои мысли, отстоять свои интересы.

И я с оптимизмом смотрю даже в будущее, потому что я думаю, что если эта власть не будет исполнять свои обещания или тормозить переход к какой-то новой, более достойной человека жизни в Украине то ее так же ждет майдан – свой майдан – и люди будут протестовать. Потому что даже социологические исследования последнего времени показывают, что основная причина, по которой люди вышли на майдан, была не Ющенко. Люди не столько выступали за Ющенко, сколько за изменение своей жизни, за свое будущее. И вот я думаю, что если такое волеизъявление могло случиться и уже набрало массы в 2004 г., то и дальше так будет происходить. И мне очень приятно, что в этом случае, как бы нас ни критиковали наши соседи, особенно из России, мне кажется что России в этом отношении очень далеко до Украины, потому что там это просто в принципе невозможно. Попробуйте себе представить чтобы в средствах массовой информации России произошло публичное обсуждение политики Путина с указанием на многочисленные недостатки, просчеты и т. д. Такого там просто нет, поэтому в этом смысле Украина действительно совершила какой-то очень сильный, духовный, в первую очередь, прорыв. И я думаю, что 2004 г. Можно абсолютно со всеми основаниями считать началом качественно нового этапа в развитии Украины,

потому что заговорили массы, потому что массы перестали быть равнодушными. И это для меня основная причина для оптимистического видения будущего.

КЕЙС 79.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ

Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: содержание события, участники, значение, «герои» и «антигерои» и т. д. Что произошло, как произошло: хроника. Кратко – буквально несколько предложений.

Здесь бы назвала, наверное, все-таки события XX в., которые вне зависимости от возраста наложили на нас наибольший отпечаток. Это революция 1917 г., которая изменила вообще весь строй.

Это распад Союза (СССР), который, опять же, – глобальное изменение, которое изменило строй, изменило жизни.

Это события те, что произошли сейчас, потому что они очень двойственны, очень сложны, массу вызывают у меня эмоций. Да. И вообще-то, вполне возможно, что это определенный поворотный пункт, который может, к сожалению, привести не к лучшему, а к худшему...

Если говорить о революции 1917 г. – это изменение строя, изменение социальной структуры общества, изменение ценностей общества, то есть глобальные изменения, изменения культурные, изменения во взаимоотношениях полов и изменения в отношении очень важных жизненных ценностей: свобода, равенство, деньги, работа и таких вот вещей.

Если говорить о распаде СССР, то во многом я оцениваю это событие как трагическое... С одной стороны, да, идеологически, идеологически... Идеология эта изжила себя окончательно. В общем-то, была уже недееспособна. А распад огромной страны породил то, что многие люди старшего поколения... (те же люди нашего поколения... Кстати, с друзьями мы это обсуждали), те, у кого юность пришлась на период СССР... Мы не ощущаем Россию, Прибалтику (Прибалтика всегда она немного была особой). Россию, Белоруссию мы не ощущаем заграницей... никак, так как это наша страна, для нас она остается нашей страной, и вот это потом... знаете, есть фраза из кинофильма «Золушка»: «Страна маловата, разгуляться негде...»

Вот честно скажу, смешно, но тем не менее такие ощущения есть. Ведь мы были гражданами огромной страны, мы были гражданами страны, которую кто-то боялся, кто-то уважал, кто-то ненавидел. Да. Но которая вызывала во всем мире какие-то сильные реакции.

А… Это была весомая страна. Сейчас, на волне «помаранчевой революции», интерес к Украине есть. Но это еще пару лет, и, опять же, этот интерес может как возникнуть, так и провалиться…

О той же Украине никто ничего в мире не знал и не знает. Поэтому распад СССР вещь эпохальная, особенно, скажем, для людей нашего поколения. Мне, например, очень трудно членить. Я замираю, когда пишу статьи, и беру российские исследования, исследования других авторов. И потом я как-то пытаюсь найти какие-то формы, в которых я пытаюсь разделить… Оказывается, они уже не наши! Для меня эта ситуация несколько нелепая, тем более, что (кстати, нелепость этой ситуации сегодня усугубляется)… ведь Европа интегрируется, мы сейчас пытаемся выбирать, куда нам интегрироваться, но, наверное, нам надо спрашивать об этом не политиков, а большинство населения.

То есть распад Союза – двойственность оценки: идеологически он должен был распасться, а стратегически, исторически, геополитически, с другой идеологией, на каких-то основаниях как-то надо было Союз сохранять.

Тяжелый период распада пережили все. Естественно, родственники у нас в России все. Родственники мои, мужа – все в России. И поэтому ситуация и события, которые там происходили, нам очень знакомы. Ну, вот, тогда это было на уровне эйфории, вот, опять же какого-то негатива, открытости этого негатива, признания этого негатива…

Вполне возможно, были допущены исторические ошибки, которые либо будут исправлены исторически… Либо… Не будем о грустном.

Так вот и последнее событие. Событие, так называемая «помаранчевая революция». Почему вот я эти события называю в качестве достаточно глобального события для Украины? Потому что мы в результате стоим, мы поставлены перед выбором, который может быть сделан не в наших интересах, но который, в общем, очень значимо может изменить наши судьбы. А… О демократичности этого переворота… Ну, я бы не сказала. У меня, вообще, изначально, опять же как у психолога, была масса сомнений… Имело место очень много спекулятивных техник и технологий. Да, админресурс использовался и со стороны… «сине-белых», а со стороны «помаранчевых» очень много использовалось психотехнологий. Очень много форм различных манипулирований.

В общем, ситуация выбора между «черным» и «белым» не была однозначна… И для… все-таки… путь интеграции, интеграции, по крайней мере, с большей европейской частью бывшего Советского Союза.

Вот. И я за близкие контакты с Россией, с которой связаны и исторически и психологически…

К сожалению, вполне может быть, что нас сейчас будут интегрировать, в общем-то, не спросив население. Надо европейский блок, в общем-то, до-

статочно каких-то свежих политических вещей. Опять же в Польше очень много родственников и т. д. На сегодняшний день Евросоюз с нашим относительно невысоким экономическим уровнем приведет к тому, что мы будем нищими и беспомощными... Здесь у меня на этой почве очень сильный негативизм. Опять же, если говорить о нашем поколении – мы уже с колен поднимались. Когда распался Союз, и те люди, которые были вполне благополучны, чего-то добились... Я, вообще-то, беру себя, мужа, наших друзей... Вот, мы уже были на определенном статусном уровне, и мы были на нормальном уровне финансовом. И мы оказались абсолютно никем и ничем! И мы, слава богу, все выбрались. Никто не спился, не стал наркоманом, не покушался на самоубийство, ничего такого у нас не произошло. Но все кроваво восстанавливали тот уровень жизни (и статусный), который мы имели до сих пор, который мы имели до того.

И вот сейчас переживать опять ситуацию?.. В нищету... Стать снова никем... И чем дальше, тем труднее вот все это...

Поэтому это то событие, которое может глобально повлиять на жизнь...

Знаете, и вот наверное, если объединить все три события: революция 1917 года, распад Союза ССР, сейчас – «помаранчевая революция» – тут можно подвести под единый критерий, который (ну, как-то, опосредованно, понятно революция 1917 года)... – это те события, которые глобально влияют на жизнь.

КЕЙС 80.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ

Тепер таке питання: назвіть, будь-ласка, три події, які Ви вважаєте найбільш значимими.	*Теперь такой вопрос: назовите, пожалуйста, три события, которые вы считаете наиболее значимыми.*
Три. Так. Остання найбільш на пам'яті і на очах. Це «**помаранчева революція». Це дуже великий поступальний крок в історії України.** І не тільки в історії України, а і велика зміна в свідомості людей. Я думаю, що це дуже важлива подія для історії України. Можна згадати такий факт взагалі нашої колишньої історії, як **підписання угоди про єднання Богданом Хмельницьким між Росією і Україною. Я рахую, що з того часу доля України стала спрямовуватися в ролі молодшого брата.** Може, я помиляюся, може, я так глибоко не знаю, але думаю, що так і середній такий період якщо взяти...	Три. Так. Последняя наиболее в памяти и на глазах. Это «**оранжевая революция». Это очень большой поступательный шаг в истории Украины.** И не только в истории Украины, а и большое изменение в сознании людей. Я думаю, что это очень большое событие для истории Украины. Можно вспомнить такой факт вообще нашей бывшей истории, как **подписание соглашения о единении Богданом Хмельницким между Россией и Украиной. Я считаю, что с того момента история Украины стала направляться в роли младшего брата.** Может, я ошибаюсь,

Я би думала, що приєднання західних земель України до загальної... до Центральної, Східної України. Хоча через роль або державних діячів, або є якісь об'єктивні причини, як і до цього часу не зробили нас монолітною Україною, але я думаю, що це теж важлива... важливий...

може, я так глубоко не знаю, но думаю, что так и средний период если взять...
Я бы думала, что присоединение западных земель Украины к общей... к Центральной, Восточной Украине. Хотя из-за роли или государственных деятелей, или есть какие-то объективные причины, которые до этого времени не сделали нас монолитной Украиной, но я думаю, что это тоже важная... важный...

А який рік Ви маєте на увазі?

А какой год Вы имеете в виду?

1939 р.

1939 г.

Назвіть, будь ласка, по кожній з цих подій коротко – буквально в кількох реченнях – якими були учасники тої події, причини якогось конфлікту, якщо там був конфлікт. Отже, Переяславська рада, так? Хто там учасники?

Назовите, пожалуйста, по каждому из этих событий коротко – буквально в нескольких предложениях – какими были участники этих событий, причины какого-то конфликта, если там был конфликт. Итак, Переяславская рада, да? Кто там участники?

...**Я так розумію, що це Богдан Хмельницький намагався рятувати Україну від інших ворогів і тому уклав угоду з Росією, але вийшло так, що Росія сприйняла це не з позиції, щоб стати для України підтримкою і братньою державою, а вона взяла позицію такої панівної сторони і з своєї сторони почала підневолювати Україну.**

...Я так понимаю, что это Богдан Хмельницкий старался спасать Украину от других врагов и поэтому подписал договор с Россией, но вышло так, что Россия восприняла это не с позиции, чтобы стать для Украины поддержкой и братским государством, а она взяла позицию такой господствующей стороны и со своей стороны начала покорять Украину.

...І третя подія – «помаранчева революція». Чи можете Ви назвати коротко – що це були за події, і чи був там конфлікт, і який це був конфлікт?

...И трете событие – «оранжевая революция». Можете ли вы назвать коротко – что это были за события, и был ли там конфликт, и какой это был конфликт?

Так. Це був конфлікт, який назрівав протягом, мабуть, десятиліть. Це був конфлікт між владою і народом. Я не розцінюю це як конфлікт між кандидатом в президенти демократичної сторони і сторони влади, я це аналізую глибше. Мені здається, що наступив вже історичний момент, коли народ вже не захотів бути отакою... отакою сірою масою, яку штовхають в певному напрямку вигідному владі, і вона туди йде. І так сталося історично, що появився лідер, якому народ повірив, і люди пішли за ним. Не тому що він особливий, а тому що вони в ньому побачили такого лідера, який зможе змінити наше життя, який зможе владу зробити народною. І в цьому, мені здається, найбільший... найбільша яскравість цієї революції.

Да. Это был конфликт, который назревал на протяжении, должно быть, десятилетий. Это был конфликт между властью и народом. Я не расцениваю это как конфликт между кандидатом в президенты демократической стороны и стороны власти, я это анализирую глубже. Мне кажется, что наступил уже исторический момент, когда народ уже не захотел быть такой... такой серой массой, которую толкают в определенном направлении, выгодном власти, и она туда идет. И так случилось, что появился лидер, которому народ поверил, и люди пошли за ним. Не потому что он особенный, а потому что они в нем увидели такого лидера, который сможет изменить нашу жизнь, который сможет власть сделать народной.

И в этом, мне кажется, наибольший... наибольшая яркость этой революции.

А чи можна стосовно тих трьох подій вживати термін „герой", „антигерой"? От Переяславська рада. Герой, антигерой – там був герой і антигерой?

А можно ли относительно этих трех событий употреблять термин «герой», «антигерой»? Вот Переяславская рада. Герой, антигерой – там был герой и антигерой?

У свій час Богдана Хмельницького розцінювали як героя, і тепер ми, його потомки, теж за багато чого йому повинні бути вдячними, але цей період був першим, може, кроком, що під... зараз, зараз, якби це правильніше... що це був початок от нашого поневолення Росією. Скажемо так, і в цьому випадку героєм його вважати важко.

В свое время Богдана Хмельницкого расценивали как героя, и теперь мы, его потомки, тоже много за что должны быть ему благодарны, но этот период был первым, может быть, шагом, который... сейчас, как бы это правильнее... что это было начало нашего порабощения Россией. Скажем так, и в этом случае считать его героем затруднительно.

Добре. Продовжимо. Події 1939 р. Чи тут когось можна назвати героєм і антигероєм?

Хорошо. Продолжим. События 1939 г. Можно ли здесь кого-нибудь назвать героем и антигероем?

Знову, тут можна віддати належне лідерам, я не знаю, як їх конкретно. Я би згадала, якби довго посиділа і подумала. Знов можна вважати людей, які ініціювали це приєднання, тому що ми одна нація і ми повинні бути в одній державі. І звичайно, Західна Україна, лідери Західної України не хотіли бути підневільними Польщі, і вони намагалися об`єднати свою націю. Я би це рахувала за геройські дії. Дійсно так...

Опять же, тут можно отдать должное лидерам. Я не знаю, как их конкретно. Я бы вспомнила, если бы долго посидела и подумала. Снова, можно считать людей, которые инициировали это присоединение, потому что мы одна нация и мы должны быть в одном государстве. И конечно, Западная Украина, лидеры Западной Украины не хотели быть подневольными Польше, и они старались объединить свою нацию. Я бы это считала геройскими действиями. Действительно так.

КЕЙС 81.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: содержание события, участники, значение, герои и антигерои и т. д. Что произошло, как произошло: хроника. Кратко – буквально несколько предложений.

Ну, в стране в нашей это, конечно, Октябрьская революция. Это событие такое эпохальное, оно изменило уклад жизни нашего народа.

Ну, я бы сказал, если еще раньше, то это Крещение Руси Владимиром было. Тоже, он выбрал религию, которая устраивает, я так понимаю, многих людей. Она много чего позволяет, но и много чего запрещает – курить там, убивать. Православная церковь лояльная к другим верованиям. Не как, до-

пустим, мусульманская. У них даже в Коране – должна быть только мусульманская вера и все.

Ну, потом... **Героические события в войну народ наш выдержал. Мне даже трудно сказать, что могло бы быть, если бы не было войны. У нас два лагеря было – фашизм и социализм. Фашизм стремился весь мир завоевать, социализм тоже, коммунизм хотели построить во всем мире. А народ же никто не спрашивал, хотят они фашизм или коммунизм. Ну, два лагеря столкнулись. По-моему, война неизбежной была.**

Ну, и третье событие – это развал Советского Союза. Это тоже, как бы эпоха другая. Трудно менять людям мировоззрение, как это так без Советского Союза. Ну, хотя я считаю, что, в принципе, управлять империей большой, наверно, и сложно, и ненужно. Были много этих... и Александр Македонский хотел завоевать весь мир. Оно в конце концов распадается. Ну, была династия Романовых 300 лет. Оно держалось все, как говорится, на страхе. Это показали события Карабаха и Армении. Пока это на страхе держалось, то и люди дружили. Только Горбачев отпустил, как говорится, эту перестройку, что люди перестали, там, бояться властей, КГБ, каких-то органов. И началась война за клочок земли, потому что Сталин кому-то там что-то передал. Люди считают, что правильно, другие – что неправильно. Воевали, убивали друг друга.

КЕЙС 82.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ

Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Три исторических события, которые я считаю наиболее значимыми? Буду привязываться, наверно, к Украине, а то как-то глобально.

Историческое событие первое, на первом месте для меня, в принципе, вообще, это получение независимости в 1991 г. Украиной. Это, наверно, самое глобальное историческое событие для меня как для украинца.

Второе по значимости историческое событие – это Великая Отечественная война и третье – это, наверно... я бы так сказал, это большевистский переворот 1917 г. Это вот фактически три таких, ну, скажем так, ключевые точки в истории Украины, которые фактически предопределили ее судьбу до данного момента.

Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из них.

К первому... к последнему то есть, пойду издалека, да. Переворот большевистский – крайне негативно оцениваю. Считаю, что фактически была... **реально был сделан переворот, никакой революции не было, поддержки у людей фактически не было, они просто захватили власть и потом просто удачно ее как бы укрепили путем террора и всего остального. Крайне негативно это событие оцениваю.**

Второе событие вот по времени, да, это война. **Считаю тоже крайне его негативным оцениваю для Украины, ну, скажем так, во-первых, и в экономическом плане, во-вторых, в плане количества жертв, порядка 20 миллионов людей погибло за пять лет, из них там порядка восьми, по-моему, или десяти украинцев. И как бы охарактеризовать... ну, наверно, оно очень влиятельное в плане последствий, но крайне негативно к нему отношусь, да.**

И третье, ближайшее по времени, – это получение независимости, крайне позитивно оцениваю, потому что наконец-то в тот момент, в принципе, у нации, которая там ведет свои корни, я не знаю там, из каких-то тысячу там, не тысячу... из каких-то девятисотых годов, да, первые воспоминания, вот как нации именно, **появилась реальная возможность как бы более-менее, ну, не знаю, развиваться. Ни под каким-то там, чьим-то там, ни под поляками, ни под австро-венграми, ни под россиянами, ни под турками, ханами и т. д., а самостоятельно.** Позитивно и считаю, что как бы, наверное, поздновато, но как бы лучше поздно, чем никогда произошло.

КЕЙС 83.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ

Примечание. Когда был задан общий вопрос о трех значимых событиях, респондентом были названы: «египетская цивилизация, библейские события, **и для нас, для славян, – Крещение Руси»**. После этого был задан вопрос: «*А в отношении истории Отечества*?» Приводится кейс, полученный в результате такой конкретизации. Как предшествующая нецентрированность на событиях Украины, так и последовавший далее ответ, отображают типичный вариант для харьковчанина, представляющего поколение 2.

Отечества – имеется в виду от Крещения Руси?

Ну, что Вы имеете в виду под «своим Отечеством», давайте так сделаем.

Ну, свое Отечество – это становление славянского государства. А становление славянского государства, наверно, оно от Крещения Руси и идет. Ну, тогда...

А славянское государство – это какое?

Ну, славянское государство – это Киевская Русь, в первую очередь, а уже потом – Москва, Петербург, это уже все было во вторую очередь. Так что Киев – это мать городов русских. Ну, это не я первый сказал, вот.

Ну, и становление славянского государства ж, какие были. Значит, нашествие татар большое влияние оказало, т. е. люди научились сплачиваться перед общей бедой, перенесли столицу в более выгодное место, в Москву. Это чисто стратегически. И это оказало потом влияние на разделение на Украину и Россию, что столицу перенесли в Москву, а Киев как бы все равно остался большим культурным центром, и, наверно, в связи с этим и пошла формироваться украинская нация. Хотя раньше все были просто славянами. Русь была, русичи.

Ну, второе событие – это Переяславская рада, где Богдан Хмельницкий договорился, подписал соглашение с Российской монархией о вступлении в Российское государство. То есть **славяне объединились после долгих лет пребывания в составе разных государств.**

Ну и третье, конечно, **это Октябрьская революция, это когда «низы» больше не хотели, а «верхи» не могли. То есть, в принципе, старый строй, нельзя сказать, что он был плохой до революции. Однозначно, в нем было много хорошего. Но общество развивалось, и вот именно монархия не могла быстро приспосабливаться к изменениям в обществе. Поэтому она пала под действием более организованного и революционно настроенного пролетариата.**

КЕЙС 84.

ПОКОЛЕНИЕ 2 , ЛЬВОВ

Назвіть, будь ласка, три історичних події, які Ви вважаєте найбільш значимими.

Я можу говорити про ті події, які сталися, в принципі, недавно, які стали для мене дуже важливими, тому що вони були для мене свіжі на даний момент. Це, наприклад, відношення Америки, Сполучених Штатів до Іраку і до інших країн, самий початок війни в Іраку. Я вважаю, що це надзвичайна така подія, яка дуже може змінити історію, скажімо так, в гірше русло, тому що це загрожує тим ж самим, скажімо, початком інших війн, в результаті світової війни, яка може закінчитися для людства дуже трагічно. Саме якщо розглядати це глобально, а конкретно – це проблема мусульманства і християнства. Це, я вважаю, це є надзвичайно такі важливі події в останній час, що відбуваються. Для мене саме найважливіша, якщо розглядати в плані нашої нації, України, то для мене надзвичайно важлива ця революція, що сталася двадцять другого, хто як називає, двадцять першого листопада. Перші події – це так глобально в світі, а от стосовно нашої нації, то саме то «помаранчева революція», тому що це є дійсно свобода для нашого народу, який постійно був пригнічений, постійно був поневолений кимсь, нарешті, дай Боже, щоб це не зупинилось і далі рухалось. І скажімо так, в дев'яносто першому році – це розвал Союзу. Теж відносно нашої країни, то я вважаю, що це так, можна сказати, більш політично, так якщо розглядати, це політика, яка формує ту історію, так можна сказати. Такі події. Це якщо спонтанно так говорити, якщо не думаючи, не занурюючись...

Назовите, пожалуйста, три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Я могу говорить о тех событиях, которые произошли, в принципе, недавно, которые стали для меня очень важными, потому что они были для меня свежими на данный момент. Это, например, отношение Америки, Соединенных Штатов к Ираку и к другим странам, самое начало войны в Ираке. Я считаю, что это очень важное событие, которое очень может изменить историю, скажем так, в худшее русло, потому что это угрожает тем же самым, скажем, началом других войн, в результате мировой войны, которая может для человечества окончиться очень трагично. Именно если рассматривать это глобально, а конкретно – это проблема мусульманства и христианства. Это, я считаю, очень важно, важные такие события в последние время происходят. Для меня наиболее важно, если рассматривать в плане нашей нации, Украины, то для меня очень важна эта революция, которая произошла 22, кто как называет, 21 ноября. Первые события – это так глобально, в мире, а вот касательно нашей нации, так именно это «оранжевая революция», потому что это действительно свобода для нашего народа, который постоянно был под гнетом, постоянно был порабощен кем-то, наконец-то, дай Бог, чтобы это не остановилось и дальше продвигалось. И, скажем так, в девяносто первом году – это развал Союза. Тоже относительно нашей страны, то я считаю, что это так, можно сказать, более политически, так если рассматривать, это политика, которая формирует эту историю, так можно сказать. Такие события. Это если спонтанно так говорить, если не думать, не углубляться...

КЕЙС 85.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

То не мається на увазі, чи стосується це історії України, чи взагалі історії?

Це як Вам ближче.

Перше, що спало на мою думку, важлива дуже історична подія, – це хрещення України Володимиром Великим. От мені запало як з історії, можливо, я перед тим то не сказала, з історії ота подія чомусь, може, з–за того, що моя родина така релігійна, не знаю. Чомусь мене вразило, що все ж таки **відбулося** *(із наголосом)* таке на Україні. Взагалі пізніше потім то всьо поширилося на слов`ян і так далі і далі.
Друга подія, не знаю, скоріше всього, Друга світова війна.ЇЇ багато показано, казано, говорено, і дуже багато іще досі всяких різних нюансів і т. д. Дуже багато.
А третя подія, можу сказати, «помаранчева революція».

Это не имеется в виду, относится ли это к истории Украины, или к истории вообще?

Это как Вам ближе.

Первое, что пришло мне на ум, важное очень историческое событие, – это крещение Украины Владимиром Великим. Вот мне запало как из истории, может быть, я перед этим этого не говорила, из истории вот это событие почему-то, может, из-за того, что моя семья такая религиозная, не знаю. Почему-то меня поразило, что все-таки **произошло** *(с ударением)* такое на Украине. Вообще, позднее это все распространилось на славян и так далее и так далее.
Второе событие, не знаю, скорее всего, Вторая мировая война. Ее много показано и сказано, и очень много до сих пор разных нюансов и так далее. Очень много.
А третье событие, могу сказать, «оранжевая революция».

КЕЙС 86.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

Зараз таке питання – трошки, може, складне, але можете подумати, не зразу відповідати: які три історичні події Ви вважаєте найбільш важливими?

За весь час існування людства?

Так. Тобто тут Ви самі собі встановлюєте... Три історичні події.

Ну-у-у, Рождество Ісуса Христа... Друга світова і вибух в Хіросімі і Нагасакі.

Добре. От по цих подіях – Ви могли би охарактеризувати, скажімо, по такій структурі – значення події, герої, антигерої?

Значення події. Значить, перша подія. Значення події охарактеризувати неможливо, тому що це є подія, яка, фактично... ну, стільки часу вже пройшло, а тим не менше прихильників християнства не зменшується, і, фактично, це є релігія, яка є, ну, не панівна, але найбільш поширена в світі. Це є

Сейчас такой вопрос, немного сложный, может быть, но можете подумать, не сразу отвечать: какие три исторических события Вы считаете наиболее важными?

За все время существования человечества?

Да. То есть тут Вы сами себе устанавливаете... Три исторических события.

Ну-у-у, Рождество Иисуса Христа... Вторая мировая война и взрыв в Хиросиме и Нагасаки.

Хорошо. Вот по этим событиям – Вы могли бы охарактеризировать, скажем, по такой структуре – значение события, герои, антигерои?

Значение события. Значит, первое событие. Значение события охарактеризировать невозможно, потому что это событие, которое, фактически... ну, столько времени уже прошло, а тем не менее приверженцев христианства не становится меньше, и, фактически, это религия, которая, ну,

релігія, яка, на мою думку, найбільше захищає такі моральні принципи, які багато в чому перестерігають людство від знищення. Герой, однозначно, – Ісус Христос. Антигерой? Антигерой, мабуть, людина, яка починає вірити тільки після того, як бачить і відчуває. І яка не може, в принципі, наразі досягти віри тільки на підставі віри. Їй потрібні докази.

На рахунок Другої світової – там, в принципі, не можна сказати, що герой чи антигерой – це є Гітлер або Сталін. Вони є в деякій мірі обоє антигероями. А герой… герой, звичайно, є простий, простий проста людина, простий чи селянин чи робітник, який, ну, в першу чергу, мені здається, все-таки радянський солдат, герой Великої Вітчизняної війни. Чому? Тому шо і табір союзників, і ті події, які мали місце після Великої Вітчизняної, – це вони вже не носили настільки глобального характеру. А у Великій Вітчизняній все-таки радянський солдат – чи то росіянин, чи то українець, чи будь-якої іншої національності – все-таки він своєю смертю, своєю кров`ю здобув для людства право на життя, на подальше життя. Тому що після війни одна імперія просто зникла, а друга настільки підірвала свої сили, що вже не могла розглядатися як імперія, що претендує на панування в світі.

І третя подія. Антигерой – це, звичайно, це, звичайно, військовий, який віддає команду на використання досягнення людства проти людства, а герой – це є, це є, ну, з одної сторони, науковець, тому що все-таки це є дуже значний прорив, це є велике досягнення. Це віповідно все-таки герой – науковець, тому що відкриття атомної енергії є дуже таке… воно в майбутньому дуже велику роль буде грати і вже грає. І герой – це є все-таки людина, тому що після такої катастрофи найшли в собі сили і японці, і американці, і найшли розум всі інші нації в світі стримувати якось свій порив до агресії і не допустити повторного такого.

не господствующая, но наиболее распространенная в мире. Это религия, которая, как я думаю, наиболее защищает такие моральные принципы, которые много в чем предостерегают человечество от уничтожения. Герой, однозначно, – Иисус Христос. Антигерой? Антигерой, наверное, человек, который начинает верить только после того, как видит и чувствует. И который не может, в принципе, пока что достичь веры только на основании веры. Ему нужны доказательства.

На счет Второй мировой войны – там, в принципе, нельзя сказать, что герой или антигерой – это Гитлер или Сталин. Они являются в некоторой мере оба антигероями. А герой… герой, конечно, это простой, простой человек, простой крестьянин или рабочий, который, ну, в первую очередь, мне кажется, все-таки советский солдат, герой Великой Отечественной войны. Почему? Потому что и лагерь союзников, и те события, которые имели место после Великой Отечественной войны, – это они уже не носили настолько глобальный характер, а в Великой Отечественной войне все-таки советский солдат – будь то русский, или украинец, или какой-либо другой национальности – все-таки он своей смертью, своей кровью добыл для человечества право на жизнь, на жизнь после войны. Потому что после войны одна империя просто исчезла, а другая настолько подорвала свои силы, что уже не могла рассматриваться как империя, которая претендует на господство в мире.

И третье событие. Антигерой – это, конечно, это, конечно, военный который отдает команду использовать достижение человечества против человечества, а герой – это, это, ну, с одной стороны, ученый, потому что это все-таки очень значительный прорыв, это большое достижение. Это, соответственно, все-таки герой – ученый, потому что изобретение атомной энергии очень такое… оно в будущем очень большую роль будет играть и уже играет. И герой – это все-таки человек, потому что после такой катастрофы нашли в себе силы и японцы, и американцы, и нашли ум все другие нации в мире сдерживать как-то свой порыв к агрессии и не допустить повторного такого.

КЕЙС 87.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Ну, я думаю три исторических самых таких... ну, углубляться глубоко, я думаю не стоит, а вот три это, по крайней мере, первое это: революция 1917 г., потом второе историческое событие это война, которая тоже очень сильно отобразилась, ну и третье – это естественно, я назову это как бы развал Советского Союза, т. е. как они просто развалили в 92-м году или в 91-м (я чего-то не помню), сели три будущих президента в Беловежской пуще и просто-напросто похоронили большую империю.

Ну, на мой взгляд, участники, допустим, той же самой революции 1917 г. это (*пауза*) так сразу и не охарактеризуешь...

...Ну, я считаю, что, в принципе, жизнь, которая сложилась на тот момент для разных слоев общества, очень много, как говорится, было тех слоев, которые были недовольны жизнью своей, жизненной какой-то ситуацией, я так понимаю. И это недовольство оно настолько... Как бы, было намного больше недовольных, чем тех которые довольны были, допустим при власти там вот, и некоторые люди решили этим просто-напросто воспользоваться. Вот и заварили, я думаю, кашу, причем очень большую. Вот. И воспользовались ситуацией то есть... Это, естественно, Ленин, при нем все деятели, которые там были, вот, они этим воспользовались, ну, и, естественно, я думаю, свершили... Ситуацией воспользовались, воспользовались этой ситуацией, может быть... Ну, и произошла революция. Потом уже между собой там всё это начали делить и, естественно кто-то выплыл на руководящие должности.

Вот, герои, антигерои, кто там?

Ну, я считаю герои, допустим... ну, героев там особенно нету потому что ну, я не считаю, что там любая революция – там есть свои герои, есть не герои. Ну, допустим, есть умные люди, которые там были и воспользовались этой ситуацией, т. е. это естественно, Ленин, хотя, допустим, не настолько был умен, чтобы предвидеть, допустим, что его могут его же соратники и убрать, т. е. был бы немножко поумнее он как бы это все предотвратил, и, может быть, в будущем оно бы совсем по другому вышло.

А что, Вы считаете, что соратники убрали?

Я считаю, да. Ну, по крайней мере, из тех источников, с которыми я сталкивался очень много, но, естественно, источники появились после развала Союза, когда можно было, стало возможным писать обо всем и, естественно, очень много было такой литературы и, допустим, мы обсуждали там среди коллектива и очень много фактов говорящих о том, что его именно отравили.

Теперь охарактеризуйте второе событие.

Ну, второе событие вот это я считаю **Великая Отечественная война вот; естественно, героем можно считать вообще полностью весь наш народ. Я считаю, народ это всего Советского Союза бывшего потому, что вроде бы как бы я хоть и живу уже сейчас на Украине, вроде как и украинец, но я считаю, что русский народ, и украинский народ, там, белорусы, ну полностью все эти народности они как бы должны быть вместе потому, что ну слишком долго мы вместе жили, существовали, вот и я считаю, что героями, естественно, являются именно полностью весь, ну, большая часть народа, которая в этом участвовала, ну, как бы ну вот, которая победила.** Причиной этой войны, я так считаю, что честно говоря, ну, амбиции некоторых руководителей, которые были на то время при власти и воспользовались ситуацией, многих слоев общества недовольством при власти...

При власти каких стран?

При власти той же самой Германии, при власти СССР вот, ну других я пока не считаю потому, что не было таких вот других стран, которые были бы очень сильно заинтересованы в войне, т. е. это в основном два лидера – это Сталин и Гитлер.

А все же инициатива, с какой стороны была?

Инициатива, я считаю, была со стороны СССР, со стороны Сталина. Даже с немцами, потому что СССР – он готовился к этой войне.

Ну, а немцы начали войну раньше с Англией, с Францией?...

Нет, они как бы завоевали, но у них были договоренности... Понимал Сталин, что это неизбежно, т. е. они будут завоевывать весь мир, они ж не

хотели, как говорится, поделить напополам, любой хочет завоевать полностью все и быть...

Инициатива была со стороны СССР, да только вовремя не подготовились, не успели... их опередили, Гитлер, считай, опередил.

И последнее событие?

Ну, последнее событие это.. Да, это уже именно развал большой империи Советского Союза, который, как говорится, произошел в 91-м, по-моему, году или в 92-м. Собрались, там, по-моему, где-то, в Беловежской пуще, по-моему, вот и решили полностью всё развалить.

Вы считаете, что собрание в Беловежской пуще – это является главной основой развала, или Вы думаете, что это... потому, что оно предшествовало этому?

Ну, я считаю, что предшествовало, конечно, естественно Горбачев, вот, при... Который был тогда у руля Советского Союза, т. е. он бы, не понимая толком, что он задумал, вот, он начал перестройку, я считаю это фактом уже окончательным, как говорится. Окончанием этой всей перестройки явилось то, что полностью все развалилось, т. е. он же не мог тоже предвидеть, что у него будут все единомышленники, а получилось так, что были и единомышленники, и были люди, которые просто-напросто хотели воспользоваться властью своей...

Какова все-таки причина этого конфликта, вот такого события?

Причина, я считаю, что причина одна она, как, в принципе, и у всех больших империй причина одна – они в любом случае будут разваливаться, т. е. империя формируется на сильных личностях, на больших, но в конце концов личности эти уходят, а передавать их некому, вот, т. е. эту империю, за которой, надо, допустим, следить и за этими интересами полностью надо, как говорится, поддерживать эти интересы, т. е. в конце концов любая империя развалится, т. е. то же самое, думаю, США в конце концов как империя развалится, будет другая империя, будет Китай.

КЕЙС 88.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Ну, первое событие, которое приходит на ум, – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. *(Пауза.)* Второе событие, связанное с Октябрьской революцией, или как её теперь называют октябрьским переворотом, – это расстрел царской семьи в 1918 г. Ну, это как бы... и вопросительно, много вопросов по поводу этого расстрела: всех ли расстреляли? Живы ли кто-то остался? Эти вопросы постоянно муссируются. Но официально уже ясно, что в домике Ипатьевском в Свердловске, бывшем Екатеринбурге или нынешнем Екатеринбурге, вся царская семья была расстреляна в 18-м году.

Третье событие... Ну, третье событие, которое вот, событие недавней истории нашей – так называемая «оранжевая революция», которая сейчас неоднозначно трактуется, но уже вошла в историю как какая-то подия глобальная... для Украины.

КЕЙС 89.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Ну, если брать события вот нашего региона, ну, наверно, то что это и ближе, наверно, первое событие – это, конечно, революция 17-го. Это такое серьезное очень событие, судьбоносное. Второе событие – это, наверное, война с Германией, ну, потому что еще не далеко все-таки, мы, поколение, которое встречаем еще участников. А третье событие, наверно, как самое свежее, вот, революция наша «помаранчевая». Ну, самое такое свеженькое, которое всколыхнуло. Хотя перестройка, развал Союза тоже, но там не было яркого события, там как-то оно развалилось для Украины слишком незаметно. Мы ни в каких... не были участниками событий. Там где-то собрались, развалили Союз, нас поставили в известность, будем так говорить. А здесь вот именно действо было. Вот.

Если брать революцию, то... ну, в общем, чем-то, во-первых, это курс, который выбран был... мы стали социалистической страной под большой завесой. Это, во-первых, как последствие. Потом просто как это событие повлияло на массы в целом, то есть, с одной стороны, нам преподносили сначала как высокую идею происходящее, а на сегодняшний день мы понимаем, что все было

далеко не так, как было, и, в общем-то, уже с неким скепсисом смотришь на эти события. Может быть, и царь не был уж так плох, и большевики не были так хороши, как все это нам в свое время преподнесли. Если брать войну...

Второе событие – Великая Отечественная война. Вот. Что произошло? Вот опять, как отвечать вот. До сих пор не ясно, т. е., с одной стороны, нам говорили: напала Германия и началась война. Гитлер хотел как бы завоевать весь мир. На сегодняшний день выяснилось, что как бы Сталин претендовал на весь мир. И, в общем, в итоге, я так понимаю, что два монстра схлестнулись между собой, оба преследуя цель расширить свои какие-то территории. Вот. Ну, а в итоге пострадал народ. Вот. Но как бы, как выяснилось, ну, как оказалось, ни то что бы мы были сильнее, а так исторически сложилось, что Гитлер не готов был к такой длительной войне, к такой, он не готов был к такому... он не готов был к этим территориям, т. е., наверно, он... Германия меньше немножко, чем... не учел он это. Вот. Плюс еще жестокость Сталина сыграли не последнюю роль. Ну, наверно, все-таки нельзя не говорить о патриотизме. Одно дело, люди защищали свою землю, а другое дело, немцы топтались по нашей. Вот поэтому, я думаю, мы и победили.

Ну, третье событие, может, оно, я не знаю, насколько оно решающее, но оно как самое запоминающееся, как самое свеженькое. Ну, это вот наша «помаранчевая революция»... Я участвовала в этой революции...

...Ну, Украина, теперь уже Украина, да... в которой очень сильно обманывали народ, с ним абсолютно не считались. Люди жили своей жизнью, видели, как его обманывают, но как-то жили, барахтались и давно уже отделились от власти... Ну, у народа была какая-то надежда, что что-то изменится в этом мире. Вот появился человек, который заварил такую вот кашу, где у народа появился шанс сказать... даже не сказать, а подать голос, что я еще есть и со мной нужно считаться. Ну, народ откликнулся и, в общем-то, народ победил. В данном случае даже не Ющенко победил, а все-таки победил народ, то что люди вышли. Есть какая-то маленькая надежда.

КЕЙС 90.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА), ЛЬВОВ

Будь-ласка, назвіть три історичні події, які Ви вважаєте найбільш значимими. Три історичні події.	*Пожалуйста, назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Три исторических события.*
Найбільш значимими для України? Напевно, так?	Наиболее значимые для Украины? Наверное, так.
Нема обмеження. Як вважаєте за потрібне.	*Нет ограничений. Как считаете нужным.*

Ну якщо говорити про зовсім недавні події, – це... Сама сучасна подія – це була «революція помаранчева». Мені здається, що колись згодом... Пару років пройде, і вона буде широко обговорюватися, вивчатися в школах, на академічному рівні. Ось.

Ну, звичайно, прийняття незалежності. Дуже довго за неї боролися і упустити її аж ніяк. Це центральна подія.

І серед давніших подій. Наша історія настільки яскрава на події, що важко сказати, яка з них більш вагома чи менш. Це такий вже алгоритм розвитку цих подій. Ну, можна пригадати ... підписання Богданом Хмельницьким цього акту про допомогу Москви. Його вважають таким доволі центральним моментом розвитку подальшої історії.

Чи могли би Ви схарактеризувати кожну з цих подій коротко по наступній структурі: зміст події, учасники події, значення події і герой та антигерой. От остання подія, яку Ви назвали – Хмельницький, підписання договору, да? От яке значення цієї події і чи є тут герой, антигерой в цій історії?

Якщо висловити мою власну думку, то ситуація була дуже складна. І хоча я багато читала в пресі, от я читала, в замітці висловлюється що Богдан Хмельницький, от він зрадив Україну, що це не потрібно було робити. Я не можу так кардинально сказати що зрадив тому, що ця... можливо, обставини так вимагали, також він почав визначатися, також ... *(нерозбірливо)* людина, тобто є якісь різні фактори, які впливали, його думка, умови, що від нього очікували також певні люди. Зміст цієї події – ішла домовленість про військову допомогу, співпрацю, але оскільки було дуже багато прихованих факторів, навіть приховані документи, які є офіційними, які зараз просто не хочуть бути висвітленими явно. А герой – антигерой. Все-ж-таки щодо антигероїв я не можу сказати, а Хмельницького я все-ж-таки вважаю героєм. Я його не осуджую остаточно. Можна зробити скидку, що він, як і будь-яка людина, він має право помилятися, мати свою думку, але я не вважаю це якимсь таким... Не засуджую цієї справи.

Ясно. А здобуття незалежності. Це Ви який рік маєте на увазі?

1991-й.

1991-й. А значення, герої, антигерої?

Ну если говорить о совсем недавних событиях, это... Самое современное событие – это была «революция оранжевая». Мне кажется, что когда-то в будущем... Пару лет пройдет, и она будет широко обсуждаться, изучаться в школах, на академическом уровне. Вот.

Ну, конечно, принятие независимости. Очень долго за нее боролись, и упустить ее ну никак... Это центральное событие.

И среди более давних событий. Наша история настолько яркая на события, что тяжело сказать, которое из них более важно или менее. Это такой уже алгоритм развития этих событий. Ну, можно вспомнить... Подписание Богданом Хмельницким этого акта о помощи Москвы. Его считают таким довольно центральным моментом развития дальнейшей истории.

Могли ли бы Вы охарактеризировать каждое из этих событий коротко по следующей структуре: содержание события, участники события, значение события и герой и антигерой. Вот последние событие, которое Вы назвали – Хмельницький, подписание договора, да? Вот какое значение этого события и есть ли тут герой, антигерой в этой истории?

Если высказать мое личное мнение, то ситуация была очень сложной. И хотя я много читала в прессе... вот я читала, в заметке высказывается, что Богдан Хмельницький вот он предал Украину, что этого не надо было делать. Я не могу так кардинально сказать, что предал потому, что эта... может, обстоятельства так требовали, также он начал определятся, также... *(неразборчиво)* человек, т. е. есть разные факторы, которые влияли, его мысли, условия, чего от него ожидали также некоторые люди. Содержание этого события – шла договоренность о военной помощи, сотрудничестве но поскольку было очень много скрытых факторов, даже скрытые документы, которые являются официальными, которые сейчас просто не хотят огласить явно. А герой – антигерой... Все-таки что касается антигероев, я не могу сказать, а Хмельницького я все-таки считаю героем. Я его не осуждаю окончательно. Можно сделать скидку на то, что он, как и каждый человек, имеет право ошибаться, иметь свое мнение, но я не считаю это каким-то таким... Не осуждаю этого дела.

Ясно. А обретение независимости. Это Вы какой год имеете в виду?

Ну значення тут просто саме що не є найвагоміше. Дуже багато було, етапів, коли Україні вдавалося здобути незалежність, але це був дуже короткотерміновий період. І 1991 р. – це вже було таке остаточне рішення, остаточна межа, що відтоді і надалі Україна повинна бути незалежною. Героями і антигероями не можу назвати поіменно, але це всі ті, хто ставав перешкодою на шляху до здобуття, хто своїми вчинками і робив до останньої миті щось таке, щоб нам цього не вдалося, а щодо героїв... *(довго мовчить)* шось важко мені з іменами.

Добре. Третя подія, її значення.

Значення. Найбільше значення в цьому вбачаю, що як і весь світ визнав, що в нас створюється демократичне суспільство, демократичний підхід до влади. І саме головне, моя особиста думка – це те, що українці відбулись як нація. Тобто як і кожна людина, як особистість, нація українців – вона також є, так би мовити, певною особистістю. Вона показала свої риси, вона показала свій характер, вона показала свою присутність і відстояла свої права. Вона... Їй вдалося. Можна порівняти це з незалежність 1991 р., коли нам офіційно вдалося утвердити свій державний статус. То ця подія 2004 р. – вона утвердила незалежність українців як нації, як кожного зокрема...

1991-й.

1991-й. А значение, герои, антигерои?

Ну, значение здесь самое что ни есть наиболее весомое. Очень много было этапов, когда Украине удавалось добыть независимость, но это был очень краткосрочный период. И 1991 г. – это уже окончательное решение, окончательная черта, что с того времени и дальше Украина должна быть независимой. Героями и антигероями не могу назвать поименно, но это все те, кто ставал преградой на пути к обретению, кто своими действиями и делал до последнего момента что-то такое, чтобы у нас это не получилось, а касательно героев... *(долго молчит)* что-то сложно мне с именами.

Хорошо. Третье событие, его значение.

Значение. Наибольшее значение в этом вижу, что как и весь мир признал, что у нас создается демократическое общество, демократический поход к власти. И самое главное, моя личная позиция – это то, что украинцы состоялись как нация... То есть как и каждый человек, как личность, нация украинцев – она также является, так сказать, определенной личностью. Она показала свои черты, она показала свой характер, она показала свое присутствие и отстояла свои права. Она... Ей удалось. Можно сравнить это с независимостью 1991 г., когда нам удалось официально утвердить свой государственный статус. Так это событие 2004 г. – оно утвердило независимость украинцев как нации, как каждого в отдельности...

КЕЙС 91.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

Назовите, пожалуйста, три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: содержание события, участники, значение, герои и антигерои, что произошло, как произошло: как хроника.

Ну, первое событие – это 1654 г., Переяславский договор. Так называемый, между Богданом Хмельницким и русским царем. О присоединении Украины к России. Ну, не присоединении на тот момент, а о каких-то взаимных договоренностях. Ну, в конце концов, я считаю, что это повлияло на...

как бы... наше, ну, в дальнейшем на Советский Союз тот же и все остальное. Ну, Богдана Хмельницкого многие как бы осуждают, многие и поддерживают. Правильно, неправильно сделал. Но я тоже пытался размышлять: правильно сделал, неправильно. В итоге я пришел к тому, что эта история – как она сложилась, так она уже сложилась. То есть, тут нельзя оценивать: правильно или неправильно. Мне так кажется. Просто нужно воспринимать как есть.

А что тогда в 1654 г. произошло?

Ну, Богдан Хмельницкий хотел, опять же, независимости Украины от Речи Посполитой и заручился поддержкой российского царя, который, в свою очередь, за эту поддержку потребовал некоторое выполнение условий от Украины: предоставление войска украинского казаков, там еще что-то, уже не помню, конечно. Но в итоге как бы Украина ушла из зависимости от Речи Посполитой, но попала под зависимость России, которая с каждым годом все увеличивалась и увеличивалась. Ну, это первое такое событие.

Второе – это, наверное... 1917 г., когда сначала буржуазная революция и затем социалистическая революция, т. е. два как бы разных события, но я их как-то объединяю в одно, потому что они произошли за относительно короткое время. Тоже была империя – Россия, которая развалилась и... Это повлияло и на Украину в том числе, возникло тоже, в принципе, большое государство, та же империя коммунистическая, Советский Союз и Украина как бы... определило дальнейшую историю Украины еще на 70 лет. Поэтому такое тоже значимое событие.

Ну и, третье – это 1991 г., конечно, когда Украина все-таки обрела свою независимость. Тоже тут много спорных моментов, нужно было, не нужно было, может быть, стоило как бы остаться с Россией вместе, просто поменять строй, правительство. Ну, мне, кажется, это невозможно было оставить страну, т. е. проще было развалиться и заново все построить, что и сделали. Но в этом развале очень много хаоса на сегодняшний момент во всех странах СНГ. Мы... сколько оно еще будет продолжаться – это неизвестно.

Спасибо. А вот герои и антигерои в каждом из этих событий, если вообще можно их выделить?

Ну, не знаю, сложно сказать. Вероятно, что в последнем, в 1991 г., мне кажется, что Кравчук – антигерой, потому что на тех условиях, на которых подписывалась соглашение о развале Советского Союза в Беловежской пуще, то нужно было получить более хорошие условия для Украины в дальнейшем. Развязав некоторые проблемы на тот момент – не надо было бы развязывать их сейчас: с тем же черноморским флотом и банками сберега-

тельными, ну, и т. д. А там... сложно сказать. Обвиняют Ленина, что сделал плохо, там, создал, там, философию коммунизма и т. д. т. е. народ поднял на «великое дело». Но, в принципе, я его не осуждаю, я им даже, может быть, где-то горжусь, потому что человек, раз он смог это все сделать – молодец, в принципе.

А когда Вы говорите «поднял на великое дело» – это ирония или нет?

В принципе, он действительно поднял народ, действительно всколыхнул массы рабочих, крестьян и устроил эту всю заварушку. Я его не осуждаю тоже, потому что даже если дело, скажем так, плохое, да, человек что-то плохое, ну, конечно, это если не во вред человечеству. То он... я восхищаюсь чисто его умственными способностями, и его мужеством, и вообще способностью добиться своего, скажем так.

Еще раз о тех событиях, как Вы их называете? Первое, какое Вы назвали?

Ну, Переяславский договор с Россией, второе – революция, буржуазная, потом социалистическая и третье – независимость Украины, развал Советского Союза.

КЕЙС 92.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА), ХАРЬКОВ

Назовите, пожалуйста, три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: содержание события, участники, значение, герои и антигерои, что произошло, как произошло: хроника.

Ну, я думаю, что одним из очень важных событий был как бы отход от рабовладельческого строя, на мой взгляд, это было одно из наиболее важных событий.

Еще два... Поражение немцев во Второй мировой войне, т. е. победа других народов над немцами. Это было очень важно, на мой взгляд.

Может быть, обретение Украиной независимости, в принципе, тоже немаловажное.

Ну, возьмем последние обретение Украиной независимости, 1991 г., как бы развал Советского Союза, т. е. Украина очень долгое время к этому

стремилась, и потом она вдруг стала независимой, она обрела собственного президента, язык украинский стал наконец-то государственным.

Вторая мировая война... *(Задумалась.)* Ну, тоже люди стремились отвоевать, они четыре года стремились отвоевать свои земли у немцев, и это произошло все-таки, всеобщими усилиями.

Назовите ассоциации с фамилиями.

Если брать Украину, то президент СССР Горбачев, естественно. Первый президент Украины – Кравчук. Ну, остальные – маловажные лица.

КЕЙС 93.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ЛЬВОВ

Назвіть три історичних події, які Ви вважаєте найбільш значимими.

Ну, якщо для України, то найбільш значущим було що: це було, коли Грушевський став президентом і зробив свою державу – це було раз. Голодомор був дуже значущим – це буде два. І коли Запорізьку Січ розігнали – це було третьою...

Охарактеризуйте, будь ласка, кожну з цих подій: зміст події, учасники, значення, герої й антигерої тощо. Що відбулося, як відбулося: хроніка.

От коли розігнали Запорізьку Січ (це була Катерина II), тоді Запорізька Січ була єдиним органом, який допомагав людям. Коли вони протестували, вони виступали за незалежність, хотіли зробити свою державу. Люди знали, що вони є українці, говорили українською мовою. Було 2 циркуляри пізніше – Валуєвський і Емський указ, – і там було сказано, що Україна, яку там називали Малоросія, що її немає й не було, а мова є діалектом. Хоча це я не вважаю діалектом, тому що, якщо так сказати, колись там була руська держава, і потім після неї ділянки землі почали від'єднуватися й почали так говорити. Так саме можна сказати, що Україна, Білорусія, Польща, Молдова – це все так і є. В Молдові... майже в усіх селах говорять російською мовою (я знаю, бо з моїм братом на третьому курсі вчиться хлопець із Молдови, то каже, що вони молдовської мови навіть добре й не знають, хоча живе в Молдові). Це є таким значущим.

Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми.

Ну, если для Украины, то наиболее важным было, что: это было, когда Грушевский стал президентом и создал свое государство – это было раз. Голодомор был очень значительным – это будет два. И когда Запорожскую Сечь разогнали – это было третьим...

Охарактеризируйте, пожалуйста, каждое из этих событий: содержание события, участники, герои и антигерои и т. д. Что произошло, как произошло: хроника.

Вот когда разогнали Запорожскую Сечь (это была Екатерина II), тогда Запорожская Сечь была единственным органом, который помогал людям. Когда они протестовали, они выступали за независимость, хотели создать свое государство. Люди знали, что они украинцы, говорили по-украински. Было 2 циркуляра позднее – Валуевский и Эмский указ, – и там было сказано, что Украина, как там называли, Малороссия, что ее нет и не было, а язык является диалектом. Хоть это я не считаю диалектом, потому что если, так сказать, когда-то там было «русское государство», и потом после нее части земли стали отсоединяться, и начали так говорить. Точно так же можно сказать, что Украина, Белоруссия, Польша, Молдавия – это все так и есть. В Молдове... почти во всех селах говорят по-русски (я знаю, потому что с моим братом на третьем курсе учится парень из Молдовы, так

Потім, коли голодомор – це був такий значущий момент, тому що дуже багато народу українського вимерло: дуже багато – мільйонами вони вимирали, ну, і після того було дуже мало людей.

А як, на Вашу думку, чому стався голодомор, хто у цьому винен... як це було?

Ну, хто у тому винен, я не знаю, бо я тоді не жив, а якщо читати, то інформація дуже різна. Але те, що погодні умови були хороші, врожай був дуже хороший, але люди його так і не побачили. Це був штучний голодомор, створений. Я не знаю, ким він був створений, в принципі. То є дуже багато припущень.

Ну, і ще такий значущий момент, як я казав, коли утворилася українська держава. Люди тоді думали, що все: вони від'єдналися, у них було все нормально. Але Грушевський побув буквально півдня президентом – і потім стався напад, і все – української держави як такої не було.

говорит, что они молдавского языка толком и не знают, хотя живет в Молдове). Это важно.

Потом, когда голодомор – это был такой значимый момент, потому что очень много народа украинского вымерло: очень много – миллионами они вымирали, ну, и после того было очень мало людей.

А как, по-Вашему, почему произошел голодомор, кто в этом виноват... как это было?

Ну, кто виноват, я не знаю, поскольку я тогда не жил, а если читать, то информация очень разная. Но то, что погодные условия были хорошие, урожай был очень хороший, но люди его так и не увидели. Это был искусственный голодомор, созданный, в принципе. Так очень много предположений.

Ну и еще такой значимый момент, когда возникло украинское государство. Люди тогда думали, что все: они отсоединились, у них было все нормально. Но Грушевский побыл буквально полдня президентом, потом произошло нападение, и все – украинского государства как такового не было.

Погружаясь в тексты интервью львовян и харьковчан, можно реализовать преимущество качественной стратегии исследования: можно не только определить, *на каких событиях акцентируется внимание респондентов*, но и ответить на вопрос, *почему внимание акцентируется именно на этих событиях*, погружаясь через тексты интервью в индивидуальные интерпретации, определяющие характер нарратива, его ценностные характеристики. При этом от уникального мы вновь восходим к типичному, когда наблюдаем определенную повторяемость ответа «почему» для представителей определенных поколений, представителей тех или иных регионов. При проведении исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей Пограничья» анализ текстов интервью в целом позволяет понять, почему события эпохи правления Богдана Хмельницкого, в том числе Переяславская рада и украинско-московский договор привлекают внимание жителей Львова, но гораздо в меньшей мере интересуют жителей Харькова, а также понять, почему список остальных значимых событий во Львове преимущественно ориентирован на исторические события в Украине (или их интерпретации как исторических событий

в Украине), а в Харькове – на события, связанные, наряду с Украиной, с «советским», «славянским» или «мировым» пространством.

Как уже отмечалось в начале раздела, Переяславская рада 1654 г. выделяется львовянами в качестве значимого события (оно занимает четвертое место по частотности упоминания после трех наиболее значимых – описание ответа на вопрос о значимых событиях представлено выше). Представители всех четырех поколений, в том числе студенты Львова, показывают высокий уровень информированности об этих событиях и заинтересованности при их освещении. Гораздо ниже интерес львовян к событиям революции 1917 г. (исключение – поколение 2, поскольку это поколение стало свидетелем радикальной переоценки этих событий в период обучения в школе и в вузе). Особенно низкий уровень акцентуации внимания на событиях 1917 года среди студентов г. Львова, а также крайне низкий уровень информированности об этих событиях. Для харьковчан ситуация выглядит противоположным образом: низкий уровень заинтересованности и информированности о событиях 1654 г. (исключение – студенты, но они все равно не проявляют такой заинтересованности и информированности по отношению к этому событию, как львовяне) и достаточно высокий уровень заинтересованности в осмыслении событий революции 1917 г., характерный в том числе и для студентов Харькова. Ответ на этот вопрос кроется в характеристиках номинаций и оценочных суждений по поводу этих событий. Суждения львовян при описании событий Переяславской рады и эпохи правления Богдана Хмельницкого отображают отношение к этому периоду как к обретению на какое-то время независимости и утраты ее после подписания договора с Москвой (это соответствует дискурсу современных учебников истории Украины, где эти события рассматриваются в разделах «Украинская национальная революция», подчеркивается, что в этот период развернулась национально-освободительная борьба, было создано гетманское государство). Характерными являются следующие высказывания, отображающие оценку этого события и сопряженных с ним событий и контекст восприятия: «*самостоятельность* во время Богдана Хмельницкого», «*объединение* Богданом Хмельницким между Россией и Украиной», «историческим событием является то, что все-таки *Богдан Хмельницкий восстал (национально-освободительная борьба против Польши*)», «подписание Богданом Хмельницким этого акта про помощь Москвы», «подписание Богданом Хмельницким договора с московским

царем», «Переяславский договор», «о*свободительная война* Богдана Хмельницкого».

Как показывает анализ нарративов о событиях, отображенных в текстах интервью в связи с приведенными номинациями, значение события определяется, с одной стороны, значимостью для львовян идеи достижения независимости и самостоятельности (а в текстах интервью этот момент является доминирующим), и именно период правления Богдана Хмельницкого рассматривается как момент, связанный с освобождением, самостоятельностью и национально-освободительной борьбой против поляков, во многом успешной; но, с другой стороны, эпоха Богдана Хмельницкого – это и этап потери завоеванных достижений, и здесь в нарративах отображается рефлексия по поводу того, что вынужденный шаг объединения с Россией привел к потере впоследствии многих из достижений борьбы Богдана Хмельницкого за независимость и освобождение. И здесь уже различные оценки и Богдана Хмельницкого, и Переяславского договора. При анализе массива интервью львовян в целом можно заметить, что, во-первых, большинство названных в качестве значимых событий (хотя и не все) характеризуются в нарративах как значимые в связи с борьбой за независимость Украины (это относится и к Переяславской раде, и к образованию ЗУНР и УНР, и к «оранжевой революции»).

Таким образом, повышенный интерес к эпохе Богдана Хмельницкого определяется значимостью борьбы за независимость Украины (что становится очевидным при анализе нарративов). В нарративах об этом событии фигурирует и признание успехов Хмельницкого в осуществлении освободительной борьбы, и рефлексия по поводу утраты этих достижений при «объединении» с Россией или «заключении договора с московским царем». Одно из характерных высказываний львовян представлено в кейсе 80: «...Я так понимаю, что это Богдан Хмельницкий пытался спасти Украину от других врагов и поэтому заключил договор с Россией, но так получилось, что Россия восприняла это не с позиции, чтобы стать для Украины поддержкой и братским государством, а она заняла позицию такой господствующей стороны и со своей стороны начала «порабощать Украину» («підневолювати Україну», *укр.*)». Лишь в некоторых интервью харьковчан «Переяславская рада» рассматривается в качестве значимого события, событию дается при этом однозначно позитивная оценка в духе идеи о «единстве и воссоединении братских на-

родов». Крайняя позиция, не типичная для харьковчан (ярко выражена высокая степень значимости события) и наиболее контрастирующая с текстами интервью львовян (в плане оценочных суждений, в том числе характеристик языка конфликта) представлена в интервью руководителя одного из национально-культурных обществ г. Харькова: «Это событие имело громадное значение для нашей государственности, другое дело, что оно впоследствии было извращено... Переяславская рада – одно из тех величайших событий, которое привело к расцвету государства русского...». В целом же анализ массива интервью показывает незначительный интерес харьковчан к этому историческому событию.

Гораздо в большей мере волнуют харьковчан события революции 1917 г. – и здесь разнообразные оценки события, и позитивные, и негативные, это и «переворот», и «катастрофа», но в целом – это событие, которое «определило целую эпоху», «жизнь всего народа». В интервью жителей Львова, представляющих поколения 2–4, это событие упоминается, но преимущественно с негативной оценкой, как «большевистский переворот», а студентами (поколение 1) практически не упоминается. Ярким высказыванием, отображающим крайнюю позицию в отношении к этому львовян, является следующее высказывание: «Ну, напевно, Україну відірвати від світового контексту не хотілося би, бо ми частина, так би мовити, загальноісторичного прогресу цивілізаційного. Як на мене, як на мене, то без... значить, *найбільш трагічною подією, яку я вважаю, це є те, що називалось глумливо Великою Жовтневою Соціалістичною революцією. Це дійсно трагічна подія.*» Этот фрагмент интервью отображает, во-первых, восприятие этого события не как собственно украинского, а как события мировой истории, негативно отобразившегося на дальнейшем существовании Украины, во-вторых, однозначно отрицательную оценку этого события.

Большое значение для жителей Львова и жителей Харькова при восприятии событий истории имеет Вторая мировая и Великая Отечественная война (как уже отмечалось, в интервью львовян и харьковчан представлены обе номинации, но у харьковчан доминирует «Великая Отечественная война», а у львовян (в особенности у студентов) – «Вторая мировая»). Это событие, значимость которого объединяет. Правда, пока речь не идет об УПА и об идее примирения. Возможности поиска ответа на вопрос, почему это так и в чем здесь общность восприятия, а в чем различие, кроются в обращении к сюжетам устной истории.

4.3. Особенности формирования идентичностей и устная история

Как сочетаются в восприятии и интерпретации событий истории повседневный дискурс и легитимный дискурс, осваиваемый в школе и вузе? В этом параграфе представлены фрагменты интервью, связанные с восприятием устной истории, запечатленной в личных воспоминаниях и в воспоминаниях родителей, бабушек и дедушек. Каждое из поколений является носителем и ретранслятором устной истории, уже сегодня связанной с конфликтом интерпретаций (о войне, советском времени, социальных изменениях 1991 г. и дальнейших изменениях). Выбраны фрагменты интервью наиболее типичные, в которых есть типичные характеристики поколенческие и региональные, хотя некоторые из интервью при этом – с экспертами, но эксперты также являются носителями поколенческих характеристик.

При исследовании советского прошлого, его интерпретации и реинтерпретации, а также при анализе особенностей восприятия постсоветских преобразований в русле качественной социологии особое значение имеют следующие методологические положения:

1. Устная история рассматривается в контексте идей «коммуникативной памяти», под которой понимается «не только сохранение памяти благодаря свидетельствам событий, но и стратегии воспоминаний, на основе которых социальные группы объединяются в сложном процессе выработки дискурсивных стратегий» [2, с. 8].

2. Представленные сюжеты устной истории рассматриваются как носители «повседневной идеологии», наглядно демонстрирующие «двойственность жизненного опыта», влияющего на изменения повседневной идеологии, в том числе на то, как «повседневные идеологии» «живут, меняются и исчезают» [3].

3. Специфика качественных методов заключается в том, что «исследователь имеет дело с идеографическим: с индивидуальной жизненной историей, индивидуальным рассказом о себе, индивидуальным текстом и т. д. Теоретическая рефлексия подвергается испытанию конкретными практиками. Исследователь входит в поле проблем вклада индивидов в изобретение истории, одновременно пытаясь показать, каким образом история общества вписана в их язык и тело.» При этом «исследователь не просто использует процедуры работы с «идеальными типами». Здесь всегда осознается, что сам идеальный тип не «налагается», но складыва-

ется через интенсивное изучение «случаев» [4, с. 15–16]. Это положение непосредственно связано с возможностями реализации лингвоконфликтологической концепции. Представленные ниже фрагменты интервью – это и есть «случаи», центрированные вокруг проблемы исследования особенностей формирования новых идентичностей в Украине в условиях постсоветских преобразований: различные представления о прошлом определяют различные образы будущего. Причем эти случаи демонстрируют не только различные видения событий, но и различные «стратегии воспоминаний».

4. Выявляются характеристики языка конфликта как средства интерпретации, отображенные в сюжетах устной истории, а также анализируются ситуации, сопряженные с конфликтом интерпретаций и отображающие особенности восприятия конфликта интерпретаций.

При этом особое значение имеет пересечение легитимного дискурса и повседневности. Кейсы представляют четыре поколения, Харьков и Львов. Сюжеты устной истории и отображенные в рассказах лингвоконфликтологические характеристики, в том числе характеристики языка конфликта, позволяют выявить некоторые из особенностей формирования идентичностей, проследить, каким образом возникают различные образы прошлого, влияющие на восприятие настоящего и будущего, на возникновение или избегание новых солидарностей. Как складывались в мозаику идентичностей различия восприятия прошлого и настоящего, создавая в Восточной Украине преимущественно светлый и оптимистичный образ «советскости» и негативное восприятие советского и «советскости» в Западной Украине? Почему и как это происходило? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к изучению случаев, их наложению, позволяющему обозначить сложные переплетения сюжетов, складывающихся в единое поле социокультурных идентичностей под влиянием множества различных факторов. Эта проблема нуждается в дополнительном углубленном исследовании, поэтому здесь приводится лишь краткое описание ключевых сюжетов. Углубленное исследование этой проблемы с применением лингвоконфликтологического метода планируется в перспективе.

Ниже представлены фрагменты интервью львовян и харьковчан. Наряду с поколенческими интервью, приводятся интервью экспертов: фрагменты, в которых ярко отображены характеристики и черты поколения. В связи с тем, что в сюжетах устной истории поколенческие характери-

стики доминируют над экспертными, выбранные фрагменты интервью экспертов и представителей поколений не разграничиваются.

Анализ ситуаций и сюжетов устной истории, представленный в кейсах, – вариант раскрытия характеристик языка конфликта как средства интерпретации (наиболее яркие проявления характеристик языка конфликта выделены жирным шрифтом). Хотя в ряде представленных кейсов речь может идти не только и не столько о характеристиках языка конфликта, сколько о лингвосценарных характеристиках, отображенных в сюжетах устной истории, а также о вариантах вербализации конфликта интерпретаций (именно такие варианты лингвоконфликтологического прочтения представлены, прежде всего, в кейсах 94, 95, 99).

КЕЙС 94.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

Сюжет начинается с воспоминания о приезде в Москву на похороны Сталина в студенческие годы. Приехали к родственникам Миры Дмитриевны (примечание: здесь и далее имена изменены), которые жили в Москве. Уже позже Мира Дмитриевна узнала, что в этой семье были репрессированные.

...Они ничего, конечно, не сказали. Они дали всем кров, так сказать.

...Я привезла трех человек. Это были студенты, с которыми мы познакомились в поезде. Но, если я ехала, у меня был какой-то кров, то у них не было. И поэтому я их привела, значит, сюда. В эту, в эту семью... Где было три человека репрессированных. Очень близких людей. И поэтому сама по себе вот эта ситуация, что нужно было приехать на похороны Сталина и привезти еще людей, воспринималась... Но никто ничего не сказал. Мне они об этом сказали много-много лет, много-много лет спустя.

И что они сказали?

Ну, в тот момент они ничего не сказали.

А вот много лет спустя, что они сказали?

Да. Нет, они не мне сказали, а это много-много лет спустя, значит, в Серпухове проходил один семинар или конференция, и мы на этом семинаре были вместе со Светланой Александровной. Вот. А мы были в Серпухове, потом несколько дней... Али не было почему-то, я уже сейчас не помню, был только дядя Вася, и мы были у дяди Васи. Вот. И дядя Вася, значит, Свете говорит, говорил, что Светлана Александровна, Мира у Вас фанатична, знаете, она хоронила Сталина. Боже! Я тогда только представила, как они меня, так сказать, ощущали...

...Похороны Сталина – это один из моментов вот, очень своеобразных и связанных с эпохой. Почему? Потому что когда уже мы все-таки выбрались, то самое удивительное, что мы остались живы. Да, да, да, вот, вот это. Потому что здесь уж это не на что не было похоже. Вот. И вопрос о том, что это такое... *(Пауза.)*

Почему Вы поехали тогда? Вот, как бы, Ваше внутреннее было какое ощущение?

А, ну, а внутреннее ощущение все-таки это годы, когда я училась в Ленинграде, это 1947 г., а **в 1945 г. кончилась война, и поэтому все, что было связано в стране с жизнью страны, казалось очень правильным, очень верным таким на каком-то этапе, очень, очень достойным. Почему? Был фашизм, и мы победили. Да? И поэтому все будет хорошо. И фигура Сталина на этом фоне тоже воспринималась. А поэтому даже не возникало никаких сомнений. Я была аспиранткой здесь, да. Это 1953 год. Только объявили – сразу на вокзал. Все. И ехали студенты. Очень много ехало.**

А тогда вот знали уже о репрессиях, обо всех этих вещах? Или это было неизвестно тогда? Ну, как бы в той мере.

Ну, вот здесь тоже очень, вот непростой такой вопрос. Почему? Вот я Вам рассказала, да? Очень близкие люди, так. Но они никогда не говорили об этом.

Но Вы знали об этом в тот момент, когда к ним приезжали?

Нет, я не знала.

Нет, не знали об этом?

Нет, нет, нет, никогда.

А, то есть Вы даже не догадывались?

Никогда, вот. Вот здесь, здесь нужно сказать, что вообще об этих вещах не говорили. Не говорили. Потому что...

...Это опять-таки, это не так все просто. Почему? Потому что из Хабаровска мы переехали в Свободный. И вот 10 лет моей жизни: с 1936 по 1947 год, когда я уехала в Ленинград, они связаны с городом Свободным. Почему город Свободный? Потому что на Дальнем Востоке все время проходили определенные реорганизации, связанные с управлением железных дорог. Значит, сначала, я не знаю, сколько было дорог, а потом была Приморская дорога и Дальневосточная дорога. А потом решили сделать Амурскую железную дорогу. Значит, Приморская с центром во Владивостоке, Дальневосточная с центром в Хабаровске, а Амурская железная дорога с центром в городе Свободном. И очень много молодых инженеров и работников транспорта, вот, оказались переведенными в город Свободный. Там была, значит, построена Амурская железная дорога. Вот такая реконструкция. Сложно мне ответить на этот вопрос... Но проходило... Это 1936 год. Я говорю, что там был просто большой такой массив березовой рощи. Там вырубили и построили двухэтажные дома, а сначала мы в вагоне жили. Вот. И в Свободном, значит, был городок железнодорожников, назывался Зеленый городок. Был городок военных, был городок НКВД, и именно в Свободном было вот то подразделение заключенных, которое называлось БАМЛАГ. Это 1937 год. Это люди, которые строили Байкало-Амурскую магистраль. То есть, была однопутка, а они тянули вторую. А 1937 год... Это как раз интеллигенция *(в контексте – о заключенных БАМЛАГа)*. Но это же Дальний Восток, это небольшой город, поэтому, когда кто-то заболевал, особенно из детей, приходилось обращаться к начальнику БАМЛАГа с тем, чтобы кого-то дали из врачей. Вот у меня был такой, значит, в детстве эпизод, который остался в памяти навсегда. Значит, я заболела тифом и буквально погибала, вот. И пришел врач, мужчина, который, значит... А меня уже побрили. Раз тиф, даже волосы снимают, значит, голова лысая, худой такой ребенок. Значит, меня поставили на кроватке, вот. И он подошел, меня обнял и заплакал. Говорит: «Как ты похож на моего сына!». ...Значит, когда были выписаны там необходимые лекарства и были даны рекомендации какие-то, значит, этого человека накормили и, значит, им не разрешалось платить, но разрешалось давать папиросы. И я помню, что папа несколько пачек «Казбека» ему преподнес. А потом, уже из разговора, это у меня осталось в памяти, что это был один из лучших педиатров Москвы, его фамилия Никитин, так у меня в памяти осталось, хотя я была ребенком, вот.

Лет восемь Вам было, да?

Да, да. Ну, это вот, наверно, там лет восемь – девять, вот так. Вот. Вот они тянули эту железную дорогу. Поэтому, вот, сложно сказать, знали или не знали.

Но тогда Вы ребенком не поняли, что это репрессированный?

Нет, ну, такого вообще понятия не было, репрессированный.

Да, да. Но все равно ж это...

Это враг народа, если наказан, значит, он провинился.

То есть, вот такое было детское восприятие, да?

Ну, вообще, никакого здесь не было восприятия. Вот здесь такая особенность и специфика, что об этих вещах не говорили, не говорили. И как я уже позже понимала, что потом практически даже в управлении железной дороги основных действующих инженеров потом тоже, ну, можно сказать, уничтожили. Почему? Потому что это был период, когда вернулась железнодорожная интеллигенция из Харбина. Так, Дальний Восток, Хабаровск, выход на Харбин. А это, ну, сотрудники железной дороги того уровня, это была очень высокая интеллигенция, которая знала несколько языков и вообще, были. Поэтому, поэтому, значит, *(пауза)* ну, вот как эту атмосферу передать? Во-первых, не говорили, но, во-вторых, все равно, допустим, вот исчезали люди, и можно было услышать, там, от мамы «Какие люди, какие люди!» И ты понимаешь, что что-то произошло...

Что хорошие люди, да? Такие люди, что их жаль, да? (Вопрос задан как уточнение, следуя за интонацией).

Да, да, да, да. Вот. А речь идет, конечно, о профессионализме, об определенном, там, уровне и так далее. Поэтому, вот сказать, что ничего, как в вакууме, конечно, так нельзя. Чувство тревоги, чувство какой-то неопределенности, Чувство, ну, недоумения. Потому что в целом, в целом, речь шла о том, что, значит, строится Байкало-Амурская магистраль. Как это прекрасно, да, там? Вот, возник этот городок железнодорожный. Это зелень, это все прекрасно. Это все молодые инженеры, железнодорожники. Вот фотографии у меня не осталось. Можно было показать железнодорожную школу нашу. Двухэтажное прекрасное здание в роще, в этой роще такой. Учителя все не просто с высшим образованием, а вот Игорь Всеволодович, например, он имел два факультета Московского университета.

Это Ваши учителя были?

Да, это все учителя. Они были очень высоко квалифицированные, были преданы своему, своему делу, но никогда об этих вещах, никто из них никогда не говорил.

То есть они, получается, те, кто были высланы, да?

Вот неизвестно. Я не могу сказать. Сложно... Я говорю, что сложно сказать, потому что, значит, очень корректное обращение. Вот Игорь Всеволодович всегда с нами только, только на «Вы». Так он читал нам всю математику, начиная с пятого класса, да. Математика, геометрия, астрономия, почти до десятого класса. Очень, очень сдержанный, очень корректный, очень преданный своему делу, с хорошей такой речью. Вот. Литераторы, химики – все они имели очень хорошее образование. А как они там оказались и почему они там оказались – это сложно сказать. Никогда никакого намека. Вот. Они профессионально готовили и потом вот из нашей школы все ехали в Москву или Ленинград, больше даже в Ленинград ехали учиться. Всегда поступали при любом конкурсе. Значит, это говорит о том, что они делали свое дело очень хорошо.

Да, но в 1947 году я уехала, а уже вот, значит, *(пауза)* вот этот эпизод с врачом и я уже потом понимала, что это не такой, не единичный случай, обращались, и потом учителя музыки. Вот все учителя музыки, которые были, вот. Это все прошли этот лагерь. Вот. Вот. *(Пауза)* Но это немного страшно. Это даже описано... В одном из журналов «Юность» есть такое повествование от имени одного из тех, кто находился в числе вот БАМЛАГа. Называется, называется, кажется, «Станция Свободный».

Там... там жутко совершенно написано. Это я однажды наблюдала такую сцену, когда ехала в Минск. Но меня успокаивали, что это, значит, когда заключенных перевозят, то, если они выходят на станции, то их всех ставят на колени, и кругом охрана с собаками. А они все стоят на коленях.

Был мороз, снег, в снегу, все раздетые, да?

Да, да... Ну, нет, они все в ватниках. В ватниках все, да. И вот этот, значит, этот рассказ, или это повествование, оно начинается с того, что везут заключенных, а потом станция Свободный. Их всех ставят на колени. Вот...

...А у папы еще одна была такая фраза. Дело в том, что папа паровозник, тяговик, машинист... Вот. А уголь райчисинский, это плохой уголь, но дальневосточный. А зимы холодные, и все движение – это все равно поезда, и

это там тормоза и так далее. Вот. И у папы, значит, ну, знаете, как иногда вот какая-то фраза, так вот, между прочим, она не адресована к вам, а бросается, и она как-то остается. И все тормоза, которые были действующими, это были тормоза Дегтярева. Вот. А поскольку папе приходилось иметь дело с транспортом, он... Он говорил: «Не понимаю... Все тормоза Дегтярева, а он здесь в БАМЛАГе...».

И вот это Вы слышали...

Да, да.

А, вот, Вы рефлексировали по поводу?..

Нет, нет.

Нет? Просто потом уже как-то эта фраза...

Да, да, да. Мы жили в условиях таких, что, наверно, у нас самое счастливое детство. Поэтому этой рефлексии совершенно, совершенно не было. видите, даже там, где она, она могла быть, она могла быть, все равно для этого должны быть какие-то такие...

...Вот, поэтому я говорю, что можете найти эту статью «Город Свободный». Это очень тяжелый, это очень тяжелый материал такой.

...Это Свободное, и потом там этот герой, значит, дает какую-то консультацию в управлении дороги, и он ожидает одного, определенной такой жесткости, а этого не происходит. И он удивлен. И вот у меня даже такое чувство возникало, что именно с отцом он и разговаривал...

Вот видите... Одновременно война и одновременно, я ж Вам рассказывала неоднократно, что много лет спустя я маму спросила: «Ну, как ты меня могла отпустить в Ленинград учиться?» А мама сказала: «А что с тобой могло случиться в нашей Советской стране, когда ты имела 400 грамм гарантированного хлеба?» *(Смех.)* Я имела хлебную карточку иждивенца. Ну, что с тобой могло случиться? 400 грамм хлеба...

И через всю страну?

Да.

В Ленинград.

Да.

КЕЙС 95.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

Какую роль в восприятии событий истории играют воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории? Вспомните наиболее важные сюжеты, запомнившиеся Вам из истории Вашей семьи, прежде всего, связанные с историей общества, но и не только.

...Что хочу сказать... Мы были обычными гражданами нашей страны, поэтому ничем мы не отличались от других наших современников. Но в основном это были обсуждения личного плана, личного характера, которые не прорывались куда-то наружу и не оказывали какого-либо воздействия на ход обстоятельств и прочее-прочее. Но, ей-богу, поймите же: что касается сейчас моих родственников, то ко всем этим родственникам – я прихожу к ним: кто-то на одном кладбище лежит, кто-то на другом кладбище лежит... Поэтому мне сложно что-то вспомнить...

Ну, может быть, Вашими родителями, бабушками и дедушками какие-то события обсуждались?

Я был слишком мал еще. Но что мне хорошо запомнилось – это *(вздох)* когда началась Великая Отечественная война – я не хочу употреблять этот принцип «Вторая мировая». Наш народ – поэтому Отечественная война. Жили мы тогда в маленьком райцентре Полтавской области Кобеляки, оттуда мы эвакуировались. Возможно, в нашей семье и велся спор – ехать – не ехать, ехать – не ехать, тем более все время были обещания официальные – такой-то город никогда не будет сдан фашистам! Такой-то город никогда не будет сдан фашистам! Он останется в Советской власти и так прочее, прочее. К тому же, мы из Кобеляк уезжали – в соседнем Кременчуге, оттуда доносились разрывы, залпы орудийные. Уезжали мы с величайшим трудом, с огромным скоплением людей на вокзале. С большим трудом удалось достать билеты, ехать через Полтаву, Харьков, где-то две недели пропускали воинские эшелоны, эшелоны с ранеными и прочее. И туда, и сюда. Насилу добрались до Саратовской области, республики немцев Поволжья, где мы и осели во время эвакуации.

А сколько Вам лет было?

Когда началась война, мне было около восьми лет, в эвакуации. Там я и пошел в школу, сразу, правда, во второй класс. Значит, насчет истории – вспо-

минаются мне туманно, смутно такие события: брали мы учебник по истории и наша очень уважаемая первая учительница *(возбужденно)*, даже у меня есть ее фотография – Мария Петровна Иванова – говорила нам: «На такой-то странице имеется такая фотография. Возьмите ее и залейте чернилом». Это, значит, были кто – это были исторические личности, репрессированные советским правительством. (*Громко*) «Как это так? Как учебник можно портить?» «Я Вам говорю – сделайте это». Ну и что – мы делали это. Что нам оставалось еще?

Наверное, это была не ее личная инициатива?

Ну, естественно, об этом и речи быть не может! Чтобы кто-то был со своей личной версией! Это сейчас такой разброс – одни говорят умные вещи, другие – такую невероятную белиберду и похабщину, Вы извините, что просто уши вянут слушать. Когда была монополия на политику, было всякое – я помню период – мои бабушка и дедушка говорили о другой политике. Во время гражданской войны, когда нападали на их городок – они сами каховчане, я тоже родился в Каховке – то одна банда, то другая банда, то третья. Дедушка мой был врачом, бабушка – учительницей, в общем, дедушка как врач – к нему относились уважительно разные банды, так как многим приходилось у него лечиться. А как врач, он не мог отказать никому, даже своему идейному противнику – это тоже как-то связано с историей.

Интересно, каково отношение дедушки, если он общался и с теми, и с другими, – отношение к той же гражданской войне, другим событиям истории?

Это было настолько давно – мне было пять, шесть, семь лет, я одно помню – дедушка мой был интеллигентом, это основа. Вот еврейские праздники, помню, там всегда отмечались, всегда отмечались. Он не был фанатиком, не был особо религиозным человеком, но он хорошо знал, свободно читал – знал и идиш, и иврит. Очень мало в нашей среде умели читать свободно. И говорил хорошо. Но тогда было только одно – на нашу страну напали фашисты, значит, надо было сделать все, чтобы громить их, или же помогать этому. О чем еще могла быть речь?! О каких еще событиях можно говорить?! Все время ожидали второго фронта, который никак не открывали. Потом, когда открыли в сорок четвертом году... *(отвлеклись на лай собаки, прервалась нить разговора).*

...Политика была только одна – поскорее разгромить фашистов и возвратиться на родину – такая тоска была по родным краям, по Украине такая тоска была! Хотя должен сказать – сейчас много не только привирают, но и

врут. Конечно, жилось в этом маленьком поселке, районном центре немцев Поволжья, откуда в период эвакуации изгнали немцев... Почти всех. Правда, в нашем классе еще учились дети немцев, которые там еще оставались. Вот. *(Пауза.)* И к этому были обращены все наши помыслы. И как можно скорее вернуться на родину, вернуться на родину. Да. У местных властей уже после... После освобождения Харькова... Может, я перескакиваю с места на место, но когда я вспоминаю эти слова: *(громко, эмоционально)* «От Советского информбюро: 23 августа 1943 г. войска первого украинского фронта при поддержке... фронтов освободили город Харьков». Все харьковчане высыпали на улицы, *(со слезами)* а нас было немало, беженцев из Харькова. Объятия, поцелуи! Какая радость! Вот эти моменты глубоко влияют на сердце! И последний момент радостный, счастливый – когда наш управдом в 4 часа утра бежала... *(плачет).* Я не могу это вспоминать, кричала: «вывешивайте флаги, Победа!!!» Вы знаете, в течение нескольких минут весь наш городок украсился флагами, украсился флагами! Был такой у нас один сапожник или портной – не помню, он начал выкрашивать полотна цветом красным нашим, разные полотна ему приносили... Какое же это было счастье!!! Люди обнимались, целовались, многие плакали, потому что у них кто-то погиб – муж, сын, таких было очень много, да. Парад был у нас. На площади нашего городка был военный парад. У нас было пехотное училище, и какие же счастливые лица были у этих ребят: их больше не пошлют умирать. Вот это исторические события!!! А других я... Было только лишь одно.

А какие-то ключевые моменты родители Ваши выделяли?

Я был очень мал тогда, но я должен сказать, что было после войны. Опять-таки, **разные оценки деятельности Сталина. Ведь тогда же была такая пропаганда ужасная. Настолько были провентилированы мозги!** Везде и повсюду – и в институтах, и в школах, и на предприятиях. А отец мой работал в пединституте на физической кафедре. Он не мог себе позволить даже дома... Но я помню, как моя мама настолько Сталина ненавидела. При его жизни называла его диктатором. Я говорю: «Мама! – мы жили в коммунальной квартире, – люди же рядом, ты хоть потише говори!» «Я так ненавижу этого диктатора!» А все же у нас взгляды по отношению к Сталину менялись. Все мы плакали, конечно, когда Сталин умер. И когда по радио в репродуктор – похороны Сталина – это я все помню – много памятников Сталина было в городе, люди собирались там, плакали... И вот Левитан говорит: «Гроб с телом Иосифа Виссарионовича Сталина направляется к Мавзолею». Рыдания, крики, паровозные гудки, потом, когда было разоблачение Хрущевым культа личности Сталина, для нас, студентов это был такой шок! Как! Как! Не может быть! Что вы! Это реакция.

Это наши классные метры, им было поручено сообщить. Все были просто потрясены – как, Сталин, мы же ему так верили! Ну, и постепенно в газетах, радио (телевизоров тогда, конечно, ни у кого еще не было) давали разные точки зрения относительно Сталина, его личности, его правления. Но после этого ключевых таких переходных моментов и не было. Одни уходили из власти, другие приходили.

КЕЙС 96.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ХАРЬКОВ

Какие учебники и другие книги рекомендовались Вам в качестве основной и дополнительной литературы? Содержались ли в рекомендуемых учебниках альтернативные оценки?

Принималось то, что писалось. Никаких «отсебятин» не было. Какие учебники рекомендовались... не помню.

Я не знаю, относится ли это к делу. Их семья была раскулачена. Разбросали их кого куда. Он, правда, отслужил армию как-то – я видела его фотографию в буденовке. Как тогда было – раскулачили дедушку, выгнали с хаты, все забрали**.** А мой отец, он грамотный человек был, сообразительный. Он бросил все и уехал в Донбасс. Там работал. И нас маленьких забрал туда, и маму. Я с братиком была. Такие были у нас исторические дела.

Какую роль в восприятии событий истории играют воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории? Вспомните наиболее важные сюжеты, запомнившиеся Вам из истории Вашей семьи, прежде всего, связанные с историей общества, но и не только.

Мои родители, дедушки и бабушки всего боялись. Боялись все рассказывать. Я даже не знаю, кто их предки, понимаете? Тогда не принято было рассказывать, я была маленькая тогда. Кто ты, что ты, какие у тебя корни – этого ничего не говорили, это было сокрыто, тем более что раскулачили дедушку и бабушку, **мы боялись, чтоб и нас не раскулачили, хотя и был уже гол-бос. Поэтому молчали, и все** – какие там события!

КЕЙС 97.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ

Чи обговорювалися у Вашій родині історичні події? Чи ділилися ваші батьки, дідусі, бабусі спогадами, пов'язаними з тим, як вони вивчали історію, або спогадами про історичні події, свідками яких вони були?

Так, з раннього дитинства. Це, так би мовити, моє свідоме життя, як ще в дошкільному віці. Це гарантовано. Починалося із, так би мовити, такого батьківського, батькового конкретно виховання мене. Він вважав своїм обов'язком, оскільки ми в силу його, так би мовити, позиції життєвої. **Будучи завжди кимось в той час то одним окупантом, то іншим поневолювані. Він вважав за потрібне, напевно, мені прищепити своє "я".** Так. Це факт, що в свою чергу передалося і в подальшому. Я б не сказав, що є в цьому зараз велика потреба. До моїх дітей, але але в міру, в міру можливостей, так би мовити, я не був байдужий до того, щоб передати таку своє бачення інформації, на основі цього своє бачення і своїм дітям.

Обсуждались ли в Вашей семье исторические события? Делились ли Ваши родители, дедушки, бабушки воспоминаниями, связанными с тем, как они изучали историю, или воспоминаниями об исторических событиях, свидетелями которых они были?

Да, с раннего детства. Это, так сказать, моя сознательная жизнь, как еще в дошкольном возрасте. Это гарантированно. Начиналось с, так сказать, такого отцовского конкретно моего воспитания. Он считал своим долгом, поскольку мы в силу его, так сказать, позиции жизненной. **Будучи всегда в то время то одним, то другим оккупантом порабощены. Он считал нужным, наверное, мне привить свое «я».** Да. Это факт, что в свою очередь передалось и в дальнейшем. Я бы не сказал, что в этом сейчас есть большая необходимость. К моим детям, но но по мере возможностей я не был равнодушным, чтобы передать такое свое видение информации, на основе этого свое видение и своим детям.

КЕЙС 98.

ПОКОЛЕНИЕ 4, ЛЬВОВ

«...Тато наш був дуже начитаний. Він книжки читав. Він нам все говорив. Він все говорив: "**Та комуна бодай згоріла**. То є комуністи. Вони ніц не варті, – так каже. – **Вони тільки наш народ нищать**". То тато наш все читав газети. Був великим політиком. А знаєш, я була мала, я сі тим цікавила. Я сі тим цікавила. Все там сіла і слухала. **Тато дуже... і все проти москалів, бо все говорив: "Прийдуть ще такії з червоними язиками. Будуть мали галстуки, і то будуть людей мордували, і то будуть нищити".** Дитино, та в сороковому році. Якраз москалі до нас прийшли в 39-м. Ми до школи ходили, чуєш? Пішли. Діти ходять. Наші вчителі. З нашого міста. З Любачева. Ми всіх знали. Файно. Ми сі тішили. Нема. На другий день приходимо. Вже наших вчителів всіх поарештували. Їдного, другого. Кажуть, того

«...Отец наш был очень начитанный. Он книги читал. Он нам все говорил. Он все говорил: «Эта коммуна, чтоб она сгорела. Это коммунисты. Они ничего не стоят, – так говорит. – **Они только наш народ губят**». Это отец наш все читал газеты. Был большим политиком. А знаешь, я маленькая была, я этим интересовалась. Всегда там сидела и слушала. **Папа очень... и все против москалей, так как всегда говорил: «Придут еще такие с красными языками. Будут носить галстуки, и будут людей мучить, и будут уничтожать».** Деточка, это в сороковом году. Как раз москали к нам пришли в 39-м. Мы в школу ходили, слышишь? Пошли. Дети ходят. Наши учителя. Из нашего города. Из Любачева. Мы всех знали. Хорошо. Мы радовались. Нет. На другой день приходим. Уже наших учителей всех

нема, того нема. Йой, які ми були малі, але ми такі засмученії були тим. І так як тих учителів забрали. На нинішний день ніхто не знає. Вони ту, певно, в тих Бригідках замурованії були – ті всі учителі. Такі були і дівчата, і хлопці були учителі. Вже такії вченії були...

Бригідки – це шо?

Тюрма така. То у Львові то всі знають, де то ті Бригідки.
...**Радянську владу**, **я її ненавиджу на перехід. Я проти неї. Я з малої дитини була проти того комунізму. Ще до школи ходила, то все проти них була. То таке, тільки-но була біда людська.** Як вони в нас в 39 році їхали до нас, бо як Польску розбили. Знаєш, в нас війна була. Полякам розбив німець Польщу, а потім їх насилав до нас. Москалі йшли до нас. Німец цафнувся, границі поробив, а москалі йшли до нас. Боже!!! **То люди казали: вже йдуть ті шміраки. Будуть нас мучити, будуть нас вивозили. І так було.** Вони зараз зачали нашими людьми. Ще не вспіли прийти – вже виарештували людей. Всьо. Вже по тюрмах. І так на нинішній день ті люди защезли. Я їх за то не признаю за нішо. І так все Бога прошу: **Боже, не дай Бог, жи би ті комуністи.** Бо так не раз говорять, жи вони повинні ще раз до влади прийти. І отепер-во, як говорять отам, як сказали, що той...

арестовали. Одного, другого. Говорят – того нет, того нет. Ой, какие мы маленькие были, но мы были огорчены этим. И так как этих учителей забрали. По сей день никто не знает. Они тут, наверное, в этих Брыгидках замурованы были – эти все учителя. Такие были и девушки, и парни учителя. Уже такие ученые были.

Брыгидки – это что?

Тюрьма такая. Это во Львове, это все знают, где эти Брыгидки.
...**Советскую власть, я ее ненавижу категорично. Я против нее. Я с самого детства была против коммунизма. Еще в школу ходила, то всегда была против них. Это такое, только беда людская была.** Как они в 39 ехали к нам, как они Польшу разбили. Знаешь, у нас война была. Полякам разбил немец Польшу, а потом насылал их к нам. Москали шли к нам. Немец отступил, границы наделал, а москали шли к нам. Боже!!! **Люди говорили: уже идут эти грязнули («шміраки»). Будут нас мучить, будут нас вывозить. И так и было.** Они сразу начали с нашими людьми. Еще не успели прийти – уже поарестовывали людей. Все. Уже по тюрьмам. И так по сей день эти люди исчезли. Я их из-за этого ни во что не ставлю. И так всегда Бога прошу: **Боже, не дай Бог, чтобы эти коммунисты.** Потому что так иногда говорят, что они должны к власти еще раз прийти. И теперь вот, как говорят там, что этот...

КЕЙС 99.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ

Чи обговорювалися у Вашій родині історичні події? Чи ділилися Ваші батьки, бабусі й дідусі спогадами, пов'язаними з тим, як вони вивчали історію, або спогадами про ті історичні події, свідками яких вони були? Розкажіть, якщо можливо, сюжети, що найбільше Вам запам'яталися.

Ну, бачте, мої батьки були істориками, а дідусі й бабусі мої не жили разом з нами. Так сталося, так, що у нас сім'я була маленька: тато, мама, я і мій брат. І всі ми, так би мовити, львів'яни, і звичайно, що всі історичні події в нас обговорювалися. Мої батьки викладали історію, але знов-таки: тато був професором з історії КПРС, тобто у нього була,

Обсуждались ли в Вашей семье исторические события? Делились ли Ваши родители, бабушки и дедушки воспоминаниями, связанными с тем, как они изучали историю, или воспоминаниями о тех событиях, свидетелями которых они были? Расскажите, если возможно, сюжеты, которые наиболее Вам запомнились.

Ну, видите, мои родители были историками, а дедушки и бабушки мои не жили вместе с нами. Так случилось, так, что у нас семья была маленькая: папа, мама, я и мой брат. И все мы, так сказать, львовяне, и конечно, что все, все исторические события у нас обсуждались. Мои родители преподавали историю, но, опять же: папа был профес-

так би мовити, своя вузька ділянка – історія КПРС, хоч вона за матеріалом була у викладанні у вищих навчальних закладах, звичайно, найбільшою, їй присвячувався весь перший курс «Історія КПРС». А мама так само була доцентом в університеті нашому і так само викладала історію КПРС. Тому у нас таке двоїсте в сім'ї: якщо обговорювали всі історичні події, то, з огляду на той час, звичайно, батьки притримувалися усталених версій і пояснення, тлумачення, розуміння історії за родом своєї діяльності, за фахом.

Але, водночас, я дуже добре пам'ятаю такі речі, які викликали в них спротив в сенсі викладання за загальноприйнятою версією. Наприклад, один з саме таких фактів, які я дотепер добре пам'ятаю, – це те, що мій батько розповідав про колективізацію в західних областях України. Бо він за комсомольською путівкою мусив робити це після закінчення війни і за партійним скеруванням. І тому він звичайно згадував не тільки про таку «лаковану» картинку, яка подавалася, що всі селяни з Західної України, після того як прийшла радянська влада, масово й з радістю стали вступати до колгоспів. Навпаки, був дуже великий спротив. І ця розбіжність між офіційною версією і тим, що він на власні очі бачив, коли приїздив із загонами, які здійснювали примусовий запис населення у колгоспи. Я це дуже добре пам'ятаю, і це не могло не позначитися, звичайно.

Ну, мама була молодше набагато і просто була взагалі закрита в своїх судженнях. А тато був старший від неї на дев'ять років і виріс на селі, і тому, власне, йому, очевидно, боліли оті речі, яких він був сам свідком, і очевидцем, і учасником, хоча й недобровільно, але все одно він мусив за фахом своєї діяльності, власне, брати участь у тих акціях. І тому от в нього дуже часто, особливо під кінець життя, проривалося оце, що була велика невідповідність між тим, що писали в офіційних підручниках з історії, і тим, що було насправді. От він, наприклад пригадував (я дотепер пам'ятаю), як приїжджала ця група чи загін, до села колективізувати. І це виглядало так, що збирали усіх селян і казали, що хто не підпишеться під заявою про створення колгоспу, то тих в льох закривати і їх будуть зі зброєю охороняти. І вони можуть там вимерти всі, вигинути в тому льоcі, але, якщо вони не підпишуть цю заяву, їх ніхто звідти не випустить.

Це я як дитина ще пам'ятаю, але, звичайно, про це говорили пошепки, про це говорили так, аби я не чула.

сором по истории КПСС, то есть у него была, так сказать, своя узкая область – история КПСС, хоть она по материалу была в преподавании в высших учебных заведениях, конечно, наибольшей, ей посвящался первый курс „История КПСС". А мама тоже была доцентом в университете нашем и также преподавала историю КПСС. Поэтому у нас такое двойственное в семье: если обсуждались все исторические события, то, в связи с тем временем, конечно, родители придерживались устоявшихся версий и объяснений, понимания истории по роду своей деятельности, по профессии.

Но в то же время, я очень хорошо помню такие вещи, которые вызывали у них сопротивление в смысле преподавания по общепринятой версии. Например, один из таких фактов, которые я до сих пор хорошо помню, – это то, что мой отец рассказывал о коллективизации в западных областях Украины. Так как он после окончания войны должен был делать это по комсомольской путевке и по партийному направлению. И поэтому он обычно вспоминал не только о такой «лакированной» картинке, которая подавалась, что все крестьяне из Западной Украины, после того как пришла советская власть, массово и с радостью вступали в колхозы. Напротив, было очень большое сопротивление. И это расхождение между официальной версией и тем, что он видел своими глазами, когда приезжал с отрядами, которые осуществляли принудительную запись населения в колхозы. Я это очень хорошо помню, и это не могло не сказаться, конечно.

Ну, мама была моложе намного и просто была закрыта в своих суждениях. А папа был старше нее на девять лет и вырос в деревне, и поэтому, собственно, ему, очевидно, «болели» эти вещи, свидетелем, и очевидцем, и участником, хоть и не добровольно, но все равно он должен был по роду своей деятельности именно принимать участие в этих акциях. И поэтому у него очень часто, особенно под конец жизни, прорывалось это, что было большое несоответствие между тем, что писали в официальных учебниках по истории, и тем, что было в действительности. Вот он, например, вспоминал (я до сих пор помню), как приезжала эта группа или отряд, в деревню коллективизировать. И это выглядело так, что собирали всех крестьян и говорили, что кто не подпишется под заявлением о создании колхоза, то тех будут в погребе закрывать и будут их с оружием охранять. И они могут там поумирать все в том погребе, но

Були такі часи, що дуже великий був страх у людей старшого покоління, у моїх батьків перед можливими репресіями. Я ще пам'ятаю навіть день смерті Сталіна, ті дні, коли був оголошений траур, а я ходила до дитячого садочка. І коли наша вихователька сказала нам плакати, я не заплакала, бо не розуміла, чому я мушу плакати, як хтось помер. Для мене Сталін був дуже... абсолютно чужою людиною, про яку не багато згадували в сім'ї. Я прийшла додому і розповіла. Батьки спитались: а чому це мені запам'яталося? Я кажу: а я сказала, що я не буду плакати, а вихователька взяла і якийсь там список почала писати. Тобто, очевидно, що в той список записували дітей тих, потенційних ворогів народу, діти яких не плакали при такому сумному повідомленні про смерть Сталіна. Тоді мама моя нічого не сказала, перезирнулася з батьком, але на наступний ранок дала мені хусточку, в яку покришила цибулю. І сказала, що якщо вихователька буде знов казати плакати (а я кажу: «Я ж не можу плакати, як вона мені скаже, якщо я не хочу плакати»), ну то ти візьми той вузлик і понюхай. Я брала той вузлик з цибулею декілька днів і починала плакати, і тоді, значить, наше прізвище викреслили зі списку чи там підозрюваних, чи там не знаю що...

Але цей страх перед тим, що може бути покарання, тому що хтось десь скаже щось про антирадянську поведінку, він був дуже сильно вкорінений у моїх батьків, і тому, я думаю, що це був не тільки страх... Розумієте, дуже складна гама почуттів була, коли люди мусили робити одне, що їм наказували, в житті зустрічалися з іншим... І на цьому фоні чи на фоні страху цього породжувалися, як я тепер розумію, *(голос підвищено, тому за інтонацією важко розібрати)* комплекси у людей, де змішувались оці суперечливі почуття.

если они не подпишут то заявление, то их никто оттуда не выпустит.

Это я как ребенок еще помню, но, конечно, про это говорили шепотом, об этом говорили так, чтобы я не слышала.

Были такие времена, что очень большой был страх у людей старшего поколения, у моих родителей перед возможными репрессиями. Я еще помню даже день смерти Сталина, те дни, когда был оглашен траур, а я ходила в детский сад. И когда наша воспитательница сказала нам плакать, я не заплакала, потому что не понимала, почему я должна плакать, когда кто-то умер. Для меня Сталин был очень... абсолютно чужой человек, о котором не много вспоминали в семье. Я пришла домой и рассказала. Родители спросили, а почему мне это запомнилось? Я говорю: а я сказала, что не буду плакать, а воспитательница взяла и какой-то там список писать начала. То есть, очевидно, что в этот список записывали детей тех потенциальных врагов народа, дети которых не плакали при таком печальном сообщении о смерти Сталина. Тогда моя мама ничего не сказала, переглянулась с отцом, но на следующий день дала мне платочек, в который нарезала лука. И сказала, что если воспитательница будет вновь говорить плакать (а я говорю: «Я ж не могу плакать, когда она мне скажет, если я не хочу плакать»), ну тогда ты возьми тот узелок и понюхай. Я брала тот узелок с луком несколько дней и начинала плакать, и тогда, значит, нашу фамилию вычеркнули из списка то ли там подозреваемых, или не знаю что...

Но страх перед тем, что может быть наказание, потому что кто-то где-то скажет что-то об антисоветском поведении, он был очень сильно укоренен у моих родителей, и потому я думаю, что это был не только страх... Понимаете, очень сложная гамма чувств была, когда люди должны были делать одно, что им приказывали, а в жизни встречались с другим... И на этом фоне или даже на фоне страха этого рождались, как я теперь понимаю (*голос повышен, потому из-за интонации сложно разобрать),* комплексы у людей, где смешивались эти противоречивые чувства.

КЕЙС 100.
ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

Обсуждались ли в Вашей семье исторические события? Делились ли Ваши родители, бабушки и дедушки воспоминаниями, связанными с тем, как они изучали историю или воспоминаниями о тех исторических событиях, свидетелями которых они были? Расскажите, если возможно, наиболее запомнившиеся Вам сюжеты.

Значит, по поводу изучения не делились, историю обсуждали – это точно, и бабушки и родители, вот, но историю, изучение истории не обсуждалось потому, что оно не присутствовало как бы, вот, а вот исторические события обсуждались в контексте семейной истории и обсуждались в основном, конечно же, война. Вот это очень подробно и любой как бы момент этот вот обсуждался... Что запомнилось? Запомнилось, как обсуждали... Во-первых, запомнилось, что перед войной стали очень хорошо жить, только обжились, только как бы дом построили, мебель и все остальное – и тут война, и все сразу сгорело, и вот первое как бы впечатление... Кроме того, очень запомнилось на контрасте, что немцев не ругали, т. е. зверств они не видели, хотя бабушка путешествовала, ну, вот как это называется – «беженцы», по всей Харьковщине, вот, и даже бабушка, моя мама вспоминают, что даже как бы там и проявляли какую-то любовь к детям, единственное, что боялись и прятались те, кто постарше, чтобы не угнали в Германию. А так, в принципе, никаких на себе кроме тягот военного времени не ощущали. Вот это запомнилось, потому что в основном акцентировали на зверствах... Вот. Дедушка рассказывал, был участником Сталинградской битвы, его забрали позже, он был уже в возрасте 45 лет, вот и он рассказывал, что он был в артиллерийской части, в обозе, там, в хозяйственной части, вот он рассказывал, как это все происходило, значит – бои там, ну, запомнилось, конечно, смутно. Вот. Ну, а дальше, рассказывала мама уже, как тяжело было после войны, потому что ее чуть не задавили в очереди за хлебом. И это было уже достаточно... примерно 50-й год. Вот. Ну и дальше, дальше, дальше, я думаю *(пауза)*, ну вот это самые исторические, самые важные моменты, вот то, что я запомнила.

Вот Ваши мамы и Ваши бабушки, дедушки где жили?

Здесь. Харьковская область и Харьков.

КЕЙС 101.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ЛЬВОВ

Чи обговорювалися у Вашій родині історичні події? Чи ділилися Ваші батьки, бабусі й дідусі спогадами, пов'язаними з тим, як вони вивчали історію, або спогадами про ті історичні події, свідками яких вони були? Розкажіть, якщо можливо, сюжети, що найбільше Вам запам'яталися.

Сюжети я пам'ятаю от ще з дитинства, коли я ще був зовсім малий, і моя бабуся на городі, бо я в селі виріс, показувала, як вони під час голодовки їли то лободу, то... ну, різні там рослини, які ми зараз у їжу вже не вживаємо. Але у ті скрутні часи їх люди їли: кору молодих дерев і т. д. То найбільший такий сюжет.

А так про історичні події... Вони інтерпретувались, інтерпретувались в розмовах по-різному. Скажімо, коли... Ну, от така досить суперечлива фігура... Я ріс в повоєнний час, час, коли надзвичайною популярністю в старшого покоління, тих, хто воював, був маршал Жуков. Але як його знімають з посади міністра оборони – це подія, яка широко обговорювалася, трактувалася. Був міф про те, що Жуков любив солдата, всіляко піклувався про нього, охороняв. Чомусь фронтовики отак це сприймали. Тепер ми знаємо, що у нього до солдата було зовсім інакше відношення: то був людський матеріал, він для нього нічого не значив, і він міг жертвувати величезними кількостями людських життів...

Яку роль у сприйнятті подій історії грають спогади Ваших рідних й близьких, епізоди сімейної історії? Згадайте найбільш важливі сюжети, що запам'яталися Вам з історії Вашої родини, насамперед пов'язані з історією суспільства, але й не тільки.

Ну, це щось дуже глобальне таке питання.

Спочатку, яку роль у сприйнятті подій історії грають... От, був якийсь конфлікт у Вас в душі, коли (це ж радянські були часи) Вам батьки розказували про себе, і те, що Вам давали в підручниках? Не було ніякого? Чи батьки мовчали й нічого не розказували? Як це було у Вашій родині?

Обсуждались ли в Вашей семье исторические события? Делились ли Ваши родители, бабушки и дедушки воспоминаниями, связанными с тем, как они изучали историю, или воспоминаниями о тех исторических событиях, свидетелями которых они были? Расскажите, если возможно, сюжеты, которые Вам наиболее запомнились.

Сюжеты я помню вот еще с детства, когда я еще совсем был маленьким, и моя бабушка на огороде (поскольку я в деревне вырос) показывала, как они во время голода ели то лебеду, то... ну разные там растения, которые мы сейчас в пищу больше не употребляем. Но в то тяжелое время их люди ели: кору молодых деревьев и так далее. Это самый большой сюжет.

А так про исторические события... Они интерпретировались, интерпретировались в разговорах по-разному. Скажем, когда... Ну, вот такая довольно противоречивая фигура... Я рос в послевоенное время, время, когда неимоверной популярностью у старшего поколения, у тех, кто воевал, был маршал Жуков. Но когда его сняли с поста министра обороны – это событие, которое широко обсуждалось, трактовалось. Был миф о том, что Жуков любил солдата, всячески заботился о нем, охранял. Почему-то фронтовики вот так это воспринимали. Теперь мы знаем, что у него к солдатам было совсем другое отношение: это был человеческий материал, он для него ничего не значил, и он мог жертвовать огромными количествами человеческих жизней...

Какую роль в восприятии событий истории играют воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории? Вспомните наиболее важные сюжеты, которые запомнились Вам из истории Вашей семьи, в первую очередь связанные с историей общества, но не только.

Ну, это что-то очень глобальный такой вопрос.

Вначале, какую роль в восприятии событий истории играют... Вот, был какой-нибудь конфликт у Вас в душе, когда (это же советские времена были) Вам родители рассказывали о себе, и то, что Вам давали в учебниках? Не было

Ну, Ви знаєте, більшість, абсолютна більшість людей все-таки вірила в те світле обіцяне майбутнє, так як і сьогодні досить значна частина старшого покоління теж лишається на тих позиціях. І тому якщо на практиці були розходження якісь між реальним станом речей і тими цінностями, які проповідувались з трибун з'їздів (вони друкувались у передовицях «Правди» і т. д.), то якщо такі розбіжності виникали в реальному житті, то їх сприймали й списували на те, що от безпосереднє керівництво винувате, що воно не може провести лінію партії, уряду і т. д. От, значить, причина: в обмеженості або недоліках саме місцевого якогось керівника, але зовсім не тих загальних...

А от про війну розповідали Вам щось батьки? Є якісь спогади сімейні?

Розповідали про страшні речі. Ну от війна...
Я пам'ятаю, десь у 50-х роках в другій половині нам привезли фільм «Містер Піткін в тилу врага». Ну і перший сеанс – то був дитячий сеанс – я пішов: комедія, мені дуже сподобалось. А батько мій – фронтовик, воював і теж збирався іти на вечірній сеанс – сеанс для дорослих. Але коли я прийшов і розповів йому, що це комедія, він: «Ні, – каже, – не піду: з війни комедії не роблять».

никакого? Или родители молчали и ничего не рассказывали? Как это было в Вашей семье?

Ну, Вы знаете, большинство, абсолютное большинство людей все-таки верила в то светлое обещанное будущее, так же как и сегодня довольно значительная часть старшего поколения тоже остается на этих позициях. И потому если на практике были расхождения какие-то между реальным состоянием дел и теми ценностями, которые проповедовались с трибун съездов (они печатались в передовице „Правды" и так далее), то если такие расхождения возникали в реальной жизни, то их воспринимали и списывали на то, что вот непосредственное руководство виновато, что оно не может провести линию партии, правительства и т. д. Вот, значит, причина – в ограниченности или недоработках какого-то местного руководителя, но вовсе не тех общих...

А вот про войну рассказывали Вам что-то родители? Есть какие-то семейные воспоминания?

Рассказывали о страшных вещах. Ну, вот война...
Я помню, где-то в 50-х годах во второй половине нам привезли фильм „Мистер Питкин в тылу врага". Ну, и первый сеанс – это был детский сеанс – я пошел, комедия мне очень понравилась. А папа мой – фронтовик, воевал и тоже собирался идти на вечерний сеанс – сеанс для взрослых. Но когда я пришел и рассказал ему, что это комедия, он: „Нет, – говорит, – не пойду: из войны комедию не делают".

КЕЙС 102.

ПОКОЛЕНИЕ 3 , ХАРЬКОВ

Ну, что касается изучения. Бабушки, дедушки, родители не говорили, как они изучали и по каким учебникам, а что касается исторических событий, то рассказывали. Ну, о войне, например, отец воевал, участник боевых действий, начиная с Финской войны. Значит, рассказывал, как на фронте все это было. Дедушка рассказывал, как было, как он воевал, начало войны. А прабабушка, бабушка – ну, рассказывали. На фронте они не были. Рассказывали, как переживали оккупацию. Прабабушка рассказывала, как было до революции. А о самой революции мало рассказывали, ну, жили в селе, таких событий, видимо, не было.

Какие наиболее запомнившиеся Вам сюжеты? Рассказ небольшой, если можно.

Трудно так сразу вспомнить, не могу вспомнить.

Какую роль в восприятии событий истории играют воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории? Вспомните наиболее важные сюжеты, запомнившиеся Вам из истории Вашей семьи, прежде всего связанные с историей общества, но и не только.

Ну, мать рассказывала, когда она еще маленькой была. Ну, коллективизация в начале 30-х годов. Рассказывала, как делалась коллективизация. Собственно говоря, приходили в кожанках люди: «Кто тут самый бедный?». – «Да вон тот». Давали ему пистолет, печать – «И вот ты будешь председателем». Хотя люди знали, что этот человек, он умел играть на свадьбах на гармошке, куча детей, а своего хозяйства практически не вел. Поэтому и бедный был. Спал много, мало работал. Ну, как рассказывали. Я помню, что мать рассказывала, сделали так называемую коммуну, коллективизацию всю свезли туда. Когда все проели, вся эта коммуна и распалась. А потом – опять колхозы, это начало 30-х.

КЕЙС 103.

ПОКОЛЕНИЕ 3, ХАРЬКОВ

Родители моего мужа жили в Харькове, отец воевал, отец военным был, а мама была врачом и была в Харькове, но она была женой военного, и была опасность того, что... боялись, по крайней мере, того, что кто-то может как бы предать и навести, что вот жена полковника там живет вот здесь, а она как раз беременная. В 42-м в Харькове она родила ребенка (моего будущего мужа) во время оккупации. А вот воспоминания моей свекрови интересные довольно-таки по поводу немцев, которые могли приходить в дом, в квартиру, и были такие, которые, да, жесткие, жестокие, а были такие, которые просто нормальные люди, как она говорит. А она жила... значит, родила в 42-м году сына, и сестра ее жила, и мама, и могли вот прийти там один-два человека, и просто говорили, там, на ломаном русском языке, они просто садились куда-то в уголок, они просто приходили посмотреть на... скучая как бы за домом, что они вот присутствовали, как ухаживают за домом, готовят еду... там, могли принести какую-то тушенку, и это... посидели и ушли. А потом, это в третий раз, когда немцы оккупировали, и перед освобождением... вероятно, одни и те же стояли, менялись – не менялись войска, по-разному,

вероятно, было, и что вот опять-таки воспоминания по этому поводу, что пришли и предупредили, что будьте осторожны, потому что СС приходят, очень жестокие. Это сами немцы предупреждали. Поэтому они тоже разные были. Ну, люди есть люди, наверное.

КЕЙС 104.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

Об изучении ими истории – ничего. А об исторических событиях... ну, борьба с поляками, нет, ну как борьба. Ну, например, некоторые воспоминания. Мне жаль, что я не записывал, потому что нет в живых этих старших родственников. Ну, например, то, что у нас в доме, в доме у бабушки бывал Коновалец. Коновалец – это военный командир.

Военный командир УПА?

Да. То, что... ну как происходили эти конфликты с поляками.

Это какой период?

Мне сложно сказать.

В какие годы?

Понимаете, старшего человека иногда тяжело идентифицировать, в каком он году родился и сколько ему лет.

Ну, примерно...

Нет. Потом всякие истории героической гибели, героической гибели.

А кого и от чьих рук?

вы знаете... Были какие-то истории и гибели от рук немцев, от рук поляков больше и большее количество от рук русских, советских. Потом депортация, жизнь в Сибири, потом смерть Сталина.

Ваших родных депортировали в Сибирь, и они живут в Сибири?

За сотрудничество с подпольем.

А смерть Сталина, в каком смысле?

Дедушка рассказывал, что он плакал.

То есть ему было жаль Сталина или он плакал от?..

Значит, это было где-то на заводе. Там такой стоял столб, с таким мегафоном. И когда сказали, что Сталин умер, он сказал: «Я заплакал». Все люди смотрели на меня и думали, что я сошел с ума. А я плакал от счастья.

Неожиданный поворот. А дедушка тоже пострадал?

Дедушка не пострадал, у него интересная история. Бабушка была депортирована, ее семья была депортирована. Это по отцовской линии. По материнской – там другая история. По отцовской линии бабушка была депортирована, дедушка, он остался. Его братья, у него было, по-моему, пятеро братьев. Даже больше. Кто-то умер при рождении, в детском возрасте. И во время всех этих событий так получилось, что все они ушли. Это называется – «пішли в ліс», партизанами.

Это какие события? Во время войны?

Вторая мировая и после.

И после.

Конечно. И, значит, все ушли. В доме было много женщин и он был вынужден остаться. Потом, насколько я знаю, у него интересная биография, в том смысле, что он был сельским старостой и при поляках, и при немцах, и при, вот есть такое слово «Совіти», вот, при Советах. А потом, ну, тут такое темное дело. Их предупредили, что ему нужно уезжать из села, потому что его убьют. А кто убьет? Ну, ему угрожала какая-то опасность. Он ухал жить во Львов, т. е. из сельской местности львовской современной области он уехал жить во Львов. А по материнской линии там немного другая история. Они были переселены с Надсяння... Это такая... ну, в принципе, может это реакционная такая мысль *(смех)*, это этнически украинская территория, которая была отдана Польше в результате акции «Висла». А переселение было двухсторонним, т. е. поляков вывозили из территории современной Галичины или западной Галичины, потому что, извиняюсь – восточной Галичины, потому западная Галичина есть еще в Польше. т. е. вывозили поляков отсюда, а украинцев оттуда. Бабушка по материнской линии, она никогда не говорила

о своем опыте исторических событий, ну, могла иногда какую-то деталь сказать, но к УПА она относилась очень осторожно. Никогда не хотела об этом говорить почему-то. Всегда, когда об этом говорили, она проявляла недовольство.

Проявляла недовольство по отношению к УПА или по отношению к тому, что об этом говорят?

Сложно сказать. Думаю, возможно, скорее к УПА, хотя сложно сказать действительно.

КЕЙС 105.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ЛЬВОВ

Обсуждались ли в Вашей семье исторические события? Делились ли Ваши родители, бабушки и дедушки воспоминаниями, связанными с тем, как они изучали историю или воспоминаниями о тех исторических событиях, свидетелями которых они стали?

Естественно, всегда. Семья очень сильно, скажем так, очень сильно заполитизирована, назову это так, да. То есть люди, во-первых, прадед, он был свезен куда-то там на какие-то Соловки или в Мордовию, там, собственно, пропал без вести в каких-то таборах. Потом дед... ну скажем так, имел определенное отношение к войне Второй мировой, причем со стороны не немцев и не Советского Союза – со стороны Украинской повстанской армии. Потом дед со стороны жены, имел, по-моему, с сорок второго по сорок пятый год, имел четкое отношение к Великой Отечественной войне... на стороне советских войск. Кроме того, естественно, и мама, и отец, и бабушки – все были очень грамотны и образованны, скажем так, в плане исторических событий и событий, там, существования Советского Союза, до Союза – Украины, после Союза – Украины. Ну, скажем так, это постоянно обсуждалось, это постоянно высказывались какие-то отдельные мнения там и так далее. В конце концов, какое-то сформировалось, наверное, и у меня мнение на основании этого.

Уточните, пожалуйста, откуда родом бабушки и дедушки и Вы сами?

Моя вся родня – это Львовская область и, ну, скажем так, Ивано-Франковская область, Львовская и Ивано-Франковская. Родня жены – это

Ровенская область, определенные районы, но в основном это Ровенская область, то есть, в принципе, и я, и жена – это мы как бы выходцы из Западной Украины.

А вот есть у Вас в воспоминаниях какие-нибудь истории, родные Вам рассказывали о каких-нибудь историях, связанных как-то с историей? Именно зарисовки, что произошло, все какие есть.

Ну, история страшная есть о том, как моего деда забрали в табор *(прим. укр. – лагерь)*. Пришли ночью НКВС или, там, НКВД, я не знаю, как это называлось, КГБ, в общем. В свое время там был определенный отдел... Просто пришли ночью, там за 15 минут позволили одеться и увезли. После этого никто его не видел, и только через, там, не знаю, 10 лет после его якобы после смерти его пришла какая-то повестка с номером (это просто самое такое яркое воспоминание из рассказов бабушки), повестка о том, как... под каким номером, на каком кладбище он где-то там захоронен в общей могиле, как-то там совсем как-то дико оно звучало...

Есть, естественно, воспоминания очень яркие, допустим, о том времени, когда до воссоединения Украины Западной с общей советской Украиной, да как бы, вот, когда Западная Украина была под влиянием Польши... Есть воспоминания бабушки, которая жила в то время в Тернопольской области и находилась как бы на территории Польши, то есть они не знали советской власти до 39-го года.

Есть воспоминания яркие от деда жены, который, собственно, воевал и как бы прошел войну с 42-го по 45-й Великую Отечественную. Вот как бы яркие кой-какие есть, не могу сказать, что они очень длинные там, большие.

Какую роль в восприятии событий истории играют воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории? Вспомните наиболее важные сюжеты, запомнившиеся Вам из истории Вашей семьи, прежде всего связанные с историей общества, но и не только.

Ну, я думаю, что определенное влияние есть по-любому, потому как оно формируется, то есть отношение человека к каким-либо фактам, формируется в детстве, ну, там, не знаю, лет, там, в 15, может быть, может быть, в 12 – ну, как бы в таком подростковом, да, периоде, когда, скажем так, закладываются какие-то фундаменты, ну, не знаю, отношение к каким-то вещам, так? Потом, естественно, на это накладываются какие-то знания, которые получаешь там из учебников, из того, что читаешь там из газет, слышишь какие-то передачи там и так далее и так далее. Но, как правило, все это идет

через определенную призму – призму заложенную, собственно, в то время, когда формировалось определенное отношение к определенным вещам.

То есть, допустим, отношение к советской власти, естественно, оно идет через призму воспоминаний там бабушек и, там скажем, родителей. Воспоминания, допустим, и отношение к дореволюционной Украине, ну, может быть, больше идет через призму этих учебников, и отношение к постсоветской Украине – независимой, уже непосредственно как бы мое мнение и, я бы даже больше сказал, мое мнение, может быть, формирует мнение других членов моей семьи. Это уже, допустим, история самая новая – независимой Украины. Вот если так разбить: советская – это бабушки, родители; новая история Украины – это мое уже личное мнение, на собственном этом опыте; а вот то, которое дореволюционное, – это, наверное, учебники.

КЕЙС 106.

ПОКОЛЕНИЕ 2, ХАРЬКОВ

Обсуждались ли в Вашей семье исторические события? Делились ли Ваши родители, бабушки и дедушки воспоминаниями, связанными с тем, как они изучали историю или воспоминаниями о тех исторических событиях, свидетелями которых они стали? Расскажите, если возможно, наиболее запомнившиеся Вам сюжеты.

Ну, наиболее запомнившийся сюжет, когда я своего деда расспрашивал, как он брал Перекоп во время гражданской войны. Он воевал, тогда было ему 16 лет. Ну, это я из него так вытягивал, он сам не хотел рассказывать, по моей инициативе. Рассказывал про свою комсомольскую юность, про веру в светлое будущее, ради которого в 16 лет можно в холодную воду идти, мерзнуть там целую ночь. *(Пауза)* Ну, а в семье с родителями, особо историю не обсуждали.

А можете рассказать, тот сюжет, что дедушка рассказывал?

Да нет, там особо только впечатления вот остались. Дословно я не помню, что он рассказывал. Я тогда в школе был, мне просто было интересно. Я узнал от родителей, что он участвовал в тех событиях, и мы как раз в школе это дело проходили, и мне было интересно у него это спросить.

Дедушка со стороны Красной или Белой армии?

Красной, естественно. Я помню, что в принципе, ничего нового он не сказал, но мне запомнилось, с каким, так сказать, настроением он это рассказывал.

Какую роль в восприятии событий истории играют воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории. Вспомните наиболее важные сюжеты, запомнившиеся Вам из истории Вашей семьи, прежде всего, связанные с историей общества, но и не только.

Да обычная семья, никаких особых воспоминаний, связанных с историей общества, ну, разве что самое большое, светлое воспоминание детства – это первомайские демонстрации. Если это можно назвать участием в истории, то мне нравилось ходить. Вся семья ходила всегда, все были веселые, радостные, много воздушных шариков, добрые лица, честные, открытые. Так больше ничего особенного.

КЕЙС 107.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ЛЬВОВ

В принципі, так вийшло, що я свого діда ні по материнській, ні по батьківській лінії не застав, так само, як і бабусю, тому їх розповідей я не чув. А так, в принципі, щоб були якісь обговорення історії – не було. Тобто аж тепер от, вже в університеті, коли я поступив, то часом говоримо про те, що я вчу, і обговорюю це з батьком та з матір'ю. У принципі, розказували вони мені те, що розказували їм їхні батьки, тобто мій дідусь. І ось мені запам'ятався той випадок: мій дід воював у цій Великій Вітчизняній війні і потрапив в полон. І чомусь мені запам'яталось, що коли прийшли їх визволяти вже в 45 році, то він був в концтаборі, і, відповідно, там діяли за принципом, що якщо він попав в полон під час відступу радянських військ, то людина вважалась зрадником, і її зразу ж на подвір'ї розстрілювали. Мені чомусь це дуже запам'яталось. А так, в принципі, щоб якихось глибоких обговорень — не було.

А доля діда як склалась?

Він якраз попав в полон в 41-му році, коли був повальний відступ, то він уцілів, вернувся сюди і спокійно жив, і отаке. Але, з другого боку, він не ходив на паради сам (так мені мама казала), він не ходив на паради, бо вважав себе негідним, тому

В принципе, так вышло, что я своего деда ни по материнской, ни по отцовской линии не застал, как и бабушку, поэтому я их рассказов не слышал. А так, в принципе, чтобы были какие-то обсуждения истории – не было. То есть уже теперь, в университете, когда я поступил, то иногда говорим о том, что я учу, и обсуждаю это с отцом и матерью. В принципе, рассказывали они мне то, что рассказывали им их родители, то есть мой дедушка. И вот мне запомнился тот случай: мой дед воевал в этой Великой Отечественной войне и попал в плен. И почему-то мне запомнилось, что когда пришли их освобождать уже в 45 году, то он был в концлагере, и, соответственно, там действовали по принципу, что если он попал в плен во время отступления советских войск, то человек считался предателем, и его сразу же во дворе расстреливали. Мне почему-то это очень запомнилось. А так, в принципе, чтоб каких-то глубоких обсуждений – не было.

А судьба деда как сложилась?

Он как раз попал в плен в 41-м году, когда было повальное отступление, то он уцелел, вернулся сюда и спокойно жил, и такое. Но, с другой стороны, он не ходил на парады сам (так мне мама

що, тобто незважаючи на це, він вважав, що він як людина, яка попала в полон, не має права бути серед тих, хто воював, принаймні мені так матір розказувала. Чи то так дійсно було – не знаю.

Яку роль у сприйнятті подій історії грають спогади Ваших рідних й близьких, епізоди сімейної історії? Згадайте найбільш важливі сюжети, що запам'яталися Вам з історії вашої родини, насамперед пов'язані з історією суспільства, але й не тільки. Певною мірою Ви вже відповіли.

Так, але, з другого боку, хочу ще раз підкреслити, що все-таки такі розмови були аж от у більш зрілому віці, тобто чомусь в дитинстві такого не було. **Ще пам'ятаю тільки: був казус, що тільки ми почали в третьому класі вчити історію України, то нам вчителька сказала, що, наприклад, Іван Мазепа – зрадник. І це я прийшов додому, сказав – то була висунута така доволі гостра не дискусія, а мене почали перевиховувати, правда, без фізичного впливу, але мені пояснили що це – помилка, тобто що я сказав дурницю, що так не можна.**

Це батьки?

Так, це батьки мені так сказали, це чомусь мені запам'яталось. Хоча про це мені вони розповіли десь вже в 9-му класі, коли прийшла до нас оце класна керівничка з 3-го класу. Бо в нас система як – до 3-го класу – один класний керівник, а потім інший. То вона в 9-му класі, коли ми нібито випускалися (неповна середня освіта), вона прийшла до нас, я чомусь про неї згадав і розказував дома, і мені переказали цей випадок. Це для мене був шок, що таке могло бути. І отаке... Ще пам'ятаю розповіді, таки теж згадав, про мого прадіда вже, що він, його розкуркулили в 20-х роках і виселили в Архангельськ. Але він звідти вернувся, і от потім його, правда, у 37 році, цього теж розстріляли під час сталінських репресій. А, забув сказати: це по материнській лінії, і рідня моєї матері походить з Черкащини. Тобто отаке, і він переїхав, дід, по суті, сюди, в Західну Україну, вже після приєднання до УРСР.

говорила), он не ходил на парады, так как считал себя недостойным, потому что, несмотря на это, он считал, что он как человек, который попал в плен, не имеет права быть среди тех, кто воевал, по крайней мере мне так мать рассказывала. Было ли так действительно – не знаю.

Какую роль в вашем восприятии событий истории сыграли воспоминания Ваших родных и близких, эпизоды семейной истории? Вспомните наиболее важные сюжеты, которые запомнились Вам из истории Вашей семьи, в первую очередь связанные с историей общества, но и не только. Частично Вы уже ответили.

Да, но, с другой стороны, хочу еще раз подчеркнуть, что все-таки такие разговоры были в более зрелом возрасте, то есть почему-то в детстве такого не было. **Еще помню только: был казус, что только мы начали в третьем классе учить историю Украины, то нам учительница сказала, что, например, Мазепа – предатель. И вот я пришел домой, сказал – то была такая довольно острая дискуссия, а меня начали перевоспитывать, правда, без физического воздействия, но мне объяснили, что это ошибка, то есть что я сказала глупость, что так нельзя.**

Это родители?

Да, это родители мне так сказали, это почему-то запомнилось мне. Хотя об этом они мне рассказали где-то уже в 9-м классе, когда пришла к нам классная руководительница из 3-го класса. У нас ведь система какая – до 3-го класса один классный руководитель, а потом другой. Так она в 9-м классе, когда мы как-будто бы выпускались (незаконченное высшее образование), она пришла к нам, я почему-то о ней вспомнил и рассказывал дома, и мне пересказали этот случай.
Это для меня был шок, что такое могло быть. И такое... Еще помню рассказы, тоже вспомнил, о моем прадеде, которого раскулачили в 20-х годах и выселили в Архангельск. Но он оттуда вернулся, и вот потом его, правда, в 1937 году, этого тоже расстреляли во время сталинских репрессий. А, забыл сказать: это по материнской линии и родня моей матери родом с Черкащины. То есть так, и он переехал, дед, по сути, сюда в Западную Украину, уже после присоединения к УРСР.

КЕЙС 108.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ЛЬВОВ

Ну це дуже багато сюжетів. Це... про голодомор зокрема. Можу сказати, що взагалі не було що їсти: все відбирали. Їли продукти, зокрема, там, картопля гнилу чи, там, хліба обмаль було. Там різні винаходи, як можна було що-небудь приготувати, щоб з'їсти, а також ця операція "Вісла" як проходила, як депортували людей, як люди втікали. Як насправді це відбувалося. Тому що коли це тлумачиться книжкою – це таке одне, а це вже людський фактор, людські емоції, враження, переживання, коли дідусь мій розказував, як він був очевидцем як застрілили його бабусю, як в них була багатодітна сім`я, і мама намагалася цих дітей сховати, якщо їхнє село обстрілювали, як вони всі один за одного, як вони втікали. Отакі... Також як там стрілили німці бомбили, як вони переховувалися, в підвалі сиділи. Отакого плану спогади.

Яку роль у Вашому сприйнятті подій історії відіграють спогади рідних і близьких?

Мабуть, ці спогади найбільше торкаються мого уявлення, тому що це їхнє особисте сприйняття, найбільш реальне, мабуть. То коли це передається з уст в уста, в усній формі, то найбільш тому можна повірити, тобто людина бачила це на власні очі, і вона це розказує. Тому що в книжках більш узагальнений вигляд, хоча зараз також намагаються врахувати розповіді очевидців, але в загальному програма навчання не зовсім на цьому побудована. Тобто коли спілкуєшся з людьми–очевидцями, складається саме адекватне бачення цих подій.

Ну это очень много сюжетов. Это... о голодоморе, в частности. Могу сказать, что вообще было нечего есть: все отбирали. Ели продукты, в частности, там, гнилую картонку или, там, хлеба мало было. Там, разные изобретения, как можно было что-нибудь приготовить, чтобы съесть, а также эта операция «висла» как проходила, как депортировали людей, как люди убегали. Как в действительности это происходило. Поэтому когда это интерпретируется книгой – это одно, а это уже человеческий фактор, человеческие эмоции, впечатления, переживания, когда дедушка мой рассказывал мне, как он был очевидцем, как застрелили его бабушку, как у них была многодетная семья, и мама старалась этих детей спрятать, если их село обстреливали, как они все за одного, как они убегали. Вот такие... Также как там выстрелили немцы бомбы, как они прятались, в подвале сидели. Вот такого плана воспоминания.

Какую роль в Вашем восприятии событий занимают воспоминания родных и близких?

Наверное, эти воспоминания наиболее касаются моего представления, потому что это их личное восприятие, наиболее реальное, наверное. То когда это передается из уст в уста, в устной форме, то наиболее этому можно поверить, то есть человек видел это своими глазами, и он это рассказывает. Потому в книгах более обобщенный вид, хотя сейчас тоже стараются учесть рассказы очевидцев, но в общем программа обучения не совсем на этом построена. То есть когда общаешься с людьми–очевидцами, создается самое адекватное видение этих событий.

КЕЙС 109.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТКА), ХАРЬКОВ

Бабушки в основном рассказывали о войне, конечно, потому что они ее прошли, они были, они ее видели, вот. Конечно же, история обсуждалась, когда я изучала историю, то, конечно же, спрашивала родителей, что, как бы, что они могут по этому поводу сказать, что они знают об этом, они

говорили. Я не помню учебники истории, я не вспомню, ну, в общем-то, тема истории обсуждалась в нашей семье – я спрашивала их мнение и их оценку.

КЕЙС 110.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

Ну, вообще в семье, в принципе, не обсуждались особо, но часто бабушка и дедушка рассказывают о войне. Их воспоминания, их родителей о голоде, и все. Такого плана.

КЕЙС 111.

ПОКОЛЕНИЕ 1 (СТУДЕНТ), ХАРЬКОВ

Ну, вот что-то, скорее всего связанное с войной, какие-то эпизоды из жизни бабушки, дедушки; послевоенный период. Ну, из жизни родителей, там, свадьба, как они познакомились, как бы, как бы на историю оно не влияет особо, но больше всего это запомнилось.

Примечание: здесь представлена лишь часть сформированной коллекции кейсов, отображено большинство типовых сюжетов, но не все сюжеты. Обобщающий комментарий не ограничивается анализом представленных фрагментов, а относится ко всему массиву интервью львовян и харьковчан.

Краткий комментарий сюжетов устной истории

В нарративах, связанных с устной историей, доминирующими для харьковчан были следующие сюжеты: «Великая Отечественная война», оккупация, концлагерь, рассказы о том, что «немцы в Харькове не зверствовали» (фигурирует во многих интервью), «коллективизация» и «раскулачивание», «рассказы о голоде» (1933 г. и 1946 г.), об арестах и репрессиях, о строительстве (заводов, железной дороги, городов и др.), сюжет о смерти Сталина, проблема культа личности и его развенчивания, «о комсомольской юности деда». В рассказах поколения 3 доминирует метафора строительства, радость победы. У поколений 3 и 4 харьковчан нет неприятия советского и «советскости», жизнь в Советском Союзе

рассматривается как время труда и достижений, хотя и отмечаются негативные моменты, связанные с репрессиями, голодомором и раскулачиванием. Даже о войне, и то – через призму «победили», «выстояли», воспоминания о радости победы. Во многом это перекликается с рассказами поколения 2, где образ прошлого в воспоминанях выглядит достаточно позитивным (рассказ о героическом прошлом дедов и бабушек, победа в войне), у поколения 1 (студенты) гораздо в большей мере доминируют акценты на отрицательных сторонах советского режима, больше упоминаются ужасы войны и неоправданные жертвы, раскулачивание и голодомор. Сопоставляя фрагменты интервью с особенностями изложения исторических событий в учебниках истории, можно заметить, что в современных учебниках (в отличие от советских) гораздо ярче описываются ужасы войны и голодомора и менее ярко высвечиваются радость и значение победы в войне, поэтому отчасти можно объяснить особенности интервью студентов изменениями легитимного дискурса.

Наиболее часто повторяющиеся сюжеты устной истории в рассказах львовян следующие: неприятие коммунистической партии (например, дедушка менял работы, потому что не хотел вступать в партию, а бабушка осталась завучем, а не стала директором школы, потому что не хотела вступать в партию), рассказы о голодоморе с описанием ужасов голодомора, рассказы о жестокости НКВД, о войне (о деде, который участвовал в Великой Отечественной войне), об УПА и УД «Галичина» (например, о деде, который воевал на стороне УПА, о прадеде, который воевал в УД «Галичина»), сюжет о смерти Сталина.

В сюжетах устной истории есть общие для Львова и Харькова характеристики, хотя есть, конечно же, и различия. Общее: о коллективизации и раскулачивании, о голоде, о войне. Хотя о войне – не только сходства, но и различия: о победе над фашизмом – доминирующие элементы интервью харьковчан, противоречивые коллизии борьбы в Западной Украине – в интервью львовян, где часто звучал сюжет об УПА («это наши братья и сестры», о зверствах НКВД (а в Восточной – о расправах бандеровцев в послевоенное время), звучал также сюжет о переодеваниях и расправах над мирными жителями под видом друг друга. Отношение к УПА и к Советской Армии характеризуется целым рядом различий.

Общим для интервью львовян и харьковчан является достаточно часто встречающийся сюжет о смерти Сталина, причем в интервью с представителями различных поколений, в различных вариантах ин-

терпретации и реинтерпретации. В этих сюжетах ярко проявляется и ряд различий, характеризующих идентичности львовян и харьковчан в лингвоконфликтологических оттенках описания этого сюжета, что определяет необходимость дальнейшего исследования этой проблемы с применением лингвоконфликтологического метода.

«Понятно, что и ретроспективная интерпретация плюральна. Жизнь советского общества завершилась, но мы по-разному понимаем ее» [4]. Разное понимание «советскости» и различное восприятие советского периода этой жизни во многом определяет характер формирования идентичностей в Украине. Светлый образ «советскости» (при осознании всех трудностей и противоречий этого периода) доминирует в интервью представителей поколений 3, 4 харьковчан и в определенной мере представлен в интервью представителей поколения 2 харьковчан: «строили», «восстановили», победили». По-иному выглядит ситуация во Львове, где доминирует негативное восприятие «советского» (что проявилось, в частности, и в более жестком отношении к переименованиям, искореняющим все, что связано с советским прошлым). В оценках поколением 4 львовян советского периода доминирует: «гнобили» («притесняли»), «катували» («истязали»), «поневольвали» («порабощали») -»поневолені то одним окупантом, то іншим» – «нищили» («уничтожали») – «...Та комуна бодай згоріла... То є комуністи. Вони тільки наш народ нищать». Однако у поколения 3 прослеживается ряд моментов, связанных с «победой» и «строительством», но менее выражено, чем в интервью харьковчан, и одновременно ряд интервью несет в себе воспроизведенный дискурс поколения 4. У поколения 2 и поколения 1 львовян это выражается уже в четко сформированных негативных оценках советского прошлого, что не характерно для поколения 2 харьковчан, где, при всей противоречивости восприятия советского периода, при негативной оценке голодомора и репрессий, высвечивается целый ряд позитивных моментов (победа в войне, героизм воевавшего в Красной армии деда и другие моменты). Для поколения 1 харьковчан уже более доминирующей становится акцентуация на негативных моментах советского прошлого, что созвучно образовательному дискурсу, отображенному в современных учебниках истории.

Еще один момент представляется важным с точки зрения предпосылок формирования определенного отношения к советскому периоду и конфликтного потенциала, отображенного в текстах интервью. В сю-

жетах устной истории харьковчан отмечается, что «жизнь перед войной наладилась, а война в одночасье все разрушила». Это «разрушение» связано с нападением фашистской Германии. Для львовян это «разрушение» (как показывает анализ текстов интервью) связано и с НКВД, и с войной, хотя и предвоенный «польский период» также оценивается негативно; здесь доминирует рассказ о том, что с каждым новым режимом связывали надежды на лучшую жизнь и в каждом из них разочаровывались. По-видимому, в этом направлении и следует искать истоки различий историко-культурных предпосылок формирования идентичностей. Эта гипотеза требует дальнейшей проверки посредством проведения исследования с применением методов качественной социологии и, в частности, биографического метода, а также методов социальной антропологии.

Сюжеты устной истории дают возможность лучше понять особенности возникновения тех или иных оценок, отображающих конфликтный потенциал формирования идентичностей. Полученная коллекция кейсов представляет собой материал для дальнейшей лингвоконфликтологической интерпретации: в перспективе планируется исследование проблемы взаимодействия образовательного и повседневного дискурсов, лингвоконфликтологическая интерпретация характеристик взаимодействия различных потоков информации в процессе формирования идентичностей.

4.4. Россия или Евросоюз: мнение экспертов и карты метаязыка конфликта студентов вузов г. Львова и г. Харькова

От восприятия событий истории перейдем к восприятию будущего Украины. При ответе на вопрос «Каким Вы видите будущее своего государства?» многие из представителей поколений размышляли о векторах тяготения Украины к России или Евросоюзу, выражая тем самым те или иные свои предпочтения. Вопрос о геополитических ориентациях населения Украины сегодня является предметом множества социологических исследований, при этом подчеркивается, что для Восточной и Юго-Восточной Украины характерно тяготение, прежде всего, к России, а для Западной Украины – к Евросоюзу. Наглядно это видно, в частности, при обращении к данным социологического исследования «Украина-

2005: политические ориентации населения в канун выборов» (табл. 4.3.), проведенного центром научно-технической информации Украины (под руководством О.Д. Куценко) в октябре 2005 г., (n = 24 000 репрезентирует население страны старше 18 лет по полу, возрасту, образованию и областям Украины) [5].

Таблица 43.

Какие проблемы, по Вашему мнению, необходимо, прежде всего, решать в Украине в отношениях с другими странами? (укажите не более двух вариантов)

	Общие данные по Украине (% к ответившим)	**Львов (% к ответившим)**	**Харьков (% к ответившим)**	**Киев (% к ответившим)**	**Крым (% к ответившим)**
Евроинтеграция	19,03	33,87	16,99	27,54	8,57
Сближение с Россией, другими странами Единого экономического пространства	41,76	10,21	47,82	30,62	78,02
Сближение с США	4,66	7,23	5,07	8,44	1,94
Сближение с Грузией, Молдовой, Азербайджаном	2,55	1,53	0,29	3,93	1,79
Вхождение во Всемирную организацию торговли	9,98	13,36	11,71	15,95	5,22
Получение статуса рыночного государства	13,48	17,96	16,70	20,82	8,20
Вступление в НАТО	4,55	7,83	2,14	10,94	2,16
Улучшение имиджа Украины	18,54	18,04	14,92	18,31	14,83
Экономическая независимость	20,81	17,11	17,56	22,82	16, 62
Другое	0,39	0,34	0,07	0,29	1,27
Трудно сказать	12,30	12,43	17,77	8,01	6,11
Нет ответа	0, 00	0,00	0,00	0,00	0,00

Примечание: в таблице приведен процент к ответившим, при этом процент неответивших по отношению к общему количеству респондентов составляет: в целом по всей Украине – 0,51%; в г. Киеве – 0,99%, в

г. Львове – 0,00%, в АР Крым – 1,76%. Опрос проведен центром научно-технической информации Украины под руководством О. Д. Куценко , *n* = 24 000, октябрь 2005 г. [5]).

Данные социологического мониторинга «Українське суспільство: 1994-2005» (научный руководитель Н. В. Панина), который проводится Институтом социологии НАНУ, позволяют проследить динамику изменения предпочтений в выборе «пути развития Украины» [6] (табл. 4.4 – 4.7).

Таблица 4.4.

Какому пути развития Вы отдаете предпочтение?
(отметьте один ответ, который больше всего подходит) (Украина, (n = 1800, %) [6, с. 31]

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
В первую очередь расширять связи с СНГ	40,5	38,8	31,8	23,7	23,8	18,5	15,4	16,3	13,4	13,2	13,1	10,9
Развивать отношения преимущественно с Россией	16,6	14,8	14,4	4,5	5,0	4,8	4,1	6,6	8,6	9,8	11,4	8,3
Укреплять прежде всего восточно-славянский блок (Украина, Россия, Беларусь)	–	–	–	24,3	23,7	24,0	22,8	29,2	34,0	34,4	34,3	29,3
Устанавливать связи в первую очередь с развитыми странами Запада	12,6	13,9	15,9	13,8	12,8	16,4	16,5	13,2	12,7	10,7	14,4	17,9
Опираться прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя независимость	12,9	14,4	18,5	16,1	17,7	19,7	26,1	20,8	22,2	21,2	17,1	20,2
Разные регионы Украины должны выбирать свой путь	4,1	4,4	4,5	4,1	5,0	4,1	3,5	3,4	–	–	–	2,9
Другое	3,7	2,8	2,6	2,2	2,5	2,8	1,5	1,4	1,0	1,8	1,3	8,9
Трудно сказать	9,5	10,8	12,2	11,3	9,3	9,7	10,1	9,0	8,0	8,6	8,2	8,9
Не ответили	0,2	0,1	0,0	0,0	0,2	0,1	0,0	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1

Таблица 4.5.

Как Вы относитесь к идее присоединения
Украины к союзу России и Беларуси? (Украина, (n = 1800, %) [6, с. 31]

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Скорее негативно	-	-	-	24.3	21.0	23.4	37.0	25.7	23.1	19.9	20.1	27.8
Трудно сказать	-	-	-	22.1	17.5	23.7	22.2	21.9	18.8	18.1	16.8	18.4
Скорее позитивно	-	-	-	53.6	61.4	52.7	40.8	52.3	57.8	61.9	62.8	53.6
Не ответили	-	–	-	0.0	0.2	0.1	0.1	0.1	0.3	0.1	0.1	0.3
Средний балл	-	-	-	2.3	2.4	2.3	2.0	2.3	2.3	2.4	2.4	2.3

Таблица 4.6.

Как Вы относитесь к вступлению
Украины в Европейский Союз? (Украина, (n = 1800, %) [6, с. 31]

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Скорее негативно	–	–	–	–	–	–	9,6	8,0	15,0	10,0	11,7	19,9
Трудно сказать	–	–	–	–	–	–	34,4	36,0	40,1	41,6	39,7	32,9
Скорее позитивно	–	–	–	–	–	–	56,0	55,8	44,4	47,7	47,9	47,2
Не ответили	–	–	–	–	–	–	0,1	0,2	0,6	0,8	0,6	0,1

Таблица 4.7.

Как Вы относитесь к вступлению Украины в НАТО? (Украина, (n = 1800, %) [6, с. 31]

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Скорее негативно	–	–	–	–	–	–	33,5	32,5	37,9	37,9	38,5	50,4
Трудно сказать	–	–	–	–	–	–	41,5	44,2	42,6	40,6	42,0	34,4
Скорее позитивно	–	–	–	–	–	–	24,9	23,1	18,8	20,8	18,8	14,9
Не ответили	–	–	–	–	–	–	0,1	0,2	0,6	0,7	0,7	0,2

Данные исследования наглядно показывают, что «геополитической доминантой развития Украины в массовом сознании населения остается восточный вектор». Особенно важными представляются следующие комментарии Н. Паниной по поводу региональных различий в геополитических ориентациях населения Украины. Региональные характеристики «восточнославянских ориентаций» характеризуются следующим образом: «В восточных регионах эта идея получает поддержку у 77 % населения, в южных – у 77 %, в центральных – у 43 %, в западных – у 18 %. Негативно относятся к «идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси» в восточных регионах 7 % населения, в южных – 14 %, в центральных – 38 %, в западных – 41 %.» Поддержка идеи вступления в Европейский союз характеризуется таким образом: «47 % населения в 2005 г. высказалось в поддержку этой идеи. Следует заметить, что если число сторонников вступления Украины в Евросоюз практически не изменилось по сравнению с 2004 г., то число противников такого направления развития значительно увеличилось: с 12 % (в 2004 г.) до 29 % (в 2005 г.). Существенным моментом, отображенным в результатах количественных исследований, является также то, что «почти пятая часть населения Украины (проявляя определенную геополитическую амбивалентность) позитивно относится как к идее вступления в союз с Россией и Белоруссией, так и к вступлению в Европейский союз» [6, с. 33].

В поисках ответа на вопрос о причинах тех или иных предпочтений в выборе «будущего пути Украины», доминирования тех или иных геополитических ориентаций для Востока и Запада Украины, обратимся к данным исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья», прежде всего, в следующих направлениях: во-первых, к ключевым суждениям, полученным в результате проведения углубленных проблемно-ориентированных интервью с экспертами, во-вторых, к результатам построения карты метаязыка конфликта студентов вузов, в-третьих, к некоторым из ключевых суждений представителей различных поколений Харькова и Львова, полученным в результате ответа на вопрос «Кто для Вас «мы» или «свои», а кто «они» или «несвои»?» в сопоставлении с лингвоконфликтологическими характеристиками нарративов о значимых событиях истории.

«Россия–Евросоюз»: мнение экспертов (Киев, АР Крым, Львов, Харьков). В рамках исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья» было проведено 50 интервью с экспертами (Киев, Крым, Львов, Харьков, а также внешние эксперты). В ходе проведения интервью вопрос о том «Каким Вы видите будущее Украины?» зачастую приводил к интересующему ответу о тенденциях тяготения Украины к России и Евросоюзу. Кроме того, был задан ряд уточняющих вопросов.

Многообразие экспертных оценок, полученных в ходе проведения исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья», представлено в следующей коллекции кейсов. Жирным шрифтом в кейсах 112–134 выделены не характеристики языка конфликта, а наиболее характерные суждения, отображающие ту или иную экспертную позицию. В перспективе планируется углубленный анализ этой проблемы, сопоставление с поколенческими интервью, а также более подробный анализ данных количественных исследований).

КЕЙС 112.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Каким Вы видите будущее своего государства?

Это все зависит от того, какую перспективу Вы имеете в виду. Если перспективу на ближайшие 20 лет, да? Вот через 20 лет – это бедное европейское государство. Бедное, но европейское. То есть у нас сейчас бедное неевропейское, бедное евразийское государство, а все-таки я надеюсь, что это будет бедное европейское государство...

...Что касается столетней, двухсотлетней перспективы, то все-таки я очень надеюсь, что это будет развитое государство, принадлежащее к продвинутой... части мира с свободной, открытой, так сказать, идеологией, с свободной, открытой, экономикой, с высоким уровнем образования, вот, и, так сказать, с высоким уровнем жизни, достойным человека. Не знаю. Вот так.

Спасибо. Какие Вы видите стратегические пути развития Украины? К чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу?

Украина все еще амбивалентна, она все еще не определена в своих окончательных и геополитических ориентациях, и экономических. Я вижу, что решающий путь в этом направлении – это, прежде всего, повышение уровня жизни за счет высоких темпов экономического роста. И если это удастся, только на этой основе возможна будет и дальнейшая либерализация, реформа образования, потому что нынешняя реформа еще, так сказать, будет ослаблена в силу тяжелых условий жизни. Вот, реформа здравоохранения отсюда. То есть, вообще, всей социальной сферы. Пока, к сожалению, все эти реформы будут неэффективными, пока очень такое бедное государство. Оно сначала должно стать бедным на уровне Европы, а не бедным на уровне Азии. Вот так я бы сказал, а потом вот постепенный выход уже из кризиса во всех сферах, институциональной сфере социальных институтов. Вот это очень важно, но, я говорю, это второй этап. Начинать надо с экономических институтов, отсюда. И без традиционализма в политике...

А все-таки тяготеет больше к России или Евросоюзу, если вообще...

Амбивалентна она. Она и туда, и туда тяготеет. Вот она одновременно тяготеет в обе стороны. Вот, знаете, был такой Тяни-Толкай в детской сказке. Вот – она, в образном смысле.

У меня когда-то был образ еще такого, значит, кентавра с головой европейской, которая, значит, говорит: «Мы идем на Запад», – и с копытами, значит, коммунистическими, которые пятятся обратно. То есть европейская голова, а тащить эту европейскую голову со всеми четырьмя копытами... Вот, примерно такой кентавр.

КЕЙС 113.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

На уровне ожидания населения тяготеет к России. На уровне государственных институтов и того, что программируется, – к Евросоюзу, но, я думаю, что так или иначе, т. е. как бы я надеюсь, что все-таки, скорее, это будет Евросоюз, чем Россия. Потому что о России в нынешнем состоянии пока трудно сказать, как она будет дальше развиваться, но она как бы больше восточная страна, чем Украина, и мне кажется, что у Украины больше шансов стать европейской страной, чем у России. Но европейской даже не столько в смысле расположенности, сколько с некоторой гуманистической позиции, уровня демократии. В отношениях между людьми даже той же Америки,

которая по уровню культуры значительно ниже, чем Европа, он все-таки достаточно высокий.

КЕЙС 114.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ПОЛИТИКИ И ГОСУПРАВЛЕНИЯ

Скажите, к чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу? С чем это связано?

К России. И это связано как с нашей трехсотлетней историей, так и с наличием... связей и экономических, и ментальных, и духовных, которые имеются на данный момент, вот, – это с одной стороны. А с другой стороны, если уже говорить о Евросоюзе, то уж больно они жадные, вот. И мы очень сомневаемся в том, что с нами кто-то захочет поделиться. Уж, скорее, мы с ним поделимся.

КЕЙС 115.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ПОЛИТИКИ И ГОСУПРАВЛЕНИЯ

Каким Вы видите будущее своего государства?

Очень туманным на сегодняшний день. Ну, я хотела бы сказать: ой, конечно, высокоразвитая экономика, ориентированная, конечно... в Евросоюзе, прежде всего! Я, допустим, считаю, что нам не надо этот ЕЭП, понимаете. Я за тех, которые говорят, что мы должны вступить в эту Мировую организацию торговли. Хотя я, допустим, в свое время понимала, что... и до сих пор я считаю, что, наверно, не нужно было нам отказываться от ядерного оружия, пусть бы оно у нас оставалось, понимаете. А сейчас я, допустим, считаю, что мы должны быть членами НАТО, понимаете. Ничего в этом плохого я не вижу.

Какие Вы видите стратегические пути развития Украины (внутренняя и внешняя политика, экономика, образование и т. д.? Какие предстоят изменения?

Я ж Вам сказала приблизительно, что я за европейскую интеграцию, я за вступление Украины в НАТО, в Мировую организацию торговли.

Это хорошо?

Я считаю, что да. Не надо бояться, что от этого могут погибнуть наши какие-то национальные производители. Я думаю, что нет. А вот единое экономическое пространство... Понимаете, вот эти, которые активно сейчас идут на переговоры... Создано несколько групп высокого уровня, которые ведут переговоры, каждая по своему направлению... В данном случае я просто это знаю. Может, и не надо было это говорить, но это есть. Допустим, что все время нам говорят, допустим, вот теперь этот Казахстан активно уже высказывается, типа: «Мы создадим, а потом вы приползете». Это ж действительно, что называется, из первых уст: «Вы потом приползете».

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу?

Моя оценка – к Евросоюзу. Хотя нужно, допустим, не отказываться и от сотрудничества с Россией. Это абсолютно было бы недальновидным. И почему-то так большинство населения и считает, что мы полностью хотим повернуться к россиянам. Нет, мы исторически с ними связаны, понимаете. Потому мы должны с ними сотрудничать, но не на позиции, что они «старший брат», а на равных.

КЕЙС 116.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Какие Вы видите стратегические пути развития Украины (внутренняя и внешняя политика, экономика, образование и т. д.)? Какие предстоят изменения?

Главное изменение – это реальное начало евро-атлантической интеграции, комплекс мер по улучшению бизнес-среды и судебная реформа. Вот главные направления, по которым надо что-то сделать. Все остальное, в принципе, вторично.

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Ну, «Украина тяготеет» довольно... сам термин «Украина тяготеет» довольно спорный, поскольку Украина – это не человек, а государство. Пер-

сонификация государств – часто очень распространенный прием, но не совсем корректный.

Я думаю, что **в Украине есть две точки зрения, я думаю, что победит западная в результате действий России. Прозападная ориентация победит в результате того, как будет действовать Россия.**

А как к этому относятся жители Украины?

По-разному. Ну, позитивно и негативно.

Как это связано с историей и историческими корнями, менталитетом и другими социокультурными факторами и геополитикой?

Ну, слово «геополитика» я не употребляю, потому что с геополитикой я никак не связываю. Страна сама по себе разная, с разными историческими судьбами отдельных регионов... То есть страна разная. Определенное влияние на политические взгляды и внешнеполитические ориентиры имеют этнический состав населения, конфессиональная принадлежность и историческая принадлежность к тем или иным государствам. Проблемой на самом деле есть только Луганская область и Крым. Но на самом деле самая проблемная – это Луганская область с этой точки зрения.

А почему?

Ну, потому что там реально... То, что в Крыму все изменится после запуска нормального инвестиционного процесса, а в Луганской области там реальная... часть области – это реальная Россия на самом деле. И это реально действующий фактор. Во всех остальных регионах – да, процесс будет очень медленным, сложным, срастание там, схождение точек зрения, нахождение национального консенсуса по каким-то вопросам. Но он будет.

КЕЙС 117.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Ну, **на уровне государственной политики, несомненно, сейчас Украина больше тяготеет к Европейскому союзу.** На уровне обще-

ственного восприятия я бы сказал, что сейчас ситуация, когда примерно «фифти-фифти», т. е. примерно одинаковое количество активных сторонников евроинтеграции как бы... Нет, точнее, активных сторонников евроинтеграции сейчас больше, чем активных сторонников союза с Россией. Но в общей массе где-то это примерно пятьдесят на пятьдесят. И я считаю, что за это время это очень большой прогресс, потому что эти показатели были намного хуже. И если не считать, конечно, памятного 91-го года, когда эти показатели были вызваны во многом наличием серьезного кризиса в самом Советском Союзе... то сейчас это осознанное действие. И главное, что сейчас происходит понимание трудности пути. Тогда этого не было, сейчас есть.

Как это связано с историей и историческими корнями, менталитетом и другими социокультурными факторами и геополитическими факторами?

Это связано, потому что на самом деле, если смотреть историю, то большую часть существования нашего этноса, это все-таки... без последних трехсот лет, они прошли в тесной связи с Европой. Поэтому вот память об этом времени – оно разное, можно по-разному его оценивать, т. е. разные оценки того или иного, тех или иных событий, тех или иных соседей и т. д. – но память об этом времени – это был постоянный живительный источник вот именно тех людей, которые хотели бы уйти от азиатчины.

КЕЙС 118.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА

Какие Вы видите стратегические пути развития Украины: внутренняя и внешняя политика, экономика, образование и т. д.? Какие предстоят, на Ваш взгляд, изменения?

...Так мне представляется, что, в общем-то, действительно, Украине придется выбирать вектор между Россией и... Западом, Европой. Ей ничего не останется делать, как уходить в Европу. Да.

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина – к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Жители Украины... *(усмешка)* ну, я – не все жители Украины, конечно. Но **как мне кажется, вектор как бы больше должен быть направлен в Европу в связи с тем, что так исторически сложилось, как бы мы ни говорили, как бы мы не рассказывали о равноправии республик, которое было там в Советском Союзе, в определенном смысле великорусский шовинизм *(со смехом)*, ну, или так назовем его, он присутствует, даже в психологическом разрезе, это сто процентов. Я сталкиваюсь с этим зачастую вот в мелочах, когда ты начинаешь... И этот сценарий и сегодня – Россия с последними событиями по газу, по Тузле, по Крыму. Ну, в общем-то, я думаю, что придется, чтобы заставить относиться к Украине как к государству, ничего не остается делать, как направиться более резко в сторону Европы.**

Как это связано с историей и историческими корнями, менталитетом и другими социокультурными факторами и геополитическими факторами?

Это связано, безусловно, люди завязаны очень серьезно и родственными связями, и историческими, и менталитет... все связано. Но дело в том, что, наверное, иногда, для того чтобы... ребенок начал развиваться, ему надо оторваться от материнского какого-то клубка...

КЕЙС 119.

КИЕВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ПОЛИТИКИ И ГОСУПРАВЛЕНИЯ

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина – к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Ну вот, что касается... **тут надо разделить жителей и тех, кто сейчас у власти. Те, кто у власти, тяготеют к Евросоюзу. Жители тяготеют к России. И этим все сказано.** Все опросы показывают именно такой вектор. Поэтому диалога власти и жителей не получается. **Нет ни информационной какой-то, пропагандистской кампании, нет ни каких-то таких вот объяснений власти, почему надо двигаться в Евросоюз. То есть власть пока глуха. Она не понимает ценности и важности диалога с обществом по этим вопросам.**

Как это связано с историей и историческими корнями, менталитетом и другими социокультурными факторами и геополитическими факторами?

Ну, мы были очень долго в одной стране, мы принадлежим к единой цивилизации – славянской. Все остальное как бы вторично. Поэтому, собственно, многие люди, которые проживают... особенно на Востоке страны, имеют родственные связи в России. Причем... **вот порезали, значит, после распада Союза по живому...** Этим, собственно, и объясняется. Тут и экономика, тут и ментальные вещи, тут и родственные связи.

КЕЙС 120.

КРЫМ, ЭКСПЕРТ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Нет, ну, **руководство считает, что к Евросоюзу тяготеет однозначно. Никуда не деться, это очевидно. Я считаю это совершенно неправильным. Мы исторически – сожительство наций, мы – славяне, ради бога. Тут никуда от этого не деться.** И только дурак может это не понять, что вы там мне рассказываете, что там какие-то бублики бесплатные выдают. Никто ничего бесплатно не дает, Вы прекрасно понимаете. И за все ж это надо платить, все это принесет только нам с вами определенную изжогу и, самое главное, мы к этому еще не готовы, понимаете. Мы опять же перескакиваем, мы опять бежим впереди паровоза. Мы уже раз сделали ошибку, мы шли 15 лет в никуда и идем в никуда, понимаете... А народ тяготеет, конечно, больше к России, вкратце. Это однозначно. И от этого никуда не деться, это историческая правда, особенно в Крыму.

Как это связано с историей и историческими корнями, менталитетом и другими социокультурными факторами и геополитическими факторами?

Конечно, это связано с историей, со всем вышеперечисленным связано, однозначно. **И корни, и знакомства, и связи, и дружба, и понимание. Когда я еду отдыхать в Россию, там переезжаю этот паром, там начинают меня эти таможенники щемить – я, конечно, не готов. Считаю, что это настолько неправильно... Вся Европа соединяется, а мы**

разъединяемся. Это ж глупость. Ну, если мы такие умные, посмотрите через правое плечо, через левое плечо: как там делают?

КЕЙС 121.

КРЫМ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ПОЛИТИКИ И ГОСУПРАВЛЕНИЯ

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Я скажу так. Если взять, посмотреть путем социологических опросов, **что знают украинцы, в массе своей население Украины, значит, о Европе – о Франции, об Англии, об Италии – и что они знают о России, то вы увидите, что о первом они ничего практически не знают, кроме там новостей текущих, а о России знают больше на несколько порядков, на 90 % больше, чем о Западной Европе. Они знают русский язык, так. Что бы там ни случилось в межгосударственных отношениях, украинская аудитория – население – оно будет смотреть, слушать, ходить на концерты российской попсы, правда?** Они как прочесывали тот же Крым чесом, так и будут прочесывать. Все контракты долговременные, я сам видел, они существуют до 2010 г. сейчас, долгосрочные. То есть этого не избежать.

И массу других примеров я вам хочу сказать, что люди психологически ориентированы на Россию. **Они в информационном поле России находятся, в поле русского языка.**

Вся Украина?

Ну, по крайней мере, вот центральный и восточно-южный регион. А Запад, конечно, нет. Поэтому вот то, что сейчас делает Украина в отношении, значит, кабельного телевидения, в отношении других таких вещей, пытается искусственно урезать эти вот вещи, вывести из того информационного поля российского, я считаю, может, оно и правильно, понимаете... И я думаю, что чем человек больше смотрит телевидение, слушает радио, тем он больше зомбируется, как-то он теряет смысл существования. Это очень опасные вещи.

КЕЙС 122.

КРЫМ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ПОЛИТИКИ И ГОСУПРАВЛЕНИЯ

А Ваша оценка? К чему больше тяготеет Украина: к России или Евросоюзу? С чем это связано в районе государственной политики и как относятся к этому жители Украины?

Вы знаете, опять же я Вам скажу, что Восток тяготеет к России, хотя, в принципе, как к России... Ну, так, если условно, к России. Запад, может быть, – к Европе. Но я считаю, что на Украине должен быть прагматичный нормальный подход. С Россией – да, нас связывает то-то, то-то, то-то. И это ни в коем случае рвать нельзя, это надо развивать...

А что нас связывает?

Да история нас связывает. Нас связывает, знаете, как что, вот, вот, **как родственников связывает. Кровь нас общая связывает. А с Европой, с Европой... Европа – это экономика, это, ну, понимаете, это то, к чему мы должны стремиться**. В принципе, мы, не перенимая никакие роли, знаете, так вот, а Европа – то, к чему мы должны стремиться, перенимать опыт, что-то брать, но никакие роли, не дай бог. Вот это вот бездумное копирование – это все, это конец. Мы в центре Европы, понимаете, поэтому мы и к тем и к тем тяготеем, но кровь, все-таки, у нас там одна. Я думаю, что и Западная Украина тоже, ну, все мы одной крови. Ну, понимаете, просто... *(пауза)* семья большая. *(Смех.)* Вот и все.

КЕЙС 123.

КРЫМ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ПОЛИТИКИ И ГОСУПРАВЛЕНИЯ

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Обе точки зрения не надо, так сказать, изолировать, отрицать одно или другое, потому что с одной стороны сосед Украины – Россия, с другой стороны сосед – Европа. Не нужно... Это скорей всего политологи используют в каких-то манипуляциях. Нужно и с Европой дружить, нужно и с Россией дружить, нужно и с Узбекистаном дружить, нужно договариваться обо всем. Есть 10 параметров. Из 10 по

одному договорились – давайте дружить на одном параметре. Я не хочу говорить, что не надо с Россией дружить, не надо с Европой дружить, не надо в НАТО идти, – нужно обо всем договариваться. Когда договор за круглым столом происходит, и люди спокойно живут.

КЕЙС 124.

КРЫМ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Тяготеет Украина больше к России или к Евросоюзу?

Я считаю, так нельзя ставить вопрос. Это все равно как спросить: ты за НАТО или за Варшавский союз? Правильное решение состояло в том, что эти две организации уступают место третьей. Вообще, обе.

С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Как люди реагируют? Я вам скажу, Евросоюз они воспринимают как европейские стандарты доходов, прежде всего. Но это же не будет и сниться Украине. Это ж будут совершенно другие варианты. Это будет Молдавия, которая теперь не знает, куда девать свое вино, потому что оно не нужно никому.

Для Украины в настоящем ее состоянии вступить в Евросоюз очень опасно экономически. Это грубая ошибка, если она не оговорит целый ряд условий, при которых она туда будет входить.

Будущее, конечно... конечно, объединение будет, куда войдет и Украина, и европейские страны, и Россия войдет, я вас уверяю. Конечно, будет геополитическое объединение, потому что гегемонии Соединенных Штатов рано или поздно будет положен край. Это будут какие-то геополитические конфигурации с Китаем и так дальше. То есть это нужно делать очень аккуратно, очень аккуратно. **Жить и притворяться, что рядом нет могучего соседа, такого, как Россия, невозможно. Это нелепо просто. Это колоссальная геополитическая структура очень мощная, от которой ты всегда будешь зависеть просто в силу того, что это она твой сосед. И не наладить с ней конструктивных отношений просто нелепо.** Невозможно сказать так: «Вы меня не интересуете, я вон пойду туда». Невозможно в силу месторасположения Украины. Если бы она была там, где Югославия, это можно было б сделать. А тут – нет, не выйдет. Как Азов делить? Что делать с Черноморским флотом? И так далее...

КЕЙС 125.

ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

Какие Вы видите стратегические пути развития Украины (внутренняя и внешняя политика, экономика, образование и т. д.)? Какие предстоят изменения?

Да, такие серьезные вопросы. Нет, **я вижу Украину в ЕС, я вижу... хотел бы видеть Украину в ЕС, НАТО. Я считаю, что в Украине должен быть узаконен билингвизм.** Вообще должна быть пересмотрена языковая политика в сторону либерализации. Обязательно. Что еще? Децентрализация должна тоже произойти.

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Тяготеет... Ну, в принципе, Украина тяготеет, тяготеет больше к... не на Запад, а на Восток тяготеет.

В смысле, к России?

Да, конечно.

А с чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Ну, у жителей по-разному. На уровне государственной политики... политика – искусство возможного, т. е. политика, всегда какой-то консенсус, какое-то согласование интересов. И политика – это не место для какой-то романтики. Ну, понятно, что куда тяготеет Украина, туда тяготеет и политика. *(Смеется.)*

Как это связано с историей и историческими корнями, менталитетом и другими социокультурными факторами и геополитическими факторами?

Менталитет, мне кажется, нет... Какие-то исторические моменты? Ну, глубоко копать тоже не имеет смысла, так как годы советской власти они довольно-таки унифицировали общество. То есть вот, например, есть такой

Левинсон, статья интересная есть. Она называется «Гражданин, где у вас гражданское общество?» Он пишет, что по какому-то проекту они приехали в село. И у них первый пункт: найти из сельских общин самую бедную. Он пишет: «Бедных людей много, а общины сельской нету». Он говорит о том, что советская власть с ревностью относилась к любым социальным структурам, которые организованы не ею, и уничтожала эти социальные структуры. В принципе, копать очень глубоко в историю нет особого смысла. Вы знаете, годы советской власти они довольно-таки унифицировали общество.

И другие причины... Я думаю, что может быть, например, **русскоязычие, которое культурно сближает все-таки с Россией, да. Ну, социокультурные пространства – я слушаю музыку, я смотрю фильмы, читаю книги, очевидно, что где-то если я полностью погружаюсь в одно пространство, то я не знаю хорошо другого пространства. Ну, потом, конечно, значительная часть этнических русских в Украине...**

КЕЙС 126.

ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА

Какие Вы видите стратегические пути развития Украины (внутренняя и внешняя политика, экономика, образование и т. д.)? Какие предстоят изменения?

Ну, скажем, я уже говорил, что моя точка зрения насчет того, чтоб искать где-то поддержки со стороны, это неправильный путь, т. е. не надо склоняться ни в сторону России, ни в сторону Америки.

С Россией у нас есть тесные экономические связи, мы зависим энергетически сильно от России, надо позицию свою выставить на нормальный уровень. Надо делать порядок в своей стране. И считаю большой ошибкой отречение от ядерного оружия Украины, потому что если бы мы были ядерным государством, я думаю, не очень сильно бы к нам со своим уставом сунулась и Россия, и Америка, и Евросоюз, и не диктовали бы условия на уровне «дадим кредит – не дадим кредит», «дадим газ – не дадим газ». То есть я считаю это большой ошибкой. Хотя, опять же, считаю, что если бы не было ядерного оружия у всех стран, это было бы отлично, скажем так.

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Ну, Восточная Украина тяготеет ближе к России быть или вообще с Россией вместе быть. Западная Украина и, мне кажется, и Центральная больше тяготеют к Евросоюзу. И опять же, я не тяготею ни к тем, ни к другим. Я считаю, что Украина может быть самодостаточной страной без России, без Евросоюза, т. е. сильным государством, с которыми... Они же наши соседи, пускай соседи с нами считаются как с равными. Лезть в большую дружбу – мы уже знаем, что такое дружба с Россией, знаем, что такое дружба с Польшей, с Австрией, с Германией. Думаю, интересы не сильно их поменялись, только средства поменялись. Раньше были войны, сейчас уже идут экономические войны. В зависимости от политики денег, больших денег, уже люди, нации делают свои интересы.

КЕЙС 127.

ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Ваша оцінка: до чого більше тяжіє Україна, до Росії або Євросоюзу? Із чим це пов'язано на рівні державної політики? Як ставляться до цього жителі України?

Залежить, *яка* Україна. В цілому я не можу сказати. Як соціолог, я добре знаю, що східні області і південні області тяжіють більше до Росії, а західні й центр більше зараз тяжіють до Євросоюзу. Яка думка, які настрої переможуть, мені важко сказати, тому що це буде залежати багато в чому від політики й позиції влади.

Які конфлікти в суспільстві, на Вашу думку, можуть бути в найближчому майбутньому найнебезпечніші, а які корисні й потрібні суспільству?

Мені важко відповісти на це питання. Мені здається, що якщо політики будуть роздмухувати розбрат і поділ на «своїх» і на «чужих», то це буде велика біда. І вона може бути загрозливою, хоч за нашими дослідженнями показується, що в Україні ніхто не хоче фрагментації України на маленькі держави, тобто народ не хоче, щоб Східна Україна влилася до Росії, а Західна там приєдналася чи створила маленьку автономію і прилягла до європейської унії. Розумієте, парадокс України полягає в тому, що всі політики хочуть: або вся Україна іде до Росії й Білорусі, або вся Україна іде до Євросоюзу. Я думаю, що треба дуже добре підготувати й попрацю-

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Зависит, *какая* Украина. В целом, я не могу сказать. Как социолог, я хорошо знаю, что восточные области и южные области тяготеют больше к России, а западные и центр больше сейчас тяготеют к Евросоюзу. Какие мысли, какие настроения победят, я затрудняюсь сказать, так как это будет зависеть во многом от политики и позиции власти.

Какие конфликты в обществе, по Вашему мнению, могут быть в ближайшем будущем самыми опасными, а какие полезными и нужными обществу?

Мне тяжело ответить на этот вопрос. Мне кажется, что если политики будут раздувать раздор и деление на «своих» и на «чужих», то это будет большая беда. И она может быть угрожающей, хотя по нашим исследованиям показывается, что в Украине никто не хочет фрагментации Украины на маленькие государства, т. е. народ не хочет, чтобы Восточная Украина влилась в Россию, а Западная там присоединилась или создала маленькую автономию и примкнула к европейской унии. Понимаете, парадокс Украины заключается в том, что все политики хотят: или вся Украина идет к России и Беларуси, или вся Украина идет к Евро-

вати знов-таки з людьми, щоб показати що одне рішення, що друге. На заході людей не треба переконувати за європейський вибір, а на сході ще (ну я знаю?): може, людям за щастя порівнювати долю Росії й долю України; може, люди на сході почнуть розуміти, що таке Європа, якщо будуть краще її знати. Зараз же це просто для них щось таке незрозуміле, й заклики до цієї євроінтеграції. Тому, може, для них це буде мало продуктивним, тоді як Росія – це зовсім зрозуміло, що це таке і що це за союзник.

Тому тут дуже багато залежить від позиції влади, від роз'яснювальної роботи – від багатьох дуже чинників. Але в принципі, я думаю, що, розумієте, і молодь, й інтелігенція, і сили, які, зрештою, визначають обличчя України, – вони будуть міцніти, і вони будуть дедалі менше хотіти жити залежними від когось. Бо, розумієте, іти з Росією й Білорусією – це ставати знов «молодшим братом», а іти в європейську унію – це іти рівноправним членом. От в цьому є велика різниця. І якщо хтось хоче жити і далі, так би мовити, в стані вічного «молодшого брата», яким їздять і яким підтираються, то на здоров'я. Я думаю, що більшість і молоді, й інтелігенції вибере інший шлях.

союзу. Я думаю, что надо очень хорошо подготовить и поработать опять-таки с людьми, чтобы показать что одно решение, что второе. На западе людей не надо убеждать за европейский выбор, а на востоке еще (ну я знаю?), может, людям за счастье сравнивать судьбу России и судьбу Украины; может, люди на востоке начнут понимать, что такое Европа, если будут лучше ее знать. Сейчас же это просто для них что-то такое непонятное, и призывы к этой евроинтеграции. Поэтому, может, для них это будет малопродуктивным, тогда как Россия – это совсем понятно, что это такое и что это за союзник.

Поэтому здесь очень много зависит от позиции власти, от разъяснительной работы – от многих очень факторов. Но, в принципе, я думаю, что, понимаете, и молодежь, и интеллигенция, и силы, которые, в конце концов, определяют лицо Украины, – они будут крепнуть, и они будут все меньше хотеть жить зависимыми от кого-то. Так как, понимаете, идти с Россией и Белоруссией – это становиться снова «младшим братом», а идти в европейскую унию – это идти равноправным членом. Вот в этом есть большая разница. И если кто-то хочет жить и дальше, так сказать, в состоянии вечного «младшего брата», которым ездят и которым подтираются, то на здоровье. Я думаю, что большинство и молодежи, и интеллигенции выберет другой путь.

КЕЙС 128.

ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА ПОЛИТИКИ И ГОС.УПРАВЛЕНИЯ

А як Ви вважаєте: до чого більше тяжіє Україна, до Росії чи до Євросоюзу? З чим це пов'язано на рівні державної політики і як до цього ставляться жителі України?

Та, безперечно, що якщо Україна хоче бачити якесь своє майбутнє, то (я вже відповів на це питання) то тільки з Європою, то тільки з Європою. Ну, ну що ж ми можемо. Це, як кажуть, не треба якихось спеціальних аналітичних терез. Ми бачимо рівень життя в усіх сферах, не тільки матеріального, а й духовного, європейських народів і бачимо відповідну ситуацію в Росії. Скажем, росіяни, як етнічні, як етнос і сотні інших етносів, які живуть у Росії... без сумніву, що до Європи.

А как Вы считаете: к чему больше тяготеет Украина, к России или к Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики и как к этому относятся жители Украины?

Да, бесспорно, что если Украина хочет видеть какое-то свое будущее, то (я уже ответил на этот вопрос) то только с Европой, то только с Европой. Ну, ну что же мы можем. Это, как говорят, не надо каких-то специальных аналитических весов. Мы видим уровень жизни во всех сферах, не только материальной, но и духовной, европейских народов и видим соответствующую ситуацию в России. Скажем, россияне, как этнические, как этнос и сотни других этносов, которые живут в России... без сомнения, что к Европе.

Ну що ж, може, я виріс в західній частині України – мені Європа ближче Західна, ніж, як не сумно мені про це говорити, моїм братам з краю, і Східної України, але я думаю, що це явище тимчасове. Я допускаю, що зараз, якщо бути провести таке об'єктивне опитування, – трудно сказати, куди там переважить шалька таких уподобань на терезах політичних уподобань, але це, це, це наслідки попередньої всієї ситуації, яку, яку, яку ми мали. Таке суспільство українське. Поки ми цього не усвідомимо, що майбутнє – тільки в Європі, то до цього часу будемо так жити, як ми живемо в Україні. При шалених натуральних багатствах, ідеальних кліматичних умовах. От. Ідеальному геополітичному становищі в Європі. Ну, будемо мати такий, такий результат нашого, в першу чергу, економічного господарювання, який ми маємо. Сумний результат. Убога північна Фінляндія, я вже не буду говорити про якусь там скалисту Норвегію чи навіть свіжі приклади – ті ж Прибалтійські держави. От. Убогі за своїми природними можливостями. А багатюща на засоби Росія, крім Москви, де, так би мовити… і інших таких промислових і фінансових центрів. Буде, то буде та глубінка, де прозябав дуже добродушний, неймовірно добродушний росіянин з глубінкі, але вихований от на тій амбіціях менторства такого, от то буде так і дальше животіти так, як він животіє. Так само, зрештою, як і пересічний українець. Киянин буде жити за одними мірками, львів`янин, донеччанин – за своєю, а десь житель якогось села – чи то на Тернопільщині, чи десь там в Чернігівській області – ну, буде так жити, як він живе.

Ну что же, может, я вырос в западной части Украины – мне Европа ближе Западная, чем, как ни грустно мне об этом говорить, моим братьям из края и Восточной Украины, но я думаю, что это явление временное. Я допускаю, что сейчас, если взять провести такой объективный опрос, – трудно сказать, куда там перевесит гирька таких вкусов на весах политических вкусов, но это, это, это следствия предыдущей всей ситуации, которую, которую, которую мы имели. Такое общество украинское. Пока мы этого не осознаем, что будущее – только в Европе, то до тех пор будем так жить, как мы живем в Украине. При сумасшедших натуральных богатствах, идеальных климатических условиях. Вот. Идеальном геополитическом положении в Европе. Ну, будем иметь такой, такой результат нашего, в первую очередь, экономического хозяйствования, который мы имеем. Печальный результат. Нищая северная Финляндия, я уже не буду говорить о какой-то там скалистой Норвегии или даже свежие примеры – те же Прибалтийские государства. Вот. Нищие по своим природным возможностям. А богатейшая средствами Россия, кроме Москвы, где, так сказать… и других таких промышленных и финансовых центров. Будет, то будет и глубинка, где прозябал очень добродушный, невероятно добродушный россиянин из глубинки, но воспитанный вот на той амбициях менторства такого, вот то будет так и дальше прозябать так, как он прозябает. Так же, в конце концов, как и обычный украинец. Киевлянин будет жить по одним меркам, львовянин, донеччанин – по своей, а где-то житель какого-то села – то ли на Тернопольщине, или где-то там в Черниговской области – ну, будет так жить, как он живет.

Як оце все, що Ви сказали, пов'язане з історією, історичним корінням, менталітетом та іншими соціокультурними і геополітичними факторами? Ви вже відповіли на це питання?

Как это все, что Вы сказали, связано с историей, историческими корнями, менталитетом и другими социокультурными и геополитическими факторами? Вы уже ответили на этот вопрос?

Значною мірою. Пов'язане. Я людина, яка має вищу освіту, і так все життя здатний, хотів і дальше, не втратив ще цього Божого дару критично, аналітично, критично оцінювати ті чи інші свої висновки і переконання. Безперечно, що впливає, впливають всі ці фактори, які в питанні були названі, на мій спосіб, на мої оцінки, на моє мислення. Без сумніву. Бо я, так би мовити, є частка соціуму людського, і якось абсолютно ізолювати себе – то, напевно, важко навіть думаючій істоті,

В значительной мере. Связано. Я человек, имеющий высшее образование, и так всю жизнь способный, хотел и дальше, не утратил еще этого Божьего дара критически, аналитически, критически оценивать те или иные свои выводы и убеждения. Бесспорно, что влияет, влияют все эти факторы, которые в вопросе были названы, на мой способ, на мои оценки, на мое мышление. Без сомнения. Так как я, так сказать, есть частица социума человеческого, и как-то абсо-

бо то тяготить, правда? Тяготить. Воно мимоволі і тут себе проявляє – «я» і «вони». «Я», «ми», «вони». Без сумніву, все це впливає, але сумно було би і трагічно для окремої людини, коли воно є абсолютно визначальним. Коли людина є, як кажуть, жорстко запрограмована і нездатна до якоїсь критичної переоцінки тих чи інших своїх переконань. Це ніколи не пізно, і головне полягає в тому, щоби у людини була ця відвага внутрішня, що – спокійно, все-таки я помилявся. Я помилявся, може, в силу різних факторів або суб'єктивізму, щось наді мною тяжіло, правда, не давало мені можливості бути абсолютно об'єктивним, або я попросту не володів об'єктивною якоюсь інформацією.

лютно изолировать себя – это, наверное, тяжело даже думающему существу, так как это тяготит, правда? Тяготит. Оно невольно и здесь себя проявляет – «я» и «они». «Я», «мы», «они». Без сомнения, все это влияет, но грустно было бы и трагически для отдельного человека, когда оно является абсолютно определяющим. Когда человек, как говорят, жестко запрограммирован и неспособен к какой-то критической переоценке тех или иных своих убеждений. Это никогда не поздно, и главное заключается в том, чтобы у человека была эта отвага внутренняя, что – спокойно, все-таки я ошибался. Я ошибался, может, в силу разных факторов или субъективизма, что-то надо мною тяготело, правда, не давало мне возможности быть абсолютно объективным, или я попросту не владел объективной какой-то информацией.

КЕЙС 129.

ЛЬВОВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Ваша оцінка: до чого більше тяжіє Україна, до Росії або Євросоюзу? Із чим це пов'язано на рівні державної політики? Як ставляться до цього жителі України?

Я Вам скажу таку річ, таку справу щодо України. Взагалі, Україна більше тяжіє до Європи, бо вона є європейська держава, ми не є євроазіатська – вона європейська. Та Україна є фактично в центрі Європи. Бо Європа є до Уралу, а до Уралу дистанція є величезного розміру. Є десь на Закарпатті закопаний камінь у центрі Європи, як то кажуть (але я не знаю як). Ми туди, бо там, значить, є... Все-таки Україна розвивалася весь час, ще за часів шляхетської Польщі, вона розвивалася з підтримкою європейської культури. Ну, Києво-Могилянська академія, про яку там говорять, – то ж школа була вища відносно тих часів за європейськими зразками. Чи Львівський університет почався 1661 роком – це ж європейський зразок і по сьогоднішній день, 350 років скоро, то ж є найстаріший вуз держави – 28 тисяч студентів. Значить, то майбутнє все-таки тут. Але це не означає того, що ми маємо з Росією розривати. Ні! Бо як би там не було, то родинне – то береш валізку і їдеш туди до дядька, до вуйка, до сестри своєї, чи вони до вас приїжджають. То інше питання – родинні зв'язки. То ми маємо родинні зв'язки і з Америкою, бо тут в свій час десятки тисяч виїхали до Америки і зберігають свої традиції

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Я Вам скажу такую вещь, такое дело относительно Украины. Вообще, Украина больше тяготеет к Европе, так как она есть европейское государство, мы не есть евроазиатская – она европейская. Да Украина есть фактически в центре Европы. Так как Европа есть до Урала, а до Урала дистанция огромного размера. Есть где-то на Закарпатье закопанный камень в центре Европы, как это говорят (но я не знаю как). Мы туда, так как там, значит, есть... Все-таки Украина развивалась все время, еще во времена шляхетской Польши, она развивалась при поддержке европейской культуры. Ну, Киево-Могилянская академия, о которой там говорят, – это же школа была высшая по тем временам по европейским образцам. Или Львовский университет начался 1661 г. – это же европейский образец и по сегодняшний день, 350 лет скоро, это же наистарейший вуз государства – 28 тысяч студентов. Значит, то будущее все-таки здесь. Но это не означает того, что мы должны с Россией разрывать. Нет! Потому что как бы там ни было, это родственное – то берешь чемоданчик и едешь туда к дяде, к вуйку, к сестре своей, или они к вам приезжают. Это другой вопрос – родственные связи. Так мы имеем родственные связи и с Аме-

там. Не в цьому річ. Але все-таки то є сусід – то ми приречені з цим сусідом жити. То я ж не можу ставати ранком і дивитися на сусіда кривим оком, а він на мене. Ми маємо нормально жити, маємо нормально торгувати, нормально співіснувати, в тому чи другому чимось один одному допомогти, але по-людськи це треба робити. Ну, а коли імперське мислення – воно є, а Росія мусить позбутися його, то тоді біда з цим всім. А коли відбувається нормально – то нормально. Так має бути в житті. Ми не маємо сваритися ні з поляками, ні з... бо взагалі українці нічиєї землі не займають.

Ну коли й де українці завоювали? В Польщі? Ні. В Росії? Ні. А зате українців завойовували. Чому? Тому що самі українці – це також баламутні. У нас в Галичині так говорили: 2 українці, а 3 партії. Кожен з них має свою партію, але їм мало, бо вони українці, то об'єднуються – третю роблять. Ось у чому вся річ. То ми є такі, і ото, Ви бачите, що робиться і тепер. Але то перетреться все.

рикой, так как здесь в свое время десятки тысяч выехали в Америку и сохраняют свои традиции там. Не в этом дело. Но все-таки это сосед – поэтому мы обречены с этим соседом жить. Поэтому я же не могу вставать утром и смотреть на соседа косо, а он на меня. Мы должны нормально жить, должны нормально торговать, нормально сосуществовать, в том или другом чем-то друг другу помочь, но по-человечески это надо делать. Ну, а когда имперское мышление – оно есть, а Россия должна избавиться от него, то тогда беда с этим всем. А когда происходит нормально – это нормально. Так должно быть в жизни. Мы не должны ссориться ни с поляками, ни с... так как вообще украинцы ничьей земли не трогают.

Ну когда и где украинцы завоевали? В Польше? Нет. В России? Нет. А зато украинцев завоевывали. Почему? Так как сами украинцы – это тоже баламутные. У нас в Галиции так говорили: 2 украинца, а 3 партии. Каждый из них имеет свою партию, но им мало, так как они украинцы, поэтому объединяются – третью делают. Вот в чем все дело. Вот мы есть такие, и вот, Вы видите, что делается и теперь. Но это перетрется все.

КЕЙС 130.

ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Каким Вы видите будущее Украины?

Я считаю, что в целом те процессы, которые происходят, – имеется в виду Украина, государство – все равно позитивные. Если мы берем сферу идеологическую, **то вот этот выход на многообразие взглядов, на многообразие подходов, на интерес к западной культуре – это все глубоко позитивные вещи, поэтому, я думаю, что я с оптимизмом смотрю на будущее. Я считаю, что будет все равно позитив.**

А еще самый последний вопрос. К чему больше тяготеет Украина на ваш взгляд: к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики и как к этому относятся жители Украины?

Ну, по-разному, по-разному. **Есть часть населения, которая ориентирована четко на Запад, а есть часть, которая ориентирована на Россию. Это совершенно закономерно, Западная и Восточная Украина. Вот, а так будет, союз и сочетание интересов, от этого все**

будет решено: позитивно или негативно. Чем больше согласия, тем интересней, перспективней.

Извините, вот Вы в ответе сказали, что Западная Украина больше тяготеет, правильно я поняла, к Евросоюзу, а Восточная – к России, да?

Да, такое у меня впечатление.

А на уровне государственной политики?

Многое будет зависеть от президента. Поживем – увидим.

КЕЙС 131.

ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

Жители Украины тяготеют к тому, чтобы жить спокойней и, в общем-то, лучше. Поэтому для обывателя украинского, в принципе, вопрос: «Быть ли в Евросоюзе или в едином экономическом пространстве?» – это вопрос, который находится на втором месте после того: «Как будет жить лично моя семья?». Украина как государство всегда будет находиться, в общем-то, в состоянии выбора между Западом и Востоком до тех пор, пока Запад и Восток не интегрируются. Всегда Украина будет разменной страной в отношениях между Россией и Западной Европой.

На уровне государственной политики Вы ощущаете какие-то векторы изменения в сторону Евросоюза или России?

Я ощущаю колебания маятника, потому что экономически Украина сегодня очень тесно связана с Россией, и разрыв этих отношений страна уже пережила в 91-м, 98-м гг. С другой стороны, я вижу, что Россия активно проводит политику, в общем-то, самодостаточности, поэтому отношения между Россией и Украиной разрываются очень часто не по инициативе Украины. Если процесс будет продолжаться... Ну, в общем-то, Россия сама подталкивает Украину к интеграции с Западной Европой. Тем более, что состояние

экономики Российской Федерации находится в таком же сложном положении, как и Украины. **Для обновления технологий и т. д., естественно, Украина вынуждена обращаться прежде всего к Западной Европе, а не к России. Поэтому, в общем-то, по совокупности факторов сейчас, в ближайшее время колебания маятника будут продолжаться, но амплитуда все больше будет в сторону Запада. Это неизбежно.**

КЕЙС 132.

ХАРЬКОВ, ЭКСПЕРТ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Каким Вы видите будущее своего государства?

Будущее государства, вот, на сегодняшний день я его не вижу... Если оно у меня было – в общем, достаточно такое плавное развитие, постепенное, нереволюционное, а эволюционный путь к лучшему, да? – то на сегодняшний день будущее Украины для меня абсолютно мутное.

Если говорить о желаемом пути, то для меня желаемый путь – это все-таки интеграция и налаживание, восстановление нормальных контактов с Россией. Да, это естественно, и нормальные, рабочие контакты – не политические, в первую очередь – это контакты с Европой, да.

Для меня очень важная позиция, которую я считаю для Украины очень разумной, которая сейчас нарушается, – это внеблоковость Украины. Мы находимся на таком этапе, что для нас внеблоковость очень важна. Если, к сожалению, пойдет путь иной, с НАТО – это я не вижу хорошего будущего, к сожалению, ни для себя лично, ни для Украины в целом. Потому что мы пока на равных войти не можем. Мы можем войти только как страна третьего мира. Надо входить, будучи значимым, иначе... *(Пауза.)*

Ваша оценка: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу? С чем это связано на уровне государственной политики? Как относятся к этому жители Украины?

На уровне отношения жителей однозначно большая часть к России, да. Тем более социологические опросы, которые я видела последнее время, мне они показывают ту же картинку. Да, Евросоюз – очень привлекательная позиция, но за которой не стоит ничего, люди не знают, что значит вхождение в Евросоюз. Для ряда людей (я с этим сталкивалась) это совершенно какое-то идиллически розовое понятие, что вот откроют границу, и нас там ждут! В качестве посудомоек? Служительниц туалетов? Да, однозначно, мо-

жет быть, и ждут. Причем на абсолютно не защищенных каких-то позициях. Но жители Европы достаточно тяжело зарабатывали свой уровень благосостояния, и они не будут делиться с нищей и голодной массой, которая готова хлынуть из стран третьего мира. Это вещи понятные. То есть иллюзий в этом плане у меня нет.

А на уровне государственной политики?

На сегодняшний день к Евросоюзу тяготеют. Хотя это любовь не взаимная, да.

КЕЙС 133.

ВНЕШНИЙ ЭКСПЕРТ, ВЕНГРИЯ, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Какие Вы видите стратегические пути развития Украины? Какие предстоят изменения в ближайшее время, по Вашему мнению?

Я думаю, что есть долгосрочные вещи... Понимание того, что... что Европа – та, которая «помаранчеву» идею, значит, выражала – это фикция, этой Европы нету. Но с другой стороны, безусловно, Украина – европейская страна и т. д. Она – это... Значит, Россия – это тоже Европа. И Молдова – это Европа. И Киев – это Европа, так же, как и Лондон, Париж, Рим и т. д.

Я думаю, что, конечно, европейский выбор, но не односторонний западный политический выбор. Я думаю, это... этого все равно нету. Западу это все равно не надо. Все равно за это платить не может. И я просто не вижу смысла... Принимать бесплатно любовь – да, но вот, в смысле западных стран...

Вы имеете в виду Евросоюз?

Да, Евросоюза, НАТО я не вижу здесь, так сказать, реальную цену и реальную «притягивающую силу». Этого нет здесь. Но, конечно, быть **челноком между, скажем, большими европейскими центрами, в том числе западноевропейскими, скажем, и российскими – это, безусловно, да.**

То есть Вы фактически ответили на мой следующий вопрос: к чему больше тяготеет Украина, к России или Евросоюзу?

Я думаю, что, так сказать, и к тому, и к другому, **быть посредником**. Все-таки, значит, это Украина даже, кстати, Западная Украина – часть славянской цивилизации, если не православной, но все равно славянской, восточнославянской. От этого никуда не денешься. Я вижу какие-то попытки, значит, в журнале Западная Украина пытается перейти на латиницу и т. д. Во всяком случае, вижу, что хоть содержание журнала, журнал, значит, пишется на правильном украинском – кириллице, но дают там титульный лист или еще чего-то латиницей. Нет, это все – пожалуйста, не мне об этом судить, но, я думаю, что это несоответствие органическому росту страны. Так мне кажется.

КЕЙС 134.

ВНЕШНИЙ ЭКСПЕРТ, ПОЛЬША, СФЕРА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

...В прошлом году я был более оптимистически настроен. Хотя видно было, что после «помаранчевой революции» возросло число украинцев, которые против входа в Европейский Союз и в НАТО. И для нас это, между прочим, немного парадоксально и удивительно, но, возможно, она побудила тех людей, которые раньше об этом не думали.

Но все-таки я думал, что Европа будет более открыта для вас. Сейчас есть много симптомов, которые показывают, что Европа откатывается от этого проекта быстрого расширения Европейского союза в Украину. И не знаю почему, но в Европе все более и более плохое отношение к новым членам Евросоюза и вы не имеете многих союзников, к сожалению. Я думал раньше, что тоже Германия будет вас поддерживать, она очень важная в этом положении, но они сейчас очень скептически настроены. И с другой стороны, мне кажется, что Россия делает все, что возможно, чтобы противодействовать входу Украины в Европейский Союз. Польша поддерживает свою точку зрения, положительную для Украины. Но она все-таки не имеет поддержки со стороны Европейских стран. Поэтому я сейчас, к сожалению, немножко скептически, даже более чем немножко скептически... Мне кажется, что Украина, к сожалению, будет в каком-то положении «между». Не знаю, насколько она бы хотела вернуться в Россию, мне кажется, что ваши элиты не хотят этого делать. Но, с другой стороны, если будет долгий отказ Европейского Союза, или вообще отсутствие интереса, вы будете такой «серой зоной» между Россией... А, между прочим, там они создают сейчас, пытаются создать с китайцами, индусами, казахами и другими такой большой союз... Между тем новым возможным союзом и Европейским союзом. Не исключаю такого сценария. И это будет плохо. Кажется, для вас особенно.

Почему плохо?

> ...Ваша страна требует финансовой, материальной поддержки. Огромной, огромной. Потому что здесь есть потенциал, человеческий и материальный, но он требует огромных денег... Как и Польша, между прочим. А Польша была, десять лет, как мне казалось, в лучшем положении, чем Украина, а все-таки сейчас у нас растут проблемы, я всегда говорю об этом много. И мне кажется, что Украина может оказаться в похожем положении. Но я бы хотел быть оптимистом, но пока нет никаких к этому оснований.

В качестве ключевых моментов, обобщающих основные характеристики суждений экспертов, можно выделить следующие. Позиции экспертов отображают различные варианты видения тенденций развития украинского общества и полей геополитического и социокультурного тяготения Украины. В интервью экспертов подчеркивается также значимость информированности населения о преимуществах и недостатках вступления в ту или иную организацию, в том числе в НАТО (для сравнения – данные количественного исследования [7], о которых речь пойдет ниже).

Ряд экспертных оценок носят нейтральный характер, но в некоторых из текстов интервью с экспертами четко пропечатывается влияние различий в идентичностях представителей Харькова, Львова или АР Крым, влияющих на восприятие тенденций тяготения к России и Евросоюзу. В высказываниях экспертов, представляющих Крым, доминируют представления о тяготении к России, общности исторических корней и наличии родственных связей. В значительной мере это перекликается с высказываниями экспертов и представителей поколений Харькова. У экспертов, представляющих Киев, ряд суждений перекликается с высказываниями львовян как представителей Западной Украины (преимущественно о тяготении к Евросоюзу), а ряд высказываний с ответами харьковчан как представителей Восточной Украины (о тяготении к России), но доминирует в ответах киевлян все-таки «европейский вектор».

Кроме того, фиксируется амбивалентность Украины (кейс 112) и ее возможность быть посредником, «челноком» между «европейскими центрами, в том числе западно-европейскими, скажем, и российскими» (кейс 133), что «всегда Украина будет разменной страной в отношениях между Россией и Западной Европой» (кейс 131), отмечается неправомерность вопроса об альтернативах выбора (кейс 124, в тексте интервью речь идет также о многовекторной политике), «обе точки зрения не

надо, так сказать, изолировать, отрицать одно или другое, потому что с одной стороны сосед Украины – Россия, с другой стороны сосед – Европа» (кейс 123). Отмечается также, что Украина «на уровне ожидания населения тяготеет к России. На уровне государственных институтов, и того, что программируется, – к Евросоюзу».

В высказываниях экспертов отображены оценки влияния различных факторов на доминирование того или иного вектора. Так, например, важным моментом экспертных оценок является то, что подчеркивается значение информационного поля, «общей истории», экономических факторов. Подчеркивается и разнонаправленность, и неоднозначность, и «колебания маятника» в отношениях Украины и России, и то, что «в ближайшее время колебания маятника будут продолжаться, но амплитуда все больше будет в сторону Запада» (кейс 131). В некоторых из интервью (львовян и киевлян) тяготение к Евросоюзу предстает как путь «от России», причем подчеркивается, что Украина «европейская страна, а не евроазиатская», порой допускается «осторожное» сотрудничество с Россией («мы должны с ними сотрудничать, но не на позиции «старшего брата»), предполагающее при этом движение в Европу. Очень интересен также образ Тяни-Толкая (кейс 112), характеризующий амбивалентность Украины, который все же при этом движется в Европу.

Информированность о Евросоюзе рассматривается как один из факторов, определяющих поддержку населением Украины вступления в Евросоюз. Выделение этого фактора в качестве значимого определяет «необходимость разъяснительной работы о том, что такое Евросоюз» и «какие это открывает перспективы» и др.

Следует заметить, что результаты общеукраинского репрезентативного для взрослого населения выборочного опроса, которое «было проведено Киевским международным институтом социологии (КМИС) совместно с кафедрой социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия» в декабре 2005 г. методом личного интервью, в ходе которого было опрошено 2017 респондентов в возрасте от 18 лет, проживающих в 110 селах, поселках городского типа и городах всех областей АР Крым, а также в Киеве» [7], фиксируют следующие взаимосвязи между информированностью о Евросоюзе и предпочтением этого геополитического вектора представителями различных регионов Украины. «С положительной самооценкой осведомленности о Евросоюзе готовность наших граждан поддержать вступление Украины в эту организа-

цию заметно связана только в Центрально-Западной части Украины. Именно там среди тех, кто чувствует себя достаточно осведомленным о Евросоюзе, сторонников значительно больше, чем среди тех, кто чувствует себя осведомленным недостаточно либо не может определить свой уровень осведомленности» [7, с. 78]. «...Среди жителей Восточного региона, а также среди этнических русских и русскоязычных граждан нашей страны в целом положительная связь между самооценкой осведомленности о Евросоюзе и отношением к присоединению Украины к нему встречается примерно так же часто, как и отрицательная связь между этими характеристиками, и в случае статистических расчетов эти противоположности сводят друг друга на нет» [7, с. 79]. Это позволяет сделать предположение, что другие факторы, не связанные с осведомленностью, имеют для Восточной Украины большее значение. И среди этих факторов – и общая история (уже в прошлом), и родственные связи, общее информационное и социокультурное поле, «поле русского языка» (и в прошлом, и в настоящем) и др. Для ответа на вопрос о том, как связаны социокультурные идентичности с видением будущего Украины и как это проявляется в характеристиках языка конфликта, содержащихся в ответах о прошлом и будущем Украины представителей поколения 1 (поколения современных студентов Харькова и Львова), обратимся к построению карт метаязыка конфликта на основании массива углубленных проблемно-ориентированных интервью.

Карта метаязыка конфликтов студентов вузов Харькова и Львова и анализ данных общего массива поколенческих интервью

Целесообразно сопоставить видение экспертами будущего Украины (отображающее тенденции тяготения к России и Евросоюзу и множество разноплановых суждений по поводу будущего Украины) с построенными с применением лингвоконфликтологического метода картами метаязыка конфликта студентов вузов Львова и Харькова. Почему именно студентов? Это связано с тем, что именно это поколение будет определять будущее Украины. Конечно, представления сегодняшних студентов Харькова и Львова (об Украине, о себе, о себе в Украине, о Европе и Евросоюзе, о России) на протяжении жизни будут меняться (если не глобально, то в деталях), как будет меняться и общество, и представление об

обществе и об истории (новые факты, новые интерпретации, новые версии развития событий), но то представление о будущем Украины и его взаимосвязи с историческим прошлым, которое запечатлено сегодня в сознании студентов, в ближайшее время будет определять их дальнейшие устремления, определять возможность или готовность участвовать в тех или иных социальных изменениях, во многом будет определять дальнейшие изменения.

Как показал анализ массива интервью в целом, представление об истории и ощущение определенной связи с историей может служить и причиной возникновения конфликтов, и детерминантой выражения протеста в той или иной форме (как, например, в кейсе 53 львовянин (представитель поколения 2) объясняет свое участие в «оранжевой революции» как продолжение идеи борьбы за независимость ЗУНР, УНР, УПА и студентов 90-х). Схемы 4.1. и 4.2. представляют карты метаязыка конфликта (КМК) студентов вузов, соответственно, Львова и Харькова. В картах метаязыка конфликта представлены ключевые суждения, являющиеся типовыми для студентов г. Львова и г. Харькова, и определенным образом представляющие идентичности, маркирующие их лингвистически.

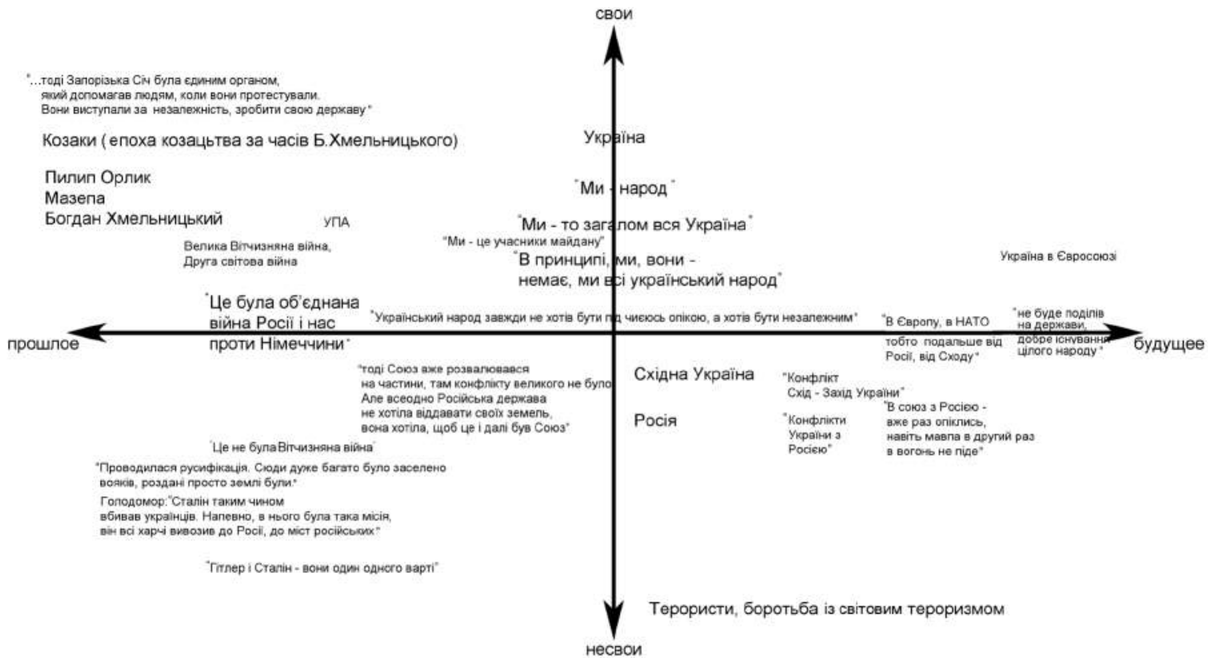

Схема 4.1. Карта метаязыка конфликта студентов вузов Львова

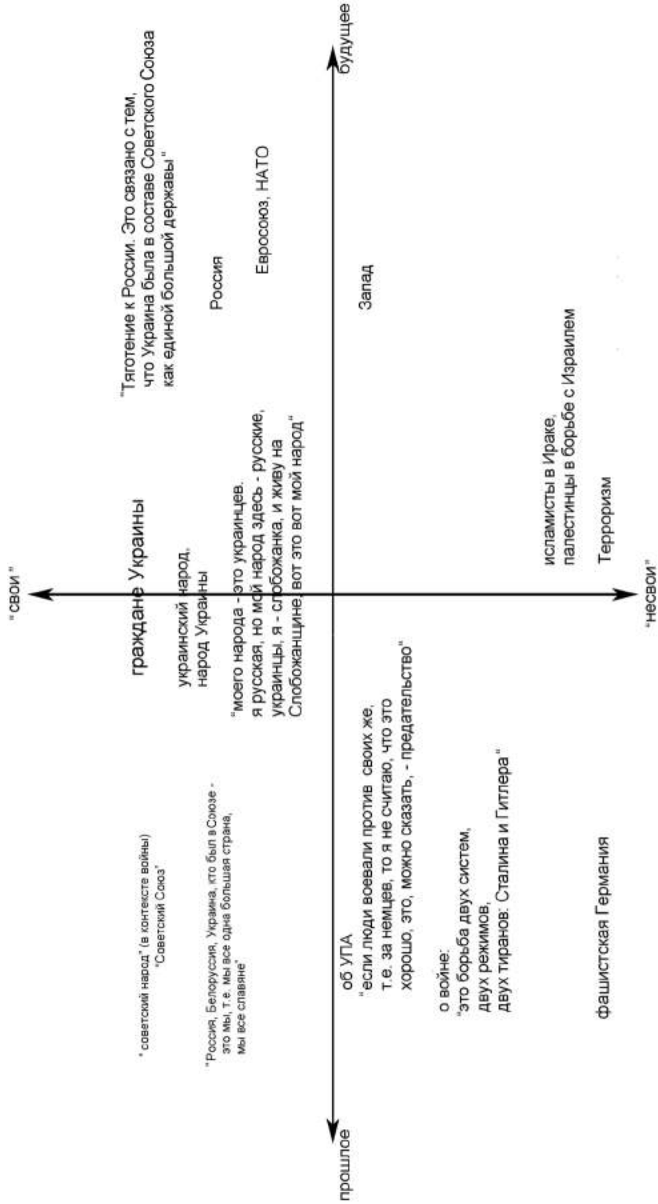

Схема 4.2. Карта метаязыка конфликта студентов вузов Харькова

В картах языка конфликта наглядно прослеживается взаимосвязь представлений о прошлом и будущем и их влияние на особенности формирования идентичностей и на репрезентацию идентичностей в текстах интервью.

Что общего в КМК студентов Львова и Харькова, а что принципиально отличается? Рассмотрим основные моменты.

Общее – это названные в качестве «несвоих» террористы и в качестве потенциально опасных конфликтов в будущем – борьба с исламистами в Ираке, террористами и т. д. Это тот «образ врага» в настоящем и будущем, который в данном случае имеет объединяющее и консолидирующее значение. Имеется и объединяющий «образ врага» в прошлом – фашисты, фашистская Германия. Но есть и различия в определении «несвоих» прошлого, которые во многом связаны с различиями в восприятии «несвоих» настоящего и будущего. Яркий пример – следующие суждения и лингвистические характеристики идентичностей. В интервью как львовян, так и харьковчан негативно оценивается голодомор, голод 1933 г. Но если в интервью харьковчан это однозначно связывается со сталинской системой, то в интервью львовян наряду с тем, что отмечается негативная роль Сталина («это Сталин таким образом убивал украинцев»), следом: в интервью такая фраза, «Наверное, у него была такая миссия. Он отвозил продукты в Россию, в русские города». В интервью львовян также фигурирует как негативный момент советского периода «проведение русификации». Что касается настоящего и будущего, то с этим связаны, например, следующие суждения львовян: «В Союз с Россией – уже один раз обожглись. Даже обезьяна второй раз в огонь не лезет», «В Европу, в НАТО, т. е.подальше от России, от Востока»). В интервью харьковчан эта ситуация выглядит иначе, и здесь дискурс о «единстве братских народов», который, как показывает анализ материалов интервью, является «неудобным» или даже «неприемлемым» для некоторых львовян, остается доминирующим как при описании прошлого, истории, так и при описании будущего. Яркий пример – нарративы о событиях Великой Отечественной и Второй мировой войны. Во многих интервью харьковчан поколения 1 «русские, белорусы, украинцы» рассматриваются как «единый советский народ, который выстоял в борьбе с фашистами», а некоторые оценки харьковчанами УПА во многом противостоят этому, типичное суждение об УПА, например, следующее: «...Если УПА воевала против своих же, т. е. за немцев, то я не считаю, что

это хорошо...». Однако «если» здесь выдает уже сомнение в своей оценке, возможно, под влиянием дискурса современных украинских учебников, возможно, под влиянием других факторов – необходимо проводить дальнейшее исследование в этом направлении. Война в интервью харьковчан рассматривается как Великая Отечественная и как Вторая мировая. В интервью львовян также война рассматривается как Вторая мировая и Великая Отечественная, и в некоторых интервью отмечается, что это была «объединенная война России и нас против Германии», но чаще львовянами поколения 1 используется номинация «Вторая мировая», а также встречается такая позиция, как «эта война не была Великой Отечественной». Деятельность УПА оценивается как борьба за независимость Украины. В большинстве интервью львовян рассмотрение событий войны показывает, что и УПА рассматривается как «свои», и все, кто воевал с фашистами «свои», но в некоторых интервью Советская армия характеризуется как «несвои». В целом, картина по событиям войны выглядит достаточно противоречиво, что говорит о широких возможностях мифологизации истории и лингвистического провоцирования конфликтов в этой плоскости. Построение украинских идентичностей на уровне легитимного дискурса не связано с событиями Великой Отечественной и Второй мировой войны (что характерно, например, для современной Беларуси), но все-таки отмечается как существенный фактор при анализе сюжетов устной истории, в особенности для представителей Восточной Украины. Поэтому в определенной мере интерпретация событий истории – и в данном случае Великой Отечественной и Второй мировой войны – влияет на восприятие как общего или разделенного прошлого с Россией, а также на восприятие вариантов выстраивания будущих отношений между государствами. В интервью харьковчан поколения 1 отмечается, что тяготение Украины к России связано с тем, что «Украина была в составе Советского Союза как единой большой державы». В интервью львовян часто фигурирует восприятие «советов» и «Красной армии» как «очередных оккупантов», хотя и отмечается совместная борьба «Украины и России с фашизмом в период войны с Германией».

Общее, но с определенными оттенками различий – это «свои» в настоящем, представляющие собой своего рода стержень карты метаязыка конфликта. «Свои» в настоящем для представителей поколения 1 (студентов) – это «Украина», «украинский народ», «народ Украины», «граждане Украины», и это характерно и для львовян, и для харьковчан, но у

харьковчан несколько в большей мере фигурирует «граждане Украины», а у львовян доминирует номинация «народ Украины». Кроме того, для харьковчан как представителей Восточной Украины характерным является такой элемент рефлексии по поводу идентичностей и многозначности в их интерпретациях: «Моего народа – это украинцев. Я – русская, но мой народ здесь – русские, украинцы. Я – слобожанка и живу на Слобожанщине. Вот это вот мой народ». Встречается в интервью также такой вариант разграничения «своих» и «несвоих»: «“Свои” – Россия, “несвои” – Запад» (в контексте интервью подразумеваются Соединенные Штаты Америки).

«Мы – они» в прямом вопросе и лингвоконфликтологических маркерах идентичностей: представители различных поколений Львова и Харькова

Методология качественного исследования позволяет проследить по всему массиву интервью, что выбор того или иного вектора при оценке будущего Украины во многом связан с тем, как человек воспринимает прошлое, историю своего государства, как он характеризует исторические события и участников этих событий, какие сюжеты устной истории он описывает. Поэтому геополитические предпочтения становятся более понятны при сопоставлении с лингвоконфликтологическими характеристиками нарративов о «трех значимых событиях истории» и сюжетов устной истории, (что было проиллюстрировано выше на примере восприятия событий Переяславской рады и революции 1917 г.). Львовяне рефлексируют по поводу того, как могла бы сложиться судьба Украины, если бы Хмельницкий не подписал в 1654 г. договор с Москвой, а харьковчане размышляют о том, какой отпечаток на их судьбы (через судьбы их дедов и прадедов, бабушек и прабабушек) наложила «Великая Октябрьская социалистическая революция» или «большевистский переворот». Это различие характерно в первую очередь для поколений 3 и 4. Для поколения 2 (львовян и харьковчан) и 1654, и 1917 гг. находятся в поле интереса. Для поколения 1 уже больший интерес к 1654 г., чем к 1917 г., характерен как для львовян, так и для харьковчан.

Анализируя массив интервью в целом, можно заметить, что если в характеристиках сюжетов устной истории сохраняются значительные различия для поколений 2, 3, 4 львовян и харьковчан, и в некоторой мере

различия для поколения 1, то в характеристиках событий истории, где не было доминирующим влияние сюжетов устной истории, можно заметить много общего в интервью львовян и харьковчан представителей поколения 1 (соответствие дискурсу современных учебников истории) и поколения 3 (достаточно ярко выраженное совпадение с дискурсом советских учебников). Кроме того, некоторые из представителей поколения 3 (как львовян, так и харьковчан) отмечают, например, как важны были экономические связи бывших советских республик, в том числе Украины и России.

Как уже отмечалось, в интервью харьковчан и львовян достаточно часто фигурировали такие события, как Крещение Киевской Руси, библейские события, распространение христианства, а также библейские события. Это созвучно следующим ответам на вопрос «кто для вас «мы» или «свои», а кто «они» или «несвои»: «мы – православные, они – мусульмане», а также «мы – славяне» и «мы – граждане Украины» достаточно часто встречаются в интервью харьковчан, и «мы – украинцы» «мы – граждане Украины» – наиболее типичные ответы в интервью львовян (здесь есть и вариант «мы – Запад Украины, они – Восток Украины). В табл. 4.8 приведены типовые ответы на вопрос «Кто для вас «мы» или «свои», а кто – «они» или «несвои»?» львовян и харьковчан.

Таблица 4.8.

Кто для Вас «мы» или «свои», а кто – «они» или «несвои»?

	Харьков	**Львов** ***(суждения респондентов приведены в переводе с украинского языка)***
1	«Мы» – украинцы; Восток Украины; «они» – население Западной Украины (поколение 1)	«Мы», «они» – нет, мы все – украинский народ (поколение 1)
2	«Мы» – это украинский народ, наверное. Народ Украины, граждане Украины. Неважно, где они живут сейчас – в Германии, в Польше, в Америке, в Канаде. Ну, граждане Украины... «Свои» – это Украина, наша страна... (поколение 1)	«Мы» – украинский народ, украинцы, западноукраинские области, «они» – россияне, белорусы (поколение 1)

3	Россия, Белоруссия, кто был в Союзе, – это «мы», т. е. мы все одна большая страна, мы все славяне, мы должны как бы «мы» (поколение 1)	«Мы – это люди, которые осознают свою принадлежность к украинской нации, которые имеют чувство патриотизма, которые не подвергают независимости нашего государства никаким испытаниям ни в плане политическом, ни в языковом... (поколение 1)
4	«Мы» – это Украина, наша государство (поколение 3)	«Мы» или «свои» – это те, кто являются носителями правды, а «несвои – это те, которые, соответственно, являются носителями лжи... (поколение 2)
5	Когда мы говорим о нашей истории, «мы» – это все, кто жил в Советском Союзе. Когда мы говорим о глобальном противостоянии христианского и арабского мира, то здесь мы себя можем идентифицировать как «свои» вместе с американцами, немцами, со всеми, кто страдает от исламского экстремизма (поколение 4)	«Мы» и «свои» – это все люди, которые называются украинцы, и все люди, которые здраво мыслят во имя одного государства, в котором мы живем, которые хотят, чтобы это государство развивалось, процветало, «несвои» – люди, которые говорят... там Украина – это неразделььная часть Российского государства или какая-то там область, часть России, или там те, кто говорят, что Украина – это государство, которое должно... там... полностью подчиняться, там, Соединенным Штатам» (поколение 2)
6	«Мы» – Украина, «они» – все остальные. Или «мы» – это постсоветское, то есть Россия, Белоруссия, все вот эти вот страны, а «они» – это все остальные, кто был за границей... вот... Потом еще можно даже, как «мы» – это Содружество стран, а «они» – это вот те, с кем мы не очень сейчас дружим, это вот Америка там... (поколение 2)	«Мы» – это все единые, кто живем в этом государстве (поколение 2)
7	Мы – это простой народ. Простой, работящий народ, «они» – все остальные, это уже класс богатых людей (поколение 2)	«Мы» – это украинские патриоты (поколение 2)
8	«Свои» – это трудовой народ; «несвои» – это те, которые присваивают все, что наработано, все, что приобретено другими людьми, массами людей (поколение 3)	Для меня «мы» – это весь народ Украины (поколение 3)
9	...«Мы» – славяне, «свои» – русские, «мы» – это единомышленники, семья, «свои» – это кто придерживается близкого к нам, к нашему мнению мнения, похожее мировоззрение, но в чем-то различаются наши интересы (поколение 2)	Для меня «мы» – это украинский народ, и это безусловно. И это и на Западе, и на Востоке, и в Центре, и всюду. А «несвои» – это те люди, которые мешают этому народу жить вместе. И поэтому для меня, однозначно, – те, которые делят Украину на одних и других, – это чужие люди (поколение 3)

10	«Они», глобально, – это американцы, а менее глобально, – это западные украинцы» (поколение 2)	Люди, которые любят Украину. Порядочных людей, чтобы заботились, трудились на благо Украины. Порядочные, хорошие люди, христиане. Есть часть людей – нечистоплотны в своих поступках. Они дорываются по труппам к власти. Пройдохи, которые думают только о себе, о своем кармане, о своих интересах. Те, что не умеют глобально мыслить относительно тех процессов, которые происходят у нас в государстве. Есть люди темные, очень мало интересуются политикой, которые считают, что за них нужно подумать. Они всех критикуют и ждут, что за них кто-то что-то сделает (поколение 3)
11	«Мы», «свои» – простой народ – «они», «несвои» – нувориши (поколение 4)	Это тот, кто проповедует общеевропейские христианские ценности *(о «своих»)*. «Они» – не значит все остальные, кроме Западной Украины. Нет! Я как вижу жителя Восточной Украины, для которого эти ценности являются его собственными ценностями, я просто ощущаю себя на седьмом небе от радости (поколение 4)
12	Очень многие жители Украины относятся к России как к дружественной, родственной стране. Ведь когда-то все-таки мы принадлежали к России (поколение 4)	«Мы» – патриоты Украины (поколение 4)

Как в рассказах о событиях, так и в восприятии «своих « и «несвоих» в интервью харьковчан прослеживается в большей мере «классовый» подход (свои – «простой народ», «трудовой народ», «несвои» – «нувориши» и другие подобные суждения), чем «национальный», а также доминируют суждения, связанные с обобщенным представлением: «свои» – «те, кому могу доверять», «люди моего близкого окружения», «порядочные люди», «мои друзья».

У львовян наиболее ярко выражена акцентуация идентичностей «гражданин Украины» и «народ Украины» («Мы – это все единые, кто живем в этом государстве» (поколение 2); «Мы – это украинские патриоты» (поколение 2); «Для мене «ми» – то весь народ України» (поколение 3); «Для мене «ми» – це є український народ, і це безперечно. І це є й на заході, і на сході, й у центрі, і всюди. А «несвої» – це є люди, які заважають цьому народу жити разом. І тому для мене однозначно ті, що ділять Україну на одних і других, – це є чужі люди» (поколение 3). Достаточно часто также отмечается, что «мы – патриоты Украины», «мы – те, кто любит Украину».

В интервью харьковчан поколения 1 более ярко, чем у представителей поколений 2, 3, 4 харьковчан, становится выраженной акцентуация внимания на восприятии себя как «гражданина Украины», что перекликается с данными количественных социологических исследований, в частности, результатами социологического мониторинга [6], показывающего рост значения именно этого компонента в определении идентичностей (табл. 4.9).

Таблица 4.9.

Кем Вы себя, прежде всего, считаете?
(Украина, *n* = 1 800, %) [6, с. 70]

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Жителем села, района, города, где живет	31,3	30,2	31,6	32,3	30,5	24,6
Жителем региона (области), где живет	6,9	8,6	5,9	4,8	6,7	6,4
Гражданином Украины	41,0	34,6	41,0	41,1	44,2	54,6
Представителем этноса, нации	–	–	3,0	2,5	3,1	2,1
Гражданином бывшего СССР	12,2	17,0	12,7	13,1	10,7	8,1
Гражданином Европы	2,8	2,8	0,7	0,5	0,7	0,8
Гражданином мира	5,6	0,7	0,7	3,6	2,4	2,5
Другое	–	–	1,6	2,0	1,4	1,0
Нет ответа	0,2	0,3	0,8	0,2	0,2	0,1

Однако в общность или в «непротиворечивые различия» суждений, связанных с идентичностями и созвучных данным количественных исследований, свидетельствующих о росте уровня гражданской самоидентификации, вплетаются суждения, которые противоречат друг другу и трудно совместимы друг с другом. Например, «Очень многие жители Украины относятся к России как к дружественной, родственной стране. Ведь когда-то все-таки мы принадлежали к России» (поколение 4, Харьков), «Россия, Белоруссия, кто был в Союзе, – это «мы», т. е. мы все одна большая страна, мы все – славяне» (поколение 1), с одной стороны, и «“Мы” – украинский народ, украинцы, западно-украинские области, «они» – россияне, белорусы» (поколение 1, Львов) – с другой; но все эти варианты на уровне повседневности растворяются в идентичностях

«гражданин Украины», не дискриминируют друг друга, пока не начинают использоваться для конструирования конфликтов в политических манипуляциях. Эта непротиворечивость следует из того, что большинство характеристик языка конфликта, которые несовместимо противоречат друг другу, оказываются словно «встроенными» в текст нарратива, перекликаясь с теми или иными фрагментами текстов, являющихся носителями легитимного дискурса (средства массовой информации и др.), те же характеристики языка конфликта, которые связаны с их «природным происхождением» (сюжеты устной истории, личные воспоминания), имеют гораздо больше общего и (хотя и не всегда!) гораздо более миролюбивы по своей сути.

Выводы

Таким образом, данные проведенного исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций – к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья» показывают взаимосвязь между представлением о прошлом и формированием образа будущего. Это иллюстрируют и карты языка конфликта студентов вузов Харькова и Львова, и коллекция кейсов «о трех значимых событиях». Различная система координат, в которой воспринимают историю львовяне и харьковчане, во многом определяет тенденции тяготения к России для харьковчан как представителей Восточной Украины и для львовян как представителей Западной Украины. Одновременно данные социологических исследований фиксируют, что все меньшее количество жителей Украины ощущают себя жителями своего региона, бывшего СССР или гражданином Европы, а все больше жителей ощущают себя гражданами Украины (см. табл. 4.9, представленную выше при характеристике количественных данных, отображающих результаты социологических исследований, обобщенные в работе «Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг» [6]).

Поэтому это многообразие не вредит целостности социальной системы. Поэтому в этих различиях восприятия прошлого и будущего и кроется потенциал формирования украинской нации как мультикультурной, с неоднородными идентичностями, с различными векторами социокультурного и геополитического тяготения. И в этом разнообразии – дополнительный созидательный потенциал развития государ-

ственности, если эти различия не будут искусственно нивелироваться, выравниваться, а будут друг друга взаимодополнять. Если «разновекторная направленность формирования и взаимодействия идентичностей» будет сочетаться с «неравновесной фрагментарностью», когда ни один из фрагментов не подавляет другой (Пал Тамаш), в созвучии, например, идеям А. Лейпхарта о «демократии в многосоставных обществах» [9], то это будет способствовать развитию гражданского общества и «подлинной демократии». Для этого ни один из вариантов «двух идентичностей» в одной Украине (все же не «две Украины», как у М. Рябчука) не должен доминировать и рассматриваться как более правильный. Несет ли в себе такое формирование идентичностей конфликтный потенциал? Если и несет, то это та позитивная конфликтность, которая позволяет избежать «застоя», стагнации, но которая не вредит целостности социальной системы, а наоборот, поддерживает ее жизнеспособность и стимулирует развитие. Любое подавление одного из вариантов формирующихся и трансформирующихся идентичностей – повод для перехода конфликтности из плоскости конструктивной – в плоскость деструктивную.

Литература к разделу 4

1. *Щюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом; пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
2. *Мещеркина Е. Ю*. Введение // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина, М.: Невский простор. 2004. 270 с.
3. *Попова И. М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. Киев.: Институт социологии НАНУ, 2000. 219 с.
4. *Козлова Н. Н.* Методология анализа человеческих документов // Социол. исслед. 2004. № 1. С. 14–26.
5. «Украина-2005: политические ориентации населения в канун выборов» Подготовлены центром научно-технической информации Украины под рук. О. Д. Куценко, Киев, 2005 (не опубликовано)
6. *Панина Н.* Українське суспільство 1994-2005: соціологічний моніторинг. Інститут соціології НАН України. Київ: Софія, 2005. 160 с.
7. *Хмелько В.* Отношение граждан Украины к ее вступлению в Евросоюз и НАТО и их оценки своей осведомленности об этих организациях // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 1. С. 71–87.
8. Україна: на шляху до Европейського Союзу. Варшава, GS Sp. z o.o., 2006. 189 с.
9. *Гнатюк О.* Прощання с імперією. Українські дискусії про ідентичність. – Київ: Критика, 2005. 518 с.

10. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М.: Аспект-пресс, 1997. 287 с.
11. *Черниш Н. Й., Маланчук О.* Поколінські моделі особистісних ідентичностей: регіональні виміри // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. др. Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, 2003. С. 254–260.

Перспективы лингвоконфликтологического исследования (вместо заключения)

Лингвоконфликтологический подход к исследованию проблемы идентичности позволяет рассматривать в качестве ключевой категории язык конфликта, который выступает в двух аспектах: как средство коммуникации и как средство интерпретации. В ходе обоснования лингвоконфликтологической концепции, а также при проведении авторского исследования было доказано, что язык конфликта может использоваться как исследовательский код, позволяющий выйти на измерение идентичностей и механизмов формирования их конфликтного потенциала.

Применение лингвоконфликтологического метода в рамках исследования «Конструирование истории: от конфликта интерпретаций к формированию новых идентичностей в условиях Пограничья» позволило сформировать на основе углубленных проблемно-ориентированных интервью коллекцию кейсов, в которых через лингвистические характеристики языка конфликта (а порой и языка согласия) фиксируются идентичности. Посредством выявленных характеристик языка конфликта и создается объемная, многомерная картина формирующихся идентичностей в Украине. При этом выявляются различные проблемные линии взаимосвязи конфликта интерпретаций, реальных и потенциальных социальных конфликтов в современном обществе.

Анализ текстов интервью показал явные различия в восприятии прошлого и будущего государства, характерные для жителей Харькова и Львова как представителей Востока и Запада Украины, что манифестирует различия их социокультурных идентичностей. Наряду с этим в массиве текстов интервью выделены поля наименьших различий. Наименьшие различия – у поколения, которое условно названо «поколение 3» (обучение его представителей в школе и вузе проходило в рамках доминирования советского дискурса), и у поколения современных студентов, в социализации которых новый дискурс «незалежної України» был доминирующим на уровне социальных институтов общества. В этом поле многообразия идентичностей вполне могут и не возникать разрушительные конфликты, если доминирующим в легитимном (в том числе ретранслируемом посредством института образования) дискурсе ориентиром для формирования идентичности будет не украинец как этнос, а номинация «гражданин Украины».

Существуют поколенческие и региональные различия в восприятии событий истории, в их названиях и выделении определенных событий в качестве значимых. Объединяет львовян и харьковчан различных поколений отношение как к значимому событию к Великой Отечественной и Второй мировой войне, а также выделение в качестве значимых событий 1991 года. Здесь проявляются и различия, наиболее ярко – в названиях ряда событий 1991 г., которые доминируют в интервью львовян и харьковчан, в определенной мере отображая характеристики их социокультурных идентичностей: «провозглашение независимости Украины» и «развал Советского Союза» доминируют в интервью, соответственно, львовян и харьковчан. Исключение – поколение 1 (студенты), где и у львовян, и у харьковчан доминирует «провозглашение независимости в Украине». Это отображает тенденции определенного единства формирования и трансформации идентичностей поколения современных студентов в Украине, однако в плане геополитических ориентаций здесь ситуация не выглядит столь однозначно, и в характеристиках языка конфликта фиксируется тяготение преимущественно к России, но в определенной мере и к Евросоюзу представителей Восточной Украины и однозначно к Евросоюзу – Западной Украины.

Тексты интервью позволяют выстроить цепочку взаимосвязей между геополитическими предпочтениями (Россия – Евросоюз – другой вариант), доминирующими сюжетами устной истории, характеристиками нарративов о событиях, связанных с конфликтом интерпретаций (Переяславская рада, революция 1917 г. и Великая Отечественная или Вторая мировая война), выбором трех событий в качестве значимых и характеристик нарративов об этих событиях, а также ответов на вопрос «Кто для Вас «мы» или «свои», а кто – «они» или «несвои»?» . При этом ключевыми моментами взаимосвязи является не только и не столько тематика сюжетов, но прежде всего характеристики языка конфликта, представленные в нарративе, посредством которых маркируются «свои» или «несвои». Сюжет может быть один и тот же (например, рассказ о войне или голодомор), но в нарративе будет проявляться позитивный или негативный образ «советскости», может прослеживаться различное отношение к россиянам или белорусам, восприятие себя как славянина или как украинца, Переяславской рады как «союза братских народов» или начало «поневолювання» Россией и т. д. Необходимо дальнейшее углубленное лингвоконфликтологическое исследование особенностей пересечения

различных информационных потоков в процессе формирования образов прошлого и образа будущего, механизмов «выхватывания» в качестве значимых тех или иных сегментов информации, превращения их в «значимые воспоминания» и «значимые события истории», влияние этих потоков на процесс формирования социокультурных идентичностей. Анализ содержащихся в текстах интервью характеристик языка конфликта позволяет выдвинуть гипотезу о том, что многие из характеристик, определяющих различия идентичностей, являются результатом лингвистического конструирования конфликтов, в том числе посредством мифологизации и конструирования истории на уровне легитимного дискурса. Но что влияет на то, что представители различных поколений и различных регионов готовы воспринять тот или иной вариант лингвистического конструирования конфликтов? Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Анализ интервью показал, что при описании исторических событий и упоминании источников информации об исторических событиях львовяне, в особенности представители поколений 2 и 3, показывают достаточно высокий уровень знания работ украинских историков Крипьякевича, Грушевского, Субтельного, Лотоцкого, Аркаса и др. Так, например, представитель поколения 3 Львова (напомню, советского поколения, получивший образование в рамках доминирования советского дискурса как легитимного) говорит о том, что «родители читали Аркаса и такую запрещенную литературу еще при Советском Союзе... обсуждали историю Украины... историю украинского народа в таком ракурсе истории... В период возрождения – это уже появилась новая информация о УПА, Освободительный рух украинцев на западных землях, то есть новая информация» (поколение 3, Львов, эксперт). В интервью львовян гораздо меньше ощущается сомнений в нарративах об исторических событиях. Характеристики языка конфликта, которые содержатся в работах этих авторов, способствовали в дальнейшем легитимизации и «опривычиванию» социальных изменений, произошедших в 1991 г., и многие из этих характеристик (в трансформировавшемся или неизменном виде) можно встретить в интервью львовян.

Следует заметить, что в отличие от львовян, в рамках проведенных интервью харьковчане практически не называют работ украинских историков начала и середины XX в., не упоминают альтернативную литературу, связанную с изучением истории. Интересно, что в каче-

стве альтернативной литературы 1980-х гг. называются не учебники по истории, а «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, упоминаются дискуссии в 1960-е гг. о «Докторе Живаго» Б. Пастернака, а интерес к дополнительной исторической литературе поколения 3 связан прежде всего с изучением истории Древнего Рима и Древней Греции. Но одновременно с тем, что в интервью харьковчан отмечается господство одного дискурса, отсутствие альтернатив и «молчание» и «страх» (о том, что родители ничего не рассказывали, говорят и львовяне), каким-то образом все-таки вплеталась иная информация, противоположная легитимному дискурсу или созвучная этому дискурсу. «...Непонятно, как заполнялась нами ниша, позволяющая существовать в каких-то нравственно приемлемых координатах... Но с другой стороны – тревога, недоумение, непонимание, которое проходит через всю нашу жизнь. И это не просто часть тебя, твоей жизни, а через страну – через тебя, через страну – через тебя...» (поколение 4, Харьков, эксперт). Этот фрагмент интервью отображает сомнения и рефлексию, которые проходят от поколения 4 через поколения 3, 2 и отчасти (но уже лишь отчасти) через поколение 1 современных харьковчан. Следует также отметить, что интервью харьковчан (как и экспертов, представляющих АР Крым) отображают значительное влияние русской классической литературы и отчасти советской литературы на восприятие и интерпретацию исторических событий, и характеристики языка конфликта, содержащиеся в интервью харьковчан, перекликаются с характеристиками языка конфликта в этих источниках информации. Песни, художественные фильмы – все это тоже влияет на формирование через язык конфликта как средство коммуникации и как средство интерпретации специфических характеристик идентичностей.

В интервью львовян стержнем большинства нарративов являются суждения о том, что все годы, предшествующие независимости Украины, – это мечта о независимости, борьба за независимость, чтобы не быть никем «оккупированным» и «завоеванным», и эта мечта сбылась в 1991 г. Это соответствует дискурсу современных украинских учебников, принимаемому львовянами как *своя* история. И это характерно для всех поколений львовян.

В интервью харьковчан поколений 2, 3, 4 ощущается позитивный образ советского прошлого, приятие этого прошлого как *своей* истории, неповторимой, как жизнь, со своими достижениями и поражениями (у поколения 3 и 4 фиксируется явное совпадение с дискурсом советских

учебников, хотя и наполненное сомнениями и рефлексией). Несколько иная картина у поколения 1 харьковчан: видение истории преимущественно совпадает с дискурсом современных учебников истории Украины, но есть и некоторые отличия. С одной стороны, целый ряд моментов истории советского периода описывается в «черных тонах» (голодомор, кровавые потери войны), причем преимущественно не на основе сюжетов устной истории, а на основе учебников, современных фильмов и книг, а с другой стороны – позитивный образ Победы, полет Юрия Гагарина в космос, развитие промышленности и научно-технические достижения (фигурирующие в интервью как элементы рассказов родных и близких) определяют присутствие элементов позитивного восприятия советского периода представителями поколения 1 харьковчан (что практически не характерно для поколения 1 львовян). Дальнейшее исследование этой проблемы целесообразно проводить с использованием тактики «история семьи».

Исследование различных информационных потоков, форм репрезентации исторического прошлого, включенных в процесс формирования идентичностей, позволит исследовать в перспективе, каким образом лингвистические (и не только) механизмы конструирования конфликтов включены в процесс формирования идентичностей, а также ответить на вопрос, почему одни и те же моменты лингвистического конструирования конфликтов по-разному воспринимаются в Восточной и Западной Украине. Какие «практики сопротивления» тоталитарному режиму использовали учителя представителей поколений 1 – 4 Харькова и Львова? Какие моменты повлияли на процесс формирования мировоззрения? Какие потоки информации оказывали доминирующее влияние во Львове и Харькове в различные эпохи? Как это отображено в переименованиях? Как это связано с предпочтениями в литературе? В восприятии кинофильмов? Как это связано с местом рождения родителей бабушек и дедушек? С путешествиями в течение жизни? Как вплетены музеи как формы репрезентации истории и государственного строя (не только исторические и краеведческие, но и художественные)? Это лишь некоторые перспективы дальнейшего лингвоконфликтологического анализа, которые были высвечены в процессе проведения исследования взаимосвязи конструирования истории и характеристик языка конфликта в трансформирующемся обществе.

Различные представления об историческом прошлом, оценки этого исторического прошлого являются существенными факторами, влияющими на особенности формирования новых идентичностей, а также во многом определяют векторы потенциальных конфликтов и готовность к компромиссу по тем или иным вопросам. Так, например, внесение предложения о примирении воинов УПА и воинов Советской армии является вариантом лингвистического конструирования конфликта. Внесение предложения о примирении ветеранов Советской армии и воинов УПА раньше, чем общественное сознание будет к этому в полной мере готово, обсуждение этого в СМИ (в особенности во время празднования Победы 9 мая) не примиряет стороны, а обостряет конфликт, точнее, провоцирует его. В этом вопросе движение к примирению должно идти от повседневных практик – к институциональным изменениям.

Проведение лингвоконфликтологического исследования не только позволило провести апробацию лингвоконфликтологического метода, но и выявить ряд проблем и сформулировать ряд гипотез, которые нуждаются в дальнейшей проверке с применением лингвоконфликтологического исследования.

Кроме того, в результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Устная история и история семьи доминируют и по уровню доверия, и по степени воздействия на процесс формирования идентичностей. Но с течением времени устная история адаптируется к легитимному дискурсу. Кроме того, срабатывают механизмы психологии влияния, и процесс освоения легитимного дискурса также оказывается встроенным в процесс формирования идентичностей.

2. Анализируя особенности представлений об исторических событиях, выявляя характеристики языка конфликта в нарративах об этих событиях, можно проследить, как образ прошлого определяет образ будущего, и выявить посредством этого тенденции дальнейшего развития (в том числе тенденции тяготения к России или Евросоюзу).

3. Повседневные практики являются существенным фактором формирования идентичностей, в том числе практики переименования, «мифы» истории, отображенные в повседневных разговорах и прочие механизмы, которые могут рассматриваться как варианты лингвистического конструирования конфликтов. В каких случаях срабатывают механизмы психологии влияния, а в каких вступают в силу практики

сопротивления, чтобы при первой же возможности убрать «неудобный дискурс»? Обращение к понятию «язык конфликта» позволяет выявить не только лингвистические механизмы формирования новых идентичностей, но и определить, как через язык конфликта определенные социальные изменения легитимируются сначала на уровне повседневности, а затем – в социальных институтах. Эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании.

Представления о прошлом во многом определяют поведение в настоящем и образ будущего, в том числе геополитические ориентации. В текстах интервью прослеживается внутренняя структурная взаимосвязь между описанием прошлого (через описание событий истории и через доминирующие сюжеты устной истории) и описанием будущего (образ будущего государства и наиболее опасные и полезные в будущем конфликты). Эта взаимосвязь прослеживается благодаря общности характеристик языка конфликта в нарративах о будущем и прошлом в рамках каждого из интервью. Это составляет стержень ценностных интерпретаций, который через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций позволяет в суждениях, сопряженных с конфликтом интерпретаций, выявить характеристики языка конфликта. Благодаря этому характеристики языка конфликта могут рассматриваться как индикаторы векторов социальных изменений.

Важно было сделать и представить этот моментальный снимок различных поколений, потому что пройдет не так много лет, и многие из событий на очередном витке реконструкции истории будут забыты, уже сегодня трудно представить, что так могло быть, когда слушаешь интервью с представителями старшего поколения. Поэтому так важны эти «живые голоса», эти «разные миры», не только в поколенческом плане, но и в плане единства и различий в представлениях ключевых событий истории ушедшего XX в. в Западной и Восточной Украине. И одновременно есть нити ценностного единства, связывающие социум в единое целое, общечеловеческие ценности, запечатленные и в фольклоре, и в религиозных заповедях, и в повседневности, в которой просматривается как значимый императив «поступай по отношению к другим так, как тебе хотелось бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе». И это поддерживает целостность социальных систем, и если бы это не растворилось на уровне повседневных практик, не реализовывалось в

обществе как системе многоуровневых структурных коммуникаций, то не помогли бы никакие гоббсовские «общественные договоры».

Таким образом, проведение лингвоконфликтологического исследования позволило обосновать и проиллюстрировать в коллекции кейсов, представляющей характеристики языка конфликта как средства интерпретации, что язык конфликта выступает в качестве:

- важнейшего коммуникативного и интерпретативного механизма типизации (были рассмотрены, прежде всего, интерпретативные механизмы);
- механизма легитимизации и «опривычивания», оказывающего существенное влияние на восприятие социальных изменений, создающего предпосылки моделирования определенных социальных изменений и лингвистического конструирования конфликтов, приводящего к институциональным изменениям;
- важнейшего фактора акцентуации внимания на определенном способе презентации (события, этноса, истории и др.).

При реализации лингвоконфликтологического подхода к исследованию язык конфликта выступает как исследовательский код, позволяющий выявить особенности трансформирующихся идентичностей на основании анализа текстов, а также понять, каким образом идентичности проступают в тексте, порой в большей мере в выбираемых лингвистических формах, чем в том содержании, которое пытается продемонстрировать рассказчик. Представленная в этой книге коллекция кейсов, включая читателя в процесс диалогичной интерпретации, создает многомерную картину формирующихся идентичностей. При этом в соотношении «быть» и «казаться» мнимые идентичности («казаться») оказываются уловимы в том, что говорят, а реальные идентичности («быть») – в том, как говорят. В перспективе – углубленная лингвоконфликтологическая интерпретация с выявлением структурно-морфологических характеристик, грамматических и интенционных характеристик различных сюжетов и содержащихся в них нарративов, с анализом особенностей грамматических характеристик, позволяющая разграничить «быть» и «казаться» в формирующихся идентичностях, с выявлением механизмов лингвистического конструирования конфликтов, воспринятых и «опривыченных» или отвергнутых и вызвавших сопротивление, в том числе лингвистическое.

ПОПОВА И.М. РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНУЮ МОНОГРАФИЮ

Работа О. А. Даниленко очень интересная и нужная. Ценность ее прежде всего состоит в самой *постановке проблем и задач, в том общем замысле*, который определяет изложение и дает возможность погрузиться в контекст актуальных и волнующих наших соотечественников размышлений. Автор ставит задачу показать, как конструируется история, с одной стороны, социальными институтами, являющимися ретрансляторами легитимного дискурса, с другой – как накладывается устная история, ретранслируемая посредством семьи и других источников, на данные конструкции, а главное, *каким образом все это конструирует новые идентичности*. Основная же цель работы, как я поняла, состоит в *апробировании лингвоконфликтологического метода исследования*, демонстрации целесообразности его использования и эффективности для решения актуальных социологических и социально-управленческих проблем. В монографии показано, что обращение к языку конфликта дает возможность не только выявить лингвистические механизмы формирования новых идентичностей, но и показать, как через язык конфликта социальные изменения легитимируются сначала на уровне повседневности, а потом – в социальных институтах.

В основе формулирования выводов лежит вполне корректный принцип зависимости настоящего и будущего от представлений о прошедшем. «Различные представления об историческом прошлом,- пишет

автор,- оценки этого исторического прошлого являются существенными факторами, влияющими на особенности формирования новых идентичностей, а также во многом определяют векторы потенциальных конфликтов и готовность к компромиссу по тем или иным вопросам». Это заключение автор проецирует на некоторые современные предложения и управленческие решения, которые, как справедливо отмечает она, не ведут к примирению, а, напротив, провоцируют конфликт.

В основе формулирования выводов лежит вполне корректный принцип зависимости настоящего и будущего от представлений о прошедшем. «Различные представления об историческом прошлом, - пишет автор, - оценки этого исторического прошлого являются существенными факторами, влияющими на особенности формирования новых идентичностей, а также во многом определяют векторы потенциальных конфликтов и готовность к компромиссу по тем или иным вопросам». Это заключение автор проецирует на некоторые современные предложения и управленческие решения, которые, как справедливо отмечает она, не ведут к примирению, а, напротив, провоцируют конфликт.

К числу достоинств монографии следует отнести не только то, что в ней обращается внимание на ценность лингвоконфликтологического метода и показана возможность его апробации, но и то, что в работе сформулирован ряд проблем и гипотез, которые нуждаются в дальнейшей проверке. Заслуживает внимание и определение самим автором направления дальнейшей работы. Как пишет автор в самом конце своего заключение, «... в соотношении «быть» и «казаться» мнимые идентичности («казаться») оказываются уловимы в том, *что* говорят, а реальные идентичности («быть») – в том *как* говорят» (курсив мой – И.П.). Собственно говоря, это *как* и есть та особенность лингвоконфликтологического метода, учет которой как раз и даст возможность использовать его богатые исследовательские ресурсы. А именно задействование всех ресурсов этого метода – необходимая предпосылка ответа на множество вопросов, которые поставлены в работе.

Следует приветствовать также вполне оптимистическое утверждение О. А. Даниленко о том, что «есть нити ценностного единства, связывающие социум в единое целое, общечеловеческие ценности». Очевидно этот принцип и был положен в основу гипотезы о том, что

«реально раскола в Украине нет». Однако следовало бы подчеркнуть, что предпосылки такого раскола имеются, как имеются и реальные возможности его преодолеть и, соответственно, нужны *значительные конструктивные усилия* для того, чтобы эти потенциальные ресурсы использовать. Сейчас необходимы веские аргументы в пользу *разумной политики* – это очень ответственный участок исследовательской работы. И работа О. А. Даниленко может стать одним из таких аргументов.

Публикация монографии О. А. Даниленко полезна не только для социологов и представителей смежных с социологией дисциплин. Знакомство с ней даст возможность широкой общественности глубже проникнуть в суть проблем, которые так или иначе переживаются нашими соотечественниками.

И.М. Попова., доктор философских наук, профессор кафедры социологии института социальных наук Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Научное издание

Даниленко Оксана Акимовна

Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей

Редактор *Н.М. Сикульская*
Корректор *У.Ю. Верина*
Компьютерная верстка *О.Э. Малевича*

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail:a1605@mail.ru

Подписано в печать 04.06.2007 г.
Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «GaramondNarrow».
Усл. печ. л. 25. Тираж 300 экз. Заказ № 114.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius